

ТЕРЗАМУЕ НАПОТЪ

Давид Т. Лоуренс

Дэвид Лоуренс — автор нашумевшего в свое время скандального романа «Любовник леди Чаттерли» в этой книге представлен своим первым произведением — романом «Белый павлин» — и блистательными новеллами. Роман написан в юношеские годы, но несет на себе печать настоящего мастерства и подлинного таланта. Лоуренс погружает читателя в краски и запахи зеленой благодати, передавая тончайшие оттенки, нюансы природных изменений, людских чувствований, открывая по сути большой мир, яркий и просторный, в котором довелось жить.

- [Дэвид Герберт Лоуренс](#)
 -
 - [ПРЕДИСЛОВИЕ К АНГЛИЙСКОМУ ИЗДАНИЮ](#)
- [БЕЛЫЙ ПАВЛИН](#)
 -
 - [Часть первая](#)
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [Глава VII](#)
 - [Глава VIII](#)
 - [Глава IX](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [Глава VII](#)
 - [Глава VIII](#)
 - [Часть третья](#)
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [Глава VII](#)
 - [Глава VIII](#)
- [ТЕРЗАНИЕ ПЛОТИ](#)

-
- [КУСОЧЕК ЦВЕТНОГО СТЕКЛА](#)
- [ТЕРЗАНИЕ ПЛОТИ](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [IV](#)
 - [V](#)
 - [VI](#)
- [ТЕНИ ВЕСНЫ](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
- [ОБ АВТОРЕ](#)

○

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)

- [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
-

Дэвид Герберт Лоуренс
Терзание плоти

ПРЕДИСЛОВИЕ К АНГЛИЙСКОМУ ИЗДАНИЮ

Дэвид Герберт Лоуренс родился в 1885 году в Иствуде, Ноттингемшир, Великобритания, в семье шахтера. В семье росло пятеро детей, Дэвид был предпоследним ребенком. Он закончил Ноттингемскую школу и Ноттингемский университетский колледж. «Белый павлин» — его первый роман. По случайному совпадению он был издан в 1911 году спустя несколько недель после смерти матери Дэвида, которую он очень любил. Что касается личной жизни, то к этому времени он окончательно порвал с Джесси Чемберс (она выведена под именем Мириам в романе «Сыновья и любовники») и был помолвлен с Луи Берроуз. В 1911 году он вынужден оставить работу учителя из-за болезни, которая после окончательного диагноза оказалась туберкулезом.

В 1912 году Лоуренс бежал в Германию со своей возлюбленной, немкой Фридой Уикли, женой бывшего сослуживца, преподавателя иностранных языков. Они поженились в 1914 году по возвращении в Англию. Отныне Лоуренс стал зарабатывать на жизнь писательским трудом. Свои самые значительные романы «Радуга» и «Женщины в любви» он завершил в 1915–1916 годах. Однако первый из них был запрещен, а для второго он долго не мог найти издателя.

После войны Лоуренс, разочаровавшись в западной цивилизации, отправился странствовать по миру в поисках более естественного образа жизни. Он побывал на Сицилии, на Цейлоне и в Австралии, посетил Мексику. Лоуренсы вернулись в Европу лишь в 1926 году. Последний роман Лоуренса «Любовник леди Чаттерли» был также запрещен в 1928 году, а в 1929 году конфисковали и созданные им картины. Умер он в Венеции в 1930 году в возрасте 44 лет.

Лоуренс прожил короткую жизнь, но тем не менее оставил после себя огромное количество произведений самых разных жанров: это и романы и рассказы, стихи, эссе, заметки о путешествиях, переводы, письма... После его смерти жена Фрида писала: «То, что он видел, чувствовал и знал, он описал и оставил в подарок мужчинам. Это — прекрасная, полнокровная жизнь, это — надежда на будущее, это — героический труд и одновременно ни с чем не сравнимый дар человечеству».

БЕЛЫЙ ПАВЛИН

роман

Глава I

ЛЮДИ НЕТТЕРМЕРА

Я стоял, наблюдая, как тень рыбы скользила во мраке пруда у мельницы. Рыбешки теперь стали из серебристых серыми, эти шустрые потомки завезенных сюда монахами в то далекое время, когда вся долина дышала покоем и благоденствием. Здешняя природа как бы вспоминала былое. Густые деревья на том берегу выглядели слишком серьезными и трезвыми, чтобы затевать глупые игры с солнышком. Трава росла кучно, ни одна былинка не шелохнется. Потому что вокруг ни ветерка, чтобы расшевелить все эти растения на островках. Вода стояла тихая, спокойная. Только тоненькая звонкая струйка падала с мельничного лотка, тихо рассказывая самой себе о той бурной жизни, которой жила когда-то долина.

Я чуть было не свалился в воду с ольховых корней, на которых стоял, испуганный голосом:

— Ну и что тут интересного?

Это поинтересовался мой друг, молодой фермер, крепкого телосложения, кареглазый, загорелый, веснушчатый. Заметив мой испуг, он рассмеялся и посмотрел на меня с праздным любопытством.

— Да вот думал о том, какое старое это место, небось, грустит о прошедших временах.

Он опять взглянул на меня лениво и снисходительно, хмыкнул и потом растянулся на берегу со словами:

— Неплохо бы вздремнуть... здесь.

— У тебя вся жизнь — сплошная дрема. Вот уж я посмеюсь, когда кто-нибудь растолкает, разбудит тебя, — откликнулся я.

Он весело улыбнулся и прикрыл ладонями глаза от света.

— Это почему, интересно? — с ленивой медлительностью спросил он.

— Потому что очень удивишься, — заявил я.

Мы долго молчали. Потом он перевернулся на живот и начал сосредоточенно тыкать пальцем в землю.

— Я так и думал, — продолжал он все в той же ленивой манере, — должна же быть какая-то причина у этого жужжания.

Я посмотрел и увидел, что он разворошил старое гнездо, принадлежавшее славным полевым пчелкам, которые вечно погружают свои хоботки в яркую янтарную цветочную пыльцу. Несколько взбудораженных насекомых кружилось около ячеек для яиц, большинство из них были теперь пусты; молодые пчелки кружились беспорядочно, они словно собирались с силами, чтобы улететь прочь, придерживаясь твердо заданного направления. Мой друг наблюдал за маленькими существами, испуганно снующими туда-сюда в траве.

— А ну, иди сюда... Давай, давай! — приговаривал он, пленив маленькую бедняжку-пчелку стебельком травы. Он пытался раскрыть ее сложенные голубые крылышки.

— Не мучай малышку, — попросил я.

— А я ей не причиняю вреда... Просто хочу посмотреть, почему она не летает, вдруг не может распрямить крылышки. Ага, полетела... Нет, не может. Попробую поймать другую...

— Оставь их в покое, — сказал я. — Пусть побегают на солнышке. Они же только что

родились. Не заставляй их летать.

Он упрямо начал ломать крылышки следующей пчелке.

— Ах... как жаль! — проговорил он и раздавил малышку пальцами. Потом осмотрел яйца, вытащил мертвую личинку, внимательно стал ее разглядывать, расспрашивая меня обо всем, что я знал о насекомых. Когда все это ему надоело, он выбросил яйца в воду, встал, вытащив карманные часы из глубины брюк.

— Так я и думал, скоро обед, — поведал он мне, взглянув на часы. — Всегда чувствую, когда время подходит к двенадцати. Пошли?

— В любом случае надо идти, — сказал я.

И мы двинулись по берегу пруда, перешли мостик, перекинутый через шлюз.

Вскоре мы очутились в саду, окружавшем большой дом. Стены дома были увиты плющом и жимолостью, а огромный куст сирени, раньше посаженный у дверей, теперь почти закрывал вход. Через сад мы прошли во дворик фермы, потом поднялись по кирпичному заднему крыльцу.

— Закрой ворота, ладно? — бросил он мне через плечо и вошел первым.

Обширное помещение, где обычно мыли посуду, вело в кухню. Девушка-служанка быстро достала скатерть из выдвижного ящика стола, а мама моего друга, маленькая женщина с большими карими глазами, орудовала ухватом возле печи.

— Обед еще не готов? — спросил он с нотками возмущения.

— Нет, Джордж, — ответила мама извиняющимся голосом, — пока не готов. Печь никак не разжигалась. Еще пару минут.

Он бросился на диван и стал листать роман. Я хотел сразу уйти, но его мать настояла на том, чтобы я остался.

— Не уходи, — попросила она. — Эмили будет так рада, если ты останешься. И папа тоже, я уверена. Садись, посиди.

Я устроился в плетеном кресле у высокого окна, выходящего во двор. В то время как Джордж читал, а его мама занималась картошкой и мясом, я предался размышлениям. Мой друг, безразличный ко всему, продолжал читать. Очень досадно было видеть, как он крутит свои черные усы и лениво пробегает глазами текст, не обращая внимания на старого пса Трипа, который терся у его ног, облаченных в потрепанные брюки для верховой езды. Он даже не удосужился потрепать пса, почесать у него за ушами, настолько был занят романом и своими усами. Снова и снова крутил он их своими толстыми пальцами, напрягая мускулы на загорелой руке. Маленькое квадратное верхнее окошко бросало на него зеленую тень от растущего под окном гигантского конского каштана. Блики лежали на его темных волосах, трепетали на тарелках, которые Анни доставала с полки, на стенных часах. Кухня казалась просто необъятной по своим размерам, стол в центре смотрелся одиноко, а кресла прямо-таки скорбели по утраченной компании дивана. Печь у дальней стены походила на черную пещеру. Табуретки около нее создавали еще один изолированный уголок, освещенный багровым пламенем, там хлопотала его мать. Кухня выглядела изолированной от всего мира, навеки заброшенной, с темными углами, серым камнем и мрачной допотопной мебелью. Единственное, что было веселенького в ней, — это ситцевые покрывала на диване и креслах; ярко-красные, они и в самом деле оживляли неказистую унылую обстановку; можно было улыбнуться и при взгляде на старинные часы, разукрашенные, точно домашняя птица в ярком оперении, петух или индюк. Вид этих вещиц заставил меня снова погрузиться в раздумья.

Спустя некоторое время мы услышали скрип тяжелых сапог за дверью, и на пороге возник отец Джорджа, крупный, дородный фермер. Лысина его занимала полголовы и была окружена венчиком волос в мелких кудряшках.

— Привет, Сирил, — сказал он мне ласково, — хорошо, что ты не чуждаешься нас, — и потом обратился к сыну: — Ну, что, много еще работы там, в рощице?

— Все закончил: — ответил Джордж, продолжая читать.

— Тогда полный порядок. Кролики и репка — вещи несовместимые.

— Еще бы, — подхватила жена, душой и помыслами прикованная к сковородке.

В конце концов картошка была готова, и она появилась возле стола с дымящейся сковородкой.

Обед был на столе, отец принялся нарезать хлеб. Джордж оглядел стол, снова уткнулся в книгу и читал до тех пор, пока перед ним не поставили тарелку. Служанка уселась за столик у окна — и мы все принялись за еду. В этот момент раздался топот ног, и в комнату вбежала девочка, которую сопровождала ее взрослая сестра. Длинные каштановые волосы ребенка разметались по спине, матросская шляпа была сдвинута на затылок. Она сняла шляпу и села вместе со всеми за стол, беспрестанно болтая с матерью. Старшая сестра, девушка двадцати одного года, подарила мне улыбку и живой взгляд своих ярких глаз, потом брезгливо посмотрела на недожаренную говядину на тарелке.

— Ненавижу сырое мясо, — посетовала она.

— Молодец, — отозвался ее брат, усиленно жуя. — Хотя оно укрепляет жевательную мускулатуру.

Она отодвинула мясо и принялась за овощи. Джордж между тем положил себе добавки.

— Ну, наш дорогой Джордж, я уверена, тебе понравился соус, — заметила младшая, Молли, с обидой в голосе.

— Конечно, — отозвался он. — Почему бы и тебе не отведать его?

— Нет, — возразила юная леди двенадцати лет. — Ведь ты же еще не наелся.

— Умно! — сказал он с полным ртом.

— Ты так считаешь? — съязвила старшая, Эмили.

— Да, — ответил он. — Твоя сестра такая же остроумная, как и ты. А как же иначе — она у нас учится в шестом классе! Я бы поел еще картошки, мама, если только найдется хоть одна не сырая.

— Джордж, — робко возразила мать, — по-моему, картошка нормальная. Я старалась. Потрогай вот эту, вроде мягкая. Мне казалось, она разварилась.

— Пожалуйста, не извиняйся перед ним, — перебила Эмили сердито.

— Сдается, наша Эмили слишком заигралась с детьми этим утром, — мягко сказал Джордж, специально ни к кому не обращаясь.

— Нет, — вмешалась в разговор Молли. — Просто она ударила мальчика по носу, и у него пошла кровь.

— Маленький негодяй. — Эмили с трудом проглотила кусок. — Я рада, что поступила так! Мои мальчики зачастую сущие д... д...

— Дьяволы, — предположил Джордж.

Но сестра не приняла его подсказки. Отец сидел и смеялся. Мать в растерянности смотрела на дочь, которая, опустив голову, теребила пальцами скатерть.

— Неужели этот класс еще хуже предыдущего? — спросила мать с испугом.

— Да нет вроде, — был короткий ответ.

— Она просто любит их бить, — сказал Джордж, заглянув в сахарницу и принимаясь за свой пудинг. — Принеси-ка еще сахару, Анни.

Служанка поднялась из-за стола в углу и поспешила к буфету, мама бросилась следом.

Эмили сказала ему с горечью:

— Единственное, чего я желаю тебе, — это попробовать самому преподавать. Небось сразу бы излечился от излишней самонадеянности.

— Фу, — возразил он. — Я бы запросто расквасил носы всей этой ребятне.

— Да уж! Ты бы не усидел там, сохраняя спокойствие добродушного жирного бычка, — не отставала от него Эмили.

Эта фраза так понравилась Молли, что она истошно захохотала, к вящему ужасу матери.

— Зря ты так шутишь, Эмили, — сказал Джордж, глядя на скривившееся лицо своей младшей сестры.

Но девушке был настолько неприятен дальнейший разговор с братом, что она встала из-за стола. Вскоре Джордж с отцом отправились заниматься своей репой, а я пошел вместе с барышнями по тропинке в школу.

— Господи, меня раздражает все, что он делает и говорит, — сказала Эмили с возмущением.

— Иногда он ведет себя действительно по-свински, — признал я.

— Он и есть самая настоящая свинья, — настаивала она. — Меня раздражает, что он строит из себя всезнайку. И еще — я не выношу это его умничанье. Мне неприятно, как мама постоянно унижается перед ним...

— Значит, тебя злит именно это, — констатировал я.

— Конечно, злит, — отозвалась она дрожащим, злым голосом.

Мы продолжали свой путь молча. Потом она спросила:

— Ты захватил свои стихи?

— Нет... Извини... Опять забыл. Кстати, я отослал их.

— Но ты ведь обещал мне!

— Ты же знаешь, чего стоят мои обещания. Я переменчив, как дуновение ветерка.

Ее разочарование было гораздо сильнее, чем я ожидал. И когда мы расстались на повороте тропинки, на сердце у меня остался тяжелый осадок от ее упреков. Я явственно ощущал это, когда она уходила.

Я перебрался через небольшой звонкий ручей, берущий начало из заросшего пруда. Каменные ступени казались белыми на солнце, по ним сонно текла вода. Две бабочки на фоне синего неба перелетали с цветка на цветок, они увлекли меня на холм, заставили миновать поле, объятые разогретым, горячим воздухом.

Я вступил под благодатную сень деревьев, где склонившиеся ветви дубовой рощи спасали путников от жары. Здесь было так спокойно и прохладно. Мои ноги едва касались земли. Папоротник-орляк протягивал ко мне свои зеленые руки, а деревья словно источали нежность. Но я заспешил прочь, атакованный целой армией мух, которые повели партизанскую войну вокруг моей головы, пока я не продрался сквозь кусты черного рододендрона в саду, где они наконец покинули меня, унюхав, без сомнения, запах, исходивший из горшочков Ребекки с уксусом и сахаром.

Приземистый кирпичный дом с некрашеной просевшей крышей дремал на солнышке в тени больших ветвей, протянувшихся сюда из рощицы.

В столовой никого не было. Зато я слышал стрекот швейной машинки из маленького

кабинета — звук, напоминавший жужжание большого насекомого, то громкий, то затихающий. Потом — перезвон четырех-пяти ключей — это кто-то трогал клавиши пианино в соседней комнате. И снова странные звуки, будто большая лягушка прыгала туда-сюда.

«Должно быть, мама вытирает пыль в гостиной», — подумал я.

Необычный звук старого пианино поразил меня. Аккорды звучали тонко и дребезжаще, как голос старой женщины. Возраст придал желтизну зубам мамино маленького пианино и сморщил его кожу.

Бедная старая рухлядь! Когда пальчики Летти скачут по клавиатуре, оно способно издавать только стоны.

Сейчас, однако, маленькое старенькое пианино вдруг разразилось викторианской мелодией. Я удивился: кто же это играет? И вспомнил почему-то маленькую женщину с вьющимися волосами. Мотив пробудил во мне старые чувства, но я не мог вспомнить черты ее лица — память подводила меня, и пока я думал, вошла Ребекка, чтобы снять скатерть со стола.

— Кто это играет, Бекки? — спросил я.

— Твоя мама, Сирил.

— Но она же не играет. Я думал, она не умеет.

— Ах, — ответила Ребекка. — Ты совсем забыл, как она раньше играла и пела для тебя. Ты тогда был совсем маленький, а у нее волосы вились и напоминали коричневый шелк. Неужели ты не помнишь, как она играла и пела, пока не появилась Летти и пока твой отец...

Ребекка осеклась на полуслове, повернулась и вышла из комнаты. Я подошел к двери и заглянул в гостиную. Мама сидела перед маленьким рассохшимся пианино. Ее пальцы порхали по клавишам, она улыбалась. В этот момент в комнату влетела Летти, обхватила руками маму за шею, поцеловала и сказала:

— О Боже, а я-то думаю, кто же это играет на пианино! О наша маленькая мама, мы даже не знали, что ты умеешь так играть!

— Ничего-то я не умею, — ответила мама, смущенно улыбаясь. — Просто захотелось вспомнить старый мотив. Я учила его, когда еще была молодой, именно на этом пианино. А теперь оно рассохлось, потрескалось...

— Поиграй еще, пожалуйста! Поиграй. Звучит так красиво. Как звон хрусталя. Играй же, дорогая, — просила Летти.

— Не-ет, — сказала мама. — От прикосновения к старым клавишам я становлюсь чересчур сентиментальной, чувствительной. Разве вам хотелось бы видеть, как я проливаю слезы по доброму старому времени!

— Старому времени! — возмутилась Летти, целуя ее снова. — Ты у нас еще очень молодая. Ты молода настолько, что можешь влюбиться. Расскажи нам об этом, мама.

— О чем, детка?

— О том времени, когда ты любила играть на пианино.

— Я играла тогда, когда мои пальцы не были такими неуклюжими, как сейчас, в мои пятьдесят лет. — В эту минуту она заметила меня. — Где ты был, Сирил, почему не обедал с нами?

— Ходил на мельницу Стрели-Милл, — сказал я.

— Ну, разумеется, — холодно отозвалась мама.

— Почему «разумеется»? — поинтересовался я.

— И, небось, ушел сразу же, как только Эмили отправилась в школу? — невинно осведомилась Летти.

— Да, — подтвердил я.

Их гнев я моментально ощутил на себе. Подавив раздражение, я сказал:

— Могли же меня пригласить пообедать.

Мама предпочла не отвечать.

— А что, у толстого Джорджа появилась девушка? — поинтересовалась Летти.

— Нет, — ответил я. — Думаю, он еще не скоро дорастет до этого. Да и где найти ему подходящую половину в этом мире?

— Не знаю, что хорошего ты нашел в этой семейке, все время только там и пропадаешь, — сухо заметила мама.

— Ну, не сердись ма, — попросил я. — Ты же знаешь, они мне нравятся.

— Не *они*, а *она* тебе нравится, — саркастически заявила мама. — Что же касается *его*, то это еще форменный щенок неотесанный. Да и чего ожидать, когда родная мать так избаловала его. Он такой же испорченный, как и она. Хотя я полагаю, ты не оставил своих надежд окультурить его. — Мама фыркнула.

— Впрочем, он довольно симпатичный, — сказала Летти с улыбкой.

— Уж ты-то могла бы сделать из него человека, я уверен, — сказал я, иронически поклонившись ей.

— А мне это неинтересно, — парировала она с сарказмом.

Летти тряхнула головой, и ее красивые волосы, свободные от шпилек, полыхнули на солнце золотым светом.

— Какое платье мне надеть, мама? — спросила она.

— Нет, не спрашивай меня, — ответила мама.

— Думаю, лучше всего подойдет гелиотроп. Хотя на таком солнце оно может скоро выцвести, — произнесла Летти задумчиво.

Высокая, ростом почти шесть футов, она была хорошо сложена. Особенно украшали ее золотистые волосы с каштановым отливом, гармонировавшие с ясными глазами и тонкими бровями. Не портил лица и не совсем правильный нос. Зато руки ее — просто загляденье.

— Куда это ты собралась? — поинтересовался я.

Она не ответила.

— Конечно, к Темпестам! — уверенно уточнил я.

Она не ответила.

— Вот уж действительно непонятно, что ты нашла в нем, — продолжал я.

— Куда тебе! — фыркнула Летти. — Право, он ничем не хуже других. Только и всего.

После чего мы оба начали громко смеяться.

— Ладно, ты не думай, — продолжала она, покраснев, — что я все время думаю о нем. Просто хочу поиграть в теннис. Ты придешь?

— А что, если я и впрямь соглашусь? — спросил я.

— О! — она тряхнула головой. — Мы будем очень рады. Убеждена.

— Ура! — сказал я с иронией.

Она засмеялась мне, покраснела и убежала наверх по лестнице.

Полчаса спустя она просунула голову в дверь моей комнаты, чтобы попрощаться и спросить, хорошо ли она выглядит.

Она была столь очаровательной в своем новом платье и шляпке с цветами, что мне не

оставалось ничего другого, как гордиться ею.

Зная, что я смотрю на нее в окно, она помахала мне рукой, проходя мимо кустов больших пурпурных рододендронов. Она и сама походила на пышный, дивный цветок. Ее путь пролегал через рощу в противоположном направлении от мельницы Стрели-Милл — к широкой дороге, обсаженной по обеим сторонам тенистыми деревьями. Дорога примерно на четверть мили тянулась вдоль озера Неттермер.

Неттермер — самое нижнее в цепи трех озер. И самое большое и красивое из них. Длинной в милю и почти в четверть мили шириной. Густая поросль деревьев сбегает к озеру. На противоположной стороне, на холме, в дальнем конце озера стоит Хайклоуз. Он смотрит одним глазом в воду и видит нас в Вудсайде. В то время наш коттедж смотрит во все глаза на этот гордый дом сквозь деревья. Я мог видеть, как платице Летти, подобно далекому парусу, скользило вдоль кромки воды. Над ней плыл ее зонтик. Она повернула к соснам и стала подниматься по склону, пока не исчезла среди деревьев, росших возле Хайклоуза.

* * *

Лесли с сигарой в зубах развалился в плетеном кресле на лужайке. Он разглядывал сигарный пепел, особенно серый на свету, и жалел бедную Нелли Вичерли, которую отвозил этим утром на станцию. Он полагал, что она очень расстроится, когда поезд повезет ее все дальше и дальше отсюда. До чего же эти девицы теряют разум из-за парней! Но она такая симпатичная... Он обязательно попросит Мэри написать ей.

В этот миг он заметил зонтик и быстро закрыл глаза, сделав вид, будто уснул и не замечает приближения Летти. Она же, обнаружив, что он спит с сигарой, сломала веточку чубушника, чьи бутоны цвета слоновой кости издавали сладкий запах.

Не знаю, зачесался ли у него кончик носа, когда она дотронулась веткой, но он вел себя мужественно, пока лепестки щекотали его. Потом, пробудившись от сна, он произнес:

— Ах, Летти! Это ты... Мне снились поцелуи.

— В переносицу? — засмеялась она. — И чьи же это были поцелуи?

— Того, кто вызвал сии сладостные ощущения... — улыбнулся он.

— Я только дотронулась до твоего носа, и тебе должен был присниться... — она замолчала.

— Продолжай, — сказал он с ожиданием.

— Доктор Слоп, — ответила она, улыбаясь своим словам и закрывая зонтик.

— К сожалению, не знаком с этим джентльменом, — отвечивал он, борясь со смехом.

— Доктор Слоп — по носу шлеп! — рассмеялась она, даря ему один из тех коротких интимных взглядов, с помощью которых женщины умело припирают мужчин к стенке.

Его лицо излучало удовольствие.

Глава II

ЯБЛОКО СОБЛАЗНА

Ветер дул, раскачивая деревья, всхлипывая и постанывая в кленах и дубах возле дома и вызывая беспокойство у Летти. Ей не хотелось никуда идти, ничего делать. Но она настояла на том, чтобы я обязательно прогулялся с ней до озера. Мы продирались сквозь заросли папоротника-щитовника и папоротника-орляка, сквозь кусты ежевики и малины, занимавшие открытое пространство перед домом, затем спустились по заросшему травой склону к озеру Неттермер. Ветер шумно нагонял мелкую волну, ее бурление и плеск среди крупной гальки, шуршанье меж камышом-ситником и свежий бриз, задувавший в лицо, — все это будоражило, тревожило нас.

Высокая таволга, у которой был период почкования, повсюду росла вдоль берега, и наши ноги утопали в ней по колено. Мы вглядывались в пенившуюся рябь, в белесоватые ивы на другом берегу. В том месте, где Неттермер сужался в своем верховье и где в него впадал ручей из Огрели, росла небольшая рощица, и стволы деревьев омывались водой. Мы прокладывали себе путь, бредя вдоль берега, наступая на душистую дикую мяту, запах которой очищал дыхание, выглядывали тут и там места, где обычно вили гнезда водяные птицы, но они стояли теперь пустые. Парочка крохотных, молоденьких чибисов-пигалиц взлетела при нашем приближении и быстро унеслась прочь, вытянув шеи, в страхе перед теми, кто, собственно, не собирался причинять им вреда. Две пташки поначалу решили укрыться в лесу, потом вдруг выскочили оттуда и полетели в нашу сторону, чтобы через минуту броситься от нас в диком ужасе.

— Что напугало бедных крошек, или они с ума посходили? — спросила Летти.

— Не знаю. Иногда они ведут себя достаточно смело, даже нахально; потом вдруг как завопят и удирают прочь, точно змея вцепилась им в крылья.

Однако Летти не обратила внимания на мои рассуждения. Она отошла в сторону и углубилась в заросли кустарника, который милостиво осыпал ее миллионами своих цветков, похожих на хлебные крошки и издававших какой-то медицинский запах. Зевнув, я последовал за ней и вздрогнул услышав неожиданное восклицание:

— О, Сирил!

На берегу лежала черная кошка. Задние лапы неестественно вывернуты, окровавлены и зажаты в капкане. Видно, она опрометчиво прыгнула за добычей и оказалась поймана. Выглядела изможденной, одичавшей. Наверное, своим видом она и напугала бедных чибисов, доведя их до истерики. Кошка смотрела на нас разъяренно и отчаянно мяукала.

— Как жестоко... О, как жестоко! — всхлинула Летти, содрогаясь. С помощью своей кепки и шарфа Летти я обмотал руку и нагнулся, чтобы открыть капкан. Кошка клацнула зубами, конвульсивно пытаясь укусить меня. Освободившись, она отскочила одним прыжком и устала на нас.

Я завернул животное в своей пиджак и взял на руки, приговаривая:

— Бедная миссис Ники Бен... Мы всегда тебе это предрекали.

— Что теперь с ней делать? — спросила Летти.

— Эта кошка из Стрели-Милл, — ответил я. — А пока отнесу ее домой.

Бедное животное беспокойно ворочалась под пиджаком и глухо урчало. Я отнес ее сразу на ферму. Все удивленно смотрели, как я вхожу в кухню со странным свертком в руках и

следом за мной Летти.

— Я принес бедную миссис Ники Бен, — сказал я, разворачивая свой сверток.

— О ужас! — воскликнула Эмили, протягивая руку, чтобы потрогать кошку, но быстро отпрянула назад, как испуганный чибис.

— Вот как бывает, — задумчиво сказала мать.

— Не мешает лесникам посидеть пару дней с голыми лодыжками в капкане, — заявила Молли мстительным голосом.

Мы положили бедное существо на коврик и дали теплого молока. Кошка попила совсем немного, будучи очень слабой. Разгневанная Молли принесла на кухню мистера Ники Бена — черного кота, чтобы тот посочувствовал своей покалеченной подруге. Мистер Ники Бен посмотрел, отвернулся и устремился прочь широким шагом, продемонстрировав обычное мужское бессердечие к женским страданиям.

На кухню заглянул Джордж, которому понадобилась горячая вода. Увидев нас, он издал оживленный возглас, и глаза его оживились.

— Посмотри на бедняжку миссис Ники Бен! — воскликнула Молли.

Он опустился перед кошкой на колени и приподнял ей раненую лапу.

— Перелом, — констатировал он.

— Как ужасно, — сказала Эмили, она вся передернулась и вышла из комнаты.

— Обеих лап? — уточнил я.

— Сломана вроде одна... Смотри!

— Но ей же больно! — воскликнула Летти.

— Да, пожалуй, — согласился он.

Молли и ее мать поспешили из кухни в гостиную.

— Что ты собираешься делать? — спросила Летти.

— Избавить несчастную от страданий, — ответил он, взяв на руки бедную кошку.

Мы последовали за ним в сарай.

— Самый быстрый способ, — сказал он, — это раскрутить ее и стукнуть головой о стену.

— Мне дурно от одних твоих слов! — воскликнула Летти.

— Тогда я ее утоплю, — сказал Джордж с улыбкой.

Мы смотрели на него, и нас переполняло отвращение. Он же не торопясь обмотал веревку вокруг шеи животного, к концу ее привязал железный утюг, оставив другой конец ее свободно болтаться.

— Ну, что, пойдете со мной? — спросил он.

Летти во все глаза смотрела на него. Она была бледна.

— Тебе станет дурно, — заметил он.

Она не ответила, однако последовала за ним через двор в сад. Уже на берегу нижнего пруда у мельницы он повернулся к нам и сказал:

— Сделаем так! Вы назначаетесь главными плакальщиками на похоронах.

Поскольку никто из нас не ответил, он отвернулся и бросил бедную, корчившуюся от боли и ужаса кошку в воду со словами:

— Прощай, дражайшая миссис Ники Бен!

Некоторое время мы постояли на берегу. Джордж поглядел на нас с удивлением.

— Сирил, — проговорила Летти тихо. — Разве это не жестоко?.. Разве это не ужасно?

Мне нечего было сказать.

— Ты меня имеешь в виду? — вскинулся Джордж.

— Не тебя... А все это! Такое впечатление, что у нас кровь на башмаках.

Он серьезно посмотрел на нее своими темными глазами.

— Я утопил ее из милосердия, — объяснил он, привязывая веревку к ясеню. Затем сходил за лопатой и вырыл могилку в разомлевшей черной земле.

— И наша добрая, славная, бедная, старая, драная кошка превратилась в симпатичный трупик, — подвел итог Джордж. — Друзья и родственники могут попрощаться с покойной и положить фиалки на ее могилку.

Он воткнул лопату в землю и вытащил из пруда кошку вместе с утюгом.

— Ну, вот, — сказал он, отвязывая утюг, — и кончились страдания. Хорошая была кошка.

— Похорони ее — и дело с концом, — поторопила Летти.

Он в ответ поинтересовался:

— А тебе не будут после этого сниться кошмары?

— Я сплю без сновидений, — резко ответила она и, отвернувшись, зашагала прочь. Мы вернулись в дом и прошли в гостиную, где Эмили сидела у окна, кусая палец. Комната была вытянутой, с довольно низким потолком. Через всю комнату под потолком тянулась большая грубая балка. На камине и на пианино в вазочках стояли полевые и лесные цветы, свежие листья. В комнате было прохладно, пахло лесом.

— Он это сделал? — спросила Эмили. — А вы наблюдали, да? Если б я увидела это, я бы возненавидела его. Уж лучше прикоснуться к червяку, чем к такому, как он.

— Мне тоже вряд ли было бы приятно, если бы он прикоснулся ко мне, — ответила Летти.

— До чего же отвратительны бессердечие и жестокость! — сказала Эмили. — Уже один его вид вызывает у меня отвращение.

— Да? — удивилась Летти, холодно улыбнувшись, и подошла к пианино. — Но он же смотрится таким здоровым, никогда не болеет. — Она села за пианино и принялась играть. Звуки напоминали шорох падающих листьев.

Мы с Эмили тихо беседовали у окна о книгах, о людях. Она была серьезна и настроила и меня тоже на серьезный лад.

Через некоторое время, попив молока и поев, к нам вошел Джордж. Летти продолжала играть на пианино. Он спросил Летти, почему бы ей не сыграть какой-нибудь веселенький мотивчик. Это заставило ее повернуться к нему на стуле. Сначала ей захотелось дать ему уничижительный ответ. Но когда она взглянула на него, сердитые слова, готовые сорваться с ее уст, упорхнули, как вспугнутые птицы. Он явился сюда прямо из кухни и встал возле Летти, вытирая руки. Рукава засучены до локтей, рубашка расстегнута на груди. Летти слегка отклонилась, разглядывая его, стоявшего с расставленными ногами, обутыми в грязные краги и сапоги. Брюки его тоже были закатаны по колено, поэтому виднелись голые ноги. Словом, вид какой-то полураздетый.

— Почему бы тебе не сыграть какой-нибудь веселый мотивчик? — повторил он, вытирая полотенцем руки.

— Мотивчик? — отозвалась она, пристально глядя на его руки, на то, как поднималась и опускалась его грудь, крепкая и белая. Потом с любопытством уставилась на его горло, где загорелая кожа переходила в белую, не тронутую загаром. Она встретилась с ним глазами и снова повернулась к пианино. Ее уши покраснели, милосердно скрытые в завитках волос.

— Что же мне сыграть? — спросила она, как-то конфузливо прикасаясь к клавишам.

Он вытащил сборник песен и поставил перед ней.

— Какую из них? — снова спросила она, слегка вздрогнув, когда почувствовала его руки близко от себя.

— А все, что захочешь.

— Про любовь? — не унималась она.

— Если хочешь — давай про любовь. — Он неуклюже засмеялся, заставив девушку внутренне сжаться.

Она не ответила и принялась играть песню Салли Венна «Тит Уиллоу». Тогда он с удовольствием стал подпевать басом. Затем она заиграла «Я пьян от взгляда твоих глаз». Закончив играть, она повернулась и спросила, нравятся ли ему слова. Он ответил, что считает их довольно глупыми, но посмотрел на нее своими лучащимися карими глазами, как бы колеблясь и с каким-то вызовом.

— Это потому, что от твоего взгляда не опьянеешь, — отозвалась она, отвечая на его вызов блеском своих голубых глаз. Потом опустила ресницы. Он засмеялся и спросил, откуда она знает.

— Все очень просто, — сказала она, серьезно глядя на него снизу вверх. — Твои глаза не меняются, когда я смотрю на тебя. Я всегда считала, что люди, которые чего-то стоят, могут говорить глазами. Обычно такие люди вызывают уважение к себе, их глаза красноречивы и умны.

Она говорила это, продолжая смотреть на него, а он в свою очередь с симпатией глядел на ее лицо, на ее волосы, в которых играло солнце. Видно было, что он задумался над ее словами; потом он вдруг рассмеялся, что выглядело несколько глуповато. Она отвернулась, улыбаясь.

— В этой книжке нет ничего такого, что бы хотелось сыграть и спеть, — сказала она, перелистав сборник.

Я положил перед ней другие ноты, и она заиграла, запела «Упрекнешь ли меня?»

У нее было довольно приятное сопрано, и песня понравилась Джорджу. Он подошел к ней ближе. Закончив играть, Летти посмотрела на него и увидела светящиеся от восторга глаза.

— Тебе понравилось? — спросила она с ноткой превосходства в голосе. — А ведь требовалось только найти нужную страницу.

— Понравилось, — сказал он с чувством, что еще больше усилило ее триумф.

— Я предпочла бы петь песни и плясать, чем дрыхнуть в кресле у камина. Правда, ведь это лучше? — подколола она.

Он засмеялся, начиная понимать, что она подтрунивает над ним.

— А ведь ты именно так и поступаешь, — добавила она, осмелев.

— Как? — спросил он обескураженно.

— Половина твоих чувств спит, а половина — бодрствует.

— Неужели? — удивился он. — Ты думаешь, я такой?

— Именно такой... «Бовис», бык. Ты — как бык. Тебе нужны еда, комфорт и больше ничего. Ты любишь комфорт? — улыбаясь спросила она.

— А ты? — спросит он в свою очередь, смущенно улыбаясь.

— Конечно. Сейчас я сыграю одну пьесу, а ты будешь переворачивать страницы, когда я кивну головой. Принеси-ка стул.

Она начала играть Шуберта. Он сидел рядом, склонившись к ней, и придерживая нотную страницу. В конце страницы она кивнула, но он не отреагировал.

— Да, — проговорила она раздраженно.

Он, спохватившись, попытался перевернуть страницу, но она быстро оттолкнула его руку, сделала это сама и продолжила игру.

— Извини, — он покраснел.

— Не беспокойся, — она продолжала игру, не обращая на него внимания.

Музыка смолкла.

— Вот, — сказала Летти. — А теперь скажи, что ты чувствовал, когда я играла?

— О... Я вел себя глупо! — ответил он, сильно смутившись.

— Рада слышать это, — одобрила она его прямодушие. — Но я не то имела в виду. Я спрашиваю, какие чувства вызвала в тебе музыка?

— Я не знаю... Наверное, она заставила меня почувствовать все, все... — ответил он, не спеша, обдумывая свой ответ, как обычно.

— А я скажу тебе, — заявила она, — что ты или спал, или отупел. Неужели ты ничего не услышал в этой музыке? Ну? О чем ты думал?

Он засмеялся... задумался... снова засмеялся.

— Да, — признался он со смехом и попробовал сказать истинную правду. — Я подумал, какие у тебя красивые руки... И что любят трогать эти руки... И еще подумал, какое это необыкновенное новое ощущение — когда чьи-то волосы касаются твоей щеки.

Когда он закончил свои сумбурные рассуждения, она слегка стукнула его по руке и ушла, бросив такую фразу:

— Ты становишься все хуже и хуже.

Потом направилась через комнату к дивану, где я сидел и беседовал с Эмили, положила руку мне на плечо.

— Не пора ли нам домой, Сил? — спросила она.

— Полдевятого, еще рано, — сказал я.

— А вот мне кажется, давно пора. Думаю, сейчас нам уже следует быть дома, — возразила она.

— Не уходи, — попросил Джордж.

— Куда ты так торопишься? — поинтересовался я.

— Поужинайте с нами, — предложила Эмили.

— Понимаете... уже поздно... — Летти заколебалась.

— У нее дела, — сказал я.

— Я не уверена... — Летти снова заколебалась. Затем неожиданно покраснела и воскликнула: — Не будь таким гадким, Сирил!

— Тебе надо куда-то идти? — спросил Джордж робко.

— Что ты, нет, — ответила она, покраснев.

— Тогда, может, вы все-таки останетесь на ужин? — стал упрашивать он.

Она засмеялась и уступила. Мы пошли на кухню. Мистер Сакстон сидел и читал. Рип, большой бультерьер, лежал у него ног, притворяясь спящим; мистер Ники Бен спокойно отдыхал на диване; миссис Сакстон и Молли как раз собирались идти спать. Мы пожелали им спокойной ночи и уселись за стол. Служанка Анни уже ушла домой, поэтому ужин приготовила Эмили.

— Никто еще не играл на этом пианино так, как ты, — уважительно произнес мистер

Сакстон, глядя на Летти с восхищением. Он был горд за свою монументальную, дребезжащую старую громадину и частенько говаривал, что тот, кто умеет и хочет, всегда извлечет из нее прекрасную музыку. Летти засмеялась и сказала, что невелико умение сыграть несколько песенок — не стоит и хвалить за это.

— А что ты думаешь о пении нашего Джорджа? — спросил с гордостью отец, однако тут же неожиданно засмеялся.

— Я сказала ему, что когда он полюбит, то запоет просто восхитительно, — сказала она.

— Когда полюбит?! — повторил отец в изумлении и залился громким смехом.

— Да, — сказала Летти, — когда он обнаружит, что существует нечто такое, чего ему никогда не получить.

Джордж на минуту задумался и тоже захохотал. Эмили, накрывавшая на стол, сказала:

— Вода кончилась, Джордж.

— Ах, какая досада! — воскликнул он. — А я уже снял сапоги.

— Не такая уж большая работа надеть их снова, — заметила его сестра.

— Почему Анни не сходила за водой? На кой черт мы ее держим? — спросил Джордж сердито.

Эмили взглянула на нас, встряхнула головой и повернулась спиной к нему.

— Ладно, ладно, я сам схожу после ужина, — сказал отец примирительно.

— После ужина! — рассмеялась Эмили.

Джордж встал и, шаркая ногами, вышел. Ему предстояло отправиться к колодцу в рощицу возле дома.

Едва мы сели ужинать, как Трип встрепенулся и залаял на дверь.

— Тихо! — приказал отец, чтобы лай не разбудил тех, кто лег спать, и мы бросились к дверям вслед за собакой. Это был Лесли. Он хотел проводить Летти домой. Она отказалась, поэтому он вошел в дом и был вынужден сесть с нами за стол. За компанию он съел кусочек хлеба с сыром, выпил чашечку кофе, поговорил с Летти о гулянье в саду, которое устраивали в Хайклоузе на следующей неделе.

— Это для кого же? — вмешался мистер Сакстон.

— Как для кого? — переспросил Лесли.

— Для миссионеров, безработных или еще для кого? — пояснил свой вопрос мистер Сакстон.

— Так это же обычное гулянье в саду, а не благотворительный базар, — сказал Лесли.

— А, понятно, частное дело. А я-то подумал, что это очередное церковное мероприятие вашей матери. Она уделяет этому столько внимания, не так ли?

— Да, она много внимания уделяет церкви! — ответил Лесли, потом принялся рассказывать Летти о том, что его пригласили на соревнования по теннису и что и ей не худо бы принять участие хотя бы как болельщице. Потом, сообразив, что разговор должен быть общим, он повернулся к Джорджу, который в этот момент брал зубами кусочек сыра с кончика ножа, и спросил:

— А вы играете в теннис, мистер Сакстон? Я знаю, мисс Сакстон не играет.

— Нет, — ответил Джордж, отправив кусок сыра за щеку. — Я не обучен всяким штучкам, которые так необходимы для леди и делают их совершенными.

Лесли обратился к Эмили, которая как раз в этот момент передвигала тарелки, чтобы прикрыть ими пятно на скатерти, и замерла, увидев, что к ней обратились с вопросом:

— Моя мама была бы рада, если бы вы пришли на гулянье к нам, мисс Сакстон.

— Я не смогу. Буду занята в школе, Спасибо большое.

— Ах... Это очень любезно с вашей стороны, — сказал отец, весь сияя. Джордж презрительно улыбнулся.

Когда ужин закончился, Лесли посмотрел на Летти, давая взглядом ей понять, что он готов проводить ее домой. Она, однако, отказалась смотреть ему в глаза, а продолжала оживленный разговор с мистером Сакстоном, доставляя ему этим большую радость. Джордж с удовольствием присоединился к этой беседе. Лесли молчал, давая всем нам ясно понять, как он рассержен. И тогда Джордж вдруг обратился к отцу:

— Па, знаешь, я не удивлюсь, если наша рыжая отелится сегодня ночью.

В глазах Летти вспыхнули искорки недоумения.

— Нет, — спокойно возразил отец. — Думаю, что нет.

После некоторого молчания Джордж как ни в чем не бывало продолжал:

— Чувствую, хрящи у нее...

— Джордж! — одернула его Эмили.

— Мы пойдем, — сказал Лесли.

Джордж посмотрел в сторону Летти, и его глаза подернулись грустью; очевидно, это была шутливо-притворная грусть.

— Не могла бы ты одолжить мне свою шаль, Эмили, — попросила Летти. — Я ничего не взяла, а тут ветер, становится холодно.

Эмили выразила сожаление, что у нее нет шали, поэтому Летти пришлось надеть ее черный летний пиджачок. Он явно не шел Летти, смотрелся на ней так кургузо, что мы все рассмеялись, кроме Лесли, который сердился из-за того, что она выглядела смешной перед нами. Он демонстративно выказывал ей всевозможное внимание и проявлял всяческую чуткость. Закрепил воротник ее пиджачка жемчужной булавкой из своего галстука, отказавшись от заколки, которую обнаружила у себя Эмили после недолгих поисков.

Когда мы вышли из дому, он с видом оскорбленного достоинства предложил руку Летти. Она отказалась.

— Я думал, что ты будешь дома, как и обещала.

— Извини, — ответила она, — но я этого тебе не обещала.

— Но ты ведь знала, что я приду, — сказал он.

— Ну... Ты же нашел меня.

— Да, — согласился он. — Я нашел тебя. Флиртующей с этим мужланом. — Он фыркнул.

— Ну и что? — съязвила она в ответ. — Просто он называет вещи своими именами.

— Полагаю, тебе это нравится.

— Я против этого ничего не имею, — парировала она.

— Я-то думал, у тебя более утонченный вкус, — сказал Лесли саркастически. — Ну, раз уж ты считаешь коровий отел романтичным, то...

— Очень! И сам Джордж — такой румяный, смуглый, с глазами, вызывающими волнение и трепет, — не унималась она.

— Неприятно слышать, когда девушка говорит пошлости, — сказал Лесли; между прочим, он сделал себе прическу, явно демонстрировавшую его принадлежность к «высшему классу».

— Я говорю, что думаю, — настаивала она на своем, игнорируя его гнев.

Лесли сердился:

— Рад, что этот тип тебя забавляет!

— Конечно, хотя мне трудно доставить удовольствие, — ответила она.

Он выпрямился.

— Ну что ж. Буду теперь знать, что я не доставляю тебе удовольствия, — сказал он холодно.

— О, что ты, наоборот! Ты тоже забавляешь меня, — сказала она.

После этого он молчал, предпочитая, как я полагаю, не забавлять ее. Летти взяла меня за руку, а другой рукой приподняла юбку, чтобы не замочить росой на траве. Когда мы миновали рощу и Лесли покинул нас, Летти сказала:

— Какой он все-таки ребенок!

— И осел к тому же, — добавил я.

— Но, если уж откровенно, — заключила она, — он намного послушнее моего Тауруса.

— Твоего быка?! — перевел я, смеясь.

Глава III

ПРОДАВЕЦ МЕЧТЫ

В воскресенье, на следующий же день после визита Летти на мельницу, утром к нам явился Лесли, прекрасно одетый и вообще выглядевший очень торжественно. Я проводил его в гостиную и оставил там. Обычно он сам подходил к лестнице, усаживался на ступеньки и криком вызывал Летти. Сегодня же он держался с достоинством и молчал. Поэтому я отправился с известием о его прибытии к моей сестричке, которая в этот момент прикалывала свою брошь.

— Ну и как наш дорогой мальчик? — поинтересовалась она.

— Я не спрашивал, — ответил я.

Летти засмеялась, потом немного выждала, пока не наступило время идти в церковь, и спустилась вниз. Увидев его торжественный вид и приподнятое настроение, она тут же приняла игру, отвесив ему прелестный строгий поклон. Он был несколько ошарашен и не нашелся, что сказать. Летти прошла через комнату к окну, где на подоконнике стоял горшок с очаровательной белой геранью-журавельником.

— Я должна украсить себя, — сказала она.

Уже стало обычаем, что Лесли приносил ей цветы. А поскольку в этот день он их не принес, она решила подразнить его. Он терпеть не мог запах и меловую белизну герани. Она улыбнулась ему, прикалывая цветы к платью на груди и спрашивая:

— Они чудесные, правда?

Он пробормотал что-то вроде того, что, мол, да, чудесные. Тут по лестнице спустилась мама, тепло приветствуя молодого человека.

— Ты пришел, чтобы сопровождать ее в церковь?

— Если позволите, — ответил он.

— Сегодня ты необычайно скромн, — засмеялась мама.

— Сегодня! — с намеком повторил он и усмехнулся.

— Не люблю слишком скромных молодых людей, — сказала мама. — Идите, а то опоздаете.

Летти носила герань весь день до вечера. Она привела домой на чай Алису Голл и попросила меня привести к нам «мон торо», когда закончим работу на ферме.

* * *

День выдался жарким. Солнце алело на западе, когда мы переходили через ручей. Пробуждались вечерние запахи невидимых цветов в безветренном воздухе. Случайный желтый луч солнца прорвался сквозь густую крону листвы и со всей страстью высветил оранжевые гроздья рябины.

Деревья тихо готовились ко сну. Только несколько орхидей бледно розовели у тропинки, задумчиво глядя на ряды ползучего дубровника, чьи поздние цветы свешивались с верхушки бронзовой колонны, тоскуя в темноте по солнцу.

Мы прогуливались молча, не нарушая первозданной тишины леса. Постепенно приближаясь к дому, мы услышали недовольное бормотанье со «скамейки влюбленных»,

которой служило большое поваленное дерево, покрытое мхом и редкой растительностью. Он стало удобным сиденьем для какой-то парочки.

— Как это странно и одновременно забавно — быть влюбленными и при этом так ссориться, — заметил я.

Но когда мы подошли к упавшему дереву, то увидели там не влюбленных, а спящего мужчину, тот что-то невнятно бормотал во сне. Его кепка упала с седеющих волос, а голова лежала на маленьких цветках дикой герани, которые украшали мертвое дерево.

На мужчине была приличная, но слегка помятая одежда. Лицо бледное, болезненное. Во сне у него смешно тряслась седая борода, а губы двигались, словно произносили какую-то непонятную речь. Видимо, он еще раз переживал эпизоды своей жизни. Черты его лица несколько исказились в этом неестественном сне. Он издал стон и снова заговорил, как бы обращаясь к женщине. Лицо его передернулось, словно от боли, и он опять слегка застонал.

Губы открылись, обнажив желтые зубы. Потом он стал что-то говорить горлом, а мы могли разобрать только часть из того, что он произносил. Какие-то обрывки слов. На лице неприятная гримаса.

Я стал думать, как бы положить этому конец. Вдруг из чащи донесся вопль кролика, пойманного лаской. Мужчина пробудился с криком «ах!», вскочил, огляделся растерянно, потом снова лег, пробормотав: «Опять эта чертовщина...»

— Что-то непохоже, чтобы вам снились сладкие сны, — вступил с ним в беседу Джордж.

Мужчина вздрогнул, потом посмотрел на нас и спросил насмешливо:

— А вы кто такие?

Мы не ответили. Просто стояли и терпеливо ждали, пока он очухается. Он сел, глядя на нас.

— Так, — сказал он наконец. — Мне это приснилось. Приснилось... Приснилось... — Он тяжело вздохнул, затем прибавил саркастически: — А вас что, это интересует?

— Нет, — сказал я. — Но уверен, вы заблудились. Вам по какой дороге? Куда? В какую сторону вы направляетесь?

— Значит, хотите объяснить мне дорогу? — спросил он.

— Ну, — сказал я, растерянно засмеявшись, — ничего не имею против. А вообще спите здесь. Только эта дорога никуда не ведет.

— А вы-то сами куда идете? — спросил он.

— Я? Домой, — ответил я с достоинством.

— Вы — один из Бердсоллов? — спросил он, глядя на меня налитыми кровью глазами.

— Да! — ответил я с еще большим достоинством, пытаюсь сообразить, кто он такой.

Он сидел, некоторое время разглядывая меня. В лесу становилось темно. Потом он поднял трость из черного дерева с золотым набалдашником и встал. Трость была необычная. Я разглядывал ее, пока мы шли вместе со стариком по тропе, ведущей к воротам.

Мы вывели его на дорогу. Небо было чистым, солнце садилось, закатное зарево осветило наши лица, он повернулся и внимательно посмотрел на нас. Потом открыл рот, как бы что-то желая сказать, но произнес только:

— До свидания. До свидания.

— У вас действительно все в порядке, никаких проблем? — спросил я, видя, как он дрожит.

— Да... Все в порядке. До свидания, паренек.

Мы отступили в темноту и увидели огни автомобиля на шоссе. Через некоторое время до нас донесся звук захлопнувшейся дверцы, машина уехала прочь.

— Вот это да... Кто бы это мог быть? — со смехом полубопытствовал Джордж.

— Знаешь, — сказал я, — чувствую себя довольно паршиво, будто испачкался.

Он засмеялся, несколько удивленный. Мы отправились домой, решив ничего не говорить женщинам.

Они сидели у окна на скамейке и смотрели на нас. Мама, Алиса и Летти.

— Вас не было слишком долго! — сказала Летти. — А мы тут смотрели на закат — такая красота. Взгляните. Почему так поздно? Что ты там делал? — спросила она.

— Ждал, пока твой Таурус закончит работу.

— Тихо! — резко оборвала она и повернулась к нему. — Ты пришел петь гимны?

— А все, что захочешь, — ответил Джордж.

— Как мило с твоей стороны, Джордж! — воскликнула Алиса с иронией.

Алиса — низенькая, пухленькая девушка, к тому же бледненькая. Взгляд вызывающий. Ее мама принадлежала к семейству Уилд, известному своей экстравагантностью и ошарашивающей прямоотой. У Алисы был замечательный отец и мама, страстно влюбленная в своего мужа. Алиса — дикая и экстравагантная одновременно, обладала добрым сердцем, была отзывчивая, мягкая. Наши мамы считались хорошими подругами, а Летти стала подругой Алисы. Но Летти обычно раздражалась по поводу вызывающего поведения Алисы. Хотя им было весело вдвоем, если рядом не торчали «старшие» друзья. Большинству мужчин нравилась компания Алисы, зато все они очень стеснялись, оставаясь с ней наедине.

— А для меня у тебя не нашлось слов? — спросила она.

— Это зависит от того, что бы ты ответила, — сказал он, смеясь.

— Ах, как же ты осторожен! А вот я бы скорее предпочла гвоздь в ботинке, чем осторожного мужчину. Ты, наверное, тоже, Летти? — вмешалась Алиса.

— Ну... это зависит от того, насколько далекая мне предстоит прогулка, — ответила Летти. — Если не придется хромать далеко...

Алиса отвернулась от Летти, которую она зачастую находила слишком строгой.

— У тебя унылый вид, Сирил, — обратилась она ко мне. — Может, кто-то пытался поцеловать тебя?

Я засмеялся и ответил:

— Наоборот, поступи так кто-нибудь, выглядел бы счастливым.

— Дорогой мальчик, немедленно улыбнись! — Она дотронулась пальцем до моего подбородка.

Я отскочил.

— О, как мы серьезны! Что с тобой? Джорджи... Скажи что-нибудь... Иначе буду нервничать.

— Что я должен сказать? — спросил он, сдвинув ноги и положив локти на колени.

— О Господи! — воскликнула она нетерпеливо.

Но он ничего не сказал, сидел, сложив ладони, улыбался одной стороной лица. Он нервничал. И разглядывал картины, безделушки и вообще все в комнате. Летти ставила цветы на камин, и он смотрел на нее. Она была одета в голубой фуляр с кружевным воротником и кружевными манжетами, очень высокая и гибкая. Ее головка с красивыми локонами сегодня была очаровательна. Он был не ниже ее, но казался меньше из-за широких плеч и сильных мышц. Он тоже был ловок и грациозен, но сейчас неподвижно пребывал в

кресле, набитом конским волосом. Она же была необычайно элегантна в каждом своем движении.

Немного погодя мама позвала нас ужинать.

— Пойдем, — сказала ему Летти. — Проводи меня к столу.

Он встал, чувствуя себя очень неуклюже.

— Поддай же мне руку, — сказала она, чтобы подразнить его. Он так и сделал, покраснев сквозь загар и почему-то испугавшись ее согнутой руки, наполовину скрытой кружевами, когда та легла на его рукав.

Мы сели, она взяла ложку и спросила его, что бы он съел. Он заколебался, взглянув на странные блюда, и сказал, что он бы поел сыру. Тогда девушки настояли на том, чтобы он попробовал новые для него мясные блюда.

— Уверена, тебе понравятся тантаффины. Правильно, Джорджи? — спросила Алиса насмешливо.

Он сомневался. Он сомневался даже относительно своего вкуса! Алиса стала упрашивать его поесть салата.

— Нет уж, спасибо, — сказал он. — Я не люблю его.

— О, Джордж! — сказала она. — Как можешь ты так говорить, когда я предлагаю его тебе!

— Ну... однажды я уже пробовал. Когда работал у Флинта, он подал нам жирный бекон и салат-латук, вымоченный в винном уксусе. «Еще салатцу?» — спрашивал он. Но с меня было достаточно.

— Наш латук, — сказала Алиса, — сладкий, как орех. Никакого уксуса в нашем латуке нет и в помине.

Джордж засмеялся смущенно, очевидно услышав в этом названии имя моей сестры^[1].

— Ладно, я тебе доверяю, — сказал Джордж, стараясь выглядеть очень галантным.

— Вы только подумайте! — воскликнула Алиса. — Наш Джордж мне доверяет. О, я весьма, весьма польщена!

Он вымученно улыбался.

Его рука лежала на столе. Большой палец согнут так, что его не видно. Костяшки на руке даже побелели от напряжения. Он поднял оброненную салфетку с пола и начал старательно складывать ее.

Летти не нравилось то, что происходило. Ведь она сознательно мучила его, мучила до тех пор, пока ей самой не стало неудобно из-за его неуклюжести. Теперь она чувствовала себя виноватой и испытывала раскаяние. Она подошла к пианино, как поступала всегда, когда хотела поднять настроение. Если она сердилась, обычно играла Чайковского. Если грустила — Моцарта. Сейчас же она играла Генделя, ожидая, что небесные звуки его музыки воодушевят ее, заставят воспарить к снам и мечтам Якоба, стать такой же прекрасной, как девушки на картинах Блейка.

Я часто говорил Летти, что игра на пианино заменяет ей скандалы, что клавиши помогают выражать бурные эмоции звуками, избегая грубости слов. Обычно она притворялась, что не понимает меня. И вдруг она удивила меня тем, что во время игры у нее полились слезы. Ради Джорджа она играла сейчас «Аве Марию» Гуно. Ей хотелось, чтобы он погрустнел, задумался о том зле, которое окружало его в жизни. Я улыбнулся ее наивной уловке. Когда она закончила, ее руки еще какое-то время лежали без движения на клавишах. Она повернулась и посмотрела ему прямо в глаза. Казалось, она улыбается. Но нет, она вновь

опустила свой взор вниз, на колени.

— Ты не устал от моей музыки? — тихо спросила она.

— Нет, — Джордж помотал головой.

— Она нравится тебе больше, чем салат? — спросила она, поддразнивая его.

Нельзя сказать, что Джордж был красив. Его черты несколько тяжеловаты, грубоваты. Но когда он смотрел вот так доверчиво и неожиданно улыбался, вас захлестывало чувство симпатии к нему.

— Тогда я еще покормлю тебя музыкой, — сказала она и снова потянулась к пианино. Она играла тихо, задумчиво, потом на середине сентиментальной пьесы вдруг прекратила играть, встала и, отойдя от пианино, опустилась в низкое кресло у камина. Сидела там и смотрела на него. Он понимал, что она смотрит на него, но не спешил поворачиваться к ней, а лишь крутил свои усы.

— Сколько в тебе еще ребячливости, — сказала она ему мягко. Тогда он повернулся и спросил ее, почему ей так кажется.

— Ты ведешь себя, как мальчик, — повторила она, откинувшись в кресле и лениво улыбаясь ему.

— Что-то я за собой такого никогда не замечал, — ответил он серьезно.

— Неужели? — хихикнула она.

— Нет, — настаивал он.

Она от души рассмеялась и сказала:

— А ты взрослеешь.

— Это как же понимать?

— Взрослеешь и все, — повторила она, продолжая смеяться.

— Да во мне никогда и не было никакой ребячливости, — не сдавался он.

— И напрасно, — ответила она, — если ты ребячлив, значит, ты — настоящий мужчина. Чем больше мужчина старается не быть ребячливым, тем быстрее он превращается в дурака и ничтожество.

Он засмеялся и стал обдумывать сказанное ею.

— Любишь картины? — спросила она вдруг, устав смотреть на него.

— Больше всего на свете, — ответил он.

— Если не считать плотных обедов, теплой погоды и безделья по вечерам, — резко добавила она.

Он посмотрел на нее, ошарашенный внезапным оскорблением, потом поджал губы, как бы пробуя на вкус свое унижение. Она раскаялась и улыбнулась в знак примирения.

— Сейчас покажу тебе кое-что, — она поднялась и вышла из комнаты.

Вернулась она со стопкой больших книг в руках.

— Ого! Какая ты сильная!

— Ты просто очарователен, когда отпускаешь мне такие комплименты, — сказала она.

Он посмотрел на нее, чтобы убедиться, не шутит ли она.

— Это самое лучшее, что ты смог придумать, верно? — спросила она.

— Разве? — глупо переспросил он, не желая чувствовать себя попавшим впросак.

— Конечно, — ответила она и положила книги на стол. — Одни смотрят на мои волосы, другие обращают внимание на то, как я дышу, как поднимается и опускается моя грудь, третьи любят шею, и только немногие — ты к ним не относишься — смотрят мне в глаза, чтобы понять мои мысли. Что касается тебя, тут особая статья. Ты обратил внимание

на мою силу. «Какая ты сильная!» Да ты просто мужлан!

Он сидел и смущенно крутил свои усы.

— Тащи сюда стул, — велела она, пересев к столу и раскрыв книгу. Она рассказывала ему о каждой иллюстрации, настаивая на том, чтобы он высказал и свое мнение. Иногда он не соглашался с ней, и она не спорила. Иногда же, наоборот, между ними возникала перепалка.

— Послушай, — говорила она, — вот представь, что здесь появился древний британец в шкурах и теперь противоречит мне, как это сейчас делаешь ты. Разве ты не счел бы его ослом?

— Не знаю, — усомнился он.

— Но ты бы поступил именно так, — заявила она. — Ты же невежда, ничего не знаешь.

— Тогда зачем ты интересуешься моим мнением? — обиженно спросил он.

Она засмеялась.

— Замечательный вопрос! Думаю, ты мог бы быть чуть повежливее, знаешь ли.

— Спасибо, — сказал он, иронически улыбаясь.

— О! — подхватила она. — Значит, считаешь себя совершенством. Но ты таковым не являешься. Иногда ты просто раздражаешь.

— Да, — воскликнула Алиса, снова появляясь в комнате, уже одетая для улицы. — Он распускается так медленно! Слишком много свиста! Кому нужны друзья для остывших обедов? Ты бы не встряхнула его, а, Летти?

— Я еще не решила, хочу ли я этого, — ответила Летти спокойно.

— Ты когда-нибудь нес горячий пудинг, Джорджи? — невинно осведомилась Алиса, незаметно толкнув меня в бок.

— Я?!. А что?.. Почему ты об этом спрашиваешь? — растерялся он.

— О, я только беспокоюсь, не требуется ли кому микстура от несварения желудка. Папа готовит ее так: полторы меры на бутылку...

— Я не понимаю... — начал он.

— Да-да-да, парнишка. Я дам тебе время подумать. Спокойной ночи, Летти. Меньше видишь — крепче любишь... Джорджи... или кого-то там еще. Пока. Проводи меня, Сирил, любовь моя. Луна светит... Спокойной ночи всем, спокойной нота!

Я провожал ее до дому, пока они оставались и смотрели иллюстрации в книгах. У него была склонность к романтизму. Ему нравились картины Копли, Филдинга, Каттермоля и Беркет Фостер. Что же касается работ Гертена и Девида Кокса, то в них он не находил ничего примечательного. Они немного поспорили о Джордже Клаузене.

— Но, — сказала Летти, — он самый настоящий реалист, он открывает красоту в самых обычных вещах, он делает таинственным и загадочным все простое, обыденное, с чем мы сталкиваемся в повседневной жизни. Я это хорошо знаю и поэтому могу так говорить. А если бы я была на поле вместе с тобой, когда ты работаешь мотыгой...

Эта идея его потрясла, поразила его воображение. Картина Клаузена, которую они обсуждали, так и называлась — «Работа мотыгой».

— Обрати внимание на краски, которыми он изобразил закат, — сказала она, снова привлекая его внимание к предмету обсуждения, — а если ты посмотришь на землю, то у тебя возникает ощущение теплого золотого огня, и чем больше ты будешь обращать внимание на цвет, тем интенсивнее он станет, он будет постоянно усиливаться, пока ты не посмотришь на что-нибудь еще. Ты просто слеп. И только наполовину родился. Ты вырос в

благополучной семье, в довольстве. Ты крепко спишь. Ты — пианино, на котором пока играют только простые гаммы. Солнечный закат для тебя ничто, потому что он обычен, его можно часто видеть. О, ты заставляешь меня злиться, мне даже хочется, чтобы ты страдал. Если бы ты был болен; если бы ты вырос в доме, где тебя угнетают, если бы тебя переполняли сомнения — ты бы стал мужчиной уже сейчас. Ты напоминаешь бутон, который летом кажется таким свежим и красивым, но никогда не распустится в цветок. Что же касается меня, то цветок живет в моей душе, он хочет цвести, цвести дальше. Цветы не распускаются, если их перекармливать. Для этого нужны страдания. Хочешь знать, как я почти прикоснулась к смерти? Ты ничего не знаешь... Чувство смерти постоянно витает в этом доме. Я уверена, моя мама ненавидела моего отца перед тем, как мне родиться. Смерть уже текла по моим жилам перед тем, как мне родиться. Вот что делает страдание...

Он внимал ей. Его глаза расширились. Рот приоткрылся, как у ребенка, который слушает сказку, хотя не понимает слов. Наконец она прервалась, посмотрела на него, нежно засмеялась и похлопала его по руке, приговаривая:

— О, мое доброе сердечко. Ты переживаешь? Как ты слушал меня, а ведь в моих словах не было ничего, что бы имело отношение к реальности!

— Тогда, — спросил он, — зачем ты говорила все это?

— О, вот это вопрос вопросов! — Она засмеялась. — Давай-ка вернемся к нашим баранам.

Они снова принялись листать иллюстрации, обсуждая их от случая к случаю, пока Джордж вдруг не воскликнул:

— Вот!

Это была картина Мориса Грейффенхагена «Идиллия».

— Ну и что здесь? — спросила она, вспыхнув. Ей припомнились собственные восторги по поводу этой картины.

— Разве это не прекрасно?! — воскликнул он, глядя на нее заблестевшими глазами. Его зубы белели в улыбке.

— Что? — спросила она, опустив голову в смущении.

— Ну, это... смотри, какая девушка... полуиспуганная... и страстная! — сказал он.

— Она вполне может испугаться, когда появится варвар в шкурах, сильный, властный и всякое такое.

— Разве тебе не нравится эта картина? — спросил он.

Она пожала плечами и сказала:

— Вот ты полюбишь какую-нибудь девушку, и, когда на поле расцветут маки, она упадет в твои объятия. Ей потребуются большее мужество, не так ли? И вообще...

Она рассеянно листала книгу и не смотрела на него.

— Но, — глаза его блестели, — этого мне было бы довольно...

— Нет, мальчик, нет! — воскликнула она, смеясь.

— Но я не должен терять голову... — настаивал он. — Не знаю, как я поведу себя, когда мне понравится какая-нибудь девушка, о которой пока и не мечтаю...

— Сэр Галахад, — сказала она ему насмешливо-нежным голосом и коснулась его щеки пальчиком. — Вам бы следовало стать монахом, картезианцем.

Он засмеялся. У него перехватывало дыхание под напором нового чувства, в груди вдруг запылал сильный огонь, а мускулы рук напряглись. Он взглянул на ее грудь и вздрогнул.

— Ты сейчас учишься, чтобы хорошо сыграть свою роль потом? — спросила она.

— Нет... нет... — Он старался смотреть на нее, но не мог. Хрипло засмеялся и опустил голову.

— Так что же? — спросила она с интересом. — Говори...

Он немного успокоился, но его глаза все равно полыхали таким огнем, что заставили ее отпрянуть назад, как будто пламя опалило девичье лицо. Она опустила голову и посмотрела на свое платье.

— Ты не видел этой картины раньше? — спросила она тихим, невыразительным голосом.

Он закрыл глаза и смущенно кивнул.

— Нет, никогда, — ответил он.

— Удивительно, — сказала она. — Это известная картина, и ее репродукции очень распространены.

— Разве? — спросил он. Она подняла голову, взгляды их встретились. Они некоторое время смотрели друг на друга, потом оба отвернулись снова. Это было пыткой для обоих — смотреть так близко друг на друга. Обоим эта близость причиняла боль. Они чувствовали в воздухе электрические разряды. Почти в панике Летти подыскивала слова.

— По-моему, эта картина выставлена в Ливерпуле, — наконец сказала она.

Он решил поддержать разговор и поэтому с трудом выдавил из себя:

— Я и не знал, что в Ливерпуле есть картинная галерея.

— О да, есть, и при этом очень хорошая, — сказала она.

Они снова встретились взглядом. Оба покраснели и отвернулись. Только так, отвернувшись друг от друга, они могли говорить. Наконец она встала, собрала книги и унесла их. У дверей она обернулась. Не могла же она упустить такой случай, чтобы лишний раз не поддеть его.

— Ты по-прежнему восхищаешься моей силой? — невинно поинтересовалась она.

Она была великолепна. Голова откинута назад. Красивая шея выгнута. Грудь вздымалась над стопкой книг, которые она держала на вытянутых руках. Он неотрывно смотрел на нее. Их губы улыбались. Она сделала горлом глотательное движение, и оба сразу почувствовали, как кровь по-сумасшедшему пульсирует в их жилах. Слегка задрожав, она вдруг повернулась и стремглав выбежала из комнаты.

Пока ее не было, он сидел и, как всегда, крутил усы. Она возвратилась в холл, что-то сумбурно бормоча себе под нос по-французски. Будучи под впечатлением игры Сары Бернар в «Даме с камелиями» и в «Адриенне Лекуврер», Летти зачастую подражала великой актрисе. Насмешливость также накатывала на нее волнами. Она смеялась над всеми, над собой, над мужчинами вообще и над любовью в частности. Что бы Джордж ни говорил ей, она отвечала ему той же сумасшедшей скороговоркой по-французски. Это выглядело странно, даже вызывающе. Он недоуменно поднял бровь, как поступал всегда, когда что-то причиняло ему боль, поморщился, он ничего не понимал.

— Ну, ну, ну, ну! — воскликнула она наконец. — Можно же нам побыть иногда буйными сумасшедшими или обязательно надо казаться умудренными жизнью?

— Я хотел бы тебя понимать, — сказал он.

— О, бедняжка, — засмеялась она. — Как он нынче трезв и серьезен! И с таким лицом ты пойдешь домой? Они подумают, что мы тебя не накормили ужином, раз ты такой грустный.

— Я ужинал... и хорошо поужинал... — начал он, его глаза улыбались. Он был очень

возбужден.

— О ужас! — воскликнула она в ответ на это. — Но это же такая малость по сравнению с тем, что я способна дать?

— Разве? — откликнулся он, и они улыбнулись друг другу.

— И притом самое худшее, — ответила она. Они постояли немного. Он смотрел на нее не отрываясь.

— До свиданья, — сказала она, протягивая руку. В ее голосе звучали теплота и симпатия. Он смотрел на нее, и его глаза блестели. Потом он взял ее руку в свою. Она сжала его пальцы, задержав его руку в своей. Потом застеснялась собственных чувств и опустила глаза. На его большом пальце был глубокий порез.

— Тебе больно? — очень нежно спросила она.

Он засмеялся снова.

— Нет, — сказал он мягко, словно его большой палец не стоил того, чтобы о нем говорить. Они снова засмеялись друг другу, и он, осторожно высвободив свою руку, ушел.

Глава IV

ОТЕЦ

Наступила осень, и красные георгины, которые так долго сохраняют свет и тепло в своих душах по вечерам, умерли в ночи, утром им было нечего показать людям, кроме коричневых увядших шаров.

Когда в один из вечеров я проходил мимо дверей почты в Эбервиче, меня окликнули и сунули мне письмо для мамы. Неровный почерк на конверте вселял в меня смутное беспокойство. Я отложил письмо, забыв о нем, и вспомнил лишь поздним вечером, когда хотел чем-то заинтересовать, развлечь маму. Она взглянула на почерк и стала нервно надирать конверт. Письмо она отстранила от себя, поднеся лист бумаги поближе к лампе и прищутив глаза, попыталась прочитать его. Я нашел ее очки, но она даже не сказала «спасибо», руки у нее дрожали. Она быстро пробежала глазами коротенькое послание, потом перечитала его снова и продолжала неотрывно смотреть на чернильные каракули.

— Что там, мама? — спросил я.

Она ничего не ответила, по-прежнему уставясь в письмо. Я подошел к ней, положил руку на плечо, чувствуя себя очень неловко. Она не обратила на меня внимания и тихо пробормотала:

— Бедный Френк... бедный Френк.

Френком звали моего отца.

— Ну, что там, мама?.. Скажи, в чем дело, что случилось?

Она повернулась и посмотрела на меня, как будто видела впервые в жизни, затем встала и принялась ходить по комнате. Потом она вышла из комнаты, и я слышал, как она покинула дом.

Письмо упало на пол. Я поднял его. Почерк был очень неровный, прерывистый. На конверте была указана деревня, находившаяся в нескольких милях отсюда. Письмо было отправлено три дня назад.

«Моя дорогая Леттис! Тебе захочется узнать, отчего я ушел. Я вряд ли проживу еще день-два — с почками совсем плохо, моим мучениям вот-вот придет конец. Однажды я уже приходил. Я не видел тебя, но я видел девушку в окне и перекинулся несколькими словами с парнем. Он ничего не знал и ничего не чувствовал. Думаю, девушка повела бы себя иначе. Если бы ты знала, как я одинок, Леттис, как я всю жизнь был ужасно одинок, ты бы, наверное, пожалела меня.

Я сохранил, что мог, чтобы заплатить тебе. Я получил все сполна, Леттис, и рад, что настает конец и что самое худшее теперь позади.

Прощай. Навсегда. Твой муж Фрэнк Бердсолл».

Я был потрясен этим письмом от моего отца и судорожно пытался вспомнить его, но я знал, что воображаемый мною образ высокого, красивого, темноволосого мужчины со светло-голубыми глазами был во многом создан со слов матери, его портрет я видел лишь однажды.

Их брак был несчастлив. Мой отец, который вел себя фривольно, даже вульгарно, обладал немалым обаянием. Он был прирожденным лжецом, напрочь лишенным порядочности, и постоянно обманывал маму. Постепенно ей открылись его лживость и двуличие; ее дух восстал против такого положения вещей, поскольку к тому времени все

надежды и иллюзии разлетелись вдребезги на мелкие осколки. Прежде всего она отвратилась от него как женщина, убедившись в том, что ее любовь и романтические мечты — не более чем грезы. А когда он покинул ее ради других удовольствий — Летти тогда было три годика, а мне пять лет, — ей пришлось особенно трудно. До нее доходили разные слухи. И никогда ничего хорошего. Известно было только, что он процветал. Он никогда не приходил повидаться с ней, не писал ей все эти восемнадцать лет.

Моя мама неожиданно вошла в комнату. Села. Она надела свой черный передник, потом тут же сняла.

— Знаешь, — сказала она, — он прав в том, что касается детей, именно вас я оберегала все это время.

— Он мог бы и прийти, — настаивал я.

— Я настраивала вас против него. Я берегла вас от него, а он хотел вас видеть. Теперь я должна быть рядом с ним... мне давно следовало отвести тебя к нему.

— Но как же ты могла, если не знала ничего о нем?

— Он мог прийти... он хотел прийти... многие годы я чувствовала это. Но сторонилась его. Я знаю, это моя вина. Я чувствовала это, и он чувствовал. Бедный Фрэнк... он понял сейчас, как ошибался. Он не мог быть таким жестоким, как я...

— Нет, мама. Ты потрясена новостью и поэтому говоришь так.

— Просто это сообщение заставило меня правильно понять все. Я давно чувствовала душой, как он страдает. Это чувство жило во мне постоянно. Я знала, да, я точно знала, что нужна ему, как и вы, я чувствовала это. Особенно явственно ощущала это последние три месяца... я была так жестока с ним.

— Ну, что ж... Мы пойдем к нему, пойдем? — спросил я.

— Завтра... завтра, — ответила она, наконец обратив на меня внимание. — Я поеду утром.

— И я с тобой.

— Да... утром. Летти будет на гулянье в Чатсворте... не рассказывай ей ничего... Мы ничего ей не скажем.

— Ладно, — сказал я.

Вскоре мама поднялась наверх. Летти вернулась довольно поздно из Хайклоуза. Лесли в дом не заходил. Утром они на машинах отправлялись на гулянье в Мэтлок и Чатсворт. И она была так возбуждена, что ничего вокруг не замечала.

Как бы там ни было, мы с мамой не смогли уехать до полудня. Было тепло. Воздух отливала мягкой желтизной, когда мы сошли с поезда в Коссете. Мама настаивала на том, чтобы пройти пешком две мили до деревни. Мы медленно шли по дороге мимо пестрых с преобладанием красного цвета холмов. Как бы нехотя, с трудом мы добрались до места. Едва завидев маленькую серую башенку церкви, мы услышали довольно громкие медные звуки музыки. В маленьком поселке в самом разгаре был праздник Уейкс.

Несколько деревянных лошадок весело крутились на карусели, а лодки-качели взмывали в голубое небо. Мы с мамой присели на скамейку и посмотрели на гулянье. Тут продавали кокосовые сладости. По всему полю были разбросаны балаганы. Стайки ребят тихо передвигались от аттракциона к аттракциону. Загорелый мужчина шел через поле, неся в руках два ведра с водой. Из ярких, раскрашенных дверей фургончиков выглядывали женщины, а под ступенями лежали ленивые собаки, которые то вскакивали, то снова ложились. Медленно разворачивался праздник. Особого шума, гама вроде не было. Крупная

дородная женщина мужским голосом зазывала ребят на какой-то аттракцион. Красивый мужчина стоял, расставив ноги, на возвышении и, отклонившись назад, играя на пальцах и губах, свистел и удивительно похоже подражал различным звукам. Возникло ощущение, что это не он свистит с помощью пальцев и губ, а дикий гусь летает вокруг, хлопая крыльями. Маленький, толстый человечек с уродливо раздутой грудью вопил из будки перед толпой зевак, призывая их принять вызов молодого силача, который стоял, скрестив руки, со сжатыми кулаками, с мощными бицепсами. Когда его спросили, готов ли он сразиться с возможными противниками, молодой человек кивнул головой, не утруждая себя словесным ответом.

— Вот это сила! Да он может одной левой уложить двух противников! — вопил маленький толстый человечек с раздутой грудью, пытаясь раззадорить трусоватых парней и девушек. Чуть поодаль слышался голос торговца кокосовыми сладостями, который безуспешно уговаривал покупателей попробовать его товар. Молодежь не хотела рисковать мелочью и пробовать то, что он предлагал. Маленькая девочка подошла к нам и посмотрела на нас, лакомясь мороженым, зажатым между двумя вафельками. Однако мы, очевидно, показались ей неинтересными объектами, и она направилась к балаганам.

Мы уже почти отважились пересечь площадь, где раскинулась ярмарка, когда услышали звон церковного колокола.

«Один... два... три...». Неужели действительно колокол пробил три раза? Потом ударил более низкий колокол: «Один... два... три». Колокол звонит по усопшему. Я посмотрел на маму. Она отвернулась от меня.

Человек, подражавший звукам, продолжал свистеть... Женщина хриплым голосом продолжала зазывать на свой аттракцион. Потом наступило затишье. Мужчина с раздутой грудью зашел за занавес, чтобы помериться силами со своим здоровенным товарищем. Продавец кокосовых сладостей в сердцах двинул в «Три Бочки». Сладости были доверены попечению нахальной девицы семнадцати лет. Деревянные лошадки все еще носились по кругу. На них восседали два испуганных мальчугана.

Вдруг опять зазвучал колокол, издававший резкий низкий звук. Я слушал, но не мог сосредоточиться на счете ударов. Один, два, три, четыре... в третий раз какой-то здоровенный парень решил покататься на лошадках, но у него ничего не получилось... восемь, девять, десять... без сомнения, у свистевшего мужчины слишком выдается кадык — адамово яблоко... полагаю, ему больно, когда он говорит, поскольку кадык так выпячен... девятнадцать, двадцать... девочка слизывает мороженое малюсенькими порциями... двадцать пять, двадцать шесть... — я подумал, а действительно ли я правильно досчитал до двадцати шести, считал-то я чисто механически. Я сдался и стал смотреть на лысую голову лорда Теннисона на раскрашенном транспаранте, за ним выплывало изображение краснолицего лорда Робертса, потом Дизраэли с лицом негодяя.

— Пятьдесят один, — сказала мама. — Пошли... пошли.

Мы поспешили сквозь людскую толпу к церкви, и вскоре очутились возле сада, где последние красные часовые выглядывали из-за верхушек остролиста. Сад представлял собой нагромождение беспорядочно посаженных вялых розовых хризантем и жалких майских кустов, среди которых тянулись вверх призрачные стволы остролиста. Сад примыкал к приземистому темному дому, который, казалось, сжался, съежился, скрытый зарослями тиса. Мы подошли к нему поближе. Шторы были опущены, но все равно можно было видеть, что в одной из комнат горели свечи.

— Это Тисовый Дом?^[2] — спросила мама подошедшего к нам любопытного паренька.

— Это — дом миссис Мей, — ответил мальчик.

— Она одна живет? — спросил я.

— С французом Карлином. Но он умер... и она зажгла свечи там, где лежит покойник.

Мы постучали в дверь.

— Вы пришли насчет него? — хрипло прошептала согбенная старая женщина, глядя на нас своими очень голубыми глазами и беспрестанно кивая трясущейся головой в бархатном чепце на одну из комнат.

— Да, — сказала мама, — мы получили письмо.

— Ах, бедняга... он нас покинул, миссис, — и старая леди тряхнула головой.

Затем она посмотрела на нас с любопытством, наклонилась вперед, положила свою сухую, старую, покрытую синими венами руку на мамин локоть и шепнула доверительно:

— Свечи уже дважды прогорели. Он был отличным парнем, просто замечательным!

— Мне нужно зайти и уладить кое-какие дела... я его ближайшая родственница, — сказала мама дрожащим голосом.

— Да... я должно быть вздремнула, потому что когда очнулась, было уже совершенно темно. Миссис, я больше не сижу с ним и многие свои дела даже отложила ради него. Да, он ведь страдал, он так мучился, миссис... да, миссис! — Она подняла свои древние руки и посмотрела на маму своими ясными голубыми глазами.

— Вы не знаете, где он хранил свои бумаги? — спросила мама.

— Да, я спросила отца Бернса об этом; он сказал, что нам нужно молиться за него. Я купила свечи на собственные деньги. Он был хорошим парнем, очень хорошим! — И она опять скорбно тряхнула седой головой. Мама шагнула вперед.

— Хотите его видеть? — спросила старая женщина испуганно.

— Да, — ответила мама, выразительно кивнув. Она уже поняла, что старуха просто-напросто глуха.

Мы прошли вслед за женщиной на кухню, затем в длинную низкую комнату, темную, с опущенными шторами.

— Садитесь, — пригласила старая леди все тем же тихим голосом, как будто говорила сама с собой. — Вы случайно не его сестра?

— О... жена его брата! — высказала догадку старая леди.

Мы покачали головами.

— Кузина? — снова попыталась догадаться она и посмотрела на нас внимательно. Я утвердительно кивнул.

— Посидите тут минутку, — сказала она и вышла. Она толкнула дверь и, выходя, задела кресло. Вернувшись, она принесла бутылку и пару стаканов и уселась, расставив все это на столе. Глядя на ее тонкие, сморщенные запястья, с трудом верилось, что она способна удержать бутылку.

— Он ее только начал... выпейте немного для поднятия духа... давайте, — сказала она, подвигая бутылку к маме, и заспешила из комнаты, вернувшись уже с чайником и сахаром. Мы стали отказываться.

— Ему больше не понадобится, бедняге... А это — хорошая выпивка, миссис, он всегда употреблял хорошие напитки. Ах, за последние три дня он не выпил ни капли, представляете, ни капли. Ну, давайте, раз осталось, давайте.

Мы опять отказались.

— Он там, — прошептала она, указывая на закрытую дверь в темном углу мрачной кухни.

Войдя туда, я споткнулся о маленький порожек и тут же налетел на столик, где стоял высокий бронзовый подсвечник. Он с грохотом упал на пол.

— Ах!.. Ах!.. О Господи! Боже мой! Боже мой! — запричитала старая женщина. Вся дрожа, она обошла вокруг кровати и снова зажгла очень большую свечу. Свет упал на ее старое, морщинистое лицо и осветил большую темную кровать из красного дерева, капли воска упали на пол. В мерцающем свете свечей мы могли видеть очертания человеческого тела под покрывалом. Она приоткрыла покрывало и снова начала причитать. У меня сильно забилося сердце. Я был потрясен. Я не хотел смотреть на лицо покойного, но должен был это сделать.

На кровати лежал тот самый мужчина, который повстречался мне в лесу, только теперь его лицо было безжизненным. Я ощутил в душе сильную горечь, чувство ужаса и страха переполняло меня, я снова был очень маленьким и очень одиноким в огромном пустынном мире. Точь-в-точь крохотная песчинка, которая бессознательно несется куда-то в темноте. Потом я почувствовал, как мама положила мне руку на плечо и горько воскликнула:

— Ох, сынок, сынок!

Я вздрогнул и пришел в себя. На мамином лице не было слез. Оно выражало лишь великую скорбь.

— Ничего, мама... Ничего, — утешил я.

Она встала и закрыла лицо руками. Потом подошла к старой леди и взяла ее за руку, видно, хотела, чтобы та успокоилась и прекратила свои причитания. Женщина вытерла со щек старческие слезы и аккуратно убрала свои седые волосы под бархатный чепец.

— А где его вещи? — спросила мама.

— А? — переспросила старая леди, подставив ухо.

— Здесь все его вещи? — повторила свой вопрос мама громким голосом.

— Здесь. — Женщина обвела рукой комнату.

Обстановка состояла из большой кровати красного дерева (ковров на стенах не было), письменного стола, дубового шкафа, двух-трех стульев, тоже красного дерева.

— Я не могла поднять его наверх: здесь он пробыл всего около трех недель.

— А где ключ от письменного стола? — прокричала мама громко прямо на ухо женщине.

— Да, — ответила та. — Это — его письменный стол. — Она посмотрела на нас с каким-то сомнением, с боязнью, что она не понимает нас. Это было ужасно.

— Ключ! — крикнул я. — Где ключ?

Ее лицо выражало беспокойство, когда она качала головой. Я понял, что про ключ она не знает.

— А где его одежда? ОДЕЖДА, — повторил я, указывая на свое пальто.

Она поняла и пробормотала:

— Я отдам вам все.

Мы уже собирались пойти с ней, когда она заспешила наверх по лестнице, начинавшейся за дверью почти у изголовья кровати, как вдруг услышали чьи-то тяжелые шаги на кухне, затем незнакомый голос произнес:

— Что, старая леди опять пила вместе с чертом? Эй, миссис Мей, идите сюда и выпейте со мной!

Мы слышали бульканье жидкости, которую наливали в стакан, и почти тут же свет из приоткрывшейся двери упал на край стола.

— Пойду, посмотрю, может, бабка пошла наверх, — сказал он вслух и тяжелой походкой двинулся к нам. Как и я, он сделал слишком маленький шаг, однако избежал неприятности со столом.

— Проклятый дурацкий порог, — сказал он в сердцах.

Я решил, что это доктор, поскольку он оставался в шляпе и, нисколько не смущаясь, смело расхаживал по дому. Большой, дородный, краснолицый мужчина.

— Прошу прощения, — сказал он, увидев маму. Мама поклонилась.

— Миссис Бердсолл? — спросил он, снимая шляпу.

Мама опять поклонилась.

— Я послал вам письмо. Вы его родственница... бедного старого Карлина? — он кивнул в сторону кровати.

— Ближайшая, — сказала мама.

— Бедняга... несладко ему пришлось. Вот что значит быть холостяком, мадам.

— Я очень удивилась весточке от него, — сказала мама.

— Да. Полагаю, он не относился к числу любителей писать письма друзьям. Туго пришлось ему. Ведь за все приходится платить. За все приходится отвечать... этим проклятым чертям... Прошу прощения.

На некоторое время воцарилась тишина. Доктор вздыхал, потом начал тихо насвистывать.

— Ну. Было бы гораздо удобней, если бы мы подняли шторы, — сказал он, открывая путь дневному свету. — Во всяком случае, — продолжал он, — у вас не будет никаких проблем, ни долгов, ничего подобного. Полагаю даже, вам кое-что останется. Поэтому не так все и плохо. Бедный чертушка, ему пришлось худо в конце концов. Но ведь нам так или иначе все равно приходится за все платить. Что там делает бабка? — спросил он, взглянув на потолок, сверху доносился шум: резко выдвигались ящики, хлопали дверцы шкафов.

— Мы попросили ключ от его письменного стола, — пояснила мама.

— О, я помогу вам найти его... Да и завещание тоже. Он сказал мне, где все находится, и просил передать вам, как только придете. Похоже, он много думал о вас. Возможно, хотел этим облегчить свою участь...

Мы слышали, как с шумом спускалась вниз старая леди. Доктор подошел к лестнице.

— Приветствую вас... и осторожней, пожалуйста! — крикнул он.

Однако с бедной старой женщиной произошло как раз то, чего он боялся. Она споткнулась, и куча брюк, которую она несла, посыпалась прямо в руки доктору. Он поддержал ее, помог спуститься с лестницы, приговаривая:

— Не ушиблись?... Нет? — Он улыбнулся ей и тряхнул волосами.

— А, доктор... доктор... Благослови вас Господь. Как я благодарна, что вы пришли. Ах!

— Ну, что вы... — Он покачал головой и поспешил на кухню. Там он плеснул ей стаканчик виски, не забыв и про себя.

— Выпейте, — сказал он, обращаясь к ней, — вам надо взбодриться.

Бедная старая женщина опустилась в кресло у открытой двери на лестницу. Груда одежды валялась на полу у ее ног.

С жалобным выражением на лице она осмотрелась. Дневной свет, сражавшийся со светом свечей, придавал призрачные очертания кровати с лежавшей на ней неподвижной

фигурой. Рука старой женщины дрожала так, что ей трудно было удержать свой стакан.

Доктор дал нам ключи. Мы открыли письменный стол и стали выдвигать ящики, вытаскивая и перебирая бумаги. Доктор сел рядом, потягивая виски из стаканчика и беседуя с нами.

— Да, — сказал он. — Он и жил тут всего два года. Как будто чувствовал, что скоро конец, так я полагаю. Он долго жил за рубежом. Поэтому его здесь и прозвали Французом. — Доктор сделал глоток, задумался и еще глотнул. — Да, настал и его день... сущий кошмар. Намучился же он! Хорошо, что старая леди глуха. Ужасно, когда мужчина просыпается от боли, кричит, мучается. — Глоток, глоток, глоток... Он снова задумался... потом налил себе еще стаканчик.

— Отличный парень... искренний, прямодушный. Люди не очень-то любили его, потому что не могли подняться до его уровня. А люди избегают тех, кто выше, ум... — Доктор заглянул в свой стаканчик и вздохнул.

— Как бы там ни было, нам будет его не хватать... не правда ли, миссис Мей? — вдруг громко произнес он, посмотрев на нас и бросив взгляд в сторону кровати.

Он закурил трубку и задумался. А мы в это время изучали бумаги. Писем среди них было очень мало, одно или два с парижским адресом. Много счетов, рецептов, записей... Бизнес, один сплошной бизнес...

Вряд ли можно было обнаружить проявление человеческих чувств во всем этом мусоре. Мама откладывала те бумаги, которые, по ее мнению, представляли хоть какую-то ценность. Собрав вместе целую кучу, она отнесла ее на кухню, чтобы сжечь. Казалось, она боялась найти здесь слишком много свидетельств чужой жизни.

Доктор продолжал наслаждаться табаком, время от времени произнося какие-то речи.

— Да, — говорил он. — Есть два пути. Вы можете жечь лампу быстро, с большим пламенем. И она будет гореть ярко, пока в ней не выгорит весь керосин. А потом она начнет вонять и дымиться. Или же вы станете прикручивать у нее фитилек, и она на вашем кухонном столе будет гореть долго, а погаснет потихоньку, мирно. — Тут он посмотрел на свой стаканчик и, увидев, что тот пуст, вернулся к реальности. — Нужна ли какая-нибудь помощь, мадам? — спросил он.

— Нет, благодарю вас.

— Ага. Я не думаю, что тут возникнут какие-либо проблемы. Да и слез прольется не так уж много... Когда человек прожил жизнь, потратил годы Бог знает, на что, нельзя ожидать от близких, что те воспримут потерю так уж остро. Однако и он думал о своем последнем дне, мадам. У него бывали периоды, когда он был богат. Но он не пускал деньги на ветер, а всегда будто чего-то ждал. Однако в его жизни не случилось таких событий, как, например, женитьба... Это вроде того, когда перед вами стоит блюдо и, хочешь не хочешь, а есть надо.

Он снова погрузился в раздумья и молчал до тех пор, пока мы не заперли письменный стол, не сожгли бесполезные бумаги, не распахали остальные по карманам и не набили ими черный портфель, после чего приготовились уходить. Тут доктор посмотрел на нас и вдруг сказал:

— Ну а как быть с похоронами?

Потом он обратил внимание на усталость в глазах мамы и вскочил со стула. Быстро схватив свою шляпу, он стал уговаривать нас:

— Пойдемте к моей жене на чашку чая. Живя в такой проклятой дыре, поневоле утратишь всякое воспитание. Пойдемте. Моя женушка так одинока здесь. Давайте прямо

сейчас и навестим ее.

Мама улыбнулась и поблагодарила его. Мы собрались уходить. Мама немного замешкалась. В дверях она обернулась в сторону кровати, затем вышла.

На улице, на свежем воздухе, в конце дня трудно было поверить, что все это — правда. Нет, это мало походило на правду. На белой подушке грустное бесцветное лицо с седой бородой, освещенное колеблющимся пламенем свечей. Все ложь: и деревянная кровать, и глухая женщина — все неправда. Вот желтое пламя маленьких подсолнухов — это правда, это — настоящее. И солнечные блики на теплых стенах старых домов — тоже правда, это — настоящее. Солнечный свет согрел нас, мы очнулись. Неправда покинула наши души. Нам больше не было холодно.

Хорошенький домик доктора смотрелся очень славно в окружении буков. У железной изгороди перед лужайкой какая-то женщина шутливо выговаривала довольно симпатичной корове, сунувшей своей темный нос через изгородь со стороны поля. Женщина — маленькая, темноволосая, в пестрой одежде. Она нежно гладила нос скотине, глядя прямо в карие влажные глаза, и ласково приговаривала на шотландский манер, так заботливая мать обычно разговаривает с ребенком.

Когда она с удивлением обернулась, чтобы поприветствовать нас, глаза ее еще лучились нежностью. Она угостила нас чаем с ячменными и пшеничными лепешками, с яблочным мармеладом, и все это время мы наслаждались ее голосом, приятным, мелодичным, веселым, как жужжание пчелок в листве лип. Хотя она и не произнесла ничего значительного, мы слушали ее с неподдельным вниманием.

Ее муж казался очень веселым и добрым. Она бросала на него быстрые взгляды, но в глаза ему старалась не смотреть. Он с веселой искренностью подшучивал над женой и всячески расхваливал, а потом вдруг начинал подтрунивать над ней. Затем он стал проявлять легкое беспокойство. Думаю, она боялась, что он перед этим слишком много выпил. Полагаю, она была даже потрясена и напугана, увидев его нетвердую походку, и особенно перепугалась, когда убедилась, что он пьян. У них не было детей. Я заметил, что он особенно старался шутить, когда видел, как она напряжена за столом. Он часто посматривал на нее и откровенно огорчался, потому что жена избегала смотреть ему в глаза, он явно начинал беспокоиться и, как я понял, не прочь был уйти.

— Думаю, теперь нам пора с вами к викарию, — сказал он мне.

И мы покинули эту комнату с окнами, выходящими на юг, на солнечные лужайки, комнату с изысканными маленькими акварелями, выполненными в утонченной манере, со множеством проявлений милого несовершенства: пустыми вазами для цветов, закрытым пианино, примитивными чашками, отбитым носиком у чайничка, из-за чего на скатерти появлялись пятна.

Мы отправились к столяру и заказали гроб, а доктор выпил там еще стаканчик виски. Была оплачена кладбищенская работа, и доктор тут же полакомился каплей бренди. Портвейн, которым угостил его викарий, окончательно развеселил доктора, и мы дружно отправились домой.

Теперь беспокойство, таившееся в темных глазах маленькой женщины, уже не могло испортить настроение доктору. Он спешил покинуть дом, а она нервно крутила обручальное колечко на пальце. Доктор прямо-таки настаивал на том, чтобы отвезти нас на станцию, несмотря на нарастающую в комнате тревогу.

— Вы будете с ним в полной безопасности, — убеждала нас его жена своим ласкавшим

слух хайлендским^[3] произношением. Когда мы обменялись рукопожатием на прощанье, я отметил, что у нее хоть и маленькая, но твердая, сильная ручка... А вообще я всегда терпеть не мог старые, черные, из шерсти альпаки^[4] платья.

* * *

Нам предстояло преодолеть довольно долгий путь из Эвербича домой. Часть пути мы проехали на автобусе, часть прошли пешком. Для мамы дорога оказалась непосильно длинной. Ноги ее очень устали.

Ребекка вышла из дома и из зарослей рододендрона высматривала нас. Она поспешила нам навстречу и спросила маму, не желает ли она чаю.

— Сейчас я вам приготовлю, — сказала она и побежала в дом.

Она то и дело вертелась вокруг, якобы затем, чтобы взять у мамы сначала шляпу, потом пальто. Ей хотелось поговорить с нами; ее тревожил вид моей мамы; она заметила черные круги у нее под глазами, вот и ходила теперь вокруг да около, не решаясь расспрашивать напрямую, но по всему было видно: она беспокоится и очень хочет знать обо всем, что произошло.

— Летти забегала домой, — сообщила она.

— И опять ушла? — спросила мама.

— Она приходила только сменить платье. Надела зеленое из поплина. И очень интересовалась, куда вы пропали.

— А что ты ей сказала?

— Что вы вышли куда-то ненадолго. Она обрадовалась этому. Вся такая веселая, оживленная, настоящая белочка.

Ребекка задумчиво посмотрела на маму. Наконец мама сказала:

— Он умер, Ребекка. Я видела его.

— Значит, Господь прибрал... Теперь вам не придется больше волноваться из-за него.

— Но он умирал в одиночестве, Ребекка. Совсем один-одинешенек.

— Ему выпала такая смерть, а вам по его милости — жизнь, — сказала на это Ребекка.

— Зато со мной оставались дети. Они дали мне все... Мы не будем ничего рассказывать Летти, Ребекка. Договорились?

— Ладно, не будем. — Ребекка вышла из комнаты.

— У тебя и у Летти теперь будут деньги, — сказала мне мама.

После отца осталась сумма в четыре тысячи фунтов или что-то около того. Она была завещана маме, а в случае ее отказа или смерти — Летти и мне.

— Ну, мама... это же нам, тебе.

Несколько минут мы молчали. Потом она негромко сказала:

— Ты мог бы иметь отца...

— Спасибо, что у нас его не было, мама. Благодаря тебе мы обошлись без него.

— Как ты можешь так говорить? — изумилась мама.

— Могу, — ответил я. — Я благодарен тебе за все.

— Если ты даже почувствуешь когда-нибудь презрение или отвращение к нему, постарайся быть великодушным, мой мальчик.

— Но...

— Да, — сказала она. — И не будем больше говорить об этом. Как-нибудь тебе придется рассказать все Летти... И ты сделаешь это. Расскажешь все.

Я действительно рассказал. Через неделю или чуть позже.

— Кто еще знает об этом? — спросила она, нахмурившись.

— Мама, Бекки и мы.

— Больше никто?

— Никто.

— Тогда хорошо, что он покинул этот мир, раз маме так пришлось страдать из-за него.

Где она, кстати?

— Наверху.

И Летти побежала к ней.

Глава V

ЗАПАХ КРОВИ

Смерть человека, который был нашим отцом, изменила нашу жизнь. Не то чтобы мы страдали, испытывали великую скорбь, хотя, конечно, мы переживали из-за постигшей нас утраты. Просто что-то изменилось в наших чувствах и в наших отношениях. Мы по-новому осознали себя, по-новому относились к окружающему миру.

Мы с Летти жили среди лесов и озер, и она чувствовала, любила природу, по-своему общалась с ней. Ей казалось, она слышит смех воды, слышит, как переговариваются и хихикают листья, словно маленькие девочки, а осина колышет листвою, точь-в-точь кокетка своими одеждами, и голоса лесных голубей, до глупости сентиментальные.

Она все видела, все подмечала; испуганный горестный крик ежа, попавшегося в западню, капканы среди елок, поставленные на свирепых маленьких убийц, с приманкой — кишками убитого кролика.

Как-то днем, спустя некоторое время после нашего визита в Коссетей, Летти сидела у окна. Солнце играло в ее волосах, нежно целуя волнистые пряди. Солнце любило Летти и неохотно оставляло ее. Она смотрела через озеро Неттермер на дом Хайклоуз, затянутый пеленой сентябрьского тумана. Если бы не яркий румянец на ее щеках, я бы подумал, что она сегодня грустна и серьезна. Она угнездилась на подоконнике, прислонив головку к деревянной раме, и задремала. И сразу снова превратилась в прелестное дитя эта спящая семнадцатилетняя девушка со слегка приоткрытыми пухлыми губками и легким дыханием. Меня пронзило щемящее чувство ответственности; я понимал, что должен оберегать, заботиться о ней.

Послышался скрип гравия. Это пришел Лесли. Он снял шляпу перед ней, думая, что сестра смотрит на него. Его великолепное телосложение, гибкость прежде всего напоминали о животной силе; ладная, ловкая фигура впечатляла, приятно было наблюдать, как он двигается.

Зато лицо не такое симпатичное. Он не был красив. Брови слишком светлые, нос велик и уродлив. Лоб, высокий, красивый, почему-то не выглядел благородным. Тем не менее его лицо излучало искренность и добродушие, а смех был на редкость заразителен.

Он удивился, почему она неподвижна. Но, подойдя ближе, понял. Тихо, на носочках, он пересек комнату и приблизился к ней. Милое, беззаботное, девчоночье выражение ее лица тронуло его отзывчивое сердце. Он наклонился и поцеловал ее в щеку, которую уже целовало солнышко.

Она наполовину пробудилась от сна с легким вздохом «Ох!», как разбуженное дитя. Он сел рядом и нежно притянул ее головку к себе, растроганно глядя на нее с ласковой улыбкой. Я подумал, сейчас она опять уснет. Но ее веки задрожали, глаза открылись.

— Лесли!.. Ой!.. Пусти! — воскликнула она, отталкивая его. Он отпустил ее и встал, глядя на девушку с откровенной симпатией. Она поправила платице и быстро направилась к зеркалу, чтобы привести в порядок прическу.

— Это нечестно! — воскликнула она, вся вспыхнув, раздраженная и взлохмаченная.

Он засмеялся и сказал примирительным тоном:

— Тебе не следовало спать и выглядеть такой миленькой. Что я мог поделать с собой?

— Это некрасиво! — сказала она, дрожа от гнева.

— А зачем нам вести себя «красиво»? Думаю, нужно гордиться тем, что мы чужды условностям. Почему я не должен поцеловать тебя?

— Потому что это касается меня тоже, а не только тебя.

— Дорогая моя...

— Мама идет.

Мама просто обожала Лесли.

— Ну, сэр, — сказала она. — Почему вы хмуритесь?

Он рассмеялся.

— Летти бранит меня за то, что я поцеловал ее, когда она играла роль спящей красавицы.

— Какая самонадеянность, тщеславный мальчик решил сыграть принца! — сказала мама.

— Но, к глубокому сожалению, я не справился с этой ролью, — заметил он печально.

Летти рассмеялась и простила его.

— Ну, — сказал он, глядя на нее с улыбкой. — Я зашел, чтобы пригласить тебя на прогулку.

— Действительно, прекрасный день, — поддержала его мама.

— Но мне ужасно неохота.

— Ничего, — ответил он. — Ты взбодрись. Иди, надень шляпку.

В его словах прозвучало нетерпение. Она взглянула на него. Его улыбка казалась странной. Она опустила взор и вышла из комнаты.

— Она пойдет со мной. Все отлично, — сказал он себе и мне. — Просто ей нравится дразнить.

Должно быть, она услышала его слова. Когда Летти вошла, натягивая перчатки, она мягко сказала:

— Пойдем с нами, Пэт.

Он резко повернулся и посмотрел на нее с гневным изумлением.

— Я предпочел бы остаться и закончить рисунок, — сказал я, чувствуя себя неудобно.

— Не надо. Лучше пойдем с нами. — Она взяла кисточку из моих рук и потянула меня из кресла.

Кровь прихлынула к щекам Лесли. Он направился в прихожую и принес мою кепку.

— Хорошо! — сказал он сердито. — Женщины любят строить из себя наполеонов.

— Да, дорогой Железный Герцог^[5], да, — продолжала она насмешничать.

— По крайней мере, в каждой истории свой Ватерлоо, — сказал он, поскольку она сама подсказала ему эту мысль.

— Сказали бы лучше «Питерлоо», мой генерал! Давайте произнесите «Питерлоо».

— Ага, Питерлоо, — откликнулся он, красиво изогнув губы. — Легкие завоевания!

— Ну, конечно, он пришел, он увидел, он победил^[6], — процитировала Летти.

— Так ты идешь? — спросил он, начиная все больше сердиться.

— Раз вы приглашаете, — ответила она, взяв меня под руку.

Мы шли рощей, потом брели взъерошенной опушкой вдоль шоссе, миновали какое-то подобие парка с косматой, растущей повсюду свободно травой, двинулись по желтым холмам, покрытым дроком и ежевикой, а также редкими колючими деревьями и странными шотландскими елями, напоминающими каких-то чудаков.

Листья падали на шоссе и весело шуршали под ногами. Вода была вязкой и голубой, а

пшеница сонной и вялой в копнах.

Мы взобрались на холм позади Хайклоуза и пошли по нему, вглядываясь вдаль, в сторону засушливого Дербишира, и не видя его, потому что стояла все-таки осень. Мы подошли к краю холма, откуда хорошо были видны Селсби и уродливая деревушка, проступавшая белым голым пятном на склоне.

Летти была в прекрасном настроении. Все время смеялась и шутила, то и дело срывала гроздь ягод и прикалывала их к платью. Занозив пальчик веткой куманики, она обратилась за помощью к Лесли, чтобы тот вытащил занозу.

Нам было весело, когда мы свернули с шоссе и направились по тропе. Справа — роща, впереди — высокие холмы Стрели. Поля же и прочие уголья — по левую сторону. Пройдя половину пути, мы слышали, как отбивали косу о точильный камень. Летти подошла к изгороди, чтобы посмотреть. Это Джордж работал в овсах на склоне холма, где нельзя было воспользоваться машиной. Его папаша сноровисто вязал снопы.

Мистер Сакстон увидел нас и, выпрямив спину, пригласил помочь. Мы перелезли через пролом в изгороди и торопливо зашагали к нему.

— А теперь, — велел он мне, — снимай-ка пиджак. — И обратился к Летти: — Ты не принесла нам выпить? Нет... Ну, это нехорошо! Гуляете, как полагаю? Видите, все созрело. — И, состроив гримасу, он наклонился, чтобы дальше вязать скошенные злаки в снопы. Славный человек. Такой дородный, румяный, полный жизни.

— Покажите мне, как это делается, я тоже хочу попробовать, — заявила Летти.

— Не-а, — сказал он нежно, — это может повредить твои ручки и испортить осанку. Посмотри на мои руки, — он потер ладонями друг о дружку. — Как наждак!

Джордж работал спиной к нам и не заметил гостей. Он продолжал косить. Лесли смотрел на него.

— Какая сноровка! — воскликнул он.

— Да, — ответил отец. Его лицо от усталости стало красным. — Наш Джордж получает удовольствие от такой работы. Вы тоже себя прекрасно почувствуете, когда преодолете первые трудности.

Мы подошли к еще не скошенной полосе. Солнце уже достаточно нагрело воздух, и Джордж сбросил шляпу. Его черные волосы были мокрыми, все в смешных завитушках. Стоя твердо на ногах, он ловко взмахивал косой. На боку, у пояса его брюк был привязан точильный камень. Мышцы на спине играли совсем как блики солнца на белом песчаном дне ручья. Было что-то завораживающее в плавных, равномерных движениях его тела.

Я заговорил с ним, и он обернулся, посмотрел на Летти, вспыхнув, улыбнулся. Он был очень красив в этот момент. Попытался сказать какие-то слова приветствия, потом наклонился и, собрав колосья в большую охапку, стал вязать сноп.

Летти тоже не нашлась, что сказать. Лесли, однако, не преминул заметить:

— Такая работа — прекрасное физическое упражнение.

— О да, — откликнулся тот, продолжая свое занятие, в то время как Лесли уже подобрал с земли косу. — Правда, от такой работы тело становится потным, а руки покрываются волдырями.

Лесли слегка встряхнул головой, сбросил пиджак и сказал коротко:

— Как вы это делаете? — И, не дожидаясь ответа, начал сам косить. Джордж ничего не сказал и повернулся к Летти.

— Ты выглядишь весьма живописно, — сказала она несколько смущенно. — Вполне в

духе картины «Идиллия».

— А ты? — спросил он.

Она пожала плечами, засмеялась и наклонилась, чтобы сорвать полевой цветок.

— Как вяжут снопы? — спросила она.

Он взял несколько длинных колосьев и показал ей, как это делается. Не сосредоточиваясь на этих приемах, она смотрела на его ладони, большие, твердые, с красными полосами, натертыми косой.

— Не думаю, что сумею так же, — сказала она.

— Нет, конечно, — мягко откликнулся он и посмотрел на то, как работал Лесли. Тот косил в принципе правильно, но все же в его работе не было музыки, как в движениях Джорджа.

— Боюсь, он вспотеет, — сказал Джордж.

— Ну, а ты? — подколола она.

— Немножко, ведь я разделся.

— Ты знаешь, — сказала она вдруг, — мне так хочется потрогать твои руки. Они так красиво загорели и выглядят такими сильными.

Он протянул руку. Она слегка поколебалась, потом дотронулась кончиками пальцев до коричневого мускула и тут же убрала, быстро спрятала свою ручку в складках юбки, покраснев при этом. Он засмеялся тихо, мягко и с явным удовольствием.

— Хотела бы я здесь поработать, — призналась она, глядя на еще не скошенные колосья. Он тоже посмотрел в ту сторону и опять тихо засмеялся.

— Нет, правда! — сказала она с чувством.

— Да, от такой работы чувствуешь себя просто замечательно, — сказал он, надевая рубашку и легонько потирая мышцы. — Она доставляет радость. Физический труд на воздухе вообще приятен сам по себе.

Она смотрела на него, на красивое юношеское тело. Подошел Лесли, вытирая с бровей пот.

— Боже милостивый, — сказал он. — Я весь взмок.

Джордж подобрал его пиджак и помог ему надеть, приговаривая:

— Вы можете простудиться.

— Прекрасное физическое упражнение, — повторил тот.

Джордж достал перочинный нож, стал ковырять им ладонь, вытаскивая занозу.

— Сколько же земли у вас, однако, — задумчиво произнес Лесли.

Летти больше ничего не говорила, только слегка отпрянула.

Отец, радуясь поводу выпрямить спину и поболтать, передохнуть, присоединился к нам.

— Скоро и у вас будет всего достаточно, — сказал он со смехом, обращаясь к Лесли.

Джордж вдруг посмотрел на нас и крикнул:

— Эй, смотрите!

Мы повернулись и увидели кролика, который бежал среди колосьев, прямоком к изгороди, петляя и прыгая среди снопов. Полоса на склоне холма занимала примерно пятьдесят шагов в длину и десять или около того в ширину.

— Не думал, что там кто-то есть, — сказал отец, подхватив короткие грабли и направляясь к стоящей стеной пшенице. Мы все пошли следом за ним.

— Смотрите! — крикнул отец. — Кто-то там трясет колосья!

Мы подоברались ближе.

— Хватайте! Ловите его! — возбужденно закричал отец, и тут на него выскочил кролик. — Эй... эй... эй, — кричал отец, — заворачивай его... заворачивай!

Мы начали швырять в кролика все, что попадало под руку. Сбитое с толку маленькое существо, напуганное дикими криками и топотом Лесли, свернуло с курса и стало петлять, направляя свой бег в сторону холма; исполненный ужаса и отчаяния, кролик выделял странные зигзаги, огибая снопы и перепрыгивая через колосья. Окончательно сбившись с курса, маленький негодник оказался зажат со всех сторон; к нему поспешил Джордж. Кролик спрятался под лежавшие колосья, но Джордж его увидел и упал сверху. Через мгновение он вскочил на ноги с ушастой тварью в руках.

Мы подошли к нескошенной полоске, возбужденные, вспотевшие, глаза наши сверкали. Я услышал приветственный крик Летти и, обернувшись, увидел Эмили, которая шла по полю с двумя детьми, поскольку ее путь из школы пролегал мимо.

— А вон и еще один! — крикнул Лесли.

Я обратил внимание на шевелившиеся верхушки колосьев.

— Сюда! Сюда! — завопил я.

Кролик выскочил и направился к изгороди. Джордж и Лесли, стоявшие неподалеку, стремительно бросились вперед, и ушастик повернул обратно. Я направил его в сторону отца, тот довольно быстро бегал раньше короткие дистанции, но сегодня ему было трудно угнаться за прытким зверьком.

Мальш рванул к воротам, но в это время Молли со шляпой в руке, с развевавшимися на ветру волосами выскочила ему навстречу. Она и ее одноклассник-мальчик погнались кролика обратно. Тот уже начал уставать, метался то туда, то сюда. Я побежал за ним. Если бы я мог заставить себя упасть на него, то, конечно, поймал бы зверька, но мне это было не по душе. Единственное, на что меня хватило — это помешать ему нырнуть в нору и спастись таким образом. Я побежал вдоль изгороди. Джордж уже догонял его. Кролик проскочил через дыру в изгороди. Джордж быстро упал на землю и попытался схватить его, но кролик успел спастись. Джордж лежал и смотрел на меня своими черными, блестящими от возбуждения глазами, в которых мелькала тень недовольства. Отдышавшись, он спросил:

— Почему ты не бросился на него?

— Я не смог, — ответил я.

Мы снова вернулись назад. Двое детей внимательно высматривали зверьков среди колосьев и потом решили, что больше никого здесь нет. Джордж начал косить. Проходя неподалеку, я заметил еще одного кролика, затаившегося у самого края нескошенной полоски. Его уши лежали на спине. По колыханию коричневого меха можно было видеть, как бьется его сердечко. Я разглядел и сверкавшие черные глаза, искоса смотревшие на меня. Мне не было его жалко, но все равно не хватало духу ударить. Я обратился к отцу Джорджа. Тот подбежал с граблями. Раздался громкий короткий вопль. Я почувствовал боль, как будто резанули по мне. Но кролик убежал. И тут же я забыл про его крик и стал преследовать зверька, чувствуя, как сжимаются мои пальцы, точно я собирался удушить его. Как все глупо. Тут подоспел Лесли, который упал на него и чуть не оторвал бедняге голову, охваченный жаждой убийства.

Я оглянулся. Девушки были уже у ворот, собираясь идти домой.

— Больше кроликов здесь нет, — сказал отец.

В этот момент раздался крик Молли:

— Эй, один залез в эту нору!

Нора оказалась такой узкой, что Джорджу было трудно просунуть туда руку, поэтому он стал расширять ее рукояткой грабеля. Палка грубо разворочала нору, и оттуда раздался писк.

— Мыши! — сказал Джордж. Не успел он сказать это, как из норы выскочила крольчиха. Кто-то ударил ее по спине. Нора была разрыта. Повсюду барахтались крольчата, которые напоминали мышей. Это было все равно, что убивать насекомых. Мы насчитали девять трупиков.

— Бедная зверушка, — сказал Джордж, глядя на крольчиху. — Как бы ты мучилась с таким выводком! — Он поднял ее и подержал в руках с выражением любопытства и сожаления на лице. Потом сказал: — Ну, сегодня до вечера я вполне могу закончить всю работу!

Его отец взял другую косу, прислоненную к изгороди, и вместе они стали косить колосья, стоявшие до этого с гордо поднятыми головами. Они косили, а мы с Лесли вязали снопы, и скоро работа была закончена.

День был на исходе. На западе туман становился совсем синим. Тишина прерывалась лишь ритмичным гулом машин на угольной шахте, поднимавших наверх последних рабочих.

Когда мы шли полем, то стерня под ногами звенела, как цимбалы. Запах скошенных хлебов витал в воздухе. Крики фазанов доносились из леса, и маленькие птицы стайками улетали на юг.

Я нес косу, и мы шли, приятно утомленные, вниз по склону холма, направляясь на ферму. Дети уже убежали домой, прихватив с собой кроликов.

Придя на мельницу, мы увидели, что девушки как раз встают из-за стола. Эмили стала собирать горшки, миски, кастрюли, освобождая стол для нас. Она посмотрела на нас и сухо поздоровалась. Летти взяла книгу, лежавшую на табуретке у печи, подошла к окну.

Джордж плюхнулся на стул. Он сбросил пиджак, откинул назад волосы. Его большие загорелые руки лежали, отдыхая, на столе. Какое-то время он молчал.

— От такой беготни, — сказал он, обращаясь ко мне и проводя рукой по глазам, — устаешь куда больше, чем от работы за целый день. Не думаю, что снова займусь этим.

— Спорт очень возбуждает, особенно когда соревнования заканчиваются, — встрял в разговор Лесли.

— От ловли кроликов гораздо больше вреда, чем прибыли, — высказалась миссис Сакстон.

— Ох, не знаю, мама, — сказал ее сын. — Все-таки это — лишняя пара шиллингов.

— И пара дней, отнятых у жизни.

— Чему быть, того не миновать! — откликнулся он, намазав хлеб маслом и откусив большой кусок.

— Налей-ка нам чайку, — обратился он к Эмили.

— Не знаю, чего и ждать от таких животных, — сердито откликнулась она, потом смягчилась и взялась за чайник.

— Все мужчины — животные, — заметила Летти с горячностью, не отрывая глаз от книги.

— Вы могли бы приручить нас, — сказал Лесли, пребывая в хорошем настроении.

Она не ответила. Джордж нарочно начал говорить таким тоном, который особенно раздражал Эмили.

— Конечно, вы не сходите с ума от охоты, но когда дотрагиваетесь до меха, вас тоже одолевает желание заполучить его, — он тихо рассмеялся.

Эмили с отвращением отодвинулась. Летти открыла было рот, чтобы что-то возразить, но промолчала.

— Не знаю, — сказал Лесли. — Когда приходит время убивать, это чувство появляется внутри нас как бы само собой.

— Раз вы способны бегать, — сказал Джордж, — значит, вы и будете бегать до самой смерти. Когда кровь взыграла, тут уж невозможно остановиться на полпути.

— Я думаю, мужчина — ужасное существо, — сказала Летти, — раз он способен оторвать голову такому маленькому существу, как кролик, да еще гонять его по всему полю.

— Значит, ты просто варвар, — сказала Эмили.

— Если бы тебе приходилось заботиться о своем пропитании, ты бы делала то же самое, — сказал Джордж.

— Ну, скажем, женщины тоже достаточно жестоки, — сказал Лесли, посмотрев на Летти. — Да, — продолжал он. — Они жестоки по-своему. — Еще один взгляд и комическая улыбочка.

— Ага, — подхватил Джордж. — Вы чересчур мелочны, требовательны, придирчивы. Коли можете что-то делать, так делайте.

— А у вас хватает смелости только на одно, — сказала Эмили обидным тоном.

Он посмотрел на нее своими черными глазами, вдруг наполнившись гневом.

— Раньше вы не думали, насколько это жестоко, — Летти не могла удержаться от вопроса, — а сейчас вы хоть можете спокойно подумать над тем, как это гнусно и подло — загонять бедное маленькое существо до смерти?

— Возможно, — согласился он. — Все равно мы не чувствовали этого час назад.

— Ты вообще лишен чувств, — сказала она горько.

Мы закончили чаепитие в полном молчании. Летти читала. Эмили ходила по дому. Джордж встал и куда-то ушел. Спустя некоторое время мы услышали, как он шагал через двор с молочными бидонами и пел про ясеневую рощу.

— Он никогда не спорит, — сказала Эмили огорченно.

Летти, задумавшись, смотрела в окно, выходящее во двор. Лицо ее было нахмурено.

Вскоре мы тоже отправились домой, пока не погас свет от воды в пруду. Эмили проводила нас до сада, где собиралась нарвать спелых слив. Сад был очень старый. Подорожник рос прямо среди колючих кустов крыжовника, забивал все тропинки. Деревья уже мало плодоносили, чего нельзя было сказать о сорной траве да еще о больших артишоках и огромных кабачках. Внизу, где заканчивались фермерские постройки, росло сливовое дерево, распятое на стене, сломанное, перевязанное и сильно наклонившееся вперед в своей белой повязке. Теперь в его ветвях скрывались большие, тронутые туманом, малиново-красные сокровища, восхитительно сладкие шары. Я потряс старый залатанный ствол, зеленый, даже со свежей смолой, выступившей недавно, и плоды тяжело попадали на землю, на ковер из опавших листьев под ногами. Девушки засмеялись, мы наскоро отделили подпорченные сливы от хороших и пошли обратно. Сад спускался к нижнему пруду, где густо росла сорная трава. Отец Джорджа говорил, что там любят гулять крысы. У воды рос толстый камыш. А на противоположном берегу взбегали на холм фруктовые деревья. Нижний пруд получал воду из глубокого темного шлюза, где как раз находился верхний пруд.

При нашем приближении две крысы побежали в кульверт^[7]. Мы присели на груды покрытых мхом камней и понаблюдали за ними. Крысы выскочили снова, пробежали

немного, остановились, прислушались, потом осмелели и стали шнырять взад-вперед, волоча за собой длинные голые хвосты. Вскоре уже шесть или семь серых зверьков играли в темноте возле входа в кульверт. Они сидели и умывали лапками свои острые мордочки, приглаживали усы. Вдруг одна из них стремительно рванулась, пискнула от возбуждения и, подпрыгнув высоко вверх, легко приземлилась на четыре лапки, побежала, ускользнув в тень. Другая напротив плюхнулась в воду и поплыла по направлению к нам. Острый носик и маленькие глазки быстро приближались. Летти вздрогнула. Я бросил камень в мертвый пруд, распугав их всех. Но сами мы испугались еще больше и поспешили прочь. Мы вздохнули с облегчением, только снова оказавшись во дворе. Домой мы так и не попали.

Лесли искал нас. Вместе с мистером Сакстоном он осмотрел двор и место, где хранился инвентарь.

— Вы от меня убежали? — спросил он у Летти.

— Нет, — ответила она. — Я хотела угостить тебя сливами. Смотри! — И она показала ему пару слив прямо с листьями.

— Они слишком прелестны, чтобы их есть! — сказал он.

— Ты же еще не пробовал, — засмеялась она.

— Пойдем, — сказал он, предлагая ей руку. — Пойдем к воде.

Она взяла его под руку.

Был прекрасный вечер. Мягкий желтый свет падал на ровную гладь пруда. Летти попросила посадить ее на сук плакучей ивы. Лесли устроился рядом, положив голову ей на юбку. Подошли и мы с Эмили. Мы слышали, как он бормотал что-то, а ее голос отвечал нежно, воркующе.

— Нет... лучше посидим спокойно... вокруг такой покой... мне сейчас это нравится больше всего на свете.

Мы с Эмили разговаривали, сидя под ольхой неподалеку. После дневного возбуждения, по вечерам, особенно осенью, тянет на грусть, на сентиментальность. Мы забыли о том, что объята темнотой. Я слышал почти рядом бормотанье Лесли, как будто на близком от тебя расстоянии летает и жужжит жук. Потом со двора послышалось пение Джорджа. Это была старая песня «Я посеял семена любви».

Пение заглушило голос Лесли. И поскольку оно все приближалось, мы двинулись навстречу Джорджу. Лесли сразу выпрямился, положил руки на колени и ничего не говорил. Джордж подошел ближе и сказал:

— Сейчас взойдет луна.

— Помоги мне слезть, — попросила Летти, протянув к нему руки. Он подхватил ее осторожно и нежно, как ребенка, потом опустил на землю. Лесли тоже соскочил с дерева и встал в стороне, негодуя на это вторжение.

— Я думал, вы все здесь вместе вчетвером, — сказал Джордж мягко. Летти быстро заговорила, точно оправдываясь:

— Так оно и есть. Так и было... а теперь мы впятером. Так, значит, луна сейчас взойдет!

— Да... Я люблю смотреть, как она всходит над лесом. Медленно выплывает и смотрит на тебя. Я всегда думаю: о чем она хочет спросить? Ведь мне есть что сказать, только не знаю, что, — сказала Эмили.

Там, где небо бледнело на востоке, над верхушками деревьев появился желтый серп луны. Мы молча стояли и смотрели. Вскоре выкатился весь огромный диск, поднялся и посмотрел сверху на нас. С головы до ног мы были залиты лунным светом.

Нам было приятно чувствовать, что наши лица словно окунулись в воду и купаются теперь в лунном море. Летти казалась радостной, несколько возбужденной. Эмили — встревоженной. Лесли — рассеянным. Джордж — задумчивым. Всепроникающие лунные пылинки незаметно впорхнули в его мысли и чувства. Наконец Лесли мягко, совершенно не к месту произнес, обращаясь к одной Летти:

— Пойдем, дорогая, — и взял ее за руку.

Она позволила ему увести себя, и они пошли по берегу, потом по настилу через шлюз.

— Ты знаешь, — сказала она, когда они осторожно поднимались по откосу среди фруктовых деревьев, — я чувствую себя так, будто мне хочется смеяться... или танцевать... в общем, хочется выкинуть какую-нибудь штуку.

— Только *не сейчас*, — ответил Лесли тихим голосом, чувствуя себя и впрямь уязвленным.

— Нет, я что-нибудь сейчас вытворю! Вот утащу тебя на дно!

— Нет, нет, дорогая! — Он удержал ее.

Они миновали лужайку и очутились возле нашего дома, Лесли придержал калитку, что-то тихо сказал.

Думаю, ему не терпелось досказать что-то очень важное, поэтому он обнял ее.

Она вырвалась и, развернувшись лицом к лужайке, лежавшей в тени между полосками света на востоке и на западе, крикнула:

— Полька!.. Полька... можно танцевать польку, когда трава такая мягкая и густая... и пускай на ней лежат опавшие листья. Да, да... все равно весело!

Она протянула руку к Лесли. Но это был слишком большой удар по его самолюбию. Тогда она обратилась ко мне:

— Пэт... потанцуй со мной... Лесли не любит польку.

Я танцевал с ней. Даже не знаю, но почему-то я всегда готов танцевать польку. Ноги словно от рождения предназначены именно для этого танца.

Мы порхали, шурша по опавшим листьям. Эта ночь, эта низко нависшая желтая луна, эта бледность на западе, эта вечерняя синь над головами, эти фантастические ветви лабурнума — все делало нас немного сумасшедшими.

Летти утомить невозможно. Она вообще не устает. Ее ножки — это крылья, бьющие по воздуху. Когда я остановил ее, она засмеялась так же весело, как всегда, и поправила волосы.

— Вот! — сказала она, обращаясь к Лесли голосом, выражавшим высшую степень удовольствия. — Это прекрасно. Может, потанцуем?

— Только не польку, — сказал он грустно, ощущая, как эта резкие движения разрушают поэзию в его сердце.

— На мокрой траве и на опавших листьях другого танца не получится. А ты, Джордж?

— Эмили говорит, что я просто прыгаю, — ответил он.

— Давай... давай... — И в тот же миг они заскакали по траве.

Скоро она почувствовала ритм его танца и подчинилась ему. Действительно, он прыгал, носился большими скачками, увлекая ее за собой по большому кругу. Это был танец!

Мы с Эмили вынуждены были присоединиться, образовав внутренний круг. Было ощущение, будто что-то белое, светлое летает поблизости. Шуршала наша одежда, шуршали опавшие листья, вздымаясь и кружась за нами следом. Мы плясали долго, пока не устали.

Джордж стоял, большой, сильный, с выражением триумфа на лице, а она выглядела возбужденной, как вакханка.

— Вы закончили? — спросил Лесли.

Она поняла, что сегодня он не будет донимать ее своими вопросами.

— Да, — ответила она. — И тебе не мешало станцевать. Дай мою шляпку, пожалуйста.

Разве я выгляжу так уж непристойно?

Он подал ей шляпу.

— Непристойно? — переспросил он.

— О, ты действительно загрустил! Ну, что случилось?

— Да, что случилось? — повторил он с иронией.

— Наверно, это из-за луны. А теперь скажи, моя шляпка сидит прямо? Скажи... ну, ты же не смотришь. Тогда поправь ее. Ну, давай! О, твои руки так холодны, а мои так горячи! Я чувствую себя такой проказницей, — и она засмеялась. — Вот... теперь я готова. Ты заметил, что эти маленькие хризантемы стараются грустно пахнуть, особенно когда полная луна смеется и подмигивает сквозь ветви деревьев? Ну, зачем они так грустны! — Она набрала полную горсть лепестков и подбросила их вверх. — Вот... они вздыхают, просят, чтобы все грустили... а я люблю, чтобы все вокруг подмигивало, озорничало и выглядело таким заброшенным, диким, настоящим.

Глава VI

ОБРАЗОВАНИЕ ДЛЯ ДЖОРДЖА

Как я уже говорил, и мельница, и ферма Стрели-Милл расположены в северной части Неттермерской долины. По склонам холмов на севере разбросаны ее пастбища и пахотные земли. Общинные земли, выгоны и пустыри на западном склоне, нынче совсем заброшенные, теперь принадлежат поместью, а плодородная земля на востоке простирается до извилистого ручья, полоска поросшей деревьями земли тянется до самого леса и заканчивается у верхнего пруда; за ней, на востоке, вздымается склон холма с редкими деревьями и разрушенной изгородью, все давным-давно забила здесь дикая трава. На северо-западе начинались темные леса, успевшие укорениться и на востоке, и на юге, они спускались к самому Неттермеру, подступая к нашему дому. С восточной вершины холма вдаль можно разглядеть купол церкви Селсби, несколько крыш и главные опоры шахты.

Таким образом, с трех сторон ферма была окружена лесами, куда при случае могли надежно укрыться кролики, которых тут разводили. У общины был свой участок для кроликов.

Владелец поместья, сквайр, потомок древнего, когда-то знаменитого, но теперь захиревшего рода, любил своих кроликов. Семейное древо, на редкость цветущее, поражало воображение. Его ответвления были столь многочисленны, что больше напоминали баньян^[8], чем британский дуб. Да и каково было сквайру поддерживать себя, свою леди, сохранять имя и традиции и вдобавок кормить тринадцать здоровых отпрысков на этих скудных землях! Зловредная фортуна открыла ему, что он мог бы продавать кроликов, этих покрытых мехом паразитов, за шиллинг или около того в Ноттингеме; с того самого времени эту знатную, благородную семью стали содержать кролики.

Все на фермах выгрызалось и обгладывалось; сладкая трава исчезала с лица земли на холмах; скот тощал, потому что не мог есть загрязненную, загаженную растительность. Постепенно в округе стало тихо: ни тебе мычания коров, ни ржания лошадей, ни лая собак.

Но сквайр обожал своих кроликов. Он защищал их от силков, которые ставили отчаявшиеся фермеры. Защищал с ружьем в руках и с помощью предупреждений об увольнении. Как сияло его лицо, когда он глядел на растерзанный, взъерошенный склон холма, откуда навсегда уходили разоренные хозяева!

— Разве они не напоминают перепелов и манну небесную^[9]? — сказал он ранним утром в понедельник одному своему гостю в спортивном костюме, чье ружье оживило ближний луг своим грохотом. — Перепела и манна... в этой пустыне!

— Ей-Богу, вы совершенно правы, — подтвердил спортивного вида гость, беря другое ружье, в то время как мрачный сторож с фермы угрюмо улыбнулся.

Между тем от этой разъедающей гангрены стала страдать и ферма Стрели-Милл, не позволявшая здешним землям окончательно превратиться в пустыню. Вполне понятно, что ни у кого из местных арендаторов не было ружья.

— Ну, — выговаривал сквайр мистеру Сакстону, — у вас земли-то почти ничего... почти ничего... И арендная плата на самом деле мизерная. А если кролики и поедят немного травки, вам никакого урона...

— Да, никакого урона... пойдите и посмотрите сами, — возражал фермер. Сквайр сделал нетерпеливый жест.

— Чего вы хотите? — спросил он.

— Нельзя ли обнести меня проволокой? — В его словах прозвучала просьба.

— Проволока, это... вон Хэдлкетт говорит, слишком уж много на один ярд ее пойдет...

Хэдлкетт подсчитал, кругленькая получается сумма. Нет, я не могу этого сделать.

— Ну, а я не могу так жить.

— Хотите еще стаканчик виски? Да, да, мне и самому охота пропустить стаканчик, не могу пить один... выпивка тогда не доставляет радости... Вот так! Конечно, сейчас вы немного возбуждены. Все не так уж и плохо, старина.

— Нет, уверяю вас, я больше так не могу.

— Ну, мы подумаем о компенсации... подумаем. Я поговорю с Хэдлкеттом, сам приду и посмотрю, как там у вас. Вечно нас какие-нибудь напасти одолевают. Такова судьба человеческая.

Я родился в сентябре и люблю этот месяц больше других.

Ни жары, ни спешки, ни жажды. Разве что усталость, утомленность в хлебных колосьях, так же как и в траве во время покоса. Если осень запаздывает, как это обычно бывает в наших краях, тогда в середине сентября в поле полным-полно копен да скирд. Каждое утро наступает медленно. Земля похожа на женщину, давно вышедшую замуж и поблекшую; она не подпрыгивает с радостным смехом, устремляясь навстречу свежему поцелую зари, но лениво, тихо, без всякого ожидания лежит, глядя на зарождение каждого нового дня. Голубая дымка тумана, как печаль в глазах жены, которой пренебрегают, никогда не уходит с лесистых холмов и только к полудню уползает с ближайших изгородей. Уже нет птиц, которые воспели бы утро; только целый день переговариваются между собой вороны. Иногда слышится в тишине ритмичное «т-с-с-с», издаваемое косой... да еще раздражающий, дребезжащий звук сенокосилки. А на следующий день с утра все снова спокойно. Колосья лежат мокрые, и когда вы связали их и поднимаете тяжелый сноп, чтобы сделать скирду, длинные кудри овса переплетаются друг с другом и поникают печально.

Я работал с моим другом тихими утрами, ведя бесконечные беседы. Хотелось передать ему те знания, что усвоил из химии, ботаники, психологии. День за днем я пересказывал ему то, что говорили мне преподаватели: о жизни, о сексе, о Шопенгауэре и Уильяме Джеймсе. Мы были друзьями много лет, и он привык к моей манере беседовать. В эту осень наша дружба приносила свои плоды. Я рассказывал ему о поэзии, от меня он получал элементарные представления о философии. Джордж представлял собой благодатный материал для обработки. По счастью, он не был догматиком, упрямство которого пришлось бы преодолевать. Религия ничего не значила для него. Поэтому все, что я говорил, он воспринимал с открытым сердцем, мгновенно схватывал суть и логику вещей и быстро приобщал высказанные мной идеи к своему мировоззрению.

Мы брели на обед без пальто, нас согревало солнечное тепло. При такой тихой, обволакивающей погоде кроткий, молчаливый собеседник просто необходим. Осень проникала во все поры, прокрадывалась во все закоулки. Маленькие терносливы, мелкая черная слива в пудинге имели вкус сентября и благоухали памятью. Голоса за столом звучали мягче, глуше, в такое время люди более склонны к воспоминаниям, чем в пору сенокоса.

В полдень все вокруг теплое, золотое. Снопы овса кажутся легкими; они шепчутся между собой, слегка обнимая друг друга. Длинная жесткая стерня звенит под ногами; и запах соломы так сладок. Когда жалкие обесцвеченные листочки приподнимаются над

изгородью, открывается ветка качающейся дикой малины с поздними ягодами, готовыми опасть; в мокрой траве можно обнаружить спелые, сочные ягоды куманики. Можно заметить и последнюю чашечку, свисающую с лохматого побега наперстянки. И среди этого осеннего затишья мирно течет наша беседа о людях, об известной книге, о надеждах... о будущем; о Канаде, где работа тяжела, зато жизнь интересна; где широкие равнины, и можно затеряться в тихой долине, как яблоко в заброшенном саду. Тихо крадется туман, хотя пока еще лицо теплого полдня светло. Вязание снопов завершено, остается только уложить их в скирды. Солнце тонет в золотой дымке на западе. Золотой цвет превращается в красный, красный темнеет, словно затухающий костер, солнце исчезает в клубках молочного тумана, пурпурное, как пушок на синих сливах, мы надеваем свои пальто и идем домой.

Вечером, когда закончилась дойка коров и был накормлен весь домашний скот, мы вышли, чтобы осмотреть силки. Мы пересекли ручей и поднялись по склону холма, заросшему дикой растительностью. Наши ноги преодолевали целые участки чертовой скабиозы; мы шли мимо омута пушистого чертополоха, искрящегося при свете луны. Шагали по мокрой, густой и жесткой траве, проваливаясь в мягкие кротовины и черные кроличьи норы. Холмы, лес отбрасывали тени. Туман в долинах превращал лунный свет в холодный, дрожащий, зыбкий.

Мы забрели на старую ферму на краю холма. Деревья разбежались в разные стороны от нее, оставив большое свободное пространство, которое некогда было обрабатываемой землей. Высокие трубы на крыше выделялись резными силуэтами на фоне светлого неба и вызывали у меня восхищение. Я не заметил света ни в одном окне, впрочем, было всего восемь вечера. Мы смотрели на длинный впечатляющий фасад, несколько окон были замурованы кирпичом, что создавало впечатление слепоты; те места, где отвалилась штукатурка, выглядели темней. Мы толкнули ворота, вошли и теперь гуляли среди деревьев и умирающей растительности, хлеставшей наши лодыжки. Потом заглянули в окно. Комнату освещал свет, падавший из противоположного окна, лунный свет струился на выстланный плитамы пол, грязный, замусоренный бумагой и соломой. Давно погасший домашний очаг горевал среди серого пепла и золы от сожженной бумаги, там же лежала детская кукла без головы, обугленная и жалкая. На границе света и тени валялась меховая шапка, шапка егеря. Я бранил лунный свет за то, что он вторгся в эту комнату. Темнота больше подходила бы ей. Я возненавидел розочки на освещенном участке обоев, я возненавидел камин.

Повинуясь инстинкту фермера, Джордж свернул к хозяйственным постройкам. Скотный двор потряс меня. Там буквально стеной разрослась крапива... крапива была выше меня, а во мне роста шесть футов. Воздух напитался сырым запахом крапивы. Следуя за Джорджем по темному, выложенному кирпичом двору, я почувствовал, как мурашки бегают по моему телу. Но постройки оказались в отличном состоянии: отремонтированные, чистенькие и уютные. То тут, то там попадались перья. Когда мы вошли в конюшню, послышалась противная возня, и три здоровенные крысищи сделали бросок в нашу сторону, угрожая своими острыми зубами. Я вздрогнул и поспешно отскочил, перешагнув через ржавое ведро и оказавшись среди растительности, напоминавшей настоящие джунгли. Вокруг тишина, лишь изредка нарушаемая писком крыс да шумом крыльев летучих мышей. Место голое. Ни остатков зерна, ни сена, ни соломы, сплошной бурьян. Когда мы снова вошли в сад, я все еще продолжал дрожать. Ни одного яблочка над нашими головами, только чистое небо. То ли птицы посбивали их на землю каким-то образом и потом доели кролики, то ли кто-то собрал урожай.

— Вот, — сказал Джордж с горечью, — что ждет нашу мельницу, нашу ферму.

— Ну, это не раньше, чем минет твой век, твое время, — сказал я.

— Мое время — это мое время. Оно никогда не наступит.

Я не удивлюсь, если коротким окажется и век отца... из-за кроликов или еще из-за чего-нибудь. Так и есть. Мы зависим. Занимаемся торговлей молоком, извозом, я делаю это для совета. Меня даже нельзя назвать фермером. Я жалкая смесь фермера, молочника, зеленщика и извозчика. Убогий бизнес.

— Ты должен просто жить, — возразил я ему.

— Да... но все противно. И отец не может переехать отсюда куда-нибудь... и не хочет ничего менять.

— Ладно... ну а ты?

— Я?! Чего ради я буду что-то менять?.. Мне хорошо, удобно дома. А о своем будущем я и сам позабочусь, ведь от меня никто не зависит.

— «Laissez-faire»^[10], — сказал я, улыбаясь.

— Нет, это не «laissez-faire», — сказал он, оглядевшись вокруг, — это то же самое, что вырвать сосок из твоих губ и позволить молоку течь впустую, скисать. Посмотри туда!

Сквозь тонкую завесу тумана, стелившегося по склону холма, мы увидели при свете луны армию кроликов, взбиравшихся наверх в поисках жизненного пространства и пищи.

Мы зашагали вниз по холму, оставив позади брошенный разоренными хозяевами дом. Когда мы приблизились к забору, окружавшему поля фермы Стрели-Милл, Джордж крикнул: «Эй!» — и бросился вперед. Я последовал за ним и увидел темную мужскую фигуру, выросшую у забора. Это был егерь. Он сделал вид, что осматривает ружье, а когда мы подошли ближе, дружелюбно поприветствовал нас.

— Добрый вечер! Чем это ты тут занимаешься? — ответил Джордж, рассматривая брешь в заборе. — Ты мне ответишь за силки, — пригрозил он.

— Да ну? — ответил Эннабел, широкоплечий, крупный, темнолицый парень. — Это я хотел бы спросить, что вы тут делаете и почему бродите по чужой земле?

— Сам видишь, что делаем... отдавай силки... и кролика, — сказал Джордж сердито.

— Какого еще кролика? — спросил Эннабел с сарказмом, посмотрев на меня.

— Знаешь какого... не придуривайся, отдай сейчас же... или... — ответил Джордж.

— Или что? Ну, давай-давай, поговори у меня! Ох, как страшно... — Мужчина презрительно улыбнулся.

— Отдай сейчас же! — Джордж в ярости бросился к мужчине.

— Ну уж нет! — спокойно заявил егерь, не двигаясь с места. — Все равно не получите ни силка, ни кролика... вот так!

— Это мы еще посмотрим! — Джордж резким движением схватил мужчину за пальто. В тот же миг он отлетел назад, получив тяжелый удар в левое ухо.

— Ах, ты, скотина поганая! — крикнул я и с силой заехал ему кулаком в челюсть. В тот же миг я обнаружил, что сижу на траве, а этот наглец в вельветовых штанах стремительно удаляется от нас, как будто он не человек, а демон.

Я встал, прижимая руку к груди, все тело ныло от удара. Джордж валялся ничком у забора. Я перевернул его, потер виски, стряхнул грязь, прилипшую к лицу. Он открыл глаза и посмотрел на меня. Потом сделал глубокий вдох и пощупал голову.

— Чуть не оглушил меня, зараза, — сказал он.

— Сущий дьявол! — ответил я.

— Что-то я сплеховал.

— Да нет. Не очень...

— Он что, сбил меня с ног?

— Вроде того. Эх... меня тоже.

Какое-то время он молчал, сидя на земле и безвольно привалившись к забору. Затем прижал руку к затылку со словами:

— Голова гудит! — Попробовал встать и не смог. — Господи!.. этот проклятый егерь нокаутировал меня!

— Давай, — сказал я, — попробуем добраться до дома.

— Нет! — сказал он быстро. — Не нужно, чтобы они знали. И вообще не говори им ничего.

Мы сидели молча, и я прислушивался к боли, потирая свои распухшие костяшки. Наконец я поднялся и помог встать Джорджу. Его так качало, что мне с трудом удавалось удерживать обмякшее тело. Мы одолели довольно большой отрезок пути, прежде чем он смог идти нормально.

— Я здорово перепачкался, да! — спросил он, явно испытывая неловкость.

— Не очень, — ответил я.

— Отряхни меня, ладно? — попросил он, остановившись на полдороге.

Я сделал, что мог. Потом мы двинулись вдоль полей в грустном молчании.

Когда мы уже шли по берегу пруда, какие-то огромные черные тени вдруг пронеслись над нашими головами. Лебеди улетали в теплые края, потому что холодный ветер уже морщил поверхность Неттермера. Птицы опустились на стеклянную поверхность пруда, разогнав, встревожив лунные блики и усилив мрак. Ночь оглашалась хлопаньем крыльев по воде; тишина и спокойствие были нарушены, а лунный свет — вспорот, разбросан клочьями окрест. Лебеди виднелись неясно, их очертания были размыты, зыбки. Холодный ветер вызывал у нас легкую дрожь.

— Не говори никому. Не скажешь? — спросил он, когда я собрался повернуть к дому.

— Нет.

— Никому-никому?

— Нет.

— Спокойной ночи.

* * *

В конце сентября нашу округу встревожили вести о нападениях каких-то прилудных собак на овец. Однажды утром сквайр, объезжая свои поля, что вошло у него в последнее время в привычку, к своему ужасу, обнаружил двух зарезанных овец у самой изгороди, остальное стадо сбилось в кучу, бляя от ужаса, напуганное запахом крови. Несколько дней сквайр не мог прийти в себя.

Кто-то сообщил, что видел в округе двух серых, похожих на волков собак. Лесник даже слышал на полях доктора Коллинза, рядом с аббатством, страшные крики на рассвете. Пастух потом нашел трех истекавших кровью овец.

После этого фермеры не на шутку встревожились. Лорд с фермы Уайт Хаус решил держать стадо в овчарне, охранять его собаками и не выпускать на пастбище. Была, однако,

суббота, парни отправились в Уестуолд на спектакль, который давала бродячая труппа. Пока они с открытыми ртами смотрели представление под леденящим названием «Кровавая баня», где герои мучились, страдали, пытались произнести хоть слово и не могли, умирали, шесть глупых овец были загрызены прямо в поле. И странное дело, в домах по соседству вроде все собаки целы. Ни одна не пропала.

У мистера Сакстона паслось тридцать овец на общинных лугах. Джордж решил: самое верное средство для их сохранности — спать возле них. Он соорудил шалашик из досок от забора, покрыл хворостом, и в солнечные дни мы натаскали вдобавок папоротника-орляка, уже порядком жухлого. Джордж проспал там неделю. За это время его мать постарела на год. Холодными утрами, стоило только забрезжить рассвету, она выходила на крыльцо и высматривала, не покажется ли сын. Она неустанно думала о нем.

Поэтому в субботу он принес свои коврики домой и отвел на пастбище суку по кличке Джип, чтобы та приглядела за стадом вместо него. Некоторое время мы сидели, глядя на звезды, мерцавшие над темными холмами. Иногда слышно было, как блеют овцы, как шуршит кролик в зарослях ежевики, как поскуливает Джип. Над кустами дрока навис туман, и сплетенные ветки ежевики казались белыми... говорят, это дьявол набрасывает свою сеть на куманику, едва только кончается сентябрь.

— Я видел тут двух парней. С мешками и сетью, — сообщил Джордж, пока мы сидели, выглядывая из его шалашика.

— Браконьеры, небось, — предположил я. — Ты их окликнул?

— Нет... они меня не заметили. Я спал, ко мне под одеяло забрался как раз кролик, весь дрожал, бедняга, за ним гналась гончая. Ну, я дал псине по шее, та с визгом убежала. Кролик немного побыл у меня... потом тоже убежал.

— Как у тебя настроение?

— На все плевать. Мне наплевать, например, на то, что может произойти сейчас. Отец вполне справляется без меня, а у мамы ведь есть еще дети, которые о ней позаботятся. Думаю уехать за границу.

— А раньше почему этого не сделал?

— Не знаю. Дома так уютно, всегда есть чем заняться. Кроме того, здесь родные, друзья, а в чужой стране ты один, как перст.

— Тогда почему решил вдруг уехать?

— А чего ради тут оставаться? В долине все дичает, приходит в запустение. Не о чем мечтать, не на что надеяться. Вокруг одно и то же, никаких перемен... все вокруг вызывает у тебя одни и те же мысли, одни и те же чувства, а так хочется какой-то новизны. Да и вообще есть ли здесь что-нибудь стоящее? Имеет ли смысл моя жизнь здесь?

— Я думал, — сказал я, — раз тебе тут хорошо, значит, само по себе это чего-нибудь да стоит.

Он застыл и не отвечал мне.

— Что тебя гонит прочь? Разве не жаль покидать родное гнездо? — спросил я.

— Не знаю. Больше не чувствую себя так, как раньше, до той драки с Эннабелом. И Летти мне жаловалась: «Здесь нельзя жить, как тебе хочется... со своими привычками, по своим законам. Ты словно кусочек мозаики из цветного мрамора в холле, должен соответствовать своему месту, и все. Но тебе не хочется быть каким-то осколком... ты хочешь жить среди других людей и иметь то, чего заслуживаешь...» Она говорила это всерьез.

— Ну, знаешь, мало ли что она скажет. Кстати, когда ты виделся с ней?

— Она приходила в среду, я как раз утром полез на дерево за яблоками. Она залезла вместе со мной. Был сильный ветер, он раскачивал верхушку, а я собирал яблоки. Летти держала корзину. Тут я и спросил ее, не кажется ли ей, что вольная жизнь — самое хорошее, что может быть на свете. Ее ответ ты знаешь.

— Тебе следовало поспорить с ней.

— Похоже, она сказала правду. Не вижу в ее словах ничего дурного.

— Это звучит странно.

— Нет... думаю, она увидела нас со стороны... и ей не по нутру наш образ жизни. А меня она вообще считает жабой, забившейся под кочку.

— Ты должен доказать ей обратное.

— Только как? Я не могу.

— Сдается мне, ты просто-напросто влюбился.

Его рассмешило мое предположение.

— Нет, однако противно, когда в один прекрасный день вдруг обнаруживаешь, что тебе нечем гордиться.

— Это что-то новое.

Он задумчиво кусал травинку.

— И когда ты думаешь уехать отсюда?

— Даже не знаю... пока еще ничего не говорил маме... Конечно же, не прямо сейчас... По крайней мере, не раньше весны.

— Если что-нибудь не произойдет, — многозначительно сказал я.

— Что именно? — уточнил он.

— Что-нибудь из ряда вон.

— Не знаю, что тут может произойти. Разве что сквайр нас сгонит с земли.

— И больше ничего? — поинтересовался я.

Он молчал.

— А ты сделай так, чтобы что-нибудь произошло, — сказал я.

— Не делай из меня глупца, Сирил, — произнес он с отчаянием.

Джип то и дело повизгивала, прыгала, дергала цепь, рвалась к нам. Овцы серыми пятнами проступали на фоне темного кустарника. По земле отовсюду к нам подкрадывался туман.

— Впрочем, знаешь, Сирил, ради того, — сказал он, — чтобы слышать, как она смеется над тобой, сидя за столом напротив тебя, как она поет, шагая рядом с тобой, стоит рискнуть; и потом, когда ты отправляешься мыться поздним вечером, а от огня веет таким теплом и ты устал; и ты сидишь рядом с ней у камина близко-близко...

— В Испании, — сказал я. — Где-нибудь в Испании.

Он не ответил, но вдруг повернулся ко мне со смехом.

— Знаешь, когда я делал копну, поднимал снопы, я чувствовал, будто обнимаю девушку. Такое вот ощущение...

— Тебе лучше быть поосторожней, — сказал я, — а то еще ненароком запутаешься в тенетах собственных мечтаний, и тогда...

Он снова засмеялся в ответ на мои слова.

— Когда мечтаешь, время проходит быстро, — признался он.

— О Господи! — сказал я. — Почему бы тебе тогда не обдумывать планы на будущее,

вместо того, чтобы предаваться бесплодным мечтам?

— Ну, — ответил он. — Если мечта хорошая, почему бы и не помечтать?

Мы оборвали наш разговор, и я отправился домой.

Уселся у окна и стал смотреть на улицу. Туман все сгущался вокруг Неттермера, казалось, это призраки встретились там и с грустью теперь обнимались. Я подумал о том времени, когда друг, возможно, не будет больше бороться землю в нашей долине, а в комнате Летти, которая рядом с моей, станет совсем пусто. Мое сердце забилося от мысли о предстоящей потере. Как тяжело носить это в себе! И все же интересно, что станет с Летти.

Утром я встал рано, рассвет едва-едва брезжил, пробиваясь к нам сквозь лес. Я вышел из дома, когда луна еще светила на западе, рассеивая вокруг свой болезненный, зыбкий свет. Утро изменяло, преобразовывало мир. Исчезали последние летние признаки. В лесу было темно... Чувствовался сырой, тяжелый запах осени. На тропинках лежали опавшие листья.

Когда я очутился возле фермы, то вдруг услышал пронзительный лай и визг собак. Я побежал в сторону общинных лугов и увидел, как овцы сбились в кучу, а какой-то зверь прыгал, наскокивал на них. Вдалеке Джордж кого-то преследовал. Послышался выстрел, потом еще, кто-то стрелял из ружья. Я схватил тяжелый камень-песчаник и побежал вперед. Овцы бросились врассыпную, завидев меня. В тусклом свете я заметил серую тень, мелькнувшую в зарослях дрока. Потом на меня прыгнула собака, и я ударил ее камнем изо всей силы. Кажется, попал, потому что собака взвыла от боли и помчалась прочь. Я бросился за ней, продираясь сквозь кустарник, перепрыгивая через заросли ежевики. Снова раздались выстрелы, слышались возбужденные крики мужчин. Зверь, за которым я гнался, исчез из поля зрения, но я продолжал преследование, скатываясь по склону холма. Кто-то бежал впереди меня по полю. Перемахнув через низкую изгородь, я устремился за этим человеком и вскоре разглядел, что это Эмили во весь дух мчалась по мокрой траве. Раздался еще один выстрел, затем слышались крики. Эмили оглянулась, увидела меня и остановилась.

— Собака побежала в карьер, — выпалила она, задыхаясь.

Мы двинулись дальше, не говоря ни слова. Обогнув рощицу, резво побежали вдоль ручья, пока наконец не уперлись в забор, которым был обнесен карьер. На гудах оставшейся от прежних раскопок земли теперь росли деревья. Крутые откосы в двадцать футов сплошь покрыты камнями и висячими зарослями ежевики. Мы вскарабкались по крутому берегу ручья и дошли до выработок. В леске из дубов и ясеней ютится первоцвет, бледно мерцающая у воды. Эмили обнаружила следы крови на красивом желтом вьюнке. Мы выбрались на открытое пространство, где ручей завершал свой бег, разбиваясь о скалу. У каменистого подножия карьера росли только дрок, ежевика и жимолость.

— Возьми-ка хороший камень потяжелее, — велел я, и мы стали спускаться вниз, туда, где роща снова становилась темной и ручей тек, исчезая среди кустарника и высокой кудрявой травы.

Я подумал, что зверь ускользнул от нас, и потянул к себе ветку рябины. И тут я замер, услышав тихий стон. Бросившись вперед, я оказался у одной из старых подковообразных печей для обжига извести, что стояли неподалеку от начала карьера. Там, прямо в отверстии печи, Эмили придавила коленями раненую собаку, руки на горле. Животное дергалось в предсмертных конвульсиях, шерсть ошетибилась, голова откинута назад, глаза закатились, а верхняя губа от боли обнажила зубы.

— Господи, Эмили! Пес уже сдох! — воскликнул я. — Он тебя не поранил?

Я оттащил ее. Она пожала плечами. Ее, как видно, сковал страх.

— Нет... нет, — сказала она, разглядывая вымазанную в крови юбку. Ведь она стояла на коленях на раненой псине. Кровь была у нее и на руке.

— Он тебя не покусал? — спросил я озабоченно.

— Нет... О нет... Я только заглянула в печь, а пес как прыгнет. Но он уже обессилел. Тогда я ударила его по спине камнем, потеряла равновесие и упала прямо на него.

— Позволь, я помогу тебе, давай смоем кровь с руки.

— О! Как ужасно! Никогда бы не подумала, что это так ужасно.

— Что? — спросил я, обмывая ее руку в холодном ручье.

— Это... это... Вот все это! Жестокое дело.

— Ранку нужно бы прижечь, — сказал я, рассматривая укус от собачьих зубов на ее руке.

— Пустяки, обычная царапина... Заживет! Лучше помоги замыть мою юбку... Ненавижу самое себя.

Я, как умел, затер пятно на юбке своим носовым платком, сказав:

— Позволь все-таки прижечь ранку. Можем сходить в Кеннелз. Давай... Это действительно нужно... Иначе я буду беспокоиться.

— Правда? — спросила она, глядя на меня снизу вверх, и улыбка озарила ее прекрасные темные глаза.

— Да... пошли быстрее.

— Ха, ха! — засмеялась она. — Ты выглядишь таким озабоченным.

Я схватил ее за локоть и повел прочь отсюда. Она взяла меня под руку, подавшись ко мне.

— Ты ну просто копия Лорны Дун, — сказала она, — забота о других доставляет ей удовольствие.

— Но ты позволишь мне сделать это? — Я имел в виду прижигание ранки.

— Ладно, только... ух, я даже боюсь подумать об этом. Сорви-ка лучше мне эти ягоды.

Я наклонил несколько веток калины с полупрозрачными красными ягодами. Она провела веточкой по губам и щеке, словно лаская себя. Потом промурлыкала как бы про себя:

— Мне всегда хотелось приколоть красные ягоды к волосам.

Накинутая на плечи шаль оставляла голову открытой, но черные волосы, мягкие, слегка волнистые, были не так длинны, чтобы удержать гроздь ягод. В тот миг, когда рубиновые кисти оказались в черном мареве кудрей, она посмотрела на меня сияющими глазами. На ее лице играла победная улыбка. Я повернулся к изгороди и потянул длинную нить золотистого выюнка, затем, дернув, оторвал и соорудил веночек.

— Вот тебе корона, — сказал я.

Она откинула голову и тихо засмеялась.

— И что? — спросила она храбро, вложив весь трепет души в этот вопрос.

— Ты вовсе не *Хлоя*, не вакханка. В твоих глазах такая чистота, я ощущаю твой собственный дух, своенравный, тревожащий других.

Смех затих, и она серьезно посмотрела на меня своим умоляющим взглядом.

— Ты похожа на дев с картины Берн-Джонса. Волнующие тени всегда пролегают у тебя под глазами, и ты лелеешь их. Ты убеждена, что мякоть яблока ничто. Ты думаешь только о косточках внутри него. Почему ты срываешь яблоко, ешь его и выбрасываешь сердцевину?

Она грустно смотрела на меня, не понимая моих заумных речей, но веря, что я говорю

правду; она всегда терялась, когда я оставлял ее в лабиринте слов. Потом остановилась, и веноч упал с ее волос, осталась только кисточка ягод.

Земля вокруг была устлана венчиками буковых орешков, причудливые маленькие пирамиды рассыпались среди красных опавших листьев. Эмили подобрала несколько орешков.

— Люблю буковые орешки, — сказала она. — Они напоминают мне детство. По утрам мы ходили за орешками, а незадолго до ужина делали из них ожерелья, чтобы потом на следующий день нам завидовали в школе. Как приятно было носить ожерелье из буковых орешков. Вот и осень проходит, а совсем не грустно. Зато нет больше и той радости, когда ты вырастаешь.

Она смотрела вниз, на землю, пока говорила, и продолжала собирать орешки.

— Ну, нашла? — спросил я.

— Не очень-то много... Вот — один, два, три. На, держи.

Я очистил один из них от коричневой кожуры и протянул ей ядрышко. Она открыла слегка рот, чтобы съесть его, глядя мне прямо в глаза. Некоторых людей окружает не облако славы, но облако печали; они уже рождаются на свет «одержимые печалью»; «печаль, — заявляют они, — это единственное, что реально». Серые ангелы под вуалью печали медленно и старательно обводят непонятные контуры на небесах. Печаль прекрасна. Она высшее блаженство. Вы читаете ее в чужих глазах, слышите в чужих голосах. Эмили была одержима печалью. Это и манило меня, и подталкивало к бунту.

Мы ступали по мягкой торфяной дороге, где росли буки. Склон холма со взьерошенной жесткой травой остался позади. Вскоре вдаль показался Кеннелз, добрый, старый, красный Кеннелз, место, вызывавшее восторги во времена лорда Байрона. Теперь селение пустовало, заросло лесом. Зарешеченные окна коттеджей были покрыты слоем серой пыли, нужда защищать стекла от скота, собаки или человека отпала. Один из трех домов оказался обитаемым.

— Подойди-ка сюда, — позвал я Эмили. — Позволь застегнуть платье у тебя на спине.

— Оно что, расстегнулось? — спросила она, быстро посмотрев через плечо и залившись краской.

Пока я был занят этим делом, из дома вышла девочка с черным чайником и чашкой. Она так удивилась, увидев, чем я занят, что забыла, зачем вышла, и встала с открытым ртом.

— Сара-Анна! Сара-Анна, — раздался голос из глубины дома. — Собираешься ты возвращаться и закрыть дверь?

Сара-Анна поспешно плеснула несколько чашек воды в чайник, потом поставила все это на землю и стала греть руки, дыша на них. Ее одежда состояла из серого корсажа и красной фланелевой юбки. Черные волосы свободно падали по плечам.

— Нам нужно войти, — сказал я и двинулся к девочке.

Но она быстро подхватила чайник и бегом бросилась в дом с криком: «Ой, мама!..»

На пороге возникла женщина. Одна грудь у нее была оголена и вываливалась из блузки, выпущенной поверх юбки. Блеклые каштановые волосы спутались, как будто она только что встала с постели. За юбку держался смуглый мальчишка в очень короткой рубашонке. Он смотрел на нас большими черными глазами — единственное место на лице, не вымазанное яйцом и вареньем. Голубые глаза женщины взирали на нас вопросительно. Я рассказал о наших проблемах.

— Проходите... проходите, — пригласила она. — И, пожалуйста, не обращайтесь

внимания на беспорядок в комнатах. Пошли, Билли!

Мы вошли, прихватив с собой забытую крышку от чайника. Кухня — большая, с убогой обстановкой — была, по-видимому, предоставлена в распоряжение детей. Старшая девочка лет двенадцати или около того, поджаривала кусочек бекона, держа его одной рукой, другой она придерживала свою ночную рубашку. Когда девочка обожглась, она торопливо переложила мясо в другую руку. Ее рыжие волосы были разбросаны по спине. Рядом на стальной решетке сидел мальчик, он ловил кусочком хлеба капающий жир.

— Одна, две, три, четыре, пять, шесть капель.

И он ловко ухватил хлеб за другой краешек и продолжил свою работу. Когда мы вошли, он постарался натянуть рубашку, прикрыть свои колени и тут же запачкал ее жиром. Толстый младенец с пурпурным лицом, очевидно, оторванный от груди, лежал, болтая ножками. В это время еще один мальчик совал в рот хлеб с маслом. Мать направилась к дивану, вырвала у него кусок хлеба, затем сунула палец ему в горло, чем заставила подскочить парня, дала ему по заду и страшно обрадовалась, когда тот завизжал. Потом она добавила несколько шлепков по голым ягодицам. Он завыл во весь голос, но вдруг остановился, заметив, что мы смеемся. На мешковине, заменявшей коврик у камина, сидела красивая девочка, она умывала лицо деревянной куклы чаем и вытирала его своей ночной рубашонкой. За столом сидел еще один ребенок на высоком стуле и сосал кусок бекона. Жир стекал по его рукам, сочился сквозь пальцы. Парень постарше забрался с ногами на большое кресло, накрытое телячьей шкурой, и черпал чашкой молоко из бидона. Мама отобрала у него чашку, дала шлепка.

— Убью! — пригрозила она. Малыш забился под стол.

— Не могли бы вы, — спросил я, когда мама прижала младенца к груди, — не могли бы вы дать нам нитку с иголкой?

— Сара-Анна, где нитки с иголками? — спросила женщина, одновременно подправив сосок во рту младенца. Поймав мой взгляд, она сказала: — Вы не представляете, как он кусается. У него только два зуба, но они почище шести иголок.

Она свела брови вместе и принялась выговаривать ребенку:

— Хороший мальчик, славный мальчик! Ты будешь еще лучше, если перестанешь кусать маму.

Интересы членов семейства явно разделились, одни поглядывали на нас и продолжали заниматься своим делом. Другие преспокойно ели бекон или сосали грудь.

— Сэм, где нитки? — крикнула Сара-Анна после недолгих поисков.

— Не знаю, — ответил Сэм из-под стола.

— Знаешь, — вмещалась мама, наугад пиная его ногой под столом.

— Не знаю, — продолжал настаивать Сэм.

Мама назвала несколько вероятных мест, где могли быть швейные принадлежности. В конце концов нитки обнаружили в глубине выдвижного ящика стола среди вилок и старых деревянных спиц.

— Я всегда скажу тебе, где что лежит, — объявила мама, приближаясь к дочери.

Сара-Анна, однако, не обратила внимания на родительницу, она вся сосредоточилась на нитках, а также на продуктах своего труда: красном шерстяном гетре для зимы, штопоре, воткнутом в ткань, и клубке красной шерсти с натканными туда спицами.

— Это ты, Сэм, — запричитала она. — Я знаю!

Сэмуэль под столом объявил: «Буква «Д» — и запел песню:

Дикобраз весьма силен,
Что ни игла, то штык.
Он убивает даже льва,
Проткнув иглой язык.

Мама начала трястись от тихого смеха.

— Папаша научил, — прошептала она гордо. — А теперь расскажи нам стишок на букву «Б», Сэми.

— Не буду, — отозвался Сэм.

— Давай, давай, Сэми, сынок, сынуля, а я сделаю пудинг с патокой.

— Сегодня? — высказала Сара-Анна свою заинтересованность.

— Давай, Сэми, цыпленок, — настаивала мать.

— А у нас не осталось патоки, — заявил наконец Сэм.

Игла прокалялась на огне. Ребятишки стояли рядом и смотрели.

— Сама все сделаешь? — спросил я у Эмили.

— Я?! — воскликнула она удивленно и замотала головой.

— Тогда это придется сделать мне. — Я взял иглу носовым платком.

Затем внимательно осмотрел рану. Когда Эмили ощутила жар иглы, то вырвала руку и посмотрела мне в глаза, смеясь от страха и смущения. Я же был очень серьезен и настойчив. Она осторожно протянула мне руку снова, сжав губы в ожидании боли и глядя на меня. Пока я смотрел ей в глаза, мужество не покидало девушку. Когда же я был вынужден переключить внимание на сам процесс прижигания, она с резким «Ах!», перешедшим в смешок, спрятала руки за спиной и уставилась на меня большими карими глазами, вся дрожа от возбуждения, немного смущенная и взвинченная.

Кто-то из ребятишек заплакал.

— Так не годится, — сказал я, снова бросив уже остывшую иглу в огонь.

Я раздал девочкам все пенсовые монеты, которые у меня были... потом предложил шестипенсовик мальчику, прятавшемуся под столом.

— Мне не нужно, — сказал он, отвернувшись.

— Ну, что ж. У меня больше нет мелочи, стало быть, ничего больше ты не получишь.

Я дал другому мальчику плохонький, разболтанный перочинный ножик, который был у меня в кармане. Сэм злобно посмотрел на меня. Из жажды мести он выхватил «колючку дикобраза» из огня, но... за горячий конец. И тут же с воплем уронил ее на пол, после чего схватил со стола чашку и швырнул ее в удачливого Джека. Она разбилась о камин. Мать пыталась схватить сына, но тот убежал. Маленькая девочка сразу захныкала:

— Ах, моя розовая чашечка... моя любимая розовая чашечка.

Мы почувствовали себя неловко и покинули сцену, воспользовавшись всеобщей неразберихой. Хотя Эмили вряд ли обращала внимание на весь этот шум. Она думала о себе и обо мне.

— Я ужасная трусиха, — сказала она застенчиво. — Ничего не могу с собой поделать, — она взглянула на меня с мольбой.

— Ничего, — успокоил я ее.

— И никогда не смогу в себе это преодолеть, даже ради спасения жизни.

— А вот любопытно, — сказал я, — что на свете могло бы смутить юного пожирателя

бекона? Он ведь даже не посмотрел в нашу сторону.

— Да, не посмотрел, — согласилась она, кусая себя за кончик пальца.

Нашу беседу неожиданно прервал вопль сзади. Обернувшись, мы увидели Сэма, бегущего к нам напрямик по торфу и выкрикивающего обидные слова в наш адрес.

— Кроличий хвост, кроличий хвост, — вопил он. Мелькали босые ноги, короткая рубашонка развевалась на холодном утреннем ветру. К счастью, он налетел на корягу или колючку, потому что, когда мы обернулись снова, он молча подпрыгивал на одной ноге, обхватив пораненную ногу обеими руками.

Во время листопада Летти была на редкость упряма. Она произносила слишком много банальностей относительно мужчин, любви и брака; посмеивалась над Лесли, постоянно нарушая его планы. Наконец он отстал от нее. Несколько раз она ходила на мельницу, но поскольку ей показалось, что к ней там слишком привыкли, считая ее уже одной из своих, она отдалилась и от них. После смерти отца она стала какой-то беспокойной. Теперь, получив наследство, обеспечившее ее будущее, она превратилась в язвительную гордячку, общаться с нею было просто невозможно. Она, чья жизнь до сих пор журчала бездумным ручейком, целыми днями бесцельно сидела у окна, задумавшись, ее крепкие зубы до дыр прогрызали носовой платочек. Она ничего не говорила, не общалась со мной, только читала разную литературу о современных женщинах.

Однажды Летти отправилась на прогулку в Эбервич. Лесли не заходил к нам уже две недели. День выдался серый, пасмурный. Ветер гнал туман через холмы. На дорогах лежала глубокая черная грязь. Деревья в лесу стояли неуклюжие, мрачные. Это был такой день, о котором вообще лучше забыть и не замечать его, если это возможно. Я разжег огонь и подошел к окну, чтобы задвинуть занавески и придать комнате более уютный вид. И тут вдруг я увидел Летти, выпрямившись, она быстро шла по тропинке. Вскоре она, раздурманенная, влетела в комнату.

— Чай еще не подан? — спросила она.

— Ребекка пошла за лампой.

Летти сняла пальто, меха и швырнула все на кушетку. Затем подошла к зеркалу, взбила волосы, еще сильнее завитые туманом, и с высокомерной придирчивостью оглядела себя. Потом резко повернулась, посмотрела на пустой стол и схватила колокольчик.

Это было настоящее событие, редко кто-нибудь из нас звонил в колокольчик в столовой, так что Ребекка поначалу бросилась к входной двери. Потом заглянула в комнату и спросила:

— Вы звонили?

— Я думала, чай уже на столе, — сказала Летти холодно. Ребекка посмотрела на меня, потом на нее и ответила:

— Но ведь только-только пробило полпятого^[11]. Сейчас принесу.

Услышав звяканье чашек, пришла мама.

— Ну, — обратилась она к Летти, которая расшнуровывала ботинки. — Приятная была прогулка?

— Если не считать грязи, — был ответ.

— А, полагаю, ты сожалеешь, что не осталась дома. В каком состоянии твои ботинки!.. И юбки, полагаю, тоже. Давай-ка я отнесу их на кухню.

— Пусть это сделает Ребекка, — сказала Летти, но мама уже вышла из комнаты.

Когда мама разливала чай по чашкам, мы сидели молча за столом. У каждого на языке вертелся вопрос, что же случилось с Летти. Но мы предпочли помолчать, умудренные опытом. В конце концов она сама сказала:

— Знаете, я встретила Лесли Темпеста.

— О, — произнесла мама. — Он гулял с тобой?

— Он и не посмотрел на меня.

— О! — воскликнула мама. Потом через некоторое время предположила: — Может быть, он не заметил тебя?

— А может, изображал из себя британца с каменным лицом? — спросил я.

— Он прекрасно видел меня, — объявила Летти, — иначе бы не изображал детскую сценку, будто он в восторге от Маргариты Реймонд.

— Это могло быть и не игрой... ведь вы больше не встречаетесь.

— Я сразу почувствовала наигрыш: он изображал свой восторг слишком экстравагантно. Ему не следует беспокоиться, я не собираюсь бегать за ним.

— Похоже, ты очень рассержена, — сказал я.

— Вовсе нет. Но он знал, что я иду домой. Мог бы заодно подбросить и Маргариту, которая живет на полпути от нас.

— У него была повозка?

— Догкарт^[12].

Она сердито принялась резать свой гренок на кусочки. Мы терпеливо ждали.

— Как это подло и низко с его стороны, правда, мама?

— Ну, моя девочка, ты же с ним плохо обращалась.

— Какой ребенок! Низкий, подлый мужлан! Мужчины — большие дети.

— Да и девушки, — сказала мама, — тоже зачастую не знают, чего хотят.

— Хотят, чтобы их считали взрослыми.

— Как бы там ни было, — сказала Летти, — он заурядный щеголь, мне он просто неприятен.

Летти встала из-за стола и занялась шитьем. Она шила только тогда, когда бывала в плохом настроении. Мама улыбнулась мне, вздохнула и для успокоения обратилась к мистеру Гладстону. Ее любимой настольной книгой была «Жизнь Гладстона» Морли.

Мне предстояло отправиться с письмом в Хайклоуз к миссис Темпест, моя мама написала ей относительно предстоявшего благотворительного базара в церкви. Я приведу Лесли с собой, мысленно сказал я себе.

Вечер был темным и каким-то противным. Фонари на дороге из Эбервича заканчивались у Неттермера. Их желтые отражения в воде придавали этому холодному сырому вечеру что-то зловещее. Лесли и Мэри сидели в библиотеке — эдаком кабинете, а заодно и комнате отдыха, помещении на редкость уютном. Лесли возлежал в большущем кресле у камина в облаках голубого дыма. Мэри сидела на табуреточке с огромным фолиантом на коленях.

Лесли вскочил, пожал мне руку, коротко приветствуя, и сел снова. Мэри улыбнулась и сказала:

— О, Сирил, как я рада, что ты пришел. Я так беспокоилась, а то Лесли заявил, что он никудышный кондитер. Да мне особой искусности и не нужно, хочется только, чтобы он не был медведем.

— А в чем проблема?

Она вздрогнула, захлопнув книгу с легким хлопком и сказала:

— Ой, мне так хочется приготовить те изумительные испанские тарталетки, которые так здорово делает твоя мама. Они невероятно вкусные. Увы, Мейбл о них ничего не знает, в моей кулинарной книге тоже нет рецепта. Я страницу за страницей просмотрела энциклопедию, раздел «Испания», но там о них даже не упоминается, а Лесли не хочет

помочь, у меня голова кругом, а он хоть бы хны, вон сидит, чем-то раздосадованный. — Она посмотрела на меня с комичным отчаянием.

— Ты хочешь приготовить их к благотворительному базару?

— Да... к завтрашнему дню. Повар сделает остальное, но я тоже должна приложить руку к этому. Ты согласен, что они просто замечательные?

— Очень даже! Ладно, схожу, спрошу у мамы.

— Если тебе не трудно. Хотя нет, о, нет, нет, ты не можешь снова туда и обратно в такой ужасный вечер. Мы просто устали от грязи. Мужчин нет дома... Уильям пошел встретить отца... а Джорджа мама послала к викарию. Он понес какие-то вещи. Я же не могу гонять девушек в такой вечер по пустякам. Вот и вынуждена обойтись без тарталеток и без клюквенных пирожных тоже... ничего, видно, не поделаешь. Я такая несчастная.

— Попроси Лесли, — сказал я.

— Он такой сердитый, — ответила она, взглянув на него.

Тот никак не отреагировал на ее замечание.

— Согласен, Лесли?

— Ты о чем?

— О том, чтобы сходить в Вудсайд ради меня.

— Зачем?

— За рецептом. Ну, будь хорошим мальчиком.

— А слуги на что?

— Они заняты оба... их нет дома.

— Тогда пошли девушку.

— В такой вечер? Кто пойдет!

— Сисси.

— Я не стану просить ее об этом. Мне стыдно.

— Сирил, верно ведь, что мужчины ведут себя зачастую постыдно?

— Да я могу сходить, успокойся, — сказал я. — Дома сейчас все равно нечего делать.

Мама читает. Летти шьет. Ей тоже не нравится погода, как и Лесли.

— Но это неудобно, — сказала она, ласково глядя на меня. Окончательно отложив в сторону свою большую книгу, она подошла к Лесли.

— Ты не сходишь, Лесли? — поинтересовалась она, положив руку ему на плечо.

— Женщины! — произнес он, поднимаясь. — Нет предела их желаниям и их капризам.

— Думаю, он сходит, — сказала она весело и побежала за его пальто. Он медленно просунул руки в рукава, но так и не надел пальто до конца на плечи.

— Ну же! — сказала она, приподнимаясь на цыпочки. — Ты — высокое создание! Никак не наденешь пальто, да, дитя?

— Подай ей хотя бы стул, чтобы она встала на него, — сказал он.

Она резко дернула за воротник, но брат стоял бесстрастный, как овца.

— Какой ты плохой мальчик, Лесли. Я же не могу надеть его на тебя силком, ну ты и упрямец!

Я взял пальто и помог ему одеться.

— На, — сказала она, подавая ему шапку. — И не задерживайся там долго.

— Какой противный вечер, какая грязь кругом, — ворчал он по дороге.

— Да, — согласился я.

— В городе лучше, чем в деревне.

— Да. Тебе там понравилось?

Он начал длинное повествование о тех трех днях, проведенных им в столице. Я слушал, но почти не вникал. Куда больше внимания я обращал на крики ночных птиц у Неттермера и на прочие устрашающие звуки в лесу. С каким облегчением я захлопнул за собой дверь собственного дома, оказавшись в освещенном холле.

— Лесли! — воскликнула мама. — Рада тебя видеть.

— Благодарю, — сказал он, оборачиваясь к Летти, которая сидела с работой на коленях, сосредоточенно наклонив голову.

— Как видишь, не могу встать, — сказала она, протягивая ему руку. — Как хорошо, что ты пришел! Мы не знали, что ты вернешься из города.

— Но почему? — воскликнул он.

— Полагаю, тебе там было хорошо, — сказала она мягко.

— Да, спасибо.

Стежок, стежок, стежок; и вот уже игла начала прошивать другую ткань. Потом, не поднимая головы, она сказала:

— Да, без сомнения, ты производишь впечатление человека, которому всегда хорошо.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, у тебя на лице такое выражение... Ты не заметила, мама?

— Да, пожалуй, — сказала мама.

— Полагаю, это означает, что мы не можем задавать ему вопросы, — заключила Летти, сосредоточившись на шитье.

Он засмеялся. Она порвала нитку и пыталась снова вдеть ее в иголку.

— Чем вы занимаетесь в такую ужасную погоду? — неуклюже поинтересовался он.

— Ах, мы сидим дома, оторванные от мира. «О, даже ты, о ком мечтаю»... и тому подобное. Разве нет, мама?

— Ну, — сказала мама. — Я не знаю. Мы представляли его себе окруженным львами.

— Какая досада, что мы не можем попросить его порычать, вспомнив один из своих старых рыков.

— Каких? — спросил он.

— Откуда мне знать? Подобно голубице, могу судить обо всем только по его нынешнему голосу. «Чудовищно тоненький голосок».

Он неуверенно засмеялся. Она продолжала шитье и вдруг стала напевать, словно про себя:

Где ты была сегодня, киска?

У королевы у английской.

И что видала при дворе?

Видала мышку на ковре.

— Полагаю, — добавила она, — что так оно и было. Бедная мышка! Но полагаю, бывают случаи и похуже, чем с киской при дворе. Видел ли ты хотя бы королеву?

— Ее не было в это время в Лондоне, — парировал он саркастически.

— Уж не хочешь ли ты сказать... — спросила она, вынимая две булавки, зажатые в зубах. — Полагаю, ты не станешь утверждать, что она в это время была в Эбервиче... твоя

королева?

— Не знаю, где она была, — ответил он сердито.

— О! — сказала она очень ласково. — Думаю, ты встретился все-таки с ней в Эбервиче.

Когда ты вернулся?

— Вчера вечером, — ответил он.

— А почему тогда не зашел, не навестил нас?

— Я весь день бегал по делам.

— А я была в Эбервиче, — сказала она невинно.

— Ты там была?!

— Да. Поэтому я так сердита. Думала, увидаю тебя. Чувствовала, что ты должен вернуться.

Она сделала еще несколько стежков, украдкой поглядывая на него, и увидела, что он покраснел. Поэтому продолжила невинным голосом:

— Да... я чувствовала, что ты вернулся. Это невероятно, но всегда чувствуешь приближение того, к кому ты испытываешь симпатию.

Она продолжила шить как ни в чем не бывало. Потом вынула булавку, заколотую на груди, и закрепила свою работу, не давая никакого повода заподозрить, что она хитрит и дразнит Лесли.

— Я думала, что встречусь с тобой... — Снова наступила пауза, потому она опять использовала булавку, — ...но не получилось.

— Я допоздна задержался в офисе, — сказал он быстро.

Она спокойно шила, следя за ним исподтишка. Затем снова вынула булавку изо рта, закрепила ткань и сказала ласково:

— Лгунишка.

Мама вышла из комнаты, чтобы поискать кулинарную книгу с разными рецептами.

— Не понимаю, зачем я тебе нужен, если ты так обращаешься со мной, — произнес он.

— Ты мне нужен! — воскликнула она, впервые взглянув на него. — Кто сказал, что ты мне нужен?

— Никто, но если это не так, то я могу и уйти.

На некоторое время воцарилась тишина, нарушаемая только шорохом ткани. Потом она продолжила свой допрос:

— Что заставило тебя подумать, будто ты мне нужен?

— А мне все равно, черт возьми, нужен я тебе или нет!

— Похоже, это тебя расстроило! И не смей так разговаривать со мной.

Так могут беседовать между собой только очень близкие и равнодушные друг к другу люди.

— По-моему, я говорю в таком тоне только потому, что ты так говоришь со мной.

— Что-то не припомню, — сказала она надменно.

Он саркастически рассмеялся.

— Ну... если ты так считаешь, давай вообще забудем об этом, — сказал он, ожидая более-менее нежного ответа. Но она молчала и продолжала шить. Он, испытывая неловкость, вертел в руках шапку и вздыхал. Наконец он примирительно произнес:

— Ну... послушай, у нас все будет хорошо, наконец?

Она вела себя так, будто поглощена очень важной работой. Подшила ткань, осмотрела ее очень внимательно, что-то подправила, снова начала шить, прежде чем ответить ему. Он

притих. Наконец она произнесла:

— Я думала об этом сегодня днем.

— Ну, Господи, Летти, может, хватит, а?

— И что тогда?

— Ну, забудь, если что не так, — попросил он.

— Допустим, — произнесла она тихо, с затаенной нежностью. Он откликнулся на этот призыв, словно гончая. Быстро подошел к ней и тихо спросил:

— Я ведь небезразличен тебе, правда, Летти?

— Допустим, — опять повторила она ласково.

— Так почему ты со мной так плохо обращалась в последнее время? Ты же знаешь, я... тебе известно, как я к тебе отношусь. — И он нашел очень странный способ доказать это.

Она говорила теперь с ним очень нежно, сладко растягивая слова и как бы прощая. И он наклонился, взял ее лицо в свои ладони и поцеловал, промурлыкав:

— Ах ты, моя маленькая дразнилка.

Она отложила шитье и посмотрела вверх.

Следующий день, воскресенье, тоже выдался очень мокрым и противным. Завтракали поздно, а около десяти часов утра мы уже застыли у окна и сетовали, что в церковь идти просто невозможно.

Мелкий, морозящий дождь, точно замызганный занавес, закрывал ландшафт. Листья настурции во дворе были заляпаны грязью, и вместо веселых круглых знакомцев мы впервые увидели черные флаги наступавшей зимы. Трава сплошь усыпана опавшими листьями, мокрыми и бриллиантовыми: глаз выхватывал красные вспышки виргинского вьюнка, золотые — липы, красно-коричневую шаль буков, а чуть подалее, в углу сада, темный ковер кленовых листьев, тяжело колыхавшийся от ветра и уже утративший свой живой лимонный цвет. Вдруг с ближнего дерева сорвался большой черный лист и стал падать, кружась и выписывая зигзаги, танцуя свой танец смерти.

— Ну вот! — сказала вдруг Летти.

Я посмотрел и увидел ворону, сидевшую на большом, старом, оголенном дереве. Она наклонилась раза два, потом восстановила равновесие и поглядела вверх, как бы выражая свое отрицательное отношение к плохой погоде.

— Почему эта старая негодница появилась тут и торчит у нас под носом, — сказала Летти, — ведь ворона предвестница печальных событий?

— Для тебя или для меня? — спросил я.

Она посмотрела на меня.

— А ты способна с такого расстояния определить, на кого она посмотрела?

— Ну, — ответила она, обдумывая, что сказать, — просто я увидела ее раньше.

— «Одна — к печали. Две вороны к радости, я это знаю тугу. Три — так к письму. Четыре — к молодому другу. Пять — к серебру. Шесть — к золоту большому сразу нам. Семь — к тайне, тайне нерассказанной». — Произнеся этот стишок, я добавил: — Считай, что это первая ворона. Следом появятся еще три, стало быть, их будет четыре.

— Конечно, это забавно. Но я видела только одну ворону, а это к печали.

— А когда увидишь четыре?

— Ты бы послушал, что говорила нам старая миссис Вагстафф, — возразила она. — Она заявила, что перед тем как Джерри утонул, какая-то ворона целую неделю каркала на

яблоне.

— Бедная женщина, — заметил я.

— О, она так плакала. Сначала я хотела заплакать тоже, но потом почему-то рассмеялась. Она полагала, что он непременно отправился на небеса... но... как я устала от этого слова «но»... вечно одни мысли путаются с другими.

— Но только не у Джерри, — вставил я.

— О, она подняла голову, и слезы капали с ее носа. Он, должно быть, очень досаждал ей. Не могу понять, почему женщины выходят за таких мужчин. Думаю, нужно радоваться, если пьяный негодяй наконец утонул в канаве.

Она положила край толстой портьеры на подоконник вместо подушечки и уютненько уселась на него. Мокрый промозглый ветер тряс полуголые деревья, листья опадали и тихо угасали на земле, потемнели даже стволы. Дождь лил не переставая.

По небу, подобно черным кленовым листьям, пронеслись еще две вороны. Они опустились на деревья перед домом. Летти смотрела на них с удивлением и меланхолией. Тут обнаружилось, что еще одна птица летит к нам. Она сражалась с ветром, пытаясь подняться выше, но вместо этого опускалась вниз.

— Вот твои четыре вороны, — сказал я.

Она не ответила, но продолжала пристально смотреть в окно. Птица героически сражалась. Ветер толкал ее в бок, трепал перья, хватал за крылья, швырял вниз. Птица упорно продолжала свой полет, теперь уж низко, словно в отчаянии. Мне было жаль ее. Двое ее подруг вспорхнули и полетели к ней, совсем как души, охотящиеся за телом, в которое они хотели бы вселиться. Только та первая ворона осталась на дереве, похожая на серый скелет.

— Лесли бы не мог сказать «никогда», — заметил я вскользь.

— Он понимает. — Она посмотрела печально, потом продолжила: — Лучше сказать «никогда», чем «когда-нибудь».

— Почему? — спросил я.

— О, я не знаю. «Когда-нибудь» звучит так нелепо.

В душе она была уверена, что Лесли придет... но теперь вдруг начала сомневаться: ... все слишком усложнялось.

На кухне зазвенел колокольчик. Она спрыгнула с подоконника. Я пошел открывать дверь. На пороге стоял Лесли. Она радостно посмотрела на него, и он это заметил.

— К Елене пришло много народу. Я поступил ужасно грубо, покинув их, — сказал он тихо.

— Какая скверная погода! — сказала мама.

— О, ужасная! У тебя такое красное лицо, Летти! Что ты там делаешь?

— Смотрю на огонь в камине.

— И что же ты видишь?

— Картины, которые на глазах превращаются в ничто.

Он засмеялся. Мы помолчали немного.

— Ты меня ждала? — промурлыкал он, обращаясь к сестре.

— Да... я знала, что ты придешь.

Они остались одни. Он подошел к ней и обнял ее, а она стояла, облокотившись на камин.

— Я тебе нужен, — сказал он мягко.

— Да, — промурлыкала она.

Он обнимал ее, целовал снова и снова, пока она не стала задыхаться, не вскинула руку и нежно не отстранила свое лицо.

— Ты моя холодная маленькая возлюбленная, застенчивая крохотная птичка, — сказал он со смехом и заметил, как ей на глаза наворачиваются слезы, повисая на ресницах, но не падают.

— Ты что, моя любовь, моя дорогая... ты что? — Он прижал свое лицо к ее лицу, приняв слезу на свою щеку:

— Я знаю, ты любишь меня, — произнес он с чувством. Ты знаешь, — проворковал он, — внутри у меня закипают слезы, подступая к сердцу. У меня перехватило горло. Мне очень больно, моя любовь. Ты... ты можешь сделать со мной все.

Они какое-то время помолчали. Затем она поднялась наверх к маме... и спустя несколько минут я услышал, как мама спускается к нему.

Я сидел у окна и следил за проплывающими тучами. Мне казалось, все вокруг меня плачет... казалось, я теряю, навеки утрачиваю себя, отдаляюсь от осязаемой повседневной жизни. Где-то далеко в неведомых просторах существуют ветер, облака, дождь, птицы, листья — все это кружится, летит... почему?

Все это время старая ворона по-прежнему сидела неподвижно, хотя облака неслись, рвались и сталкивались, хотя деревья гнулись, а оконная рама дрожала от потоков воды. Потом я решил, что она просто-напросто привыкла, приспособилась к дождю. Слабенький желтый диск солнца освещал большие листья вяза, который рос совсем рядом, рукой подать, и они казались спелыми лимонами. Ворона смотрела на меня... я был уверен, что она смотрит именно на меня.

— Что ты думаешь обо всем этом? — спросил я ее безмолвно.

Она посмотрела на меня с сомнением. Будь я огромной бескрылой птицей — и то, пожалуй, представлял бы для нее интерес, а тут какой-то ужасный урод. Я был уверен, что неприятен, ненавистен ей.

— Но, — сказал я себе, — если черный ворон мог ответить человеку, почему не можешь ты, серая ворона?

Она посмотрела в сторону. Мой взгляд явно раздражал ее. Испытывая неудобство, она снова повернулась ко мне, потом приподнялась, расправила крылья, как бы для полета, потом снова застыла среди ветвей.

— Ты нехорошо себя ведешь, — не отставал я. — Не желаешь помочь мне даже словом.

Она сидела с откровенным безразличием ко всему. Потом я услышал карканье на лугу, хлопанье крыльев. Казалось, птицы искали бури. Они кружили на ветру. Они упивались борьбой и в то же время горестно жаловались на жизнь дикими криками. Все они кричали, кричали одно и то же: «Драка, драка, драка...» Драка сама по себе — глупая затея. Вот они и носились в воздухе на своих широких крыльях, без цели, зато весело и задорно.

— Видишь, — сказал я вороне, — они стараются, радуются жизни, хотя понимают, что в драке нет никакого смысла, но им не сидится спокойно на одном месте, они живые, а ты просто труп.

Этих слов она уже не смогла вынести. Ворона расправила крылья и взмыла вверх, крикнув на прощанье только одно слово: «Карр».

Я обнаружил, что мне стало холодно. Поэтому спустился вниз.

Лесли накручивал на палец один из тех локонов сестры, которые вечно выскакивают из

прически и не терпят, чтобы их брали в плен.

— Посмотри, как я нравлюсь твоему локону, как он ласково обвивает мой палец. Знаешь, твои волосы... они так светятся... о... совсем как лютики на солнце.

— Они, как и я... не хотят быть скрученными в узел, — ответила она.

— Стыдно произносить такие слова... смотри, он гладит мне лицо... и в моей душе играет музыка.

— Тихо! Веди себя прилично, а то я скажу тебе сейчас, что за музыку исполняет твоя душа.

— О... ну, ладно... скажи мне.

— Она похожа на призывные крики дроздов по вечерам, пугающие мои маленькие древесные анемоны, отчего они бегут, жмутся к стене нашего дома. Она похожа на звон голубых колокольчиков, когда в них сидят пчелы. И она напоминает смех Гиппоменеса.

Он с обожанием посмотрел на нее и тут же поцеловал.

— Брачная музыка, сэра, — добавила она.

— Что за золотые яблоки я разбросал? — спросил он.

— Неужели золотые? — воскликнула она насмешливо.

— Эта Атланта, — ответил он, глядя на нее с любовью, — эта Атланта... вечно она нарочно опаздывает.

— Ну вот, — воскликнула она, смеясь и подчиняясь его ласке. — Узнаю тебя... Это яблоки твоих твердых пяток... яблоки твоих глаз... яблоки, надкушенные Евой... ужасно!

— Господи... ты умница... ты чудо. А я завоевал, завоевал спелые яблочки твоих щечек, твоей груди, твоих кулачков... они меня не остановят... и... все твои округлости, мягкости и теплоты скоро будут моими... я завоевал тебя, Летти.

Она расслабленно кивнула, говоря:

— Да... все это твое... да.

— Наконец-то она признает это... моя радость.

— О!.. но оставь мне мое дыхание. Или ты претендуешь на все — на все?

— Да, и ты дала мне это право.

— Еще нет. Значит, все-все во мне твое?

— Каждый атом.

— А... теперь посмотри...

— Посмотреть по сторонам?

— Нет, внутренним взором. Допустим, мы два ангела...

— О, дорогая... мой нежный ангел!

— Ну... а теперь не перебивай... допустим, я одна из них... совсем как «Благословенная девица».

— С теплой грудью!..

— Не дури, итак... я «Благословенная девица», а ты пинаешь ногами сухие листья, опавшие с бука, и думаешь...

— К чему ты ведешь?

— А ты способен думать... мыслями, похожими на молитвы?

— Ради Бога, зачем ты заговорила об этом? О... думаю, я был бы проклят, не сумею я молиться, а?

— Нет... но я жду, давай произноси молитвы... пускай твоя тонкая душа воспарит...

— Оставь эти тонкие души в покое, Летти! Я человек отнюдь не духовного склада. И не

тяготею к элите. Ты тоже не с картин Берн-Джонсеса... а с полотен Альберта Моора. Я думаю больше о прикосновении к твоему теплому телу, чем о молитвах. Я молнось поцелуюм.

— А когда надоест?

— Тогда я снова стану ждать, чтобы наступил час молитвы. Господи, я предпочел бы держать тебя в своих объятьях и касаться твоих красных губок... Слышишь, жадина?.. чем распевать гимны с тобой на небесах.

— Боюсь, мы никогда не будем петь гимны с тобой на небесах.

— Ну... зато ты моя здесь... да, ты моя сейчас.

— Наша жизнь мимолетна, как закат солнца, лгунишка!

— Ах, вот как ты меня назвала! Нет, серьезно, я ни о чем не хочу думать. Carpe diem^[13], мой розовый бутончик, моя лань. Моя любовь, о которой поет Кармен: «У любви, как у пташки, крылья, ее нельзя никак поймать». Бедный старина Гораций... я его совсем забыл.

— Ну вот, бедный старина Гораций!

— Ха! Ха!.. Зато я не буду забывать о тебе. Почему ты так странно смотришь?

— Как?

— Не-а... лучше ты мне скажи. До чего же ты любишь мучить, дразнить, никогда не знаешь, что скрывается в глубине твоей души.

— Ты мог бы поцеловать меня...

— О да... о да...

Через некоторое время он спросил:

— Когда мы, как положено, объявим о нашей помолвке, Летти?

— О, давай подождем до Рождества, мне как раз исполнится двадцать один год^[14].

— Почти три месяца! Господи!..

— Это не имеет никакого значения. Я уже сделала свой выбор.

— Но целых три месяца!

— Я решила выйти за тебя... мнение других людей меня не интересует.

— Но я-то думал, что мы поженимся через три месяца.

— Ах... зачем тебе спешить с женитьбой... И что скажет твоя мама?

— Придумала тоже! Да она назовет это первым моим разумным поступком. Ты будешь прекрасной женой, Летти.

— Ты воспаришь высоко.

— Мы оба воспарим.

— Нет... ты будешь мотыльком... я раскрашу тебе крылья яркой пыльцой. Потом ты потеряешь цветную пыльцу, когда подлетишь слишком близко к огню или затеешь игру с сачком для ловли бабочек... ах, бедная я, бедная! Ну-ка, что происходит с пыльцой на крыльях, когда мотылек трется о сачок для ловли бабочек?

— Почему ты произносишь так много слов? Наверное, и сама не знаешь, да?

— Нет... не знаю.

— Тогда сядь поудобней. Позволь мне видеть себя в твоих глазах.

— Нарцисс, Нарцисс!.. Хорошо ли ты себя видишь? И как, нравится тебе твое отражение? Или оно искажает твои черты?

— Ничего не могу разглядеть... только чувствую, что ты смотришь на меня и смеешься... Небось, опять в запасе какая-нибудь шутка?

— Я... я думаю ты действительно немного Нарцисс... милый, красивый, юный.

— Ну, будь же серьезной.

— Это, конечно, опасно. Ты бы умер от скуки, хотя я... все равно я должна оставаться...

— Что?

— Именно такой, как сейчас... серьезной.

Его распирала гордость, ведь он думал, что она имеет в виду искренность своей любви.

Ветер в лесу завывал, ревел, бушевал высоко над головой, но даже его легкого дыхания не ощущалось здесь, внизу, среди печального папоротника-орляка. Редкие капли время от времени, срываясь, падали с деревьев. Я оскальзывался на мокрых тропинках. Серая кора деревьев от воды потемнела. Папоротник-орляк разбросал свои сломанные желтые листья. Я скользил вниз по тропинке, выбираясь из леса.

По небу стройными рядами маршировали армии тяжелых туч. Ветер задувал холодный и безжалостный. Земля всхлипывала при каждом шаге. Ручей переполнился водой, весь в водоворотах, спешащий, бурлящий, клокочущий, он разговаривал сам с собой. Тучи потемнели. Хлынул дождь. Не обращая внимания на грязь, я побежал во весь дух и вскоре ворвался в дом, прямо на кухню.

Дети что-то раскрашивали и тут же попросили, чтобы я им помог.

— Эмили... и Джордж... в соседней комнате, — сказала их мама тихо, поскольку был воскресный день и домашние отдыхали. Я сел, чтобы снять клоги^[15].

В гостиной в кресле дремал отец, Эмили что-то писала за столом... она поспешно спрятала написанное, как только я вошел. Джордж сидел у камина и читал. Он поднял глаза, мне всегда нравилось, когда он смотрел на меня снизу вверх и произносил свое тихое «хелло!» Его глаза так выразительны... как выразителен только поцелуй.

Мы заговорили негромко, потому что рядом посапывал отец. Его загорелое лицо было неподвижно и напоминало коричневую грушу на фоне стены. Медленно пробили часы. Мы собрались у камина и разговаривали... приятное бормотанье голосов, тихие ласковые звуки, прекрасное, любящее трио. И никакой страсти.

Наконец Джордж встал, положил книгу... посмотрел на отца... и вышел.

Из коровника слышался хруст репы. Работал пульпер — машина, превращающая репу в мякоть. Позади пульпера росла гора золотой массы. Запах репы, острый и сладкий, навевал воспоминания о зимних вечерах, когда во дворе под ногами хрустел снег, на юге мерцало созвездие Ориона, а дружба казалась такой крепкой и такой прекрасной.

— Работаете в воскресенье! — воскликнул я.

— Отец недоделал вчера. Это его работа, а я недоглядел. Знаешь, отец часто забывает. Не любит работать во второй половине дня.

В стойлах стоял скот. Звенели цепи. Какая-то корова громко мычала. Когда Джордж закончил работу и установилась наконец тишина, так что можно было поговорить, прибежала Эмили, несколько смущенная, и позвала пить чай, чтобы потом начать дойку коров. Обычно по воскресеньям сначала доили коров, а потом отправлялись пить чай, но Джордж не стал спорить. Ведь его отец здесь хозяин, ему решать, соблюдать ли заведенные на ферме обычаи или вносить в них изменения.

Последний день октября был на редкость пасмурный. Быстро стемнело, хотя до наступления вечера было далеко. Мы пили чай при свете керосиновой лампы. Отец удобно устроился рядом с лампой, излучавшей желтый свет. Воскресный чай только тогда и хорош, когда в доме гость, то есть я. Без гостя чай не в радость.

Мне приятно было слышать такие рассуждения. Я улыбался, наслаждаясь чайком, в то

время как отец разглагольствовал:

— Как славно пить чай за одним столом с Сирилом.

Ему было лень, просто неохота подниматься из-за чайного столика, ярко освещенного лампой. Он посмотрел умоляющим взглядом, когда Джордж наконец отодвинул свой стул и сказал, что, пожалуй, пора начинать дойку.

— Ага, — поддакнул отец уныло. — Я приду через минуту.

Лампа висела на стене коровника, освещая именно ту часть постройки где лежало сено, где между кирпичами набилась белая пыль, где нарезанная репа валялась оранжевыми кусочками на полу и где под крышей виднелись ласточкины гнезда.

Зато в углах таилась темнота. Там хранился корм для скота. Лампа освещала блестящие носы коров, белизну стен.

Джордж держался очень приветливо. Но я хотел рассказать ему то, ради чего пришел сюда. Когда он закончил кормить коров и уселся для дойки, я сказал:

— Я тебе уже говорил, что когда уходил из дому, там был Лесли Темпест.

Он сидел с ведром между ног, руки почти касались вымени — готов доить.

— Фактически они уже помолвлены, — выпалил я.

Он не повернул ко мне головы, только замер на месте, подобно человеку, который прислушивается к далекому шуму. Потом наклонил голову, уперся корове в бок, как будто начал доить. Однако доить он не начал.

Корова беспокойно озиралась по сторонам. Механическими движениями, бездумно, он наконец начал дойку. Я с каким-то облегчением смотрел, как из-под его рук в ведро брызжут струйки молока. Немного погодя движения его замедлились, и вскоре он совсем прекратил доить.

— Она действительно сказала «да»?

Я кивнул.

— А что сказала ваша мама?

— Она довольна.

Он снова стал доить. Корова почему-то опять заволновалась, задвигала ногами. Он сердито взглянул на нее и продолжил дойку. Та не успокаивалась.

Тогда он взял табуретку и ударил ее довольно сильно, как мне показалось по звуку, угодил прямо по бедренной кости. После этого она стояла спокойно, но молоко скоро перестало течь.

Он поднялся и несколько помедлил, прежде чем перейти к другой скотине, мне даже показалось, что он хочет поговорить. Но тут пришел его отец с ведром.

Он заглянул под навес и, весело смеясь, осведомился:

— Значит, сегодня ты просто наблюдаешь, Сирил. А я-то думал, ты уже подоил одну-две коровки за меня.

— Не-а, — сказал я, — воскресенье — день отдыха, от дойки будут руки болеть.

— Попрактиковался бы, тогда бы и не болели, — сказал он задорно.

— Что это, Джордж? Джулия так мало дала? Значит, скоро у нее совсем не будет молока. Эй, Джулия, старая дамочка, не покидай нас, не превращайся в шкуру!

Потом он ушел, и под навесом воцарилась тишина. Казалось, стало даже холодней. Потом я услышал его добродушное: «Стой тихо, старушечка» из-под другого навеса и удары первых капель молока о подойник.

— Он выбрал удобное время, — свирепо сказал Джордж.

Я рассмеялся. Он ждал, что я еще скажу.

— А чего ты ожидал? — спросил я.

— Я полагал — ответил он, — что она все взвесит, обдумает и сделает правильный выбор.

— То есть выберет тебя? — уточнил я.

— Если бы он не получил этот приз, как выигрыш в лотерее, то она выбрала бы наверняка...

— Тебя! — подсказал я.

— Мне так хотелось бы сжать ее в объятиях, чтобы она запищала.

— Раньше надо было об этом думать, — сказал я.

— Женщины как кошки... им нужны удобства, комфорт. Они заключают сделку. Женщины — те же торговцы.

— Не надо обобщать, это нехорошо.

— Она напоминает проститутку...

— Фу! А вот я считаю, она просто его любит.

Он замер и посмотрел на меня с тоской. Сейчас он был так похож на ребенка с его сомнениями, когда тот пускается в рассуждения.

— Что, что?..

— Да, она любит его... и совершенно искренне.

— Лучше бы она любила меня, — пробормотал он и вернулся к дойке.

Я оставил Джорджа и отправился поболтать с его отцом. Когда тот управился с остальными четырьмя коровами, Джордж по-прежнему все еще копался под навесом.

Когда наконец он закончил, то поставил подойник и пошел к бедной Джулии. Стал поглаживать ее по спине, по носу, глядя в ее большие удивленные глаза и что-то приговаривая. Она боялась его. Она дернула головой, нанеся ему хороший удар рогом по щеке.

— Никак их не поймешь, — сказал он грустно, потирая щеку и уставив на меня свои темные серьезные глаза.

— Вот уж никогда не думал, что не сумею их понять. Поверь, никогда не думал об этом... до тех пор, пока... А ты знаешь, Сирил, она меня провела.

Я засмеялся.

Глава VIII

БУНТ НА РОЖДЕСТВО

Несколько недель, весь конец ноября и начало декабря, я просидел дома из-за простуды. Наконец ударил мороз, который очистил воздух и убрал слякоть. На вторую субботу перед Рождеством мир изменился: высокие серебряные и жемчужно-серые деревья забелели на фоне голубого неба, напомнив про какой-то редкостный, бледный рай, весь лес оделся в жемчуг, серебро, алмазы. Особенно красиво смотрелись большие продолговатые листья рододендрона.

Вечера стали чистыми и ясными, с бледной луной в морозном небе, и я восстал против всех ограничений и против домашнего тиранства.

Больше нет тумана и мерзкой слякотной погоды, поэтому не хочется безвылазно сидеть дома. Теперь даже и в помине нет никаких молний.

Тучи-облака уплыли прочь, и неяркие звезды тихо мерцали рядом с луной.

Летти оставалась дома со мной, поскольку Лесли снова отправился в Лондон. Она решила проявить сестринскую заботу, возражая против того, чтобы я покидал теплое помещение.

— Да я только на мельницу, — заверил я. Тогда она немного поколебалась... и сказала, что тоже пойдет со мной. Наверное, я посмотрел на нее с излишним любопытством, потому что она сказала:

— Но если ты предпочитаешь идти один...

— Хорошо, давай пойдем вместе... давай же... пойдем! — сказал я, улыбаясь про себя.

Летти была в отличном настроении. Она бегала, пригибаясь под ветками, смеялась, говорила сама с собой по-французски. Мы пришли на мельницу. Джип не лаяла. Мы открыли входную дверь и очутились в темном коридоре, затем на ощупь пробрались на кухню.

Мать сидела у печи, там стояла большая ванна, наполовину заполненная водой. У печи грел свои ножки Дэвид, он, видно, только что принял ванну. Мать с нежностью расчесывала его прекрасные волосы. Молли тоже расчесывала свои каштановые локоны, устроившись рядом с отцом, который, сидя у огня, читал своим добрым приятным голосом книгу вслух. За столом Эмили перебирала изюм, а Джордж вынимал из него косточки, Дэвид поспешил продолжить игру с сонным котом, прерванную маминым причесыванием. Никто не переговаривался между собой, все слушали чтение отца. Боюсь, все же кое-кто слушал его без должного внимания. Я вошел, скрипнув половицей.

— Летти! — вскрикнул Джордж.

— Сирил! — воскликнула Эмили.

— Сирил, ура! — завопил Дэвид.

— Хэлло, Сирил! — сказала Молли.

Шесть пар карих глаз, округлившись от удивления, приветствовали меня. Они засыпали меня вопросами, сразу переключившись на нас. Наконец все уселись и замолчали.

— Да, я здесь чужая, — сказала Летти, едва успев снять свои меха и пальто. — Вы и не ожидали, что я буду приходить сюда так часто, верно? Скажите, мне можно навещать вас, когда захочется, а?

— Мы только рады будем, — откликнулась мать. — Здесь тихо. Только мельница

шумит. Да еще туман, да прелые листья. Я так рада услышать чей-нибудь голос.

— А Сирилу разве уже лучше, Летти? — поинтересовалась заботливо Эмили.

— Он испорченный мальчишка... думаю, он специально и заболел, чтобы мы все заботились о нем. Позволь, я помогу... дай я очищу яблоки от кожуры. Да, да, я сейчас сделаю.

Она подошла к столу, уселась и быстро принялась очищать яблоки от кожуры. Джордж не сказал ей ни слова. Поэтому она обратилась к нему:

— Ничем не могу помочь тебе, Джордж, похоже, мои пальцы не столь ловкие, а вообще мне нравится видеть тебя таким домашним.

— Твое удовольствие будет долгим, вон сколько мне еще предстоит работы.

— Когда я занимаюсь подобным делом, я всегда ем.

— Если я начну, то съем слишком много.

— Тогда дай мне попробовать.

Он молча протянул ей горсть.

— Ну, это многовато. Твоя мама смотрит. Дай-ка закончу с этим яблоком. Видишь, у меня кожура совсем не рвется! Так и падает целой ленточкой.

Она встала, держа в руках длинную ленту яблочной кожуры.

— Сколько раз нужно мне обернуть ее, миссис Сакстон?

— Три раза... но сейчас же не День Всех Святых.

— Ничего! Смотрите! — Она осторожно обернула длинную зеленую ленту вокруг своей головы втрое, оставив свисать еще один виток. Коту захотелось поиграть с лентой, но Молли его отогнала.

— Ну и что получилось? — воскликнула Летти, сияя.

— Буква «G», — сказал отец, засмеявшись.

Мать взглянула на него.

— Это ничего не означает, — наивно заметил Дэвид, забыв о своем смущении оттого, что он в присутствии леди стоит в рубашке.

Молли встала в своей обычной холодной манере:

— Это может быть любое слово, только не знаю, какое.

— Или буква «L», — включился я в разговор.

Летти взглянула на меня высокомерно. Я рассердился.

— А что бы ты сказала, Эмили? — спросила она.

— Не знаю, — отозвалась Эмили. — Пожалуй, только тебе известно, что это за буква.

— А теперь скажи нам правильный ответ, — заявил Джордж.

— Буква «Я». Она есть в слове «время». «Я» — это времени семя. Кто знает, из каких семян прорастает время? — спросила философски Летти.

— Знают те, кто их сеет и потом наблюдает их рост, — ответил я.

Она швырнула яблочную кожуру в камин, засмеялась коротким смешком и вернулась к своей работе.

Миссис Сакстон наклонилась к дочери и тихо посетовала, так чтобы он не мог слышать, что Джордж сдирает всю мякоть с изюма.

— Джордж! — резко сказала Эмили. — Ты нам ничего не оставишь для готовки.

Он тоже рассердился.

— А зачем набивать живот тем, что едят свиньи, — произнес он с вызовом, потом взял полную горсть изюма, который только что перебрал, и отправил прямо в рот. Эмили

оставила тазик.

— Это никуда не годится! — заявила она.

— На! — сказала Летти, протягивая ему очищенное яблоко. — Ешь яблоко, прожорливый мальчик.

Он взял плод и посмотрел на него. В глазах промелькнула усмешка.

— Если ты даешь мне яблоко, кому же отдашь кожуру?

— Свинье, — ответила она, словно уловив в его словах намек на Блудного сына. Он положил яблоко на стол.

— Не хочешь? — спросила она.

— Мама, — заявил он комично, как бы в шутку. — Она предлагает мне его, как Ева.

Молниеносно она схватила яблоко и в мгновение ока спрятала в своих юбках, глядя на него широко раскрытыми глазами. Потом швырнула его в огонь. Она промахнулась — и отец наклонился, поднял его со словами:

— Оно вполне сгодится для свиней. Ты слишком медлителен, Джордж. Когда леди тебе что-то предлагает, нечего дурачиться.

— А sequ'il parait, — воскликнула Летти со смехом.

— Что она сказала, Эмили? — спросил отец, тоже рассмеявшись.

— Она сказала «слишком быстро», — подсказала Эмили.

Джордж отклонился назад на своем стуле, сунув руки в карманы бриджей.

— Нам нужно закончить с изюмом, — проговорила Летти. — Посмотри, какой он ленивец.

— Он любит комфорт, — сказала Эмили с иронией.

— Налицо полное самодовольство... Здоровый эгоизм, — не унималась Летти.

Пока она говорила это, он сидел, откинувшись на спинку стула, открыв свою красную шею, в этот момент он действительно выглядел очень вальяжно.

— Я никогда не избавлюсь от жира, — сказал он.

— Скорее всего... Ты да я... Мы совсем не похожи на Сирила. Мы не сжигаем себя... Наши головы ясны, наши сердца спокойны. Ведь так?

— Так мы и живем, — как бы подтвердил он глядя на нее с безразличием из-под ресниц, откинув назад голову.

Летти продолжала очищать яблоки от кожуры. Затем принялась за изюм. Эмили нарезала сало. Пора было укладывать детей спать. Они всех нас поцеловали, за исключением Джорджа, пожелав спокойной ночи.

Наконец дети ушли вместе с матерью. Эмили отложила нож, вздохнула и сказала, что у нее болит рука. Тогда я заменил ее. Я нарезал сало, отец читал, Летти тоже работала, а Джордж сидел, откинув голову назад, и глядел на нас. Наконец начинка для пирогов была готова, нам было больше нечего делать. Летти помогла убрать... села... поговорила немного... но тут же вскочила и сказала:

— О, я слишком возбуждена, чтобы усидеть спокойно... Ведь скоро Рождество... Давайте поиграем во что-нибудь.

— Потанцуем? — спросила Эмили.

— Танцевать... танцевать, — Джордж вдруг выпрямился, потом встал. — Давай! — сказал он.

Он сбросил тапки, не обращая внимания на дырявые носки, отодвинул к стене стулья. После чего протянул руку Летти, та подошла со смехом, и они двинулись в танце по кухне с

невероятной быстротой. Ее легкие порхающие шаги сопровождались его прыжками; слышалось легкое касание девичьих ножек о половицы, сопровождавшиеся громким топотом мужских ног в носках. Эмили и я присоединились к ним. Эмили, естественно, двигалась медленней, но все же мы танцевали довольно быстро. Мне было жарко, и я вспотел. Эмили задыхалась. Я усадил ее на стул, а они продолжали вертеться в танце. Еще и еще... При взгляде на них у меня закружилась голова. Наконец отец, смеясь, крикнул, что им пора остановиться. Но Джордж продолжал танец. Ее волосы взлетали и снова падали ей на спину. Ноги уже не прыгали так резво, а тяжело передвигались по полу. Летти задыхалась.

Я видел, как ее губы бормотали что-то, прося его остановиться. Он засмеялся, широко раскрыв рот, и крепко прижал ее к себе. Наконец ее ноги стали волочиться, тогда он подхватил ее на руки и так проделал два круга по комнате вместе с нею. Затем он грузно опустился на диван, усадив ее рядом с собой. Его глаза горели, как угли, она задыхалась и даже всхлипывала. Ее волосы взмокли и блестели. Она откинулась на спинку дивана. Его руки все еще обнимали ее. Она была почти без сознания, волосы закрывали ее лицо. Эмили встревожилась. Отец сказал с оттенком беспокойства:

— Вы переборщили... И это очень глупо.

Наконец она восстановила дыхание, ожила, встала, засмеялась грустно и начала поправлять прическу. Забилась в уголок, где висело зеркало, а также лежали расчески и гребешки. Эмили принесла ей подсвечник. Вскоре она вернулась к нам раскрасневшаяся, с большим черным пятном от пота на поясе, где лежала его рука. Он смотрел на нее развалившись на диване, в его глазах читалось любопытство, он улыбался с видом победителя.

— Ты настоящая скотина, — сказала она. Однако ее лицо не было столь сердитым, как слова.

Он вздохнул, сел и тихо засмеялся.

— Еще? — спросил он.

— Ты готов танцевать со мной?

— К вашим услугам.

— Давай тогда... менуэт.

— Не знаю такого танца.

— Тем не менее ты должен станцевать его. Пошли.

Он подошел к ней, и она повела его, почти закружила в вальсе, что смотрелось нелепо. Когда танец кончился, она поклонилась ему, усадила на прежнее место, вытерев руки о носовой платок, поскольку его рубашка в том месте, где ее руки лежали на его плечах, намочила от пота. Потом еще раз поблагодарила его.

— Надеюсь, тебе понравилось, — сказал он.

— Даже слишком, — ответила она.

— Ты делаешь из меня дурака... В этом нет никаких сомнений.

— Ах, так ты метишь в дураки? Какая ирония, однако. Шагом марш! Другими словами, ты станцевал, но это был слишком нежный танец.

Он посмотрел на нее, опустил ресницы и ничего не сказал.

— Ну, ладно, — засмеялась она, — одни просто рождены для менуэта, а другие...

— Дурака валяют, — закончил он фразу.

— Ах, ты называешь это валянием дурака потому, что сам не умеешь толком танцевать. Что касается меня, то мне это безумно нравится...

— А я, выходит, не умею?

— Этот танец не для тебя.

— Что-то вроде Кларенса Мак Фаббена, да? — сказал он, закуривая трубку и давая этим понять, что разговор его больше не интересует.

— Да! О, сколько раз мы пели это! Кларенс Мак Фаббен, он хочет танцевать, да вот только ноги не двигаются как надо... Я помню, как мы пели после уборки урожая, какое прекрасное было время. Я никогда раньше не думала о тебе как о Кларенсе, это даже забавно. Кстати, не хотел бы ты прийти к нам на вечеринку на Рождество?

— Когда? А кто еще будет?

— Двадцать шесть человек... О!.. Все старые друзья... Алиса... Том, Смит, Фанни... Потом эти, из Хайклоуза.

— А что будем делать?

— Петь, загадывать шарады... Немного потанцуем. Все, что захочешь.

— Польку?

— И менуэты... И даже такой танец, как валета. Давай с тобой станцуем валету, Сирил.

Она заставила меня станцевать с ней валету, менуэт, мазурку. Танцевала она очень элегантно, но несколько подражая Кармен. Когда мы закончили, отец сказал:

— Как миленько, очень славненько, однако! Они и в самом деле красивые, правда, Джордж? Как я хотел бы быть молодым.

— Как я, — сказал Джордж с горьким смешком.

— Покажи мне как-нибудь, как танцевать все эти танцы, Сирил, — попросила Эмили.

— А почему бы тебе не попросить меня? — спросила Летти быстро.

— Ну, ты же не так часто здесь бываешь.

— Зато сейчас я здесь. Давай! — И она повелительно махнула рукой. Летти, как я уже говорил, высокая, роста в ней почти шести футов, но грациозная невероятно. Видимо, от природы. Эта врожденная гармония в ней наводила на мысль об артистичности души.

Эмили ниже, грузнее. В каждом ее движении — экстравагантность слишком эмоциональной натуры. Ее вечно переполняют чувства. Они прямо выплескиваются из нее. Что же касается интеллекта, в этом она была не слишком сильна. Кстати, юмор она тоже не очень понимала. По природе беззащитная, она понимала свое бессилие и неспособность сдерживать собственные эмоции. К самой себе относилась с недоверием, считала себя неудачницей.

Они танцевали вместе, Летти и Эмили, представляя собой разительный контраст. Моя сестра двигалась легко, красиво, пожалуй, даже поэтично. Эмили, увы, не умела контролировать свои движения, часто повторяла одну и ту же ошибку, с силой сжимая руку Летти, она взглядывала на сестру глазами, полными унижения и страха, и продолжала ошибаться, снова и снова переживала, дрожала, безнадежно желая добиться успеха. Страх, что у нее ничего не получится, заранее ослеплял ее, расхолаживал, она чувствовала, что должна что-то сделать, и не могла. Наконец Летти перестала объяснять движения, а просто водила, направляла ее во время танца. Таким способом они добились большего успеха. По крайней мере, Эмили не нужно было думать о своих движениях, и она даже продемонстрировала некоторую грацию. Ее пластика основывалась не на заученности движений, а на чувстве.

Настало время ужина. Мать спустилась ненадолго, и мы тихо побеседовали. Летти не проронила ни слова ни о своей помолвке, ни о предложении Лесли. Она старалась вести

себя так, будто ничего не изменилось, хотя, я уверен, она догадалась, что Джордж знает обо всем от меня. Она настояла на том, чтобы мы общались между собой совсем как прежде.

После ужина, когда мы собрались домой, Летти сказала ему:

— Между прочим, ты должен прислать нам несколько веток омелы для вечеринки... И чтобы было побольше ягод, хорошо? А на вашей омеле в этом году много ягод?

— Не знаю, не смотрел. Можем сходить посмотреть если хотите, — ответил Джордж.

— Разве ты выйдешь на мороз ради нас?

Он надел сапоги, пальто, замотал шарф вокруг шеи. Молодая луна спряталась. Было очень темно. Жиденькие звезды дрожали в вышине. Бескрайняя ночь наполнила нас благоговейным страхом. Летти схватила меня за руку и крепко сжала. Джордж пошел вперед открывать ворота. Мы отправились в сад через мост, миновали шлюз и выбрались на широкий берег. В темноте с трудом можно было различить старые яблони, склонившиеся над нами. Мы пригнулись и пошли за Джорджем. Он сказал:

— Дайте-ка посмотрю, вроде здесь растут два дерева омелы.

Снова мы молча двинулись за ним.

— Да, — сказал он. — Вот они!

Мы подошли ближе, чтобы посмотреть на старые деревья. Сплошное темное нагромождение ветвей! Летти начала смеяться.

— Мы, что, забрались сюда, чтобы считать ягоды? — сказала она. — Даже омелу разглядеть не могу.

Она наклонилась куда-то в темноту. Джордж, стараясь почувствовать ее дыхание на своей щеке, тоже повернулся в сторону и сразу почувствовал взгляд ее глаз. Тогда он схватил ее за руки и поцеловал в губы долгим поцелуем. Потом отпустил, пробормотал что-то невнятное, дескать, надо бы сходить за фонарем. Она осталась стоять спиной ко мне, делая вид, что ищет ягоды. Вскоре я заметил внизу мигающий огонек.

— Кажется, он несет фонарь, — сказал я.

Джордж подошел и произнес странным голосом.

— Теперь можем и посмотреть.

Он приподнял фонарь, осветив свое и ее лицо, а заодно и причудливые ветви деревьев — заросли омелы. Вместо того, чтобы искать ягоды, они смотрели друг другу в глаза. Их ресницы трепетали. Даже в темноте было видно, что он покраснел. При свете желтого фонаря мой друг казался таким красивым. Он взглянул вверх смущенно и сказал:

— Полным-полно ягод.

На самом деле их было очень мало. Она тоже посмотрела наверх и пробормотала, что ягод действительно много. Они находились в круге света, отбрасываемом фонарем, и это была их обособленная от всех вселенная. Я же, стоя в темноте, пребывал в другом мире. Джордж протянул руку, сломал ветку омелы с ягодами и предложил ей. Они снова глядели друг другу в глаза. Она спрятала ветку среди мхов у себя на груди. Так они и стояли, освещенные светом фонаря сверху; его красно-черный шарф, обмотанный вокруг шеи, смотрелся превосходно и придавал деревенскому парню весьма благородный вид. Он опустил фонарь и, стараясь сохранить естественный тон, опять повторил:

— Да... в этом году ягод много.

— Ты соберешь для меня немного, ладно? — попросила она, отвернувшись и закончив тем самым их очаровательное противостояние.

— Когда мне их надо срезать? — Он стоял рядом с ней, держа фонарь. Нам пора было

отправляться домой. Он перешел с нами через ручей, не сказав ни слова. Потом пожелал обоим спокойной ночи. Когда он светил фонарем, чтобы ей было удобно ступать по камням, она даже не брала меня под руку. Так мы добрались до самого дома.

Последующие две недели мы усиленно готовились к Рождеству. Люди украшали дома ветками разных деревьев, хмелем. С окрестных ферм раздавался жуткий визг свиней, а к вечеру, позже, тянуло запахом жареной свинины. На шоссе стоял топот, пони спешили с рождественскими подарками.

Телеги приезжали к деревенским жителям, украшенные ветками омелы. Оранжевые апельсины весело выглядывали из ящиков. А также и алые яблоки. И, конечно, холодно-белые тушки ощипанных кур, гусей, уток. Мелочные торговцы важно размахивали кнутами, маленькие пони бойко бежали под сикоморами, вперед, к Рождеству.

В конце дня двадцать четвертого числа, когда повсюду пыль вздымается метлами и вениками, я прогуливался с Летти. Над головой розовело небо, голубели деревья. Мы встретили двух мальчиков 15–16 лет. Одежда на них была залатана хлопчатобумажным молескином, шарфы завязаны на шее узлом, из карманов торчали бутылочки с чаем. Судя по мешкам у них за плечами, ребята собрались на работу.

— Эй! — окликнула их Летти. — Собираетесь поработать накануне Рождества?

— Похоже, что так, — ответил старший.

— И когда же собираетесь возвращаться?

— Примерно в полтретьего.

— Утром на Рождество! Ну и ну!

— Зато сможете увидеть ангелов и звезду, — сказал я.

— Они подумают, что мы грязнули, — произнес младший паренек смеясь.

— Пошли, — заторопил его старший.

Они двинулись по дороге, топая тяжелыми башмаками.

— Счастливого Рождества! — крикнул я им вслед.

— Поздравляться будем утром! — ответил старший.

— Вам того же, — ответил младший и стал напевать веселую песенку.

— Забавно, — сказала Летти. — Мальчики отправились работать на меня.

Мы собирались пойти на вечеринку в Хайклоуз. Случайно я заглянул на кухню около половины восьмого. Лампа была притушена, и Ребекка сидела в тени. На столе при свете лампы я разглядел стеклянную вазу с пятью или шестью очень красивыми розами к Рождеству.

— Хелло, Бекки, кто это прислал? — спросил я.

— Никто их не посылал, — ответила Ребекка. В ее голосе прозвенели слезы.

— Да? Я что-то не видел их в саду.

— Возможно, так оно и есть, я укрывала их целых три недели, берегла под стеклом.

— Для Рождества они прекрасны. Я даже подумал, что кто-то послал их тебе.

— Уж меньше всего можно было подумать, что их прислали именно мне, — ответила Ребекка.

— Почему?.. В чем дело?

— А ни в чем. Кто я такая? Никто и уже никем не буду. Старею помаленьку.

— Что-то тебя расстроило, Бекки.

— Какое это имеет значение. Мои чувства ничего не значат. Могу только сидеть дома в компании с моими цветами... которые никому не нужны.

Я вспомнил, что Летти обычно прикалывала к домашнему платью цветы. Она была в восторге от предстоящей вечеринки в Хайклоузе. Я представил себе ее быструю скороговорку: «О нет, спасибо, Ребекка, у меня уже есть веточка, которую мне прислали».

— Ничего, Бекки, — сказал я. — Она просто слишком возбуждена сегодня вечером.

— А я легко забываю все обиды.

— Мы тоже, Бекки... Tant meïux^[16].

В Хайклоузе Летти произвела большое впечатление на всех. Среди местных деревенских красавиц она резко выделялась своей красотой. Даже передвигалась и жестикулировала, как драматическая актриса. Лесли просто обожал ее. Когда они встречались глазами, оба смотрели с триумфом, возбужденно, горящим взглядом. Летти буквально наслаждалась тем впечатлением, которое она производила на публику. Благодаря всеобщему восхищению усиливалась ее любовь к нему. Он тоже был неотразим. Тем временем хозяйка дома, важная и напыщенная, сидела рядом с моей мамой, как бы покровительствуя ей. Мама улыбалась и смотрела на Летти. Это была восхитительная вечеринка. Очень веселая.

Я танцевал с несколькими дамами и удостоился чести поцеловать каждую из них под омелью, за исключением тех двух, которые поцеловали меня сами, первые.

— У, волчище, — сказала лукаво мисс Буки. — Убедена, ты просто волк в овечьей шкуре, а притворяешься таким ягненочком.

— Даже своим бляньем^[17] похож на ягненка, любимца Марии, да?

— Ну, уж по крайней мере ты не мой любимец. И хорошо, что тебя не слышит мой Голауд...

— О, твой великан... — сказал я.

— Да, он такой. Настоящий бычок. Так или иначе, я помолвлена с ним. А вообще никогда не знаешь, правильно поступаешь или нет.

— Я тоже не знаю, у меня нет опыта.

— Крутой мужик! У меня рождественское настроение. Я сейчас читаю Метерлинка... а он действительно здоровенный парень.

— Кто? — спросил я.

— О... он, конечно. Мой Голауд. Ничего не могу с собой поделать. Обожаю здоровенных мужиков. К сожалению, они не умеют танцевать.

— А может быть, к счастью, — вставил я.

— Вижу, ты его недолюбливаешь. К сожалению, я и не подумала спросить, танцует ли он... перед тем, как...

— Это для тебя имеет большое значение?

— Ну, конечно... женщина вольна танцевать с теми симпатичными мужчинами, за которых она никогда не выйдет замуж.

— Почему?

— О... ну, ведь замуж можно выйти только за одного...

— Конечно.

— А вот и он... Он за мной пришел! О, Фрэнк, я уж думала, что ты забыл меня, мой дорогой.

— Я то же самое думал про тебя, — ответил Голауд, здоровый жирный парень с детским лицом. Он постоянно улыбался, и трудно было понять, что он хотел сказать.

Домой мы отправились ранним рождественским утром. Летти, тепло укутавшись в

шаль, беседовала со своим возлюбленным посреди аллеи. Она была восхитительна каждым своим жестом. Он тоже прощался с ней очень грациозно и с музыкой в голосе. Я почти влюбился в него сам. А уж что касается сестры, то ей он очень нравился. Когда мы подошли к воротам, то услышали голос Джона, который произнес:

— Спасибо.

Мы взгляделись и увидели двух мальчиков, которые, закончив работу, возвращались домой. Они выглядели довольно смешно при свете фонаря. Они прокричали нам рождественские пожелания. Летти помахала им рукой, а они крикнули в ответ: «Ура!» Наступило Рождество, чудесный праздник, прекрасная пора.

На следующий день после Рождества Летти исполнился двадцать один год. Я проснулся утром от ее радостных криков. За окном падал снег. Озеро чернело, словно открытые глаза трупа. Выскочил кролик, подпрыгнул и побежал дальше. Пролетели птицы, напуганные метелью. Снег лежал повсюду глубиной в восемнадцать дюймов^[18].

— Никто не придет! — сказала Летти, ожидавшая в этот день гостей.

— В любом случае Лесли-то уж явится, — сказал я.

— Только он один! — воскликнула она.

— Один такой гость заменяет всех, разве не так? — подбодрил я. — И будь уверена, Джордж тоже придет, потому что я не видел его уже две недели.

— Почему?

— Не могу сказать.

Летти в пятнадцатый раз принялась донимать Ребекку вопросом, придут ли гости в такую погоду. По крайней мере женщины, приглашенные помогать по хозяйству, явились, как одна.

В десять часов прибыл Лесли, краснощекий, сияющий, смеющийся, точно мальчик. Он долго топтался в прихожей, сбивая палкой снег с башмаков, он окликнул Летти, чтобы та знала, кто пришел. Она устремилась ему навстречу.

— А, моя маленькая совершеннолетняя женщина! — сказал он, целуя ее. — Провозглашаю тебя совершеннолетней женщиной. Посмотри на себя в зеркало... — Она сделала, как он просил. — Ну, и что ты там видишь? — спросил он, смеясь.

— Смотрю, ты очень веселишься, глядя на меня.

— А! Посмотри на себя сама. Вот! И торжественно заявляю, что тебя больше пугают твои собственные глаза, чем мои, разве не так?

— Да, — сказала она, и он опять насильно поцеловал ее.

— Это твой день рождения, — сказал он.

— Я знаю, — ответила она.

— Я тоже. Ты кое-что обещала мне.

— Что? — спросила она.

— Вот — посмотри, может быть, тебе понравится, — он протянул ей маленькую коробочку.

Она открыла и, схватив колечко, быстро надела его на палец. Он смотрел с явным удовольствием. Она смущенно взглянула на него и рассмеялась.

— Вот! — сказал он.

— Ах! — воскликнула она странным голосом.

Он схватил ее за руки. Через мгновение она уже приставала к нему:

— Думаешь, они придут ко мне в гости?

— Я так надеюсь, что нет... О Боже!

— Но ведь мы так готовились.

— Какое это имеет значение! Десять тысяч людей сегодня здесь...

— Не десять тысяч, а только пять-шесть. Думаешь, гости не придут?

— Думаю, нет, не дураки же они в конце концов, чтобы переться сюда в такую погоду.

— Ты должен помогать мне... — Она надула губы.

— Ну, я и помогаю... А ты настроилась на то, чтобы сегодня у тебя дома было полно гостей?

— Ты же знаешь, как мы мечтали об этом дне, о моем празднике. В любом случае... я знаю, Том Смит придет... и почти уверена, что Эмили Сакстон тоже.

Он сердито покусывал ус и наконец сказал:

— Тогда, я полагаю, мне следует послать за ними.

— Если тебя это не затруднит.

— Отнюдь.

— Знаешь, — сказала она, вертя кольцо на пальце, — у меня такое ощущение, будто я намотала что-то на палец, чтобы не забыть. В моем сознании постоянно возникает эта ассоциация.

— В любом случае, — сказал он, — ты моя.

После обеда, когда мы остались одни, Летти сидела за столом, нервно теребя колечко.

— Оно очень хорошенькое, правда, мама? — спросила она восторженно.

— Да, очень славное. Мне всегда нравился Лесли, — ответила мама.

— Но оно такое тяжелое. Мне хочется снять его.

— Ты как я. Никогда не могла носить колец. Мне ненавистно было мое обручальное кольцо.

— Правда, мама?

— Первые несколько месяцев я снимала его и откладывала в сторону, потом привыкла.

— Я рада, что это не обручальное кольцо.

— Лесли сказал, что это то же самое, — заметил я.

— Ах, ну да! Все равно есть разница...

Она повернула колечко камешками внутрь и принялась разглядывать золото... потом быстро повернула обратно, сказав:

— Я рада, что оно не обручальное, пока еще не обручальное. Я начинаю чувствовать себя взрослой, совершеннолетней, маленькой матерью... женщиной, я чувствую себя наконец взрослой с сегодняшнего дня.

Мама вдруг встала, подошла и горячо поцеловала Летти.

— Позволь запечатлеть на челе моей девочки прощальный поцелуй, — сказала она, в голосе ее прозвучали слезы. Летти наклонилась к матери и, всхлипывая, прижалась лицом к ее груди. Потом она подняла мокрое от слез лицо, поцеловала маму, промурлыкав:

— Нет, мама... нет!

Около трех часов дня приехал экипаж, привезший Лесли и Мэри. Мы с Летти были наверху и слышали, как Мэри кричала моей сестре из прихожей:

— О, Летти, он так взбудоражен, он в таком восторге, ты просто не представляешь. Он брал меня с собой, когда покупал это... дай же мне посмотреть. Думаю, оно ужасно симпатичное. Дай я помогу тебе сделать прическу... навертим таких колечек... очень очаровательно. У тебя действительно красивые волосы... в них столько жизни... жаль, что ты так укладываешь их. Я бы хотела, чтобы мои волосы были чуть подлиннее... Ах, как это шикарно, правда?.. Локоны девушкам очень к лицу. А я тебе нравлюсь? Мои глаза, брови, ресницы — это лучшее, что у меня есть, как ты думаешь?

Мэри, очаровательное маленькое создание, вертелась у зеркала. Я спустился вниз.

Лесли встрепенулся, когда я вошел в комнату, но, увидев меня одного, снова уткнулся в

колени, глядя на огонь.

— Что она там делает? — поинтересовался он.

— Одевается.

— Тогда подождем. А люди все не идут.

— Ну, что ж. У нас еще есть время.

— О... ну да, конечно... мы же с тобой не в одной лодке, тебе меня трудно понять.

— Конечно, — сказал я, смеясь.

— Господи, Сирил, ты просто не представляешь, как тяжело быть влюбленным. Я просто ни о чем другом не могу думать. Только о ней... о ней.

Он смотрел на огонь в камине.

— Это давит, гнетет. Не оставляет ни на минуту в покое. — Он снова задумался. — Потом ты вдруг вспоминаешь, как она поцеловала тебя, и кровь снова бросается тебе в голову.

Он задумался... или, может быть, старался подавить вспыхнувшие чувства.

— Знаешь, — сказал он. — Я не думаю, что она испытывает ко мне такие же чувства, как я к ней.

— А ты бы хотел этого? — спросил я.

— Не знаю, — сказал он. — Может быть, нет... хотя... и все-таки не думаю, что она чувствует... так же сильно...

Он закурил сигарету, чтобы подавить возбуждение, и замолчал. Тут вниз спустились девушки. Мы могли слышать их легкомысленную болтовню. Летти вошла в комнату. Он вскочил и подбежал к ней. На ней было надето легкое, кремового цвета шелковое платье. Шея оголена. Волосы, как и предвещала Мэри, смотрелись просто восхитительно. От нее исходило какое-то солнечное тепло. И она невольно рождала обожание к себе. Он подошел и поцеловал ее.

— Ты великолепна! — произнес он.

Она только рассмеялась в ответ. Он проводил ее до большого кресла и заставил сесть рядом с ним. Она была спокойна, он же весь светился счастьем. То и дело брал ее за руку и смотрел на кольцо.

— До чего хорошо! — ворковал он.

— Да, — соглашалась она.

— Что означают... сапфиры и бриллианты? Я даже не знаю. А ты?

— Я тоже. Голубой — цвет надежды, Сперанца^[19] в Прекрасной королеве была в голубом... а бриллианты означают... кристальную чистоту. И вообще они вполне соответствуют моей натуре.

— Точно, ты вся так и сверкаешь, так и блистаешь, и при этом такая твердая... Суровая маленькая моя учительница. Но при чем тут Надежда?

— Да так. Сложно обнаружить смысл у большинства вещей. Впрочем, нет, неправда. Надежда — это нечто особенное! Музыка без струн, с надеждой идут по жизни вслепую. Вот я думаю, почему Сперанца не бросила свой трудный план, как перчатку, а поднесла платочек к глазам и огляделась вокруг! Ну, конечно, она была женщиной, женщиной, принадлежавшей мужчине! Ты знаешь, я просто убеждена, что большинство женщин подносят платок к глазам и смотрят на кончик носа, в то время как все думают, будто они плачут.

— Не думаю, что ты сама понимаешь, о чем ведешь речь. Я-то уж точно. А сапфиры

напоминают мне твои глаза... и... разве не ими навеяна строка «Голубое веру бережет»? Насколько я помню.

— На, — сказала она, сняв колечко, — носи сам. А меня оставь в здравом уме и рассудке.

— Надень, надень. Оно привяжет тебя ко мне быстрее, чем верующую деву к дереву на картине Милле... погоди, по-моему, это все-таки — Милле.

Она сидела, трясась от смеха.

— Ну и сравнение! И какой же храбрый рыцарь освободит меня?

— Ах, — ответил он. — Не имеет значения. Ты ведь не хочешь, чтобы тебя освобождали?

— Пока нет, — ответила она, поддразнивая его.

Они продолжали нести всякую чепуху, сопровождая разговор красноречивыми жестами и быстрыми взглядами, в их отношениях чувствовалась теплота.

Мэри увела меня в столовую, чтобы оставить их наедине.

* * *

Мэри — очаровательная маленькая девушка, всегда такая чистенькая, с умным, добрым личиком, с темными волосами. Она сама их укладывала, не обращаясь к парикмахеру, и в общем неплохо разбиралась в моде. Об этом можно было судить по ее платьям. Со временем из нее выйдет добрая, с открытым сердцем, консервативная дама со множеством достоинств и, безусловно, очень воспитанная. Сейчас она смотрела на меня с улыбкой и выглядела весьма романтично, хотя по ее улыбке трудно было догадаться, о чем она думает. Мэри оглядела комнату, посмотрела в окно и сказала:

— Я всегда любила Вудсайд, здесь отдыхаешь душой... в нем что-то есть такое особенное... о... тут и в самом деле чувствуешь себя так покойно, комфортно... знаешь, а я читала Максима Горького.

— Ну, его как раз и не следовало читать, — сказал я.

— Его все читают, это модно... однако мне он не понравился... больше не стану читать. Ах, как мне нравится Вудсайд!.. Здесь всегда чувствуешь себя как дома. Чудесные старые деревья, такие родные. Именно тут настоящая жизнь.

— И здоровая плоть, — заметил я.

— Нет, я не это имею в виду... вот если бы наш мир оставался старым и добрым, и если бы вообще не существовало зла...

— А по-моему, он вечно молодой, своенравный и даже немножко сумасшедший, — сказал я.

— Нет, не совсем так, зато здесь ты, Летти, Лесли и я — нам хорошо вместе, так просто и легко. Вудсайд такой старый и такой славный, тихий...

— Да, — согласился я, — мы живем естественной жизнью, размеренной, умиротворенной... все столь обыденно... как голуби в голубятне.

— О!.. голуби!.. они такие... сентиментальные.

— Мирные, божьи птицы. Ты сама похожа на голубицу с черным оперением вокруг шеи. Ты горлица, а Летти — лесная голубка.

— Летти изумительна, правда? Сколько в ней энергии! Я бы хотела быть такой... она

всегда на верном пути... Думаю, она необыкновенная девушка!

Я засмеялся над тем, с каким энтузиазмом она говорила о моей сестре.

У Мэри и впрямь очень тонкая, нежная душа. Между тем она подошла к окну. Я подкрался и поцеловал ее, потом оторвал две ягоды омелы и помог ей уютно устроиться на подоконнике, подложив край тяжелой портьеры. Она сидела и смотрела на снег.

— Как здесь мило, — проговорила она задумчиво. — А Максим Горький вызывает у человека душевное расстройство. Только сумасшедшим он может нравиться.

— Они обычно живут в городах, — сказал я.

— Да... но давай посмотрим на Гарди... жизнь кажется такой ужасной... правда?

— Пока сам не видишь и не ощущаешь ее изъянов, то не кажется. Лично я не нахожу ее таковой.

— Здесь хорошо, как в раю.

— Рай для эскимосов, пожалуй. А мы ангелы, верно? Ну а я архангел.

— Нет ты просто несносный парень. Эй, кто это там? Смотри, кто-то вышагивает среди деревьев!

— Кто-то торопится в гости к нам, — обрадовался я.

* * *

Сквозь кусты продирался здоровенный плотный парень.

— До чего он забавно передвигается! — воскликнула Мэри.

— О да.

Когда он подошел ближе, мы увидели на ногах у него индейские снегоходы. Мэри выглянула, засмеялась, снова выглянула и снова засмеялась, спрятавшись за портьеры. Парень весь покраснелся, видно было, что ему очень жарко. Но смотреть, как он шагает по снегу, было, право, смешно. Я подошел к двери, чтобы встретить его. Мэри закрыла лицо руками, чтобы скрыть свое смешливое состояние.

Он пожал мне руку прямо в рукавице и вытер пот с бровей.

— Ну, Бердсолл, старина, — сказал он. — Как дела? Боже, однако, тут жарко! Видишь, какая великолепная идея меня осенила... Он показал на свои снегоходы. — Здорово! Правда? Я превратился в бесстрашного индейца. — У него было раскатистое «р» и очень растянутое «а»: бесстр-р-р-ра-а-а-ашного индейца. — Решил прийти во что бы то ни стало, — продолжал он. — Помнишь нашу вечеринку в прошлом году?.. Наверное, девушки сильно изменились? Вступили на тропу войны, да? — Он выпятил нижнюю губу (у него вообще были детские губы), почесал жирный подбородок.

Затем снял пальто, размотал белый шарф, не обращая внимания на сыпавшийся с него на пол снег, подобное поведение Ребекка обычно считала личным оскорблением... после чего он устроил свое жирное разгоряченное тело в кресле и стал стаскивать сапоги. Когда он надел обувь для танцев, я проводил его по лестнице наверх.

— Господи, я шел легко, я парил, как ласточка! — продолжал он разглагольствовать, а я невольно посмотрел на его грузную комплекцию. — По дороге не встретил ни души, хотя все вокруг расчищено. Увидел следы повозки и догадался, что Темпесты уже здесь. Итак, Летти сунулась носиком в табакерку к Темпестам... не оставив никому другому ни малейшего шанса... некоторые женщины по-бараньи упрямы, и вкусы у них явно того...

только кому-то нравится ворон, а кому-то его богатство... чего уж их осуждать за это?.. Вот одно только плохо, что они не оставляют шанса другим. Полагаю, Мейди Хоувитт придет?

Я что-то пробормотал насчет снега.

— Она придет, даже если снегу будет по колено. Ее мама видела, как я проходил мимо. — Он все еще приводил себя в порядок перед зеркалом. Я сказал ему, что Лесли отправил повозку за Алисой и Мейди. Он хлопнул себя по жирным ляжкам и воскликнул:

— Мисс Гэлл... я чувствую запах серы! Бердсолл, старина, будет очень забавно. Мейди, потом эта скромница Темпест... все может закрутиться, — он принялся насвистывать какую-то мелодию сквозь зубы.

И все это время поправлял пропахший лавандой жилет.

— Наши милые девушки сработали это для меня... ну, точь-в-точь сочный персик... да еще аккуратно нарезанный, то бишь скроенный.

Он привел в порядок белый галстук-бант... На его жирных пальцах красовались два перстня: один — большой с печаткой, другой с бриллиантом.

Очень осторожно он провел ладонями по прическе. Достал коробочку с подарком и шелковый платочек. Стряхнул пыль с модных туфель. Выпятил нижнюю губу и с большим удовлетворением осмотрел себя в последний раз в зеркале. Теперь он был готов представиться девушкам.

— Сегодняшний день просто незабываем, Летти. Не позволяйте старому Плутону и его своре выгнать меня. Я явился сюда, подобно бесстрашному индейцу на снегоходах, как Гайавата к Миннехахе.

— Ах... так он же был голодный, — мягко съязвила Мэри.

— А теперь у нас праздник, пышное торжество, мисс Темпест, — сказал он, отвесив поклон смеющейся Мэри.

— Ты принес какую-нибудь музыку? — спросила мама.

— Хотел стать Орфеем, — продолжал балагурить он. — Вижу, опоздал, ты уже в полном оперении, Темпест. «Похоже, что она прекрасна».

— Кто?

Уилли вскинул вверх свое мясистое, но весьма чувствительное лицо, вроде никогда не нуждавшееся в бритве. Летти с Мэри вышли из комнаты, заслышав колокольчик.

— Она просто гурия, сказочная красавица! — воскликнул Уильям. — Господи, она цветок лотоса!.. Но она носит твое колечко, Темпест?

— Не твое дело, — обрезал его Лесли.

— Не будь дураком, — вставил я.

— О, о-о-о? — насмешливо протянул Уилли. — Выходит, мне нужно смотреть в другую сторону! *Le bel homme sans merci*^[20]!

Он шумно вздохнул, пригладил слегка волосы, одним глазком глядя в зеркало. Потом поправил перстни и направился к пианино.

Пальцы мгновенно забегали по клавишам. Потом взял альбом пьес Чайковского. Начал наигрывать одну. Бросил и перешел к серенаде Дон Жуана. Затем запел.

У него был красивый тенор. Мягкий и нежный, и не такой громкий, металлический, как у Лесли. Сейчас он запел громче, потому что услышал шаги на лестнице. Когда дверь открылась, Уильям распевал свою партию в темпе *dolce*^[21] и при этом не оглядывался на вошедших.

— Какой восторг!.. Настоящий хор ангелов... — воскликнула Алиса, воздев руки и стоя

в дверях, точно святая дева.

— Персефона... Европа... — промурлыкала Мейди, в свою очередь желая продемонстрировать свои познания в мифологии.

Когда зазвучали более высокие ноты, Алиса прижала руки к груди в экстазе.

— Держи меня, Мейди, иначе я брошусь в объятия этой сирены.

Она вцепилась в Мейди. Песня закончилась, и Уилли обернулся.

— Успокойтесь, мисс Гэлл, — сказал он. — Надеюсь, музыка не слишком ранила вас.

— О, как ты можешь говорить «успокойтесь»... разве кому-нибудь дано успокоить дикого зверя!

— Простите, мне очень жаль, — шутливо произнес Уилли.

— Ты причина всех моих волнений, дорогой мальчик, — ответствовала Алиса.

— Я и не думала, что ты придешь, — сказала Мейди.

— Пробирался сюда, словно бесстрашный индеец, — сказал Уилли. — Как Гайавата к Миннехахе. Я знал, что ты придешь.

— Ах, ты знал, — приторно улыбнулась Мейди, — а я так заволновалась, когда услышала пианино. Целый год я не видела тебя. И как же ты сюда добрался?

— А я пришел на снегоходах, — похвастался он. — На самых настоящих индейских снегоходах... они прямо из Канады.

— О... ступай, надень и покажи нам, продемонстрируй их нам, Билли, дорогуша! — закричала Алиса.

— Снова идти на холод и пробираться через сугробы по снегу... нет, боюсь, — сказал он и повернулся к Мейди.

Алиса села поговорить с мамой. Вскоре пришел Том Смит и подсел к Мэри. Он молча смотрел сквозь очки своими острыми карими глазами на гостей, презрительно-насмешливо на Уильяма и с опаской на Лесли и Летти.

Вскоре пришли Джордж с Эмили. Они несколько нервничали. Когда переобулись, то не спешили идти в гостиную. Я с удивлением увидел, что он надел туфли для танцев, да и Эмили тоже.

Эмили, румяная от мороза, одетая в платье винного цвета, была очень красива. Костюм Джорджа был отлично сшит... Этим он отличался от других: все мужчины были в вечерних смокингах, а он в пиджаке.

Мы проводили всех в гостиную. Лампы там горели не так ярко, зато всю пылал огонь в камине. Мы вынесли из этой комнаты ковер — пол был натерт до блеска — и часть мебели. Комната казалась теперь просторней.

После обмена рукопожатиями вновь прибывшие гости расселись у камина. Мама немного поговорила с ними, потом на пианино зажгли свечи, и Уилли стал нам играть. Вообще-то он был блестящий пианист. Удивительно, но факт. Мама вышла, чтобы распорядиться насчет чая, а спустя некоторое время Летти подошла к Эмили и Джорджу, опустилась в низкое кресло и стала беседовать с ними. Лесли стоял у окна, глядя на лужайку, снег все валил и валил, а небо становилось почти пурпурным.

Летти положила руки на колени и спросила ласково:

— Посмотри... тебе нравится?

— Что? Ты обручена? — воскликнула Эмили.

— Видишь ли, я уже совершеннолетняя, — сказала Летти.

— Красивое кольцо. Можно примерить? Да, у меня никогда не было кольца. Вот, не

проходит, мешает сустав... нет, не налезает. У меня руки красные, правда?.. Это от холода... Да оно и мало. Зато очень-очень мне нравится.

Джордж сидел, глядя на игру четырех рук на коленях его сестры, две руки белые и тонкие, две красные и пошире, притом очень нервные. Руки играли кольцом, которое поблескивало при свете свечей.

— Можешь меня поздравить, — сказала она очень тихим голосом, но мы оба знали, что она обращается к Джорджу.

— Ах да, — сказала Эмили. — Я тебя поздравляю.

— А ты? — спросила она, обращаясь уже прямо к нему, поскольку он молчал.

— Что ты хочешь от меня услышать? — спросил он.

— Скажи, что хочешь.

— В другой раз, когда обдумую это событие.

— Остывший обед!^[22] — засмеялась Летти, вспомнив, как над его медлительностью потешалась Алиса.

— Что? — воскликнул он, удивившись ее насмешке.

Она знала, что фальшивит, однако надела кольцо на палец и направилась через всю комнату к Лесли, обняла его за плечи, склонила к нему голову и о чем-то нежно с ним заворковала. Бедняга был в восторге, не так уж часто она выражала свою симпатию к нему столь прилюдно.

Мы пошли пить чай. Желтая лампа мягко светила над столом, где стояли рождественские розы вместе с темной листвой, где светились, матово отливали фарфор и серебро, а цветные тарелки приятно поигрывали всеми красками. Все были веселы и счастливы. Да и как может быть иначе, если сидишь за красиво накрытым столом, в молодой компании, а за окном в это время валит снег. Джордж почувствовал себя неловко, когда обнаружил, что положил обе руки на стол, но быстро успокоился. Нам всем было приятно общаться друг с другом.

Разговор зашел о женитьбе.

— Что вы можете сказать об этом, мистер Смит? — спросила маленькая Мэри.

— Ничего, — отозвался он своим благородным голосом. — Мой брак — проблема будущего... когда я надумаю что-нибудь, обязательно выскажу свое мнение.

— И все-таки, что вы думаете о?..

— Помнишь, Летти, — вклинился в разговор Уилли Бэнкрофт, — ту рыжеволосую девушку, которая училась с нами в колледже? Она только что вышла замуж за старого Крейвена с физического факультета.

— Желаю ей счастья! — сказала Летти. — Она тебе нравилась?

— Не больше, чем все другие, — ответил он, улыбаясь. — Как тебе известно, ты тоже была в их числе.

— Что за шутки! — воскликнула Летти, — мы вместе ходили в питомник в обеденное время. Ты отстал на пол-осени. Помнишь, мы давали концерт, ты да я, да еще Фрэнк Уишоу, в маленьком театрике после лекций?

— Тебе тогда нравился Принни, старый щеголь, — продолжал донимать ее Уилли. — В тот вечер Уишоу отвез тебя на станцию... послал старого Геттима за такси... такого до этого не случалось. Старина Уишоу покорила тебя этим поступком, не так ли?

— О, как я важничала! — воскликнула Летти. — А ты стоял на ступенях и смотрел на меня с восхищением! Но Фрэнк Уишоу не был таким уж прекрасным парнем, хотя на

скрипке играл превосходно. Мне никогда не нравились его глаза...

— Нет, — сказал Уилли. — Он долго не продержался в кавалерах, правда?.. Хотя мне казалось это долгим сроком. Мы хорошо проводили время в колледже, верно?

— Да, там было неплохо, — согласилась Летти. — Хотя и много глупостей. Боюсь, я потратила зря там целых три года.

— Я думаю, — сказал Лесли, улыбаясь, — ты готовила себя для великой цели. И оттачивала свое кокетство.

Ему было приятно слышать о ее победах, поскольку флирт безопасен и только увеличивает славу. Джордж во время всего разговора не проронил ни слова, только смотрел отсутствующим взглядом.

* * *

Закончив чаепитие, мы перешли в гостиную. Было довольно темно. Комнату освещал только огонь в камине. Тут все увидели омелу и были страшно довольны.

— Джорджи, Сирил, Сирил, Джорджи, идите поцелуйте меня, — воскликнула вдруг Алиса.

Мы подошли к ней, чтобы удостоиться этой чести. Она подбежала ко мне со словами:

— Иди отсюда, жирный дурак... береги свои консервы. А теперь ты, Джорджи-дорогуша, подойди поцелуй меня, потому что у тебя никого не осталось, кроме меня, никого. Ты хочешь убежать, Джорджи-Порджи, яблочный пирог? Нет, я не заплачу, точно не заплачу, раз ты такой урод.

Она схватила его, поцеловала в щеку, ласково приговаривая:

— Ну, не будь таким серьезным, старина... не робей, будь смелее, ты отличный парень.

Мы зажгли лампу и начали изображать шарады. Актерами были Лесли, Летти, Уилли, Мейди и Алиса. Первая сцена изображала что-то из Гретны Грин: Алиса играла роль служанки, откровенно шаржированно.

Было шумно и весело. Лесли находился в прекрасном расположении духа. Весьма примечательно: чем воодушевленней и энергичней становился он, тем тише вела себя Летти.

Во второй сцене, когда они сыграли мелодраму, она у нее неожиданно превратилась в трагедию. Они вышли, и Лесли послал нам воздушные поцелуи из дверей.

— Правда, она хорошо играет? — воскликнула Мэри, обращаясь к Тому.

— Вполне реалистично, — ответил он.

— Она всегда хорошо играет, — подтвердила мама.

— Думаю, — сказала Эмили, — она могла бы отлично сыграть свою роль и в жизни.

— Просто убеждена, что смогла бы, — ответила мама. — Только понадобились бы длинные перерывы, чтобы она успела посмотреться в зеркало.

— А потом? — спросила Мэри.

— Ну, пожалуй, она бы почувствовала отчаяние, разочарование, стала бы ждать, пока все это пройдет, — ответила мама, многозначительно улыбаясь.

Актеры появились снова. Летти играла довольно неплохо. А Лесли играл просто блестяще. Он привлекал к себе внимание. Аплодисменты были громкими... только мы никак не могли угадать слово, загаданное в шараде. Тогда они наконец засмеялись и сказали нам его. Мы шумно запротестовали.

— Ступай, дорогой, — сказала Летти, обращаясь к Лесли, — а я помогу подготовить комнату для танцев. Я немного устала... все это так будоражит... Эмили займет мое место.

Они ушли. Мэри, Том, мама и я играли в бридж в уголке. Летти сказала, что хочет показать Джорджу несколько новых картин, и они на какое-то время склонились над альбомом. Потом она попросила его помочь освободить комнату для танцев.

— Ну, у тебя было время подумать, — сказала она ему. — Я жду.

— Слишком мало времени, — ответил он. — И что я должен сказать?

— Скажи то, что думаешь.

— Ну... значит, о тебе... — ответил он, глупо улыбаясь.

— Что обо мне? — спросила она настороженно.

— Ну, о том, какой ты была в колледже, — ответил он.

— О! Это было хорошее время. У меня было много друзей. Они все мне нравились, пока я не обнаружила, что в них нет ничего особенного, и они мне надоели.

— Бедные ребята! — сказал он, смеясь. — Какие они были из себя?

— Всякие, — ответила она. — Такие же, как и сейчас.

— Жаль, — сказал он, улыбаясь. — Ты, оказывается, жестокая.

— Почему? — спросила она.

— Тебя не заботят другие люди, — ответил он.

— Ты слишком категоричен. Считай, что существует исключение.

— Неужели я? — спросил он с улыбкой. — Ты стреляла в воздух, а потом вдруг заявила, что все патроны холостые... кроме одного, конечно.

— Ты так считаешь? — спросила она с грустной иронией. — О, ты был всегда под прицелом.

— Остывший обед, — процитировал он с горечью. — Но ты же знала, что я люблю тебя. Тебе было это известно давным-давно.

— Прошедшее время, — ответила она. — Спасибо. Следующий раз делай это лучше.

— Раз я всегда под прицелом... ты меня и сделала таким нерешительным, — сказал он.

— От случайной остроты к прямой атаке, — сказала она, улыбаясь.

— Видишь ли... ты же сама и дала мне отставку, — настаивал он, приходя в возбуждение. Вместо ответа она протянула руку и показала ему кольцо. Она улыбалась очень ласково. Он смотрел на нее с гневом.

— Не мог бы ты собрать все коврики и стулья и отнести вон в тот угол? — попросила она.

Он отправился выполнять ее просьбу, но, оглянувшись, обронил тихо и страстно:

— Ты никогда не брала меня в расчет. Я всегда был для тебя ничем.

— Видишь, стул стоит прямо на дороге, — оборвала она неприятный разговор, покраснела и наклонила голову.

Она отвернулась, а он потащил коврики в угол.

Когда актеры вошли, Летти как раз переносила вазу с цветами. Когда они играли, она сидела и смотрела на них, улыбаясь, хлопая в ладоши. Когда они закончили, Лесли подошел, что-то прошептал ей на ухо, она незаметно поцеловала его, восхищаясь им все больше и больше. Потом они ушли готовиться к следующей сцене.

Джордж не подходил к ней до тех пор, пока она сама не позвала его на помощь.

— Откуда ты знаешь, что я не брала тебя в расчет? — спросила она нервно, не в силах противостоять искушению сыграть в запретную игру.

Он засмеялся и не нашелся, что ответить.

— Понимаю, — сказал он. — Ты знала, что я всегда рядом, и не слишком думала обо мне.

— Ну, мы вели себя вполне в духе здешних традиций, — ответила она с иронией.

— Но ты все знала, — сказал он. Ты начала игру. Ты играла со мной. Так было по утрам, когда я увязывал снопы, собирал яблоки, когда метал сено в стог... ты приходила... я никогда не забуду этих дней... никогда ничего не повторяется... Ты пробудила меня к жизни... я стал предаваться мечтам, которым никогда не суждено сбыться.

— Ах... мне очень жаль. Прости меня, пожалуйста.

— Не надо!.. Не говори так. Но как быть со мной?

— О чем ты? — спросила она с неподдельным удивлением.

Он снова улыбнулся. Потому что чувствовал ситуацию. Все выглядело театрально, хотя они были вполне искренни друг с другом.

— Ну, — сказал он, — ты пробудила меня... потом оставила меня. Что мне теперь делать?

— Ты же мужчина, — ответила она.

Он засмеялся:

— Что это значит?

— Ты пойдешь своей дорогой, — ответила она.

— О да, — сказал он, — понятно.

— Ты так не считаешь? — спросила она с беспокойством.

— Не знаю... посмотрим, — ответил он.

Они вынесли еще кое-какие вещи. В холле она повернулась к нему и дрогнувшим голосом сказала:

— О, я так виновата. Прости меня, пожалуйста.

Он сказал очень тихо и мягко:

— Ничего... ничего страшного.

Она услышала смех тех, кто разыгрывал шараду, и, войдя в гостиную, громко объявила:

— Ну, вот, вроде все готово для танцев.

Когда актеры сыграли последнюю шараду, Лесли окликнул ее:

— Теперь, мадам... вы рады, что я вернулся?

— Да, — сказала она. — И не покидай меня больше, ладно?

— Не покину, — ответил он, притягивая ее к себе. — Я забыл носовой платок в столовой, — добавил он, и они вышли.

Мама разрешила, чтобы мужчины курили.

— Знаешь, — сказала Мэри Тому, — я удивляюсь, как ученые могут курить. Ведь это бессмысленная трата времени.

— Иди-ка сюда, — сказал он, — и дай мне огонька.

— Не-а, — ответила она. — Вот пусть наука и даст тебе прикурить.

— Наука, да, это серьезно... Ах, но наука ничто в твоей жизни без девушки... Да, да! Ну, подойди же... только не опали мой великолепный нос.

— Бедный Джордж! — воскликнула вдруг Алиса. — Ему, кажется, нужен ангел-хранитель?

Он сидел, развалившись в большом кресле.

— Да, — ответил он. — Иди сюда, мне тоже не обо что зажечь спичку. Коробок

потерял.

— Я зажгу их о каблук, ладно? Встань, а то мне придется сесть тебе на колени. Хм, бедняга будет только в восторге, да? — И отчаянная девушка уселась ему на колено. — Если я опалю тебе усы, ты пошлешь армаду? О... о... прекрасно!.. Ты выглядишь очень мило!

— Ты мне завидуешь? — спросил он с улыбкой.

— О-о-чень!

— Стыдно завидовать людям, — сказал он почти с симпатией.

— Можно и мне покурить?

Он предложил ей сигарету из своих губ. Она была удивлена и в то же время возбуждена его ласковым тоном. И, не раздумывая, взяла сигарету.

— Я изображу телку... как мисс Дос, — сказала она.

— Не называй себя коровой, это несправедливо, — возразил он.

— Корова — прекрасное животное... пусти, — воскликнула она.

— Нет... с тобой удобно... не уходи, — попросил он, удерживая ее.

— Тебе пора повзрослеть. О... какие большие руки... пусти. Летти, подойди и ущипни его!

— В чем дело? — осведомилась моя сестра.

— Он меня не отпускает.

— Сейчас отпустит, он быстро устает от всего, — ответила Летти.

Алиса освободилась, но не двигалась с места. Она сидела и курила его сигарету. Сначала выдула маленькую порцию дыма и задумчиво на него посмотрела. Затем направила струю через ноздри и потеряла нос.

— Не так уж и хорошо, как мне представлялось, — сказала она.

Он рассмеялся.

— Милый мальчик, — сказала она, нежно коснувшись его подбородка.

— Разве? — спросил он.

— А вот сейчас проверим! — воскликнула она и закрыла ладонью ему глаза. Потом поцеловала его. Тут она обернулась и посмотрела на мою маму и Летти. Сестра сидела в прежней позе рядом с Лесли, вдвоем в одном кресле. Он держал ее руку и все время гладил.

— Не правда ли, он довольно мил? — откликнулся на ее слова Лесли, целуя свою невесту в лоб, — такой теплый и белый.

— А кое-кто еще говорит о телочках, — промурлыкала Алиса Джорджу.

— Помнишь, — сказал Лесли тихо, — того человека из повести Мериме, который хотел укусить свою жену и попробовать ее кровь?

— Помню, — проговорила Летти, — ты что, тоже из породы диких зверей?

— Возможно, — смеясь ответил он. — Мне хотелось бы, чтобы все эти люди ушли.

Твои завитки на шее волнуют меня... они такие трогательные...

Насмешница Алиса растегнула запонку на рубашке Джорджа, его рука лениво покоилась на ее колене, и стала закатывать рукав.

— Ах! — воскликнула она. — Какая красивая рука, коричневая, как поджаристая булка!

Он смотрел на нее с улыбкой.

— Тяжелая, как кирпич, — добавила она.

— Тебе нравится? — спросил он.

— Нет, — сказала она таким тоном, который больше подходил для ответа «да». — Твоя рука вызывает во мне дрожь.

Он улыбнулся снова.

Она положила свои тонкие, бледные, похожие на цветы руки на его ладони.

Он, развалившись в кресле, с любопытством разглядывал их.

— У тебя нет ощущения, что в твоих руках полным-полно серебра? — спросила она насмешливо почти шепотом.

— Это, пожалуй, нечто более ценное, — ответил он нежно.

— А у тебя, наверное, золотое сердце, да? — продолжала она шутить.

— О черт! Какие речи! — ответил он кротко.

Алиса посмотрела на него изучающим взглядом.

— А я как бутылка пива у тебя на подоконнике! Славная компания, верно? — спросила она.

Он засмеялся.

— До свидания, — проговорила она, соскользнув с его колен.

— Не уходи, — попросил он... но было поздно.

Вторжение Алисы в тихое сентиментальное течение вечеринки было под стать лучу света в курятнике. Все прыгали, скакали, всем хотелось что-то делать. Все кричали и требовали начать танцы.

— Эмили... сыграй нам вальс... не возражаешь, Джордж, ну что же ты? Ты тоже не танцуешь, Том? О, Мэри!

— Нет, нет, Летти, — запротестовала Мэри.

— Потанцуй со мной, Алиса, — попросил Джордж с улыбкой, — а Сирил пригласит мисс Темпест.

— Сирил... Давай... танцуй или умри! — приказала Алиса.

Мы начали танцевать. Я заметил, что Летти куда-то внимательно смотрит, и оглянулся. Джордж танцевал вальс с Алисой, легко, весело, то и дело смеясь над ее замечаниями. Летти даже не слушала того, что говорил ее возлюбленный. Она смотрела на задорную, шумную пару. В конце концов она не выдержала и подошла к Джорджу.

— Вот как! — сказала она. — А ты, оказывается, можешь...

— Значит, ты думала, я не могу? — сказал он. — Ты же обещала танцевать менуэт и вальс со мной... помнишь?

— Да.

— Обещала или нет?

— Да. Но...

— Я побывал в Ноттингеме и там научился.

— Это... из-за меня?.. Очень мило. Лесли, мазурку, пожалуйста. Ты можешь сыграть для нас, Эмили?

— Да, это довольно просто. Том, когда ты беседуешь с мамой, то выглядишь таким счастливым.

Мы танцевали мазурку с теми же партнерами. У Джорджа это получалось лучше, чем я ожидал... без всякой неуклюжести... правда, немного скованно. Однако он ни разу не сбился, хотя постоянно хохотал и болтал с Алисой.

Потом Летти призвала всех поменять партнеров, и они с Джорджем начали танцевать свою вальс. На губах его сияла победная улыбка.

— Ты поздравить меня? — спросил он.

— Я удивлена, — ответила она.

— Я тоже. И я сам себя поздравляю.

— Неужели? Ну, тогда и я присоединяюсь.

— Спасибо. Наконец-то ты начинаешь...

— Что? — быстро прервала его она.

— Верить в меня.

— Давай не будем начинать этот разговор снова, — попросила она.

— Тебе нравится танцевать со мной? — поинтересовался он.

— На этот счет будь спокоен, — ответила она.

— Господи, Летти, ты заставляешь меня смеяться!

— Я? — спросила она. — А что если вы поженитесь с Алисой... и притом скоро?

— Я... с Алисой!! Но ведь у меня всего какая-то сотня фунтов за душой и никаких перспектив. Вот почему... ну... одним словом, я не женюсь ни на ком... кроме, конечно, той, у кого будут деньги.

— У меня есть две тысячи фунтов, принадлежащих лично мне...

— У тебя? Это очень мило, — сказал он, улыбаясь.

— Ты сегодня какой-то другой, — сказала она, близко наклоняясь к нему.

— Я? — откликнулся он. — Это потому, что все уже другое. Все изменилось, наконец.

— Не забывай вовремя делать шаги, — многозначительно произнесла она и уже серьезно добавила: — Понимаешь, я ничего не могу поделать с собой.

— Почему?

— Я не властна в своих поступках. Никто не властен. Нам приходится делать только то, чего ждут от нас другие. Мы лишены выбора. Потому что мы всего лишь фигуры на шахматной доске.

— Ага, — согласился он с сомнением в голосе.

— Хотелось бы знать, когда все это кончится, — сказала она.

— Летти! — воскликнул он, сжав ей руку.

— Не надо... не говори ничего... это нехорошо. Уже поздно. Если ты скажешь еще что-нибудь, я объявлю, что устала, и прекращу танец. Не говори больше ни слова.

Он послушно последовал ее просьбе. Их танец подходил к концу. Затем он пригласил Мэри, которая все время весело щебетала с ним. Пока он танцевал с Мэри, успел снова восстановить в себе бодрость духа, чтобы казаться приятным и милым. Он был весьма оживлен в течение всего вечера. За ужином позволил себе поесть и выпить вина.

— Попробуйте кофе по-турецки, мистер Сакстон.

— Спасибо... но лучше дайте мне это в виде коричневого желе, а? Это для меня что-то новое.

— Отведай это блюдо, Джордж.

— А, давай... да оно прямо как драгоценный камень.

— Ты тоже станешь таким завтра... желтым, как топаз.

— Ах! Завтра будет завтра.

В конце ужина Алиса крикнула:

— Джордж, дорогуша... ты закончил трапезу?.. Только не умирай смертью короля... короля Джона... я этого не перенесу.

— Ты так меня обожаешь?

— Я? Да... О! Ради тебя я готова выбросить мою лучшую воскресную шляпу, готова

швырнуть ее под твою повозку с молоком, точно!

— Нет, лучше сама бросься ко мне в повозку воскресным днем, когда я поеду мимо.

— Да... и вообще приходи к нам в гости, — сказала Эмили.

— Как здорово! Завтра я тебе буду уже не нужна, Джордж-дорогуша, поэтому я, возможно, приду. А ты женишься на мне?

— Да, — сказал он.

Когда приехала повозка и Алиса, Мейди, Том и Уилли собрались уезжать, Алиса долго прощалась с Летти... послала Джорджу множество воздушных поцелуев... обещала любить его верно и искренне... и уехала.

Джордж с Эмили задержались еще ненадолго. Теперь комната казалась пустой и тихой, все веселье куда-то улетучилось. Разговоры прекратились. Осталась лишь какая-то неловкость.

— Ну, — произнес Джордж наконец, — сегодняшней день почти завершен, скоро наступит завтра. Я вроде несколько опьянел! Мы славно провели вечер.

— Я рада, — сказала Летти.

Они надели ботинки, натянули гетры, надели пальто и стояли в холле.

— Нам пора, — сказал Джордж, — а то скоро пробьют часы, и Золушке... взгляните на мои хрустальные туфельки... — он указал на ботинки. — Полночь, лохмотья, побег. Очень подходящий образ. Я назовусь Золушкой, которую отвергли. Думаю, я немного пьян... мир кажется мне забавным.

Мы вышли их проводить и поглядели на дальние холмы.

— До свидания, Летти, до свидания.

Они ушли и затерялись среди снегов, нырнув в глубину леса.

— До свидания, — крикнул он из темноты.

Лесли захлопнул дверь и увел Летти в гостиную. Мы слышали, как он возбужденно что-то нашептывал ей и тихо смеялся. Потом толкнул ногой дверь в закрытую комнату.

Летти начала смеяться, шутить, громко говорить. Раскаты ее смеха казались какими-то странными. Потом внезапно ее голос умер.

Мэри сидела за маленьким пианино в столовой... и что-то фальшиво играла. Это действовало на меня угнетающе, жалкие остатки завершившегося праздника, но у девушки было сентиментальное настроение, и она наслаждалась игрой.

Это был промежуток между сегодняшним и завтрашним днем, когда комедия вот-вот обернется трагедией.

Повозка вернулась.

— Лесли, Лесли, Джон приехал за нами! — позвала Мэри.

Никакого ответа.

— Лесли, Джон ждет на холоде.

— Ладно, сейчас.

— Давай поторопись.

Она говорила с ним через дверь. Потом он вышел и выглядел очень сонным и сердитым из-за того, что ему помешали. За ним шла Летти, поправляя на ходу волосы. Она не смеялась и выглядела смущенной, как и большинство девушек в подобной ситуации, видно было, что она очень устала.

Наконец Лесли после многократных прощальных поцелуев забрался в повозку, залитую потоком желтого света, и она тронулась, сразу попав в тень, а он еще долго что-то кричал по

поводу завтрашнего дня.

Зима долго сковывала морозом землю. Рабочие шахты «Темпест, Уаррал энд компани» объявили забастовку, требуя улучшения условий труда. В принципе ничего необычного в этом не было, поскольку рабочие знали, чего они добиваются, рассуждали они разумно и пребывали в хорошем настроении, но в целом какое-то уныние воцарилось в нашей сельской местности, и многим пришлось туго. Повсюду на улицах можно было встретить толпы мужчин, ничем не занятых, вялых, опустошенных. Проходила неделя за неделей, агенты профсоюза шахтеров организовывали митинги, а священники устраивали молебны, между тем забастовка продолжалась. Передышки не было. Крикуны постоянно били в набат на улицах; служащие компании постоянно распространяли бюллетени, в которых старались разъяснить ситуацию, а люди говорили и говорили без умолку. Так проходили целые месяцы в смятении, безнадежности, раздражении. В школах раздавали бесплатные завтраки, в часовнях — суп, добрые люди организовывали чай — детям все это нравилось. Но мы, хорошо знавшие, что означают угрюмые лица стариков и женщин, чувствовали холодную, бессердечную атмосферу печали и тревоги.

Леса сквайра подвергались нападениям браконьеров. Эннабел героически пытался выполнять свою работу. Один мужчина вернулся домой с серьезной травмой, объяснив ее падением на скользкой лесной дороге... На самом же деле он попал в ловушку. Потом Эннабел поймал еще двух мужчин. Их приговорили к двум месяцам тюремного заключения.

На воротах Хайклоуза — и с нашей стороны, и со стороны Эбервича — были вывешены предупреждения о том, что за проход и проезд через частные владения виновные будут подвергаться наказанию. Вскоре эти предупреждения оказались замараны грязью, и им на смену были вывешены новые.

Мужчины, слонявшиеся без дела близ Неттермера, злобно посматривали на проходившую мимо Летти, на черные меха, в которые ее одел Лесли, и высказывали вслух обидные замечания. Она слышала их, и они ранили ее в самое сердце. От матери она унаследовала демократические взгляды, которые заставляли ее вступать в горячие споры со своим возлюбленным.

Потом она пыталась поговорить с Лесли о забастовке. Он слушал ее с выражением снисходительного превосходства, улыбался и говорил, что она ничего в этом не понимает. Женщины зачастую приходят к ошибочным умозаключениям под влиянием чувств, сразу не разобравшись толком во всем. Мужчина же должен все обстоятельно изучить, обдумать, и только после этого он принимает решение. От женщин в общем-то и не требуется понимания всех этих вещей. Бизнес не для них. Их миссия в жизни более высокая. К сожалению, Летти оказалась не такой женщиной, которой можно заморочить голову подобными рассуждениями.

— Итак? — спросила она тихим, безнадежным голосом в конце его тирады. — В чем ты видишь выход?

— Ну ведь ты все прекрасно понимаешь, не так ли? Миннехаха, моя Смеющаяся Вода... Лучше смейся опять, дорогая моя, и не думай ни о чем, не волнуйся. Не будем больше говорить об этом, а?

— Хорошо, не будем.

— Вот-вот, давай не будем... это правильно... ты мудра, как ангел. Иди сюда... ух, лес густой и никого нет! Посмотри, во всем мире никого, кроме нас, а ты мое небо, мой рай, моя земля, моя жизнь!

— И ад тоже?

— Ах... ты так холодна... Господи, до чего же ты холодна!.. Меня пробирает дрожь, когда ты смотришь так... а я ведь очень горяч... Летти!

— Ну, и дальше что?

— Ты жестокая! Поцелуй меня... сейчас же... Нет, я не хочу твою щечку... Поцелуй меня сама. Почему ты молчишь?

— О чем нам говорить, когда ничего нет такого, что бы следовало обсудить немедленно?

— Ты обиделась?

— Кажется, сегодня пойдет снег, — ушла она от прямого ответа.

* * *

Наконец зима собралась с духом и решила переселяться со своим ледяным скарбом на север.

Забастовка закончилась. Шахтеры пошли на компромисс. Это мягкое определение того, что на самом деле они потерпели поражение. Да, забастовка, тем не менее, закончилась.

Потянулись домой птицы. Сережки на орешнике сбросили свое зимнее безразличие и стали завиваться мягкими кисточками. Целыми днями раздавались долгие, нежные посвистывания из кустов. А вечерней порой их сменяли громкие ликующие крики птиц, радующихся по каждому поводу.

Я помню тот день, когда груди холмов вздохнули, очнувшись от сна, и голубые глаза озер широко раскрылись, обретя удивительную ясность. По мартовскому небу целый день плыла череда облаков, как бы излучавших белое свечение, мягкие, плывущие тени, похожие на ангелов, тихо оплакивающих прошлое; шелковистые тени колыхались за окном без отдыха, словно белые груди. Беспрерывно двигались облака куда-то к своему обиталищу, а я оставался на земле, такой нетерпеливый. Я схватил кисточку и попытался нарисовать их. Хотел передать игру теней, хотел показать, что через нашу долину облака движутся подобно пилигримам. Они должны были окликнуть меня, позвать за собой куда-нибудь, вырвать меня из привычного одиночества. Однако облака плыли и плыли, не замечая меня.

К вечеру они все уплыли, унеслись. И вокруг снова было чистое голубое небо.

Пришел Лесли и позвал свою нареченную погулять с ним под темнеющим весенним небом. Она предложила мне сопровождать их, и, желая убежать от самого себя, я отправился на прогулку.

Теплом веяло и под сенью леса, и среди холмов. Но иногда все-таки пробегал ветерок, обнимая холмы за плечи, румяня наши щеки.

— Сорви мне несколько сережек, Лесли, — попросила Летти, когда мы подошли к ручью.

— Да, да, вот эти, что висят над ручьем. Они рыжие, будто им под кожу впрыснули свежую кровь. Посмотри, кисточки золотые. — Она указала на пыльные орешниковые сережки, которые вместе с ольховыми она повесила себе на грудь. Потом вдруг начала

цитировать «День рождения» Кристины Россетти.

— Как я рада, что ты зашел и пригласил меня на прогулку, — продолжала она. — Ферма Стрели-Милл и мельница выглядят просто прелестно, правда? Совсем как оранжевые и красные мухоморы на сказочной картине. Знаешь, я здесь не была очень давно. Зайдем?

— Скоро стемнеет. Сейчас уже полшестого... даже больше! Я видел вчера утром своего друга.

— Где?

— Он вез навоз, а я проезжал мимо.

— Он говорил с тобой... как он выглядит?

— Нет, он ничего не сказал. Я посмотрел на него... он все такой же, кирпичного цвета, крепкий, сильный как скала. Кремень-мужик. Знаешь, а ты молодец, что надела крепкие ботинки.

— Обычно я всегда надеваю их для лесных прогулок...

Она постояла на большом камне, который спеша обегал звонкий ручей.

— Хочешь, зайдем навестим их? — спросила она.

— Нет, я бы лучше послушал журчание ручейка, а ты? — поспешно ответил Лесли.

— Ах, да, очень музыкально.

— Пойдем дальше? — спросил он нетерпеливо, но смиренно.

— Я сбегаяю на минутку на ферму, — сказал я.

Как только я вошел, сразу увидел Эмили, она сажала хлеб в печь.

— Пошли, погуляем, — крикнул я.

— Сейчас? Дай только скажу маме.

Она побежала надеть свое длинное серое пальто. Когда мы шли через двор, Джордж окликнул меня.

— Я скоро вернусь, — пообещал я.

Он подошел к воротам и теперь смотрел нам вслед. Когда мы вышли на дорогу, то увидели Летти, стоявшую на верхней перекладине забора и опиравшуюся рукой на голову Лесли. Она заметила нас и Джорджа тоже, помахала нам рукой. Лесли встревоженно поглядывал на нее. Она помахала снова, потом мы услышали ее смех и требовательную просьбу к Лесли, чтобы он стоял спокойно и держал ее покрепче. И вот она наклонилась вперед, словно взлетела большой птицей с забора прямо к нему в руки. И спустя миг мы уже вместе поднимались по склону холма, где раньше желтела пшеница, а теперь ветер шевелил черные волны стерни, еще недавно там бегали кролики. Мы миновали ряды маленьких коттеджей и поднялись наверх, откуда хорошо видна была вся земля от Лейсестершира до Чарнвуда. А за горами — впереди и справа — открывался Дербишир.

Мы брели по травянистой тропе. Раньше она вела от Аббатства до Холла, но сейчас заканчивалась прямо на бровке холма. В полпути отсюда находилась старая ферма Уайт Хаус с зелеными ступенями. Женщины поднимались по ним и шли к Вейл оф Бельвуар... но сейчас на ферме жил только один работник.

Мы подошли к карьерам, посмотрели печь для обжига извести.

— Давай пройдем через карьер, лес совсем рядом, — предложил Лесли. — Я не был здесь с детства.

— Это нарушение границ, — сказала Эмили.

— Мы не станем нарушать границы, — возразил он напыщенно.

Мы перешли ручей, сбегавший маленькими каскадами, на его берегах уж было полным-

полно первоцвета. Мы свернули вбок и вскарабкались на холм, покрытый лесом. Бархатные зеленые побеги пролески рассыпались по красной земле. Мы добрались до вершины, где лес редел. Я сказал Эмили, что меня беспокоит странная белизна на земле. Она удивленно вскрикнула, я наконец разглядел, что иду в сумерках среди подснежников снеговых. Орешник редел, зато то тут, то там росли дубы. Земля сплошь белая от подснежников, как будто манну рассыпали по красной земле среди зеленых листьев. Глубокая маленькая лощина напоминала чашу, склоны все усыпаны белыми цветами, они светлели и на темном дне. Наверху среди орешника росли таинственные дубы, особенно красиво выделявшиеся на фоне заката. Внизу, в тени, тоже были рассыпаны белые цветочки, такие молчаливые и грустные, словно все лесные жители вдруг собрались сюда на моление. Их было бесчисленное множество, и они мерцали в вечернем свете. Другие цветы были рады такой компании. Колокольчики, первоцвет аптечный, даже легкие лесные анемоны, и только подснежники оставались грустными и загадочными. Мы были для них чужие, враждебные, безжалостные похитители. Девушки наклонились и стали трогать их пальцами. Грустные цветочки, друзья дриад.

— Что означают эти цветы, как вы думаете? — спросила Летти тихо, касаясь цветов белыми пальцами. Ее черные меха ниспадали на них.

— В этом году их немного, — сказал Лесли.

— Они напоминают мне омелу, которая никогда не была нашей, хотя мы носили ее, — сказала мне Эмили.

— Как ты думаешь, что они говорят между собой, о чем заставляют думать других, а, Сирил? — спросила Летти.

— Эмили говорит, что они принадлежат к некой древней утраченной религии. Возможно, они были символом слез у странных друидов, живших здесь до нас.

— Нет, это больше, чем слезы, — сказала Летти. — Больше, чем слезы, они так спокойны и тихи. Как память о том, что утрачено уже навсегда. Они заставляют меня бояться.

— Чего тебе бояться? — спросил Лесли.

— Если бы я знала, я бы не боялась, — ответила она. — Посмотрите на подснежники. — Она показала на цветы. — Видите, какие они: закрытые, притаившиеся, обессиленные. Прежде мы обладали знаниями, которые ныне утратили... и которые мне, например, очень необходимы. Это знания о судьбе. Не кажется ли тебе, Сирил, что мы вот-вот утратим самое главное на этой земле — мудрость, как утратили всех этих мастодонтов, этих древних чудовищ?

— Это не соответствует моим убеждениям, — высокопарно ответил я.

— А я все-таки что-то потеряла, — сказала она.

— Пошли, — сказал Лесли. — Не стоит забивать голову подобными вещами, хотя сами по себе они забавны. Пойдем со мной, опустимся на дно этой чаши, посмотрите, как все здесь странно: эти ветки на фоне неба имеют филигранную отделку.

Она побрела за ним вниз, заметив на ходу:

— Ах, ты топчешь цветочки!

— Нет, — ответил он. — Я осторожен.

Они уселись рядом на поваленное дерево. Она наклонилась, выискивая белые цветы среди листьев. Он не мог видеть ее лица.

— Ты совсем не обращаешь на меня внимания сегодня, — заметил он с грустью.

— На тебя? — Она выпрямилась и внимательно посмотрела на него.

Потом странно засмеялась.

— Ты мне кажешься каким-то нереальным, ответила она необычным голосом.

Какое-то время они сидели молча, опустив головы. Птицы то и дело выпархивали из кустов. Эмили удивленно посмотрела наверх, откуда раздался тихий насмешливый голос:

— Голубки! А ну-ка, выходите, влюбленные сердечки. Вы выбрали неподходящее место, среди подснежников. Назовите лучше свои имена.

— Вали отсюда, дурак! — бросил Лесли, вскочив в гнев.

Мы все встали и посмотрели на сторожа. Он стоял как бы в световом обрамлении, закрывая собой свет, темный, могучий, нависающий над нами. Он не двигался, а смотрел на нас, похожий на бога Пана, и приговаривал:

— Прелестно... прелестно! Два плюс два будет четыре. Действительно, два и два — четыре. Идите, идите сюда со своего брачного ложа, а я посмотрю на вас.

— У тебя глаз нет, что ли, дурень? — сказал Лесли, вставая и помогая Летти поправить ее меха. — Ты, что не видишь, что здесь благородные дамы?

— Простите, сэр, но в такой темноте не разберешь, дамы это или не дамы. Кстати, кто вы сами-то будете?

— Сейчас проясним. Пойдем, Летти, мы здесь не можем больше оставаться.

Они выбрались на освещенное место.

— О, простите, пожалуйста, мистер Темпест... когда смотришь на мужчину сверху в темноту, его трудно узнать. Я-то думал, что здесь молодые дурни забавляются...

— Черт подери... заткнись, наконец! — воскликнул Лесли. — Извини, Летти, — не возьмешь ли ты меня под руку?

Они смотрелись очень элегантно, уважаемая молодая пара. Летти была в длинном пальто и маленькой шляпке, украшенной перьями, падавшими вниз прямо на волосы.

Сторож смотрел на них. Потом, улыбнувшись, широкими шагами спустился вниз и вернулся со словами:

— Ну, леди могла бы взять и свои перчатки.

Она взяла их, отшатнувшись к Лесли. Потом выпрямилась и сказала:

— Позвольте мне нарвать цветов.

Она нарвала букетик подснежников, которые росли между корней деревьев. Мы все наблюдали за ней.

— Простите за такую ошибку... леди! — сказал Эннабел. — Но я уже и забыл, как выглядят порядочные дамы... ну, если не считать дочерей сквайра, которые, однако, никогда не гуляют вечерами.

— Думаю, тебе не приходилось видеть много дам за свою жизнь... если, конечно, ты... Тебе никогда не приходилось быть грумом^[23]?

— Ах, сэр, я считаю, лучше быть конюхом для лошади, чем женихом для леди, прошу прощения, сэр.

— И ты заслужил это... без сомнения.

— Я получил все сполна... и я желаю вам, сэр, чтобы у вас все сложилось лучше. Больше чувствуешь себя мужчиной здесь, в лесу, чем в гостиной у моей дамы.

— В гостиной у леди! — засмеялся Лесли, глядя с удивлением на сторожа.

— О да! «Приходи ко мне в гостиную...»

— А ты довольно умен для сторожа.

— О да, сэр... был и я когда-то дамским угодником. Но лучше уж присматривать за кроликами да птичками. Легче растить засранцев в Кеннелзе, чем в городе.

— Так это твои дети? — спросил я.

— Вы их знаете, да, сэр? Симпатичный выводок, не правда ли?.. миленькие хоречки... ну прямо как ласки... из них вырастет стая молодых лис. Быстроногих к тому же...

Эмили присоединилась к Летти, они стояли рядом с человеком, которого втайне ненавидели.

— А потом они попадут в капкан, — сказал я.

— Они живут в естественных условиях... и смогут защитить себя, как все дикие звери, — ответил он, ухмыляясь.

— Ты не выполняешь свой долг, это удивляет меня, — сказал Лесли назидательно.

Мужчина рассмеялся.

— Родительский долг, лучше скажите, А мне не нужно говорить об этом. У меня их девять. Восемь уже родились и девятый на подходе. Она хорошо размножается, моя возлюбленная, каждые два года по одному... девять за четырнадцать лет... неплохо, а?

— Ты постарался, думаю.

— Я... почему? Это же все естественно! Когда мужчина отходит от своего естества, он становится дьяволом. Лучше быть хорошим животным, скажу я, и мужчине, и женщине это обличье сгодится. Вы, сэр, хорошая мужская особь, леди — женская... все правильно... и радуйтесь этому.

— А потом?

— Делайте то же самое, что и животные. Я присматриваю за своим выводком... ращу их. Они симпатичненькие, каждый, что молоденький ясень. Они не научатся ничему грязному среди природы... если, конечно, я этому не поспособствую. Они могут быть как птички, ласочки, змейки или белочки, раз они пока не знакомы с порочной человеческой жизнью, вот как бы я выразился.

— Что ж. Таково твое мировоззрение, — сказал Лесли.

— Ага. Обратите внимание, как на нас смотрят женщины. — Я для них буйвол и пара червей, вместе взятые. Посмотрите на эту тварь! — сказал он громче, чтобы слышали женщины. — Забавен, не правда ли? А зачем?.. И для чего вы, например, носите такую замечательную куртку и крутите ваши усы, сэр! Ха... скажите женщине, чтобы она не ходила в лес, пока не научится правильному взгляду на естественные вещи... тогда она может увидеть кое-что очень важное... Спокойной ночи, сэр.

Он зашагал в темноту.

— Суровый малый, — заметил Лесли, — но в нем что-то есть.

— Он заставил меня содрогнуться, — ответила она. — Однако он тебе интересен. Я уверена, с ним была связана какая-то история.

— Такое впечатление, что он что-то потерял, чего-то лишился, — сказала Эмили.

— Думаю, он все же неплохой парень, — сказал я.

— Хорошо сложен, но в нем нет души.

— Нет души... и это среди подснежников, — сказала печально Эмили.

Летти задумалась, а я улыбнулся.

Был прекрасный вечер, спокойный, с красными дрожащими облаками на западе. Луна в небесах задумчиво смотрела на восток. Вокруг нас лежал темно-пурпурный лес, теряющий краски. Заброшенная земля поблизости выглядела грустно и даже как-то странно при свете

вечерней зари. Зато торфяная дорога была великолепна.

— Побежали! — сказала Летти, и, взявшись за руки, мы побежали как сумасшедшие, задыхаясь и хохоча, нам было хорошо, весело, мы забыли обо всем дурном. А когда мы остановились, то в один голос вдруг воскликнули: «Прислушайтесь!»

— Вроде это дети кричат! — сказала Летти.

— В Кеннелзе, — подтвердил я. — Точно, это там.

Мы поспешили вперед. Из дома раздавались безумные вопли детей и дикие, истерические крики женщины.

— Ах, чертенок... ах, чертенок... вот тебе... вот тебе! — Затем слышались звуки ударов, вой. Мы вбежали в дом и увидели взъерошенную женщину, которая безумно колотила сковородкой мальчишку. Малый вертелся, как молодой дикобраз... мать держала его за ногу. Он лежал и выл во весь голос. Другие дети плакали тоже. Мать была в истерике. Волосы закрывали ей лицо, глаза смотрели злобно. Рука поднималась и опускалась, точно крыло ветряной мельницы. Я подбежал и схватил ее. Она уронила сковородку, ее колотила дрожь. Она взирала на нас с отчаянием, сжимая и разжимая руки. Эмили побежала успокаивать детей, а Летти подошла к обезумевшей матери. Наконец та успокоилась и села, глядя перед собой. Потом бесцельно стала трогать колечко на пальце у Летти.

Эмили между тем промывала щеку у девочки, которая стала вопить громче, когда увидела, что из раны капнула кровь на ткань. Наконец и она успокоилась. После чего Эмили наконец зажгла лампу.

Я нашел Сэма под столом. Протянул руку, хотел схватить, но он тут же ускользнул, как ящерица, в проход. Через некоторое время я обнаружил его в углу. Он лежал и дико завывал от боли. Я отрезал ему путь к отступлению, взял в плен, отнес, отчаянно сопротивлявшегося, на кухню. Вскоре, обессилев от боли, он стал пассивным.

Мы раздели его. Его ладное белое тельце было все покрыто кровоподтеками. Мать захныкала снова, а вместе с ней и дети. Девушки старались успокоить ее. А я принялся растирать маслом тельце мальчика. Потом мать схватила ребенка на руки и стала страстно целовать, рыдая на весь дом. Мальчик позволил себя целовать... но потом тоже начал плакать. Его тельце сотрясалось от рыданий. Постепенно рыдания унялись, они сидели и тихо плакали, бедная, несчастная мать и полуголый мальчик. Потом она отправила его спать, а девушки подготовили — ко сну других малышей, помогая им надеть ночные рубашонки, и скоро в доме стало тихо.

— Я не могу с ними справиться, не могу, — проговорила мать грустно. — Они растут сами по себе... просто не знаю, что с ними и делать. Муж совсем мне не помогает... нет... его не заботит, как я с ними тут управляюсь... ничем не помогает, одни насмешки строит.

— Ах, малыш, — сказала Летти, усадив худенького мальчика себе на колени и держа перед ним его ночную рубашонку. — Не хочешь ли ты пойти к своей мамочке?.. Ну вот, теперь иди... Ах!

Хорошенький полуторагодовалый малыш потопал через всю комнату к маме, размахивая ручонками и смеясь, его карие глазенки блестели от удовольствия. Мама схватила его, пригладила шелковистые каштановые волосы, откинув со лба назад, и прижалась к нему щекой.

— Ах! — сказала она. — У него совершенно шальной отец. Не такой, как другие мужчины. Он ни о ком не заботится. Даже к собственной плоти и крови, к нашим детям, относится, как чужой.

Девочка с пораненной щекой удобно устроилась у Лесли. Она сидела у него на коленях, смотрела грустными глазами, вскинув вверх круглую голову с короткой стрижкой.

— Это мой мел, а Сэм сказал, что его, и он возьмет и будет рисовать, где захочет, только я не дам ему ничего, вот. — Она разжала пухленькую ручонку и показала красный мелок. — Мне его папа принес, чтобы я сделала румяной мою куклу, она деревянная. Я покажу ее сейчас вам.

Она соскочила с колен и, придерживая рукой рубашонку, побежала в угол, где валялись детские игрушки, потом принесла Лесли вырезанную из дерева карикатуру на женщину. Лицо куклы было вымазано красным мелом.

— Вот она, моя куколка, папа сделал ее для меня... ее зовут леди Мима.

— Да ну? — сказала Летти, — а это у нее щеки? Она ведь некрасивая, правда?

— Нет, она красивая! Папа сказал, она настоящая леди.

— И он дал тебе для нее румяна?

— Да, румяна! — Она кивнула.

— И ты не давала их Сэму?

— Нет. Мама тоже сказала: «Не давай Сэму!», и он укусил меня.

— А что скажет отец?

— Папа?

— Он только засмеется, — проговорила мать, — и скажет, что укус лучше, чем поцелуй.

— Скотина! — сказал Лесли с чувством.

— Нет, но он ни разу не тронул пальцем ни меня, ни детей. Просто он не такой, как другие мужчины... никогда не поговорит. Форменный чужак, даже стал более чужой, чем в тот день, когда я впервые его увидела.

— А где это произошло? — поинтересовалась Летти.

— Я тогда работала служанкой в Холле... а он был новичок, явился туда... красивый, благородный джентльмен, ну и все такое прочее. Даже сейчас он может читать и беседовать, как настоящий джентльмен... Только мне вот ничего не говорит... Ведь я в его глазах просто лепешка грязи!.. Вот и измывается надо мной, над своими детьми. Боже милостивый, да он будет здесь с минуты на минуту. Ступайте отсюда!

Она погнала детей спать, погасила светильник в углу и стала накрывать на стол. Скатерть чистая, без пятен, она положила перед его прибором серебряную ложку на блюдце.

Не успели мы направиться к дверям, как вошел он. Завидев его массивную фигуру в дверном проеме, эта крупная, солидная женщина заметалась по комнате.

— Хэлло, Прозерпина... у тебя гости?

— Я не звала их, они сами пришли, услышав плач детей. Я не давала им никакого повода...

Мы поспешили в ночь.

— Ах, всегда тяжелая ноша достается женщинам, — заметила Летти горько. — Если бы он помогал ей, разве б она не оставалась прекрасной женщиной, полной сил? А теперь она сильно измучена.

— Мужчины — скоты... и брак дает им простор для всяких безобразий, — заявила вдруг Эмили.

— Не стоит рассматривать этот случай, как типичный результат замужества, — обратился Лесли к своей нареченной. — Подумай о себе и обо мне, Миннехаха.

— Ага.

— О... я хотел спросить тебя, что ты, собственно, думаешь о викарстве, о церкви в Греймиде?

— Премиленькое местечко! — воскликнула Летти.

Мы пробирались по неровной дороге, покрытой рытвинами. Луна светила ярко, а мы держались в тени деревьев, таких черных, мрачных. Случайно луна осветила белую ветку, на которой кора была обглодана кроликами в суровую зиму. Вскоре мы выбрались из леса. На севере небо было залито зеленым светом, эдакое сплошное марево; Орион уж поднимался со своего ложа, и за ним следовала луна.

— Во время северного сияния, — сказала Эмили, — я чувствую себя так странно... даже жутко... оно внушает какой-то благоговейный трепет, правда?

— Да, — сказал я. — Оно заставляет тебя думать о многих вещах, сомневаться и чего-то ждать.

— А чего ты ждешь? — спросила она мягко, посмотрела вверх, и увидев, как я улыбаюсь, снова опустила голову, прикусив губу.

Когда мы дошли до развилки, Эмили упростила нас зайти на мельницу... ненадолго... и Летти согласилась.

Занавески на кухонном окне были раздвинуты, а ставни не закрыты, как обычно. В гостях находилась Алиса, она что-то тихо говорила Джорджу, склонившемуся над какой-то игрой.

— Хэлло, Летти Бердсолл, ты такая странная, — встретила нас Алиса обычными язвительными замечаниями. — Ты так уже всерьез помолвлена?

— Ага... давненько мы ее не видели, — добавил отец в шутливой манере.

— Ну, разве она не гранд-дама, фу-ты, ну-ты, в такой прекрасной шляпке, в мехах, к тому же с подснежниками?! Посмотри-ка на нее, Джордж, ты никогда раньше не видел ее такой гранд-дамой.

Тот поднял глаза и посмотрел на девушку, на цветы, избегая ее глаз.

— Ага, она здорово выглядит, — сказал он и вернулся к своим шахматам.

— Мы собирали подснежники, — сказала Летти, прижимая цветы к груди.

— Они миленькие... дай мне несколько, а? — сказала Алиса, протягивая руку.

Летти отдала ей цветы.

— Шах! — сказал Джордж.

— Отстань! — отмахнулась его партнерша, — мне подарили подснежники... Разве они не идут мне, такие же невинные маленькие души, как и я сама? Летти не хочет их приколоть к платю, потому что она не такая добрая и невинная, как я. Давай и тебе тоже подарим весенние цветочки, а?

— Тебе что, так хочется... только зачем?

— Чтобы ты тоже похорошел и, конечно, приобрел вид невинного создания.

— Тебе шах, — сказал он.

— Ах, куда тебе их приколоть, разве что на рубашку. О!.. вот!.. — Она воткнула несколько цветочков в его черные волосы. — Смотри, Летти, какой он милашка, правда?

Летти издала напряженный смешок:

— Голова осла, увенчанная цветами, — сказала она.

— Тогда я — Титания... правда, из меня получилась бы изумительная королева?.. А вот кто у нас ревнивый Оберон?

— А мне он напоминает того мужчину из «Гедды Габлер» Ибсена, увенчанного

листьями винограда... о да, прекрасными виноградными листьями, — сказала Эмили.

— Как поживает ваша кобыла после растяжения связок, мистер Темпест? — спросил Джордж, не обращая ни малейшего внимания на цветочки в своих волосах.

— О... скоро она будет в норме, спасибо.

— Ах... Джордж мне об этом рассказал, — вмешался отец, и у них с Лесли завязался разговор.

— Так значит, мне шах, Джордж? — спросила Алиса, вернувшись к игре. Она нахмурила брови и задумалась. — О-о-о! — сказала она, — но от этого есть лекарство! — Она сделала ход и сказала победно: — Вот вам, сэр!

Он посмотрел на доску и тоже сделал ход. Алиса взглянула на него и, передвинув коня, произнесла:

— Шах!

— А я и не заметил... теперь вся игра насмарку, — сказал он.

— Побит, мой мальчик!.. Больше не радуйся победе над женщиной. Патовая ситуация... Хотя у тебя и цветы в волосах!

Он дотронулся рукой до волос, пощупал и бросил цветы на стол.

— Вы не поверите!.. — сказала мать, войдя в комнату.

— Что стряслось? — спросили мы в один голос.

— Пришел Ники Бен и давай есть скатерть. Да! Когда я пришла, чтобы забрать ее в стирку, то увидела, что там сидит Ники Бен, что-то глотает и утирает пену с усов.

Джордж рассмеялся громко и задорно. Он смеялся, пока не устал. Летти смотрела на него и думала, сколько же он может смеяться.

— Представляю себе, — задыхаясь, сказал он, — как он чувствует себя, загнав в глотку целый ярд муслина.

Он снова стал смеяться. Алиса засмеялась тоже... своим заразительным смехом, эдакая вечная хохотушка. Потом начал смеяться отец... и тут в комнату с печальным видом вошел Ники Бен. Мы все разом расхохотались так, что задрожали стены. Только Летти все это время была спокойна и невозмутима. Джордж оперся руками о стол, и цветы упали на пол.

— О... как можно! — воскликнула Летти.

— Что? — невинно спросил он, оглянувшись. — Твои цветы? Тебе их жаль?.. У тебя такое чувствительное сердце, правда, Сирил?

— У нее особое отношение к бессловесным тварям и предметам, — сказал я.

— Уж не чувствуешь ли ты себя маленькой бессловесной тварью, Джорджи? — язвительно поинтересовалась Аписа.

Он засмеялся, отставив в сторону шахматы.

— Пойдем, дорогой? — сказала Летти, обращаясь к Лесли.

— Если ты готова, — ответил он, тут же вставая со стула.

— Я устала, — проговорила она жалобно.

Он посмотрел на нее с заботой и нежностью.

— Мы слишком много ходили? — спросил он.

— Нет, дело не в этом. Нет... просто эти подснежники, и этот мужчина, и дети — и все такое прочее. Слишком много для одного дня.

Она поцеловала Алису, Эмили и мать.

— Спокойной ночи, Алиса, — сказала она. — Это не моя вина, что мы стали чужими. Ты же знаешь... на самом деле... я все такая же... на самом деле. Ты только представила

себе все иначе. Что я могу поделывать?

Она попросилась с Джорджем и посмотрела на него сквозь пелену с трудом сдерживаемых слез. Джордж покраснел. Он чувствовал свою победу над Летти. Она пошла домой, вытирая слезы, которых не заметил ее возлюбленный. А на ферме Джордж громко смеялся вместе с Алисой.

Она решила идти вместе с нами, и мы проводили ее домой в Эбервич.

«Как маленькую обезьянку, повисшую на двух ветвях», — сказала она, когда мы с двух сторон взяли ее под руки. Мы засмеялись и наговорили друг другу много всяких шуток.

Джордж хотел поцеловать ее, но она поставила палец ему под подбородок и сказала: «Лапочка!», как говорят канарейке. Потом она засмеялась с языком между зубов и побежала в дверь.

— Она сущий чертенок, — сказал он.

Мы проводили ее до дому. Это был долгий путь мимо Креймида и темных школ.

— Давай, — сказал он, — прогуляемся до гостиницы «Баран» и заглянем к моей кухне Мег.

Была уже половина одиннадцатого, когда он повел меня через дорогу к песчаному переулку возле маленькой гостиницы. Раньше тут была ферма, принадлежавшая дяде Джорджа. Но с тех пор как он заболел и умер, она пришла в упадок. Там трудились только его тетя и один рабочий. Сейчас тетя находилась на попечении своей замечательной внучки. Все ближайшие родственники Мег жили в Калифорнии, и только она одна, двадцатичетырехлетняя красавица, жила возле бабушки.

Когда мы проходили по переулку, показалась рыжая голова Билла. Он узнал Джорджа и сказал:

— Добрый вечер... заходите... она еще не легла спать.

Мы вошли, открыв дверь в кухню. Тетя сидела в своем маленьком кресле, попивая вечерний чай.

— Ах, Джордж, мой дорогой парнишка! — воскликнула она сварливым голосом. — Ну, тебя не узнать. Что привело тебя ко мне?

— Ничего, просто так зашел, тебя повидать. Где Мег?

— Ах!.. Ха... Ха... Ах!.. Как ты сказал?.. Пришел повидать меня?.. Ха... где Мег!.. А кто этот джентльмен?

Я представился, пожав руку старой леди.

— Похоже, он воспитанный молодой человек, — одобрила она, качнув чашкой, и добавила: — Не смущайтесь, проходите и садитесь. Обувь можете не снимать.

Я сел на диван с подушками, покрытыми тканью в сине-красную клетку. В комнате было очень жарко, и я, чувствуя себя неловко, огляделся. Старая леди сидела теперь неподвижно. Худая дама в черном платье из плотной материи, как в броне. На груди, у горла — золотая брошь.

Мы услышали тяжелые шаги на лестнице.

— Вот, она идет, — сказала старая леди. Кто-то перешел на быстрый шаг. На повороте шаги чуть замедлились, и в дверях появилась Мег. С удивлением уставясь на нас, она сказала:

— Я слышала, вроде кто-то пришел, но не думала, что это вы. — Ее щеки разругались, она искренне улыбнулась. Думаю, я никогда не встречал более обаятельной и более очаровательной женщины. Все в ней привлекало внимание: каждая линия ее тела,

каждая черточка лица, каждое движение. Можно даже не слушать, что она говорит, достаточно следить за движением ее прекрасных губ.

— Плесни-ка им виски, Мег... вы хотите?

Я очень твердо отказался. Но это мне не помогло.

— Ах нет! — сказала старая дама. — Я не желаю слышать отказов от тебя. Попробуй еще сказать хоть слово мне наперекор.

Я умолк.

— Тогда налей ему кларета, — произнесла гостеприимная хозяйка. — Хотя, учитывая довольно поздний час, кларет — слишком слабый напиток.

Мег вышла по делам. Тетя вздохнула, снова вздохнула, для чего не было никаких вводимых причин, кроме виски.

— Как хорошо, что вы зашли навестить меня, — простонала она. — Кто знает, может быть, когда вы снова решите заглянуть сюда, мы уже не увидимся... Нет... Я давно готова. Но чаша... Я не испила свою чашу до дна... — При этом она невзначай тряхнула рюмкой, и я подумал о том, как подшучивает порой жизнь над ЛЮДЬМИ.

— И я должна сказать, что покину этот мир с благодарностью, — добавила она после нескольких вздохов.

Трогательно было выслушивать это. Жестокая правда заключалась в том, что старая леди цеплялась за жизнь, как вошь за задницу свиньи. Всякий раз, когда ей было плохо, она себе настойчиво внушала: «Ничего, мне чуточку лучше, чуточку лучше, завтра будет совсем хорошо».

— Я должна была бы покинуть этот мир раньше, — продолжала она, — но я не могу оставить ее одну... пей, мой мальчик, пей...

Я все-таки предпочел виски той гадости, что мне дали.

— Ага, — заключила тетя. — Я не могу уйти с миром, пока она не устроена.

Она потянула носом и вернулась к своей рюмке. Джордж ухмыльнулся, потом посерьезнел и, сделав хороший глоток виски, крикнул. Этот звук встряхнул старую леди.

— Пей на здоровье, — сказала она.

Снова потянув носом, она вернулась к своей рюмке. Он вздрогнул. Снова наполнил стакан и снова выпил.

— Ты, наверное, никогда не целовался с девушками... по-настоящему, — и она вылила остатки виски себе в глотку.

Пришла Мег.

— Пошли, бабуля, — сказала она. — Пора спать.

— Посиди с нами и выпей. Не каждый же вечер к нам приходят гости.

— Нет уж, позволь мне отвести тебя в кровать. По-моему, с тебя достаточно.

— А я говорю, посиди. Выпьем портвейна. Хватит пререкаться.

Мег принесла еще рюмку и бутылку. Я подвинулся, чтобы дать ей место на диване между мной и Джорджем. Мы все попробовали портвейн. Мег, добрая и наивная девушка, терпеливо, с благопристойным видом ждала, когда мы насытимся портвейном. Ее щечки завлекательно румянились, когда она смеялась, и на них появлялись восхитительные ямочки. Не менее восхищала безукоризненная, стройная шея. Она вдруг повернулась к Джорджу, когда тот спросил ее о чем-то, и их лица оказались слишком близко друг к другу. Он поцеловал ее, а когда она отшатнулась назад, вскочил и с жаром поцеловал в шею.

— Ля-ля-ди-да-ля-ди-да-ди-да, — запела старуха с удовольствием и сжала свою рюмку.

— Давайте чокнемся! — крикнула она. — Все вместе чокнемся!

Мы все четверо чокнулись и выпили. Джордж налил вина в тумблер^[24] и выпил до дна. Он был возбужден, и вся его энергия, обычно сдерживаемая, вдруг выплеснулась наружу.

— Выпьем, тетушка! — завопил он, поднимая бокал. — Выпьем за то, чего вам хочется, вы сами знаете, за что!

— Я знаю, что была такой же храброй и пылкой, как все, — крикнула она. — Посмотрим, как у тебя это получится. По-моему, все будет в порядке. Договорились? Давайте еще чокнемся.

— Договорились, — сказал он, прежде чем прикоснулся губами к своему бокалу.

— О чем договорились? — спросила Мег.

Старая леди громко засмеялась и подмигнула Джорджу, который встал и губами, мокрыми от вина, звучно поцеловал Мег, сказав:

— Речь шла об этом.

Мег утерлась большим фартуком и почувствовала себя страшно неловко.

— Ну так пойдем, бабуля? — попросила она.

— Как мне быть, Джордж?

— Не уходи, тетушка.

— Ух-ху-ху, — проворчала старая леди. — Ладно, не будем делать ошибок! Бери свечу, Мег, я готова.

Мег принесла большой подсвечник. Билл принес деньги в жестяной коробке и передал их в руки старой леди.

— Иди тоже спать, парень, — сказала она уродливому, сморщенному слуге. Он сел в углу и начал стаскивать с себя сапоги.

— Подойди и поцелуй меня на прощанье и скажи «спокойной ночи», Джордж, — сказала старуха, а когда он так поступил, она что-то прошептала ему на ухо, от чего он громко рассмеялся.

Она плеснула виски в свой стакан и предложила слуге выпить. Потом, с трудом подняв себя, оперлась на Мег и пошла наверх.

Когда-то она была крупной женщиной, это можно было заметить и сейчас, но на нее становилось жалко смотреть, когда рядом находились такое восхитительное создание, как Мег. Мы слышали их медленные шаги по ступенькам. Джордж сидел, покручивая ус и усмехаясь половиной рта. Его глаза блестели немного по-детски, как будто он пережил новые для него ощущения. Потом он плеснул себе еще виски.

— Послушай, хватит! — предупредил его я.

— Чего ради? — ответил он тоном испорченного ребенка и рассмеялся.

Билл, который некоторое время сидел, разглядывая дырку в носке, осушил свой стакан и, грустно сказав: «Спокойной ночи!», заскрипел наверх по лестнице.

Наконец спустилась Мег. Я встал и заявил, что нам пора уходить.

— Я закрою за вами двери, — сказала она, чувствуя себя как-то неловко.

Джордж встал. Он ухватился за край стола, чтобы сохранить равновесие. Посмотрев на Мег, он сказал:

— Пойди сюда, — и кивнул ей головой. — Подойди сюда, я желаю кое о чем спросить.

Она посмотрела на него с недоумением, но по-прежнему сохраняя улыбку. Он обнял ее одной рукой и, глядя ей в глаза и приблизив к ней свое лицо, сказал:

— Позволь поцеловать тебя.

Не сопротивляясь, она подставила ему свои губы, оставив на него свои карие глаза. Он поцеловал ее и прижал к своему телу.

— Я хочу жениться на тебе, — сказал он.

— Давай! — ответила она мягко, то ли с радостью, то ли с сомнением.

— Я намерен это сделать, — повторил он, прижимая ее все крепче к себе.

Я стоял в открытых дверях и смотрел в ночь. Мне казалось, что это длилось очень долго. Потом я услышал голос старухи сверху:

— Мег! Мег! Отправь его домой. Давай скорей!

Тишина. Тихое бормотанье. Потом голоса раздались рядом со мной.

— Спокойной ночи, мой мальчик, счастья и удачи тебе! — прокричал голос старухи.

Джордж быстро поцеловал Мег на прощанье в дверях.

— Спокойной ночи, — тихо сказала она, глядя нам вслед.

Потом мы слышали грохот тяжелых засовов.

— Знаешь, — начал он и прочистил горло. Его голос был хриплым и приглушенным от возбуждения. Он попытался снова произнести: — Знаешь... она... такая замечательная.

Я не ответил, но он на это не обратил внимания.

— Проклятье! — взорвался он. — Почему я ее отпустил!

Мы шли молча... его возбуждение как-то стало ослабевать.

— А как выгибается ее тело... какое оно красивое. Когда ты смотришь на нее... То чувствуешь... Одним словом, ты понимаешь...

Допустим, я понимал, но не обязательно же было говорить об этом вслух.

— Понимаешь... я вижу сны... мне снятся женщины... понимаешь... это всегда Мег, она смотрит так нежно, так изгибается всем телом...

Он начал волочить ноги. Когда мы подошли к железнодорожному переезду, он споткнулся и чуть не рухнул, но удержался, потому что я вовремя подхватил его.

— Господи! Сирил, неужели я пьян? — спросил он.

— Не слишком, — ответил я.

— Нет, — пробормотал он. — Не может быть.

Однако ноги снова стали волочиться, его стало качать из стороны в сторону. Я крепко держал Джорджа за локоть. Он сердито что-то бормотал. Потом медленно произнес:

— Я чувствую себя так, что готов упасть и уснуть прямо здесь.

Мы все время спотыкались бредя вдоль железной дороги. Он становился все тяжелее. Когда мы подошли к ручью, то перешли его вброд. Уже во дворе я предупредил его, чтобы он держался прямо. Он постарался ступать более уверенно, и мы вошли на ферму. Тут он всем весом повалился, начал развязывать краги. И вдруг уснул, я побоялся, что он нырнет сейчас вперед головой, и снял с него краги, потом мокрые ботинки и шарф. Я растолкал его, хорошенько встряхнув, чтобы снять пальто. Я услышал скрип ступенек и сразу подумал, что это его мать. Но в дверях возникла Эмили в длинной белой ночной рубашке. Она посмотрела на нас темными глазами, полными ужаса, и прошептала:

— Что случилось?

Я тряхнул головой и посмотрел на ее брата. Голова снова упала ему на грудь.

— Он ранен? — спросила она, ее голос прозвучал громко.

Он поднял голову и посмотрел на нее тяжелым и сердитым взглядом.

— Джордж! — сказала она со страхом. Он злобно продолжал смотреть на нее. — Он пьян? — прошептала она, отшатнувшись, и обрушилась на меня. — Ты его напоил?

Я кивнул. Я тоже начинал сердиться.

— О, если мама проснется! Я должна немедленно уложить его в кровать! О, как ты мог!

Этот свистящий шепот рассердил и его, и меня. Я схватил Джорджа за ворот. Он захрипел что-то невразумительное. У Эмили даже перехватило дыхание. Он сердито посмотрел на нее, и я испугался, что он начнет сейчас буянить.

— Иди наверх! — шепнул я ей. Она покачала головой. Я видел, как он тяжело переводил дыхание, как на его шее набухали вены. Я был рассержен ее непослушанием.

— Ступай же, наконец, — велел я грозно, и она ушла, все еще колеблясь и оглядываясь назад.

Я убрал его шарф и пальто, позволив ему немного задремать, пока я снимал свои ботинки. Потом поставил его на ноги и, подталкивая сзади, стал медленно втаскивать его по лестнице наверх. Я зажег свечу в его комнате. Из других комнат не доносилось ни звука. Я раздел его и уложил в постель. Укрыл сверху ковриком из телячьей шкуры, поскольку ночи стояли холодные. Почти сразу же он тяжело задышал. Я перевернул его на бок и подложил ему подушку под голову. Он выглядел как усталый ребенок, этот мой спящий друг. Я немного постоял, потом огляделся по сторонам. Почти до самого потолка, который, кстати, был довольно низок, громоздился резной шкаф красного дерева. У кровати стоял стул. У окна — маленький желтый шкафчик с выдвижными ящиками. Вот и вся мебель, если не считать коврика из телячьей шкуры на полу. В одном из выдвинутых ящиков я заметил книгу. Это был Омар Хайям, сборник стихов дала ему Летти, когда проводила в школе для детей свои Дни Хайяма, маленькая книжка стоимостью в шиллинг, с цветными иллюстрациями.

Я задул свечу и посмотрел на него снова. Когда я спускался по лестнице, из своей комнаты высунулась Эмили и прошептала:

— Он лег?

Я кивнул и прошептал ей: «Спокойной ночи». Потом я с тяжелым сердцем отправился домой.

После этого вечера на ферме Летти и Лесли еще больше сблизилась.

Они плыли по течению, по этой странной реке ухаживаний, то сближаясь, то расходясь в стороны. Он все время чувствовал себя неудовлетворенным после каждой попытки сблизиться с ней. Постепенно она уступала и подчинялась ему. Она сооружала вокруг себя и Лесли занавес, своеобразную ширму, отгораживавшую их от повседневной действительности. Они играли в эту игру, как дети. Она не обращала внимания ни на что, как араб, сидящий в своем шатре и не желающий обозревать взглядом окружающую его пустыню. Так и она жила в своем маленьком шатре повседневных удовольствий и забав.

Случайно, только изредка она выглядывала из своего шатра и пыталась постичь окружающий мир. Тогда она садилась за книги и ничто не могло оторвать ее от них. Или же сидела в своей комнате целыми часами, уставясь в окно. Он же сердился, как испорченный ребенок, которому отказывают в его просьбе.

Глава II

ИРОНИЯ НАВЯЗАННЫХ СИТУАЦИЙ

Это произошло на следующий день после похорон. Я рассматривал репродукции Обри Бердслея «Атланта», а именно заключительную часть к «Саломее». Сидел и смотрел, а моя душа рвалась наружу при виде каждой новой его вещи. Я был возбужден, потрясен. Рассматривал репродукции долго, мой разум, мой дух, никак не могли успокоиться. Мое воображение было повергнуто в смятение, и ничего с этим я не мог поделать.

Летти не было дома, хотя наступило обеденное время, поэтому я взял книгу и отправился на мельницу.

Обед уже закончился; в комнате я обнаружил остатки приготовленного ревеня. Я подошел прямо к Эмили, сидевшей, откинувшись в кресле, и положил «Саломею» перед ней.

— Посмотри, — сказал я. — Посмотри сюда!

Она посмотрела. Сначала просто взглянула, потом стала разглядывать уже более пристально. Я с нетерпением ждал, что она скажет. Наконец она медленно повернулась, вопросительно наморщив свой лоб.

— Ну и как? — сказал я.

— Страшно! — ответила она тихо.

— Нет!.. Почему?

— Это производит впечатление... Послушай, а почему ты принес это?

— Хотел тебе показать.

Мне уже стало легче, я заметил что на нее это тоже произвело сильное впечатление.

Подошел Джордж, заглянул через мое плечо. Я ощущал тепло его тела.

— Господи! — воскликнул он, тоже потрясенный.

Ребятишки подбежали посмотреть, но Эмили захлопнула книгу.

— Я опоздаю... Поторапливайся, Дейв! — И она пошла мыть руки перед тем, как идти в школу.

— Дай это мне, а? — попросил Джордж, потянувшись к книге. Я отдал ее ему, и он стал рассматривать репродукции. Когда Молли подкралась ближе, чтобы полюбопытствовать, он сердито крикнул, чтобы она убиралась. Она надула губы и надела шляпку. Эмили тоже была уже готова отправляться в школу.

— Я пошла... до свидания, — сказала она, нерешительно, выжидая. Я потянулся за своей кепкой. Джордж посмотрел на меня с новым выражением в глазах и сказал:

— Ты уходишь?.. Подожди меня... пойдем вместе.

Я подождал.

— О, очень хорошо... до свидания, — сказала Эмили с горечью и ушла. Когда он достаточно насмотрелся, то поднялся из-за стола, и мы ушли. Он нес книгу, заложив пальцем страницу. Мы направлялись в сторону пашни, шагали молча, не говоря ни слова. Потом он присел на берегу, прислонившись спиной к падубу, и сказал задумчиво:

— Теперь уже нет нужды торопиться... — При этом он продолжал разглядывать иллюстрации. — Ты знаешь, — наконец сказал он, — она мне нужна.

Я был удивлен его неожиданной откровенностью и на всякий случай спросил:

— Кто?

— Летти. Мы получили уведомление, знаешь?

Я вскочил на ноги, изумленный.

— Уведомление об отъезде.

— Расторжение договора? Из-за чего?

— Полагаю, из-за кроликов. Я скучаю по ней, Сирил.

— Господи, покинуть ферму Стрели-Милл, расстаться с мельницей, — гнул я свое. —

Это ужасно!

— Да... но я даже рад этому. Как ты думаешь, могло бы у нас с ней получиться что-нибудь серьезное, Сирил?

— Какая неприятность, однако! Куда же вы теперь денетесь? А ты не врешь, не шутишь?!

— Нет. Да не обращай внимания на это проклятое уведомление. Я скучаю по ней очень сильно... И чем больше я смотрю на эти линии, на эти обнаженные тела, тем больше скучаю по ней. Какое же это острое чувство, совсем как изогнутые линии. Я не знаю, что говорю... но, как ты думаешь, могло бы у нас с ней получиться что-нибудь серьезное? Она видела эти репродукции?

— Нет.

— Если бы увидела, то, наверное, тоже бы заскучала обо мне... Я хочу сказать, что они произвели бы на нее сильное впечатление.

— Я покажу ей и потом скажу тебе.

— Я все время раздумывал об этом с того самого момента, как отец получил уведомление. Словно земля уходит у нас из-под ног. Никогда еще не чувствовал себя таким потерянным. Снова начал думать о ней... но не очень понимал себя, пока ты не показал мне эти картинки. Я должен увидеть ее, если смогу... должен что-то делать. До чего неприятно, когда чувствуешь, как дорога резко уходит в сторону и весь мир исчезает, и ты не знаешь, куда идти. Мне нужно кое в чем убедиться, иначе я буду чувствовать себя совсем поверженным. Я спрошу у нее кое о чем.

Я смотрел на него, лежащего под падубом, с лицом мечтательным и по-мальчишески открытым, и дивился его необычному состоянию.

— Ты спросишь у Летти? — сказал я. — Когда... как?

— Мне нужно спросить у нее как можно быстрее, потому что я уже начинаю сходить с ума. — Он печально посмотрел на меня, его веки тяжело опустились, как будто он был пьян или очень устал. — Она дома? — спросил он.

— Нет, она в Ноттингеме. Но вернется домой до темноты.

— Тогда я увижу ее. Чувствуешь запах фиалок?

Я ответил, что нет. А он был уверен, что чувствует, и не мог успокоиться, пока не нашел подтверждение своим обостренным чувствам. Джордж встал, очень лениво, и пошел вдоль берега, присматриваясь к цветам.

— Я знаю, я чувствую. Надо же, белые! — Он сел и сорвал три цветочка, поднес к носу, понюхал.

Потом положил в рот, и я увидел, как жуют лепестки его крепкие белые зубы. Он жевал молча. Потом выплюнул и стал собирать другие фиалки.

— Они мне тоже напоминают о ней, — сказал он и, сорвав стебелек жимолости, обвязал им букетик, подал мне.

— Белые фиалки? — улыбнулся я.

— Передай ей и попроси прийти перед наступлением темноты в лес.

— А если она не придет?

— Придет.

— А если ее не будет дома?

— Зайди и скажи мне об этом.

Он снова лег, уткнувшись головой в зеленые листья фиалок.

— Я должен найти работу, в любом графстве. Мне все равно. — Некоторое время он лежал, глядя на меня. Потом сказал: — Я не ожидаю, что получу больше двадцати фунтов после того, как мы распродадим имущество... но у нее довольно много денег, чтобы начать — если она выйдет за меня замуж — жизнь в Канаде. Я могу хорошо работать... она будет иметь... все, что хочет... уверен, все, что хочет.

Он так спокойно рассуждал, как будто это все было реально.

— Во что она будет одета, когда придет на встречу со мной? — спросил он.

— Не знаю. Наверное, придет в том, в чем была в Ноттингеме, полагаю... золотисто-коричневый костюм и приталенное пальто. А что?

— Я думал, как она выглядит.

— Опять в мечтах.

— А в чем, по-твоему, я лучше смотрюсь? — спросил он.

— Ты? Да иди так, как есть... нет, надень еще сверху пальто... и все.

Я улыбался, хотя был очень серьезен.

— Может, надеть новый шарф?

— Нет, лучше оставь шею открытой.

Он дотронулся рукой до горла и спросил наивно:

— Да? — И это удивило его.

Потом он лежал, сонно разглядывая дерево. Я оставил его и отправился по полям высматривать цветы и птичьи гнезда.

Когда я вернулся, было уже почти четыре часа дня. Он встал, отряхнулся. Вытащил часы.

— Господи, — воскликнул он. — Я пролежал весь день и все время думал. Не знал, даже, что способен на это. Где ты был? Все это удручает, понимаешь. Ты забыл фиалки. Возьми их и скажи ей: я приду, когда стемнеет. Мне кажется, что до этого я не смогу приняться ни за какую работу.

— Почему?

— О, не знаю... только у меня такое состояние, не хочу ни разговаривать, ни обращаться к кому-то... как это бывает у птиц, они даже не знают, какая трель выйдет у них в следующую минуту.

Когда я уходил, он сказал:

— Да. Оставь мне эту книгу... она меня покорила... я хочу сказать, что я уже не тот, каким был вчера, потому что эта книга покорила меня. Я должен что-то сделать до наступления темноты!

* * *

Когда я вернулся домой, Летти еще не пришла. Я поставил фиалки в маленькую вазочку на столе. Как я понимал, ему хотелось, чтобы она увидела рисунки... это было так же верно,

как то, что он оставил книгу у себя.

Она приехала примерно к шести часам в автомобиле с Мэри, которая не стала выходить из машины. Я помог с вещами. Летти уже начала делать покупки. Ее бракосочетание было назначено на июль.

Комната сплошь завалена вещами: скатертями, нижним бельем, всякими изделиями из шелка, ковриками и занавесками. Все смотрелось, как на параде: оружие, готовое к бою. Летти была очень довольна. Она не стала даже тратить время на то, чтобы снять шляпку, а сразу принялась развязывать тесьму на своих картонках и пакетах, открывать их, все время при этом разговаривая с мамой.

— Смотри, моя маленькая мама. У меня самая чудесная нижняя юбка. Правда, она премиленькая?! Послушай! — она пошуршала в руках тканью. — Приятный звук, не правда ли? Фру-фру! Она такая очаровательная, сшита прямо по мне, нигде не морщит. — Она приложила юбку к талии, выставила вперед ногу, посмотрела вниз и сказала: — Очень хорошей длины, правда, моя маленькая мама?.. А еще говорят, что я высокая... Это как сказать. Тебе бы хотелось иметь такую, мамочка?.. О, ты ни за что не признаешься в этом. Да ты в ней будешь просто прекрасна, как и любая женщина... поэтому я купила для тебя эту шелковую вещицу... прелестная, верно?.. не надо ничего говорить, я и сама вижу, что здесь слишком много бледно-лилового цвета. Ну-ка! — Она взяла ткань и поднесла к маме на уровне ее подбородка. — Очень идет тебе. Красиво, разве нет? Тебе не нравится, мамочка? Похоже, ты не очень довольна. А я между тем уверена, что тебе идет... ты выглядишь такой молодой. Я хочу, чтобы ты не была такой уж консервативной. Тебе нравится?

— Конечно, нравится... Я только думаю, почему ты была в таком взбудораженном состоянии, когда покупала все это. Знаешь, ты не всегда...

— Ладно... ладно, дорогая моя, не капризничай и не читай проповедей. Это такое наслаждение — ходить за покупками. В следующий раз пойдем вместе, ладно? Мне так понравилось это... но я хотела бы, чтобы ты там тоже побывала... Мэри возражать не будет, с ней так легко... мне нравится делать удачные покупки... О, это великолепно!.. Мне много еще нужно купить. О, ты не видела это покрывало... вот именно такой цвет будет преобладать в нашей комнате — золото с янтарем...

Неудачное начало. Я смотрел, как тени становились все длиннее, и длиннее, как сверкала вода вдалеке, как запад постепенно окрасился в цвет золота... Наконец Летти спустилась вниз, со вздохом заявив, что устала.

— Ступай в столовую и выпей чашечку чая, — велела мама. — Я попросила Ребекку сразу заварить его, как только ты пришла.

— Ладно. Если придет позже. Полагаю — примерно в половине девятого, как он сказал. Показать ему то, что я купила?

— Мужчине здесь нечего смотреть.

— Мне нужно переодеться. Думаю, ничья помощь не понадобится. Пусть только Ребекка посмотрит на мои покупки... в другой комнате... и, Бекки, заверни их, пожалуйста, и положи мне на кровать.

Как только она ушла, Летти сказала:

— Ей это занятие понравится, правда, мама, ведь мои вещички такие прелестные! Мне нужно новое платье, мама, как ты думаешь?

— Делай, что хочешь.

— Полагаю, нужно; однажды вечером он сказал, что не любит блузки с юбками; он

терпеть не может пояса. Я надену это старое кремовое, кашемировое; оно стало выглядеть очень миленько, после того, как я приспособила к нему новый шнурок. Эти фиалки приятно пахнут, правда?.. Кто принес их?

— Сирил принес.

— Джордж прислал их тебе, — сказал я.

— Ладно пойду сниму платье. И почему мужчины доставляют столько волнений?

— Эти волнения тебе нравятся, — сказала мама.

— О, разве? Какая досада! — И она побежала наверх.

За Хайклоузом солнце было совсем красным. Я встал коленями на подоконник и улыбнулся судьбе и тем людям, которые думают, что странные ситуации — это, как правило, плод нашего воображения, Солнце садилось за кедрами, медленно-медленно опускалось за деревьями, потом исчезло за холмом.

— Надо пойти, — сказал я сам себе, — сообщить ему, что она не придет.

Я прошел по комнате, обошел лестницу и направился к двери. Летти спустилась вниз, одетая в белое... то ли в кремовое... Она выглядела очень довольной, снова была бодрой, хотя все еще переживала дневные впечатления.

— Я приколю к платью эти фиалочки, — сказала она глядясь в зеркало и переводя взгляд с меня на свое отражение, которое словно освещало темную комнату.

— О, ты мне напомнила, — сказал я. — Джордж Сакстон хотел повидаться с тобой сегодня вечером.

— Чего ради?

— Не знаю. Они получили предписание покинуть ферму, мне кажется, он расчувствовался.

— О, ну... Он придет сюда?

— Он сказал, что если бы ты немножко прогулялась по лесу, то встретила бы его.

— Да! О, конечно! Ну, конечно, я не могу.

— Конечно, нет... если не хочешь. Между прочим, это его фиалки у тебя на груди.

— А, это... пусть остаются, это не имеет значения. Но зачем он хочет видеть меня?

— Не могу сказать, уверяю тебя.

Она посмотрелась в зеркало, потом на часы.

— Подумаем, — ответила она. — Сейчас только четверть восьмого. Еще три четверти часа... Но зачем ему это нужно? Понятия не имею.

— Впечатляет, не так ли? — спросил я с иронией.

— Да, — ответила она, глядя в зеркало. — Не могу идти в таком виде.

— Ну хорошо. Не можешь, так не можешь.

— Да и потом... скоро стемнеет. В лесу будет очень темно, правда?

— Да.

— Ладно, я дойду только до конца сада. Одну минуту... сбегай, возьми мою шелковую шаль из шкафа... надо торопиться, пока светло.

Я сбегал и принес шарфик. Она старательно надела его на голову.

Мы вышли и направились по садовой тропинке. Летти шла, аккуратно приподняв юбку над травой. В сумерках начал петь соловей. Мы ступали молча, огибая кусты рододендрона, на которых уже появились розовые бутоны.

— Не могу идти через лес, — сказала она.

— Обойдем по верховой тропе. — И мы обошли темный кустарник.

Джордж ждал. Я заметил, что он выглядел уже не так самоуверенно, как обычно. Летти перестала придерживать юбки и поплыла к нему. Он неуклюже ждал, осознавая, что выглядит несколько по-клоунски. Она протянула руку. В этом жесте было что-то великосветское:

— Видишь, — сказала она, — я пришла.

— Да... я думал ты не придешь... — он посмотрел на нее и вдруг улыбнулся, осмелев. — Ты вся в белом... ты, ты действительно очень красивая... хотя не так...

— О чем это ты?

— Да так... ну я думал совсем о другом... о картинах.

Она улыбнулась нежно, лучезарно и милостиво осведомилась:

— И насколько же я отличаюсь от всех этих образов?

— У них нет всей этой чепухи. Они откровенные.

— Но разве я не выгляжу мило со всей этой своей чепухой, как ты называешь? — И она, улыбаясь, сняла шелковый шарфик.

— О, да... так гораздо лучше.

— Ты какой-то чудной сегодня... зачем я тебе понадобилась... чтобы попрощаться?

— Прощаться?

— Да... ты же уезжаешь, Сирил рассказал мне. Мне очень жаль... даже представить себе не могу, что на мельнице появятся чужие люди! Но ведь и я уеду отсюда скоро, мы все уезжаем, понимаешь, ведь мы стали взрослыми, — она держала меня под руку.

— Да.

— А куда ты поедешь... в Канаду? Ты там поселишься и станешь главой семьи, не так ли?

— Не знаю.

— Тебе не жалко уезжать?

— Нет, я рад.

— Рад, что уезжаешь от нас всех?

— Полагаю, что так... поскольку я должен.

— Ах, судьба, судьба! Она разделяет нас, хотим мы того или не хотим.

— Что ты такое лопочешь?

— Ну, понимаешь, ты должен уехать. Я тоже не должна здесь долго задерживаться... в лесу... становится прохладно. Когда ты уезжаешь?

— Не знаю.

— Не скоро еще?

— Не знаю.

— О, да. Ну, мне надо идти. Ну, так прощаемся?... Ты ведь этого хотел, не так ли?

— Прощаться?

— Да.

— Нет... я хотел спросить тебя...

— О чем? — вскрикнула она.

— Ты не понимаешь, Летти, теперь, когда прежняя жизнь кончилась, все ушло... ты мне нужна... чтобы начать... новую жизнь, ты мне нужна.

— Но что бы я могла делать... я могу только создавать помехи... какую помощь я могла бы оказать?

— Я себя чувствую так, будто с моим разумом что-то сделали... теперь я смог бы

объяснить кое-что тебе. Ах, какой все-таки в голове туман... даже не знаешь, что и делать.

— А если бы... если бы я была с тобой... тогда что?

— Если бы ты была со мной, я бы отправился напрямиком...

— Куда?

— О... я бы арендовал ферму в Канаде...

— Ну, а не лучше бы сначала занять ферму и обрести уверенность, почувствовать, что все идет, как надо?

— У меня нет денег.

— О!.. И поэтому тебе нужна я?..

— Мне нужна только ты. Я дал бы тебе...

— Что?

— Ты бы получила меня... всего меня и все, что пожелаешь.

— И за все самой заплатить... хорошая сделка! Нет, о нет, Джордж, прошу прощения.

Это один из моих самых легкомысленных вечеров. Я бы не хотела, чтобы все так получилось.

Ты же понимаешь, это невозможно... посмотри, ведь это действительно невозможно, верно?

— Полагаю, да.

— Ты знаешь, что да... Посмотри-ка на меня и скажи, что это невозможно для меня...

быть женой фермера... жить с тобой в Канаде.

— Да... я не рассчитывал на это. Да, теперь я понимаю, это невозможно. Но я думал об этом и чувствовал, что ты мне нужна. Нужна... Да, это ни к чему не приводит, если начнешь воплощать свои мечты в реальность. Думаю, такое было в первый и последний раз. Да, это невозможно. Теперь я передумал.

— И что же ты будешь делать?

— Я не поеду в Канаду.

— О, ты не должен... ты не должен принимать поспешных решений.

— Нет... я женюсь.

— Ты? О, я рада. Я думала... ты... был так влюблен... Хотя нет... Я так рада. Да... женись!

— Ладно... раз уж ты...

— Да, — сказала Летти. — Так лучше всего. Но я думала, что ты... — она улыбнулась ему грустно.

— Ты так думала? — откликнулся он с умоляющей улыбкой.

— Да, — прошептала она. Они стояли и смотрели друг на друга.

Он сделал импульсивное движение по направлению к ней. Она, однако, слегка отпрянула назад, наблюдая за ним.

— Ну... думаю, мы увидимся как-нибудь... так что до свидания, — сказал он, протягивая руку.

Мы слышали шорох, кто-то ступал по гравию. На верховой тропе показался Лесли. Услышав его, Летти приняла грациозную позу и сказала Джорджу:

— Мне так жаль, что вы собираетесь покинуть эти места... это ломает всю нашу прежнюю жизнь. Ты сказал, что мы увидимся... — Она задержала свою руку в его руке на одно-два мгновения.

— Да, — отозвался Джордж. — Спокойной ночи, — он повернулся и зашагал прочь. Она стояла в той же красивой позе, глядя ему вслед, потом медленно повернулась.

— С кем это ты разговаривала? — спросил Лесли.

— Он уже ушел, — ответила она таким тоном, как будто его слова с трудом доходили до нее.

— Он появился и чем-то расстроил тебя... а теперь ушел... Кто это?

— Он?.. Ох... так это же Джордж Сакстон.

— Ах, он?

— Да.

— Что ему было нужно?

— А? Что ему нужно? Да ничего.

— Трудно поверить, — сказал он, рассмеявшись, благородно не обращая ни на что внимания.

— Мне так жаль, — сказала она.

— Чего?

— О... давай не будем больше говорить о нем... поговорим о чем-нибудь другом. Я не переношу все эти разговоры... о нем.

— Ладно, — ответил он... и после неловкой, хотя и короткой, паузы спросил: — Как ты провела время в Ноттингеме?

— О, прекрасно.

— Ты получишь удовольствие от посещения магазинов, у тебя уйма времени до июля. Как-нибудь я пойду с тобой.

— Очень хорошо. Пойдем.

— Это звучит так, будто ты не хочешь, чтобы я отправился туда вместе с тобой. Я уже успел надоест, как старый муж?

— Мне кажется, так и будет когда-нибудь.

— Вот это мило! Почему?

— О, не знаю.

— Знаешь.

— Смотри, Ребекка зажгла лампу в холле.

— Да, уже довольно темно. Я уже заходил к тебе. Пришел раньше, чем обещал. Однако ни разу не услышал от тебя похвалы за это.

— Я не обращала внимания. Вот зажгли свет в столовой. Пойдем домой.

Они вошли в дом. Она подошла к пианино и осторожно сняла с него покрывало. Потом обернулась в задумчивости и какое-то мгновение постояла так.

— Ты не присядешь рядом со мной? — сказал он, указывая на диван.

— Не сейчас, — ответила она, повернувшись к пианино. Потом села и начала наигрывать какой-то мотив по памяти. И вдруг принялась вытворять невесть что, заиграла обрывки разных песен, отрывисто и неприятно.

— Послушай, Летти... — попытался он прервать ее занятие.

— Да, — ответила она, продолжая играть.

— Это не очень интересно...

— Нет? — она продолжала играть.

— И совершенно не впечатляет...

Она не ответила. Он немножко поскучал, потом сказал:

— Сколько это будет продолжаться, Летти?

— Что?

— Ну, вот такие вещи...

— Пианино?.. Я могу прекратить, если тебе не нравится.

Однако она не прекратила.

— Да... и все это просто скучно, прости.

— Не понимаю.

— Разве?.. Между тем это мне надоело.

Тогда она забренчала: «Если я построил мир для тебя, дорогая».

— Я сказал, прекрати! — крикнул он.

Она добренчала песенку до конца, потом медленно закрыла пианино.

— Подойди сюда... Подойди и посиди со мной, — сказал он.

— Нет, не хочется. Я бы лучше поиграла.

— Ну и играй, черт возьми, а я пойду туда, где мне будет интересно.

— Прекрасный выход.

Он не ответил, и она медленно повернулась на табурете, открыла пианино и положили свои пальцы на клавиши. Под звуки музыки он встал и сказал:

— Я пошел.

— Но еще же рано... Почему? — спросила она, играя нежную мелодию «Meine Ruh ist hin»...

Он стоял покусывая губы. Потом еще раз попробовал обратиться к ней.

— Летти!

— Да?

— Ты не собираешься прекратить это и... быть чуточку... подружелюбней?

— *Подружелюбней?*

— Ты какая-то странная сегодня. Что тебя расстроило?

— Не-а. Ничто. Если кто из нас и расстроен, так это только не я.

— Рад слышать... Но как бы ты все-таки назвала свое состояние?

— Мое? Никак.

— Ну, ладно. Я пойду.

— Зачем? Еще же рано?

Он не уходил, а она играла все нежней и нежней, играла бездумно, бесцельно. Один раз подняла голову, чтобы заговорить, но ничего не сказала.

— погоди! — выкрикнул он вдруг так громко, что она вскочила и захлопнула пианино. — Зачем ты это делаешь? Зачем?

Несколько секунд она молча смотрела на него, потом ответила вопросом:

— А что произошло?

— Полагаю, ты хочешь, чтобы я не мешал, пока ты сентиментальничаешь со своим молочником. Тебе не надо беспокоиться. Можешь делать это в моем присутствии. Или давай я уйду и оставлю тебя с миром. Сейчас схожу и позову его сюда, если хочешь... если тебе это нужно...

Она медленно повернулась на табурете спиной к пианино и посмотрела на него, улыбаясь.

— Какой ты молодец! — сказала она.

Он стиснул кулаки и ухмыльнулся.

— Как же ты любишь дразнить... — начал он, вздевая кулаки. Она улыбалась. Тогда он повернулся, сбил несколько шляп с вешалки в холле и ушел, хлопнув дверью.

Летти еще некоторое время продолжала играть, после чего ушла в свою комнату.

На следующий день Лесли к нам не пришел, на другой день тоже. Зато утром забежала Мэри и сказала, что он уехал в Йоркшир осматривать новые шахты, которые были затоплены, и скорей всего будет отсутствовать неделю или около того. Подобные деловые поездки на север случались довольно часто. Фирма, в которой мистер Темпест был директором и главным держателем акций, открывала новые шахты в другом графстве, поскольку в своем районе шахты приносили мало прибыли. Уже было почти решено, что Лесли обоснуется в Йоркшире после того, как женится, и будет наблюдать за ведущимися там работами. Сначала он отверг эту идею, но потом принял.

Пока он отсутствовал, Летти пребывала в дурном настроении. Она больше не вспоминала о Джордже и мельнице. Сдерживалась и в основном старалась вести себя, как подобает леди.

Вечером, на четвертый день отсутствия Лесли, мы вышли в сад. На деревьях проклюнулась листва. Мама в своем садике приподнимала личики аврикул (это такие цветочки), чтобы посмотреть на их бархатные губки, и осторожно выпалывала молодые сорняки из черной земли. Повсюду кричали дрозды. Японская айва пылала на стене, на свету она росла особенно густо. Кисточки белых соцветий вишни нежно колыхались на ветру.

— Что мне делать, мама? — спросила Летти, она подошла, чтобы набрать цветов японской айвы. — Что делать? Делать-то нечего.

— Ну, девочка моя... а что, собственно, ты хочешь делать? Ты целыми днями хандрить. Пойди и повидайся с кем-нибудь из друзей.

— До Эбервича далеко.

— Разве? Тогда сходи-ка к тем, кто живет неподалеку.

Летти постояла в нерешительности.

— Не знаю, что и делать, — сказала она. — Я ведь никогда так не проводила дни. Чувствуешь себя заживо похороненной в этой норе... Ах, вот бы поселиться поближе к городу... Так плохо, когда тебе не с кем общаться, кроме двух-трех человек.

— Ничем не могу помочь, дорогая... ты что-то должна решить для себя.

— А что я могу? — Ничего не могу, пожалуй.

— Тогда иди спать.

— Не хочу... Бессмысленно прожитый день лежит тяжелым грузом на мне. Чувствую, что готова выкинуть какую-нибудь отчаянную штуку.

— Очень хорошо, — сказала мама. — Так и поступай.

— О, не стоило говорить с тобой об этом... я не хотела...

Она повернулась и пошла к лаврестинусу^[25], потом стала обрывать его красные ягоды. Я ожидал, что сейчас она будет раздражаться. Но она замерла на месте. Послышался шум автомобиля, быстро мчавшегося вниз по холму в сторону Неттермера. Я снова прислушался. Автомобиль все еще спускался по холму. Мы увидели пыль, вздымавшуюся среди деревьев. Летти подняла голову и тоже начала прислушиваться. Автомобиль уже приближался к Неттермеру. Потом вдруг мотор заглох. И вот опять машина покатила через лес, к нам. Летти стояла с покрасневшими щеками и горящими глазами. Она двинулась к кустам, отделявшим покрытую гравием дорожку от лужайки возле нашего дома. Машина уже мелькала среди деревьев. Это был маленький автомобильчик, им Лесли обычно пользовался

для поездок по делам фирмы. Теперь он весь побелел от пыли. Лесли развернулся и остановил автомобиль прямо возле дома. Он ступил на землю. От долгого сидения за рулем его несколько согнуло, скрючило. Куртка и кепка тоже были покрыты толстым слоем пыли.

Летти окликнула его.

— Лесли! — И полетела ему навстречу.

Он обнял ее, и целое облако пыли накрыло их. Потом поцеловал ее, и они какое-то время постояли, не двигаясь. Она смотрела снизу вверх на него... затем потянулась, чтобы снять с Лесли защитные очки. Потом она с нежностью посмотрела на него и снова поцеловала. Он ослабил объятия, и она сказала голосом, полным нежности:

— Ты весь дрожишь, дорогой.

— Это от езды. Я ведь ехал, нигде не останавливаясь.

Не говоря больше ни слова, она повела его в дом.

— Какой ты бледненький... иди ляг на диван... не обращай внимания на пыль. Отлично. Я принесу тебе пиджак Сирила. Ох, мама, он проехал столько миль без остановок... позволь ему прилечь.

Она побежала, принесла ему пиджак, заставила прилечь на диван. Потом она сняла с него сапоги и надела на ноги тапочки. Все это время он лежал, глядя на нее. И был бледен от возбуждения.

— Дорога сильно измотала меня.

— А зачем ты вообще так спешил?

— Мне казалось, что если не буду бешено мчаться, то вообще не приеду... Если не поспешу... Не знаю, как ты ко мне по-настоящему относишься, Летти, но когда я что-то обещаю, то обязательно делаю.

Она нежно улыбалась ему, а он лежал, отдыхая и глядя на нее.

— Странно, почему я до сих пор не совершил что-нибудь отчаянное. Я сумасшедший, я потерял голову с того самого момента, как сказал тебе... О, Летти, я такой дурак, несчастный негодяй... Господи, я себя так ругаю. Чувствую себя постыдно, как будто совершил страшный грех. И очень благодарен тебе, Летти, за то, что ты не отвернулась от меня после того, что я сказал.

Она подошла и села возле него, ласково убирая волосы со лба, целуя его. Она испытывала к нему несказанную нежность, пронзительную до слез. Ее движения стали импульсивными, как будто она не осознавала, что она делает. Она притаилась и молчала. Он привлек ее к себе, и они молча лежали, пока не стемнело.

Моя мама что-то делала в соседней комнате, и от этого шума они встрепенулись. Летти встала, и он тоже поднялся с дивана.

— Полагаю, — сказал он, — мне нужно отправиться домой, помыться, переодеться. Хотя... — он добавил тоном, из которого было ясно, что он не хочет уходить, — я должен вернуться утром... Не знаю, что они скажут.

— В любом случае, ты мог бы помыться здесь...

— Но мне нужно вылезти из этой одежды, и я хотел бы принять ванну.

— Можешь воспользоваться одеждой Сирила. А вода горячая. Во всяком случае, оставайся на ужин, хорошо?

— Если я уйду, то мне следует поторопиться. Моим не понравится, если я приеду поздно. Они вообще не знают, что я приехал. Они не ожидают меня до понедельника или даже до вторника.

— Может, ты все-таки останешься здесь, им нет нужды знать о твоём приезде.

Они смотрели друг на друга смеющимися глазами, как дети, которые находят удовольствие в нарушении любых правил.

— О, но что подумает твоя мама!.. Нет, я лучше пойду.

— Она не будет возражать.

— О Господи. Я спрошу ее.

Он хотел остаться гораздо больше, чем она. Мама подняла брови и сказала очень мягко:

— Лучше, чтобы он поехал домой... И прямо сейчас.

— Но ты только посмотри, как он себя чувствует... Ведь это же в конце концов моя вина. Но не будь такой жестокой, matouchka.

— Я вовсе не жестокая, однако.

— О, Идгрун, Идгрун!.. — продекламировала Летти шутливо.

— Конечно, он может остаться, если хочет, — сказала мама сухо.

— Отлично, mütterchen... И будь поласковей, ну пожалуйста!

Летти была слегка обеспокоена сухим тоном мамы. Тем не менее Лесли остался.

Через некоторое время Летти уже поднималась вверх в свободную спальню, веселая и сияющая, а Ребекка сновала туда-обратно с бутылкой горячей воды и чистым постельным бельем. Летти быстро конфисковала мою пижаму из тончайшей фланели, нашла новую зубную щетку, произвела смотр моих рубашек, носовых платков, нижнего белья и спросила, какой пиджак я бы мог одолжить ему. Меня удивила ее решительность.

Он появился к ужину, намытый, причесанный, сияющий. Ел с аппетитом, излучал теплоту — одним словом, откровенно блаженствовал. Его щеки снова стали румяными, он владел своим телом, к нему вернулись прежняя независимость, уверенность, я не помню, чтобы когда-либо он выглядел таким красивым и привлекательным.

Какая-то особая аура окружала его, какая-то магия чувствовалась в его словах, в его смехе, в его движениях. Нам он нравился как никогда. Мама, однако, держалась натянуто. Сразу после ужина она встала, сказала, что ей нужно закончить письмо, пожелала всем спокойной ночи и ушла.

Однако облачко ее настороженности постепенно рассеялось. Он говорил и смеялся веселее, чем когда-либо, сидел, откинув голову назад, демонстрируя грацию и ладность своего мускулистого тела. Я оставил их у пианино. Он сидел, как бы собираясь играть, а она стояла рядом, положив ему руку на плечо.

* * *

Утром он рано встал, в шесть часов спустился вниз по лестнице и направился к машине. Когда я спустился вниз, то увидел, что он очень озабочен и молчалив.

— Какая досада, — сказал он, — мне нужно рано уехать.

Ребекка приготовила завтрак, который мы съели вдвоем. Он все время молчал.

— Странно, что Летти не встала позавтракать с тобой... Она именно тот человек, который бы оценил красоту раннего утра, — сказал я.

Он нервно отломил кусочек хлеба, отпил кофе, как если бы был чрезмерно возбужден, и громко глотнул.

— Для нее слишком рано, я думаю, — ответил он, торопливо утирая усы. Тем не менее

казалось, что он прислушивается, не идет ли она.

Спальня Летти находилась над кабинетом, где Ребекка накрыла стол к завтраку, и он прислушивался снова и снова, застыв с вилкой в руках. Потом он продолжил завтрак. Когда он отодвинул тарелку, открылась дверь. Он подскочил и обернулся. Это была мама.

— Мне пора ехать, — сказал он. — Большое вам спасибо... мама.

— Ты странный парень, не понимаю, почему Летти не спустится вниз. Я знаю, что она встала.

— Да, — ответил он. — Да, я слышал. Наверное, она одевается.

— Я позову ее.

— Нет... Не беспокойте ее... Она придет, если захочет...

Но мама вышла и окликнула ее с лестницы.

— Летти, Летти... Он уезжает!

— Хорошо, — ответила Летти, и через минуту она спустилась вниз. Она надела темное строгое платье и была бледна. — До свидания, — сказала она ему, подставляя щеку и глядя куда-то в сторону.

Он поцеловал ее, промурлыкав:

— До свидания, любимая.

Какое-то мгновение он задержался в дверях, глядя на нее. Она же стояла к нему вполоборота и не смотрела на него. Оставалась холодна и бледна при этом покусывала нижнюю губу. Он быстро устремился прочь, демонстрируя откровенное разочарование, потом завел мотор, забрался в свой автомобиль и быстро уехал.

Летти была бледна. Она села завтракать, но сидела, не притрагиваясь к еде, опустив голову, спрятав лицо. Менее чем через час он вернулся, сказав, что что-то забыл. Взбежал наверх и, немного поколебавшись, пошел в комнату, где Летти все еще сидела за столом.

— Я должен был вернуться, — сказал он.

Она повернулась к нему, но глаза ее глядели в сторону, в окно. Она покраснела.

— Ты что-то забыл? — спросила она.

— Сигаретницу, — ответил он.

Потом наступила тишина.

— Я должен ехать, — добавил он.

— Да, я полагаю, — сказала она.

После еще одной паузы он спросил:

— Ты бы не хотела пройтись со мной по тропинке?

Она встала молча. Он взял шаль, нежно накинул ей на плечи. Она позволила ему это сделать. Сохраняя молчание, они пошли по саду.

— Ты... ты... сердисься на меня? — спросил он.

На глаза ей вдруг навернулись слезы.

— Зачем ты вернулся? — спросила она, отвернувшись от него.

Он смотрел на нее.

— Я знал, что ты сердисься... и... — он заколебался.

— Почему ты не уехал? — сказала она резко.

Он молчал, повесив голову.

— Не понимаю, почему... почему... между нами должны вечно возникать какие-то проблемы, Летти, — сказал он, запинаясь. Она сделала быстрый жест, но сразу подхватила рукой юбку и отстранилась от него.

— Видишь, даже мои руки не слушаются меня, — заставила она себя сказать эту нелепую фразу.

Он посмотрел на ее кулачек, прижатый к телу.

— Послушай, — начал он, обеспокоенный.

— Говорю тебе мне противно видеть даже собственные руки, — сказала она тихо.

— Нет, правда, Летти, в этом нет никакой необходимости... раз ты любишь меня...

Казалось, она вздрогнула. Он подождал, озадаченный и несчастный.

— Ведь мы собираемся пожениться, правда? — закончил он, умоляюще глядя на нее.

Она воскликнула:

— О, почему ты не уехал? Зачем ты вернулся?

— Ты поцелуешь меня перед тем, как я уеду? — спросил он. Она стояла, отвернувшись и не отвечая. Его лоб прорезали морщины.

— Летти! — позвал он.

Она ничего не ответила и не сдвинулась с места. Продолжала смотреть куда-то в сторону, так что он видел только ее профиль. Немного выждав, он вспыхнул, быстро повернулся, зашагал к машине и завел мотор. Через мгновение он уже ехал по дороге, обсаженной деревьями.

Глава III

ПОЦЕЛУЙ, КОГДА ОНА ПЛАЧЕТ

Наступило воскресенье. Неделя закончилась, та неделя, когда состоялся визит Лесли. Для нас это была несчастная неделя. Все мы были грустные, недовольные. Хотя наступила весна, никто из нас не обращал на это внимания. Но вот однажды я засмотрелся на ряды тополей, сквозь листву которых проглядывали кроваво-красные лучи солнца. А вскоре я нашел место у воды, где лебеди отложили яйца. Потом увидел бледно-желтые нарциссы, свешивавшиеся с покрытых мхом деревянных стен лодочного сарая. Я смотрел на все это — мох, бледно-желтые нарциссы, воду с розовой шелухой бутонов вяза. Сломал ветку сикоморы и увидел, что терн становится серебристо-серым на фоне вечернего неба. Больше ни на какие прекрасные картины весны я не обращал внимания, поскольку очень уж неприятная выдалась неделя.

А воскресным вечером после чая Летти вдруг обратилась ко мне:

— Пойдем со мной вместе на ферму Стрели-Милл, заглянем на мельницу.

Я удивился, но повиновался, не задавая вопросов. Когда мы подходили, то услышали веселую болтовню девушек, и тут же раздался голос Алисы, приветствовавшей нас:

— Хэлло, Сирил, любовь моя! Хэлло, Летти! Проходите, здесь собрание богинь. Проходите, и тогда будет все по правилам. Ты — Юнона. А вот она, Мег, она Венера. А я, ну, кто я? Скажи быстро! Минерва? Да, Сирил, дорогуша? Правильно! А теперь, Парис, поспешай. Он облачился в свои воскресные одежды, явно чтобы вывести нас на прогулку. Хорошо — Мег здесь, а теперь и Летти. Как здорово! Я мудро все угадала. Думаю, он позволит мне завязать ему галстук. А теперь, куда мы пойдём? Наверное, по следам славы.

— В Ноттингем... Тебе нравится? — спросил Джордж, имея в виду свой галстук. — Хэлло, Летти... Ты пришла?

— Да, это собрание богинь. Где твое яблоко? Есть? Давай его сюда! — сказала Алиса.

— Какое яблоко?

— О Боже, какая неосведомленность! Яблоко Париса... Разве ты не видишь, мы явились сюда, чтобы ты нас выбрал.

— О, ладно... но у меня нет яблока... я съел его.

— Какой простофиля... он как кипящая магnezия, которая может кипеть неделю. Ты что, всех нас поведешь в церковь?

— Если хотите.

— Ну, тогда пошли. А где Обитель Любви? Посмотри на Летти, она смущена. Прости, старая подружка...

— Ты сказала «любовь»? — спросил Джордж.

— Да, я сказала, правда, Мег? И ты сказала «любовь», правда?

— Я даже не знаю, о чем ты, — засмеялась Мег, покраснев.

— «Amor est titillation» — «Любовь — это нечто веселое и щекотное»... Правда, Сирил?

— Откуда я знаю.

— Конечно, нет, конечно, старый приятель. Оставь это девушкам. Смотри, как понимающе смотрит Летти... о, Летти, почему ты такая грустная?

— Из-за любви, — предположил Джордж, повязывая новый галстук.

— Держу пари, — это «degustasse sat est», не так ли, Летти? «Один раз попробовать — и

хватит»... «И проклят будь тот, кто первый крикнет: довольно!..» Которая из нас тебе нравится? Ты, что, нас всех поведешь в церковь, Джордж, дорогуша? По одной или всех вместе?

— Ну, что мне делать, Мег? — спросил он.

— О, я не возражаю, веди нас туда.

— А ты, Летти?

— Я не собираюсь идти в церковь.

— Давайте пойдем куда-нибудь погуляем... Прямо сейчас, — сказала Эмили, ей явно не нравилась вся эта бессмыслица.

— Ну вот, Сиб, ты получил приказание. Не бросай меня, — захныкала Алиса.

Эмили вздрогнула и куснула себя за палец.

— Пойдем, Джорджи, а то ты напоминаешь палец, на котором висят две чашечки весов. Куда же качнешься?

— Туда, где тяжелее, — ответил он улыбаясь и не глядя ни на Мег, ни на Летти.

— Ну, тогда это Мег, — воскликнула Алиса. — О, я хотела бы быть полнее. У меня нет никаких шансов с Сибом против Пем.

Эмили вспыхнула возмущенно, Мег покраснела и смутилась. Летти начала оттаивать и улыбнулась, и мы отправились на прогулку двумя трио.

К сожалению, вечер выдался чудесный, поэтому на дорогах было полным-полно прогуливающих мужчин, одетых в светлые брюки и черные пиджаки с маленькими подозрительными собачонками. Попалась нам навстречу и группа молодых бездельников, вполне возможно, галантных мужей. Повстречали мы и влюбленную парочку. Мать с двумя маленькими золотоволосыми девочками в белых шелковых платьицах, весело протопали по дорожке, рядом отец неуклюже ковылял в своем воскресном костюме.

Мы поболтали о всякой чепухе. Джордж старался поддерживать беседу, рассказывал о ягнятах, об их разных породах. И тут Мег воскликнула:

— Ой, а они вовсе не черные, словно только что выползли из печки.

Он поведал, как выкормил двух малышей из бутылочки, вызвав восхищение Мег его заботливостью о ягнятах. Потом он перешел к чибисам-пигалицам. Принялся рассказывать о том, как они кричат и притворяются ранеными — «забавно, однако!» — а однажды, дескать, даже откатил в сторону яйца, когда пахал. И как мать преследовала его и как даже сторожила, когда он снова проходил мимо с плугом, следила за ним, пока он совсем не ушел с поля...

— Ну, она узнала тебя... Они всегда знают, от кого что нужно прятать, — принялись подтрунивать над ним.

— Да, — согласился он. — Ее маленькие яркие глазенки, казалось, говорили именно об этом, когда я проходил мимо.

— О, я думаю, это такие прекрасные малышки, верно, Летти? — воскликнула Мег восхищенно.

Летти согласилась. Мы гуляли по холмам, потом спустились вниз к Крейниду. Мег решила, что ей пора домой, к бабушке. И Джордж попрощался с ней, сказав, что зайдет через часок или около того. Девушка была разочарована, но ушла без всяких возражений. Мы оставили Алису с нашим приятелем и поспешили домой через Селсби, чтобы избежать толпы людей, возвращающихся из церкви.

Мы шли домой через Селсби, обогнули шахту на западе, ее вышки темнели на фоне

заката. Дома у подножия этих высоких сооружений стояли такие неказистые, утонув в вечерних сумерках.

— Знаешь, Сирил, — сказала Эмили, — я должна навестить миссис Эннабел, жену сторожа. Она переехала в Бонсартс Роу. А дети пошли в школу... О, это все ужасно!.. Раньше они не посещали школу и вот теперь молчат на уроках.

— Зачем она переехала? — спросил я.

— Полагаю, так решил сквайр. Кеннелз, видно, ему понадобился. Господи, как же они живут... страшно даже подумать!

— А почему ты не побывала у них?

— Не знаю... я собиралась... Но... — Эмили запнулась.

— Ты не захотела? Или для тебя неважно?

— Нет, почему же... А ты пошел бы?

— Ой... Пошли-ка прямо сейчас... Это же рядом.

— Нет, не пойду, — ответила она резко.

— Пойдем. Проберемся через пырей. Только дай я скажу Летти.

Летти тут же энергично заявила:

— Нет!

— Ладно, — сказал Джордж, — я провожу ее домой.

Но это устраивало Летти еще меньше.

— Не знаю, куда это ты направился, Сирил, — сказала она. — Сегодня воскресенье. И вообще я хочу домой.

— Ну, и иди. Вон Эмили пойдет с тобой.

— Ха! — воскликнула Эмили. — Считаешь, что я уже раздумала повидать миссис Эннабел.

Я пожал плечами, а, Джордж покрутил усы.

— Ладно. В конце концов мне все равно, — заявила Летти.

И мы все двинулись гуськом. Нам пришлось проходить мимо целого ряда уродливых домов, выстроившихся рядом с шахтой. Все черные, покрытые копотью. У каждого дома был только один вход, из палисадника с жалкой растительностью. Ничего другого ожидать не приходилось, ведь вся дорога покрыта копотью, угольной пылью и золой.

На середине улицы, однако, мы увидели толпу женщин с ребятишками, без головных уборов, с голыми руками, в белых передниках и черных воскресных платьях. Двое мужчин прислонились к стене и громко смеялись. Женщины махали руками, что-то вопили, обращаясь к маленькой фигурке, засевшей на крыше соседнего дома.

Эмили и Летти слегка отстали.

— Посмотри, да это же плутишка Сэм! — изумился Джордж.

Действительно, за трубой прятался мальчишка в рубашке с закатанными рукавами. Я сразу узнал его рыжую голову. Он был босиком и теперь подбирался к самому краю крыши, при этом на ходу всем показывал нос и что-то насмешливо выкрикивал. Сэм вдруг сел, почти потеряв равновесие, а толпа качнулась, женщины снова завизжали.

К ним уже спешил деревенский констебль. Его тонкая шея торчала из мундира. Он потребовал, чтобы ему доложили о причинах переполоха.

Немедленно вперед выступила женщина с яркими карими глазами и родимым пятном на щеке, она схватила полицейского за рукав.

— Снимите его, снимите и высеките розгами, как следует, — завопила она.

Полицейский отодвинул ее в сторону и попытался лично выяснить, в чем дело.

— Я его, мерзавца, в порошок сотру, — продолжала вопить женщина, — вот только поймаю. Маленькому негодяю не место среди честных людей, ворюга, бесенок...

Это все, что она могла сказать.

— В чем же дело? — перебил ее тощий констебль. — Что произошло?

— Что произошло?!.. Пускай только спустится вниз, он у меня дождется, негодяй...

Сэм, увидев, что она смотрит на него, скорчил рожицу, чем вызвал такой поток яростной ругани, что Летти и Эмили задрожали от испуга.

В окне спальни показалась голова матери. Она высунулась, безуспешно стараясь рассмотреть, что происходит. Выглядела как обычно, слезы уже давно высохли на ее бледном лице. Она так сильно вылезла из окна, что была опасность вывалиться оттуда.

Мужчины раскачивались на каблуках, смеялись и кричали:

— Ну, поймай его, Полли, поймай!

Сквозь смех и возмущенные крики толпы прорезался горестный голос матери:

— Слезай, мой утенок, иди сюда, иди к мамочке. Они не посмеют тронуть тебя. Послушай свою мамочку. Сэм, Сэм, Сэм! — Она кричала все громче и громче.

— Сэмми, Сэмми, иди к своей мэ-э-э-ме, — кричали остряки.

— Неужели ты не придешь к своей мамочке... мой утенок?.. иди, иди, спускайся вниз!

Сэм посмотрел на толпу, потом в ту сторону, откуда раздавался голос матери. Он готов был заплакать. Крупная женщина с большим стальным гребнем в волосах крикнула:

— Тебе сейчас попортят лицо.

И, подстрекаемая косоглазой женщиной с родимым пятном, она стала ругать и оскорблять его. Маленький негодник в ответ схватил кусок известки и запустил им в крикунью, в ту же секунду он раскололся о большой стальной гребень на мелкие осколки. Вследствие этого на голове владелицы гребня обнажилась плешь, что привело к всеобщему смущению. Полицейский — я даже представить себе не мог, каким он тощим выглядел без мундира дома, — сжал кулаки, принялся сплевывать из-под тщательно причесанных усов, потом скомандовал властным голосом:

— Эй ты, там наверху, слезай, разберемся!

Мальчик попытался забраться на самый верх крыши, чтобы затем спуститься с другой стороны. Немедленно мальчишки понеслись туда с воплями. Теперь уже на крышу полетели куски красного обожженного кирпича. Сэм спрятался за печной трубой.

— Я попал в него! — орал один из маленьких бесенят. — Я попал!

Град камней полетел вниз, задевая женщин и полицейского. Мать выскочила из дома и с яростью набросилась на тех, кто бросался камнями. Она поймала одного сорванца и повалила его на землю. Остальные немедленно стали обстреливать ее чем попало. Потом Джордж, полицейский и я принялись ловить юных негодяев, а женщины побежали посмотреть, что будет с их отпрысками. Нам удалось поймать двух парней где-то в возрасте четырнадцати лет и передать их полицейскому. Ватага быстро разбежалась.

Когда мы вернулись на поле битвы, Сэма там не оказалось, он тоже сбежал.

— Удрал, паршивец, — орала косоглазая женщина, — надо запереть его в тюрьму за такие проделки.

В это время группа миссионеров вышла из церкви и показалась в начале улицы. Они пели религиозные песни. Женщины на улице стали громко подпевать им, так как звучала

знакомая всем песня «Даже тогда, когда солнце село». Все поспешили влиться в процессию, кроме полицейского с двумя пленниками, а также косоглазой женщины и той, у которой был стальной гребень в волосах. Я посоветовал блюстителю закона освободить мальчишек и выяснить, что же все-таки произошло.

После чего я поинтересовался у косоглазой женщины, в чем дело.

— Наша крольчиха принесла бы нам большие доходы, если бы ее не сожрали, — заявила она, заходясь в злобе.

— А благодарить, — добавила обладательница стального гребня, — надо нашу кошку, которая все раскопала. Будь она трижды благословенна.

— Она раскопала кролика? — спросил я.

— Нет, от него ничего не осталось, кроме шкурки... ее уже все видели.

— Когда это произошло?

— Этой ужасной ночью... мы обнаружили голову и заднюю часть в этой грязной кастрюле... могу показать, кстати... я прихватила это в качестве вещественного доказательства, правда, Марта?

— Крольчиха была такая жирная... Эх, я бы ему башку свернула, только попадись он мне в руки.

Наконец я выяснил, что Самуэль украл самую большую, длинноухую крольчиху из загончика в угольном сарае, принадлежащем косоглазой леди, освежевал ее, закопал шкурку и принес свою добычу матери под видом пойманного в силки дикого кролика. Эта крольчиха и составила праздничный воскресный ужин семьи Эннабел; к несчастью, кое-что оставили еще на понедельник, так появилось вещественное доказательство совершенной кражи.

Владелица крольчихи предположила, что та сбежала. Сия мирная догадка была разрушена благодаря стараниям кошки, ну, а животное принадлежало обладательнице стального гребня. Кошка копалась в садике возле дома, где обитало семейство Эннабел, и разрыла там бело-коричневую шкурку крольчихи, после чего все неприятности и начались.

Косоглазая женщина не была настроена так уж свирепо. Я поговорил с ней по-приятельски, одновременно взывая к ее женской доброте. Своему голосу я попытался придать как можно больше печали.

В конце концов она сжалилась чисто по-матерински над несчастной семьей. Я оставил ей полкроны и заодно успокоил также обладательницу стального гребня. После чего поспешил удалиться, унося с собой кастрюлю с остатками злополучной крольчихи и направляясь к коттеджу вдовы, где Джордж с девушками уже поджидали меня.

Дом находился в очень прискорбном состоянии. В кресле-качалке сидела мать, раскачиваясь, с грустным видом. Все ее возбуждение улеглось. Летти нянчила одного маленького ребенка, Эмили — другого. Джордж курил трубку с невозмутимым видом. Кухня была забита народом. На столе не было места, чтобы поставить кастрюлю. Поэтому я собрал чашки и блюдца из-под чая и поставил кастрюлю на заляпанную чайную скатерть. Четверо ребята сидели раздетые и в слезах. Как только я вошел, один из них, забравшись под стол, начал хныкать, поэтому я дал ему карандаш с выдвигаемым стержнем, который не работал.

При виде кастрюли мать оживилась. Она снова заплакала, приговаривая:

— Никогда бы не подумала, что он опустится до кражи чужой старой крольчихи. Как это неприятно! Ужасно, что он вор. А меня они обругали самыми последними словами. И

как только у них язык поворачивается?! Отобрали мои кастрюли. Эту кастрюлю я привезла из самого Ноттингема. Когда родилась моя Минни.

Тут заплакал малыш. Мать встала и взяла его на руки.

— О, успокойся, успокойся, моя радость. Ну почему, почему они такие? Да, конечно, мой ребенок набедокурил, но он ребенок своей несчастной матери. Успокойся, успокойся, ну, что случилось, малыш?

Она утешала плачущего ребенка и заодно себя. Наконец она спросила:

— А полицейский ушел?

— Да... все в порядке, — успокоил я ее.

Она глубоко вздохнула и посмотрела такими глазами, что на нее без боли нельзя было смотреть.

— Сколько лет вашей старшей?

— Фанни? Четырнадцать. Она сейчас в услужении у Уэбстеров. Потом идет Джим. Ему будет тринадцать в следующем месяце. Он работает на ферме у Флинтов. Они еще мало умеют. Я ни в коем случае не позволю им идти работать на шахту, думаю, все же сумею повлиять на них. Мой муж всегда говорил, что им ни в коем случае нельзя работать шахтерами.

— Вряд ли они смогут вам особенно помочь.

— Они делают, что могут. Но это тяжелая работа, растить их. Жалкие гроши. Всего пять шиллингов от сквайра. Очень тяжело. Совсем не так было, когда муж был жив. Лучше бы мне умереть. Даже не представляю себе, как я смогу вырастить их. Господи, я хотела бы умереть вместо него. Никак не могу понять. Он был такой сильный, такой здоровый. И вот покинул нас. Настоящий мужчина, один на тысячу. Истинный джентльмен. Лучше бы Господь прибрал меня. Потому что я знаю, как тяжела жизнь. Я стояла у дверей, когда дети спали, и смотрела на этот пруд возле шахт, и увидела свет. Я знала, что это он. Потому что вчера как раз была наша годовщина свадьбы. И я сказала ему: «Фрэнк, это ты, Фрэнк? Со мной все в порядке. Все будет хорошо», — и он ушел. Как будто уходил обратно в свой лес. Я знаю, это был он, видно, не может найти покоя, думает, как мне тяжело...

Через некоторое время мы ушли, пообещав зайти снова и позаботиться о безопасности Сэма.

Было довольно темно, зажгли свет в домах. Иногда слышался шум машин.

— Ну, не жестоко ли? — спросила Эмили.

— Какое негодяйство со стороны мужчины — жениться на такой женщине, — добавила Летти с решимостью.

— Изречение леди Кристабел, — сказал я, после чего воцарилась тишина. — Полагаю, он не знал, что делает.

— Я думала, ты пойдешь к своей тетушке, в гостиницу «Баран», — сказала Летти Джорджу, когда мы оказались на перекрестке.

— Не сейчас... уже поздно, — ответил он тихо. — Пойдем нашей дорогой, ладно?

— Хорошо, — ответила она.

Потом мы поели хлеба с молоком на ферме, а отец пересказал нам свою грустную историю, поделился соображениями по поводу переезда из старого дома. Он был чистойшей воды романтик: всегда находил яркие краски в монотонности жизни. Боготворил прошлое, любил настоящее. Казалось, он успокоился, потерял интерес к жизни, законсервировавшись в своем среднем возрасте. Но вдруг неприятности на ферме, проблемы его детей как бы

зарядили его новой энергией. Он прочитал много книг по сельскому хозяйству, затем принялся за современные романы, а в конце концов сделался отъявленным радикалом, почти социалистом. Случайно его письма напечатали в газетах. Он снова почувствовал вкус к жизни.

За ужином он с энтузиазмом рассуждал о Канаде. Его краснощекое лицо светилось, его тучное тело дрожало от возбуждения. Смотреть на него было одно удовольствие. Его слова, в принципе весьма обычные, звучали тепло и были полны юношеских надежд. Он был очень симпатичен мне. В свои сорок шесть лет он казался куда оживленной Джорджа, счастливей его и гораздо оптимистичней.

— Эмили не хочет уезжать с нами... что ей делать в Канаде? — сказала жена. — Ей не хочется до конца своих дней прозябать на ферме, не видя ничего, кроме скота.

— Ну-ну, — ласково сказал отец, — зато Молли будет изучать молочное хозяйство, а Дэвид примет со временем от меня дела, когда я начну сдавать. Возможно, нам придется трудновато, но потом мы наверняка станем думать, что это было самое лучшее время в нашей жизни.

— А ты, Джордж? — спросила Летти.

— Я не еду. Чего ради мне ехать? В конечном счете ничего путного там меня не ждет, разве только долгая жизнь. Это как здешний июньский день — длинный напряженный рабочий день, после которого хорошо спится. Но ведь работа и сладкий сон, а также покой и комфорт — всего лишь половина жизни. Но этого мало. Чего я хочу? Хочу жить, как цветок.

Его отец смотрел на него печально и задумчиво.

— А я вот понимаю все иначе, — сказал он с грустью. — Мне кажется, что ты вполне можешь жить там своей собственной жизнью, быть независимым и думать о чем угодно, а главное, ни о чем не беспокоиться. Если бы я мог жить так...

— Мне хочется от жизни большего, — засмеялся Джордж. — Знаешь? — он повернулся к Летти. — Знаешь, я собираюсь стать богатым, чтобы делать все, что захочу. Интересно посмотреть, на что похожа такая жизнь. Хочу попробовать ее. Пожить в городах. Хочу знать, на что я способен. Я стану богатым... или, по крайней мере, попытаюсь.

— Будешь молиться, чтобы тебе это удалось? — спросила Эмили.

— Сначала я женюсь... а там посмотрим.

Эмили презрительно засмеялась:

— Еще посмотрим на это начало.

— Ах, да ты не слишком мудр! — сказал отец грустно... Потом, смеясь, сказал, обращаясь доверительно к Летти: — Через год Или через два он вернется ко мне, вот увидишь.

— Я мог бы поехать туда сейчас, — сказал я.

— Если бы ты это сделал, — сказал Джордж, — я бы поехал вместе с тобой. Но только безумно не хочется превращаться в тупого жирного дурака, как мои быки.

Когда он говорил, Джип вдруг разразилась лаем. Отец поднялся из-за стола, чтобы узнать, в чем дело. Следом вышел и Джордж. Трип, здоровенный бультерьер, поспешил из дома, потрясая стены домов своим рычанием. Мы увидели, как наша белая собака мелькнула во двореке, потом услышали возню в курятнике и визг со стороны сада.

Мы поспешили туда и увидели, что на берегу лицом вниз лежит маленькая фигурка, а над ней стоит Трип, несколько озадаченный.

Я поднял ребенка. Это был Сэм. Он сразу стал сопротивляться, но я отнес его в дом. Он

вертелся, как дикий заяц, пинался ногами, потом наконец затих. Я посадил его на коврик, чтобы осмотреть. На нем были залатанные брюки, явно ему маленькие, и пиджачок, превратившийся в лохмотья.

— Он хватанул тебя? — спросил отец. — Куда он тебя укусил?

Ребенок молчал, его маленькие бледные губы были плотно сжаты, глаза ничего не выражали. Эмили опустилась перед ним на колени, приблизила к нему лицо и сказала ласковым голосом:

— Он покусал тебя, да?.. Скажи нам, куда он тебя укусил.

Она попыталась его обнять, но тот вырвался.

— Посмотри, — сказала Летти. — Вот здесь ранка. Видишь, кровь течет? Принеси-ка воды, Эмили, и чистые тряпки. Давай, Сэм, я осмотрю тебя и перевяжу. Давай, давай.

Она принялась стаскивать с мальчика убогую одежонку. Трип тянул его за бедро, прежде чем осознал, что имеет дело с ребенком. Однако рана была значительная. Летти ее промыла и наложила целебное снадобье. На теле мальчика обнаружилось несколько царапин, ссадин и синяков. Очевидно, он переживал трудные времена. Летти снова его одела. Он относился к своему пребыванию здесь как к ловушке. Точь-в-точь дикий кролик. Смотрел на нас, не раскрывал рта, только поскуливал тихонько.

Когда Летти надела на него рубашонку и брючки, Эмили решила приласкать малыша и отвести его в дом. Она поцеловала его и заговорила с ним нежно. Казалось, он слушал ее. Тогда она попыталась накормить его хлебом с молоком прямо с ложки, но тот не открывал рта и отворачивал голову.

— Оставь его... не обращай на него внимания, — велела Летти, усадив мальчика возле камина и поставив возле него миску с хлебом и молоком. Эмили достала двух котят из корзинки и тоже положила рядом с ним.

— Интересно, сколько яиц он успел слопать, — заметил отец с веселым смехом.

— Да неважно! — сказала Летти. — Когда вы собираетесь в Канаду, мистер Сакстон?

— Следующей весной, раньше, пожалуй, не получится.

— А когда ты женишься? — спросила Летти у Джорджа.

— Раньше... о, гораздо раньше, — ответил он.

— А почему такая спешка?.. Когда это будет?

— А ты когда выходишь замуж? — спросил он в свою очередь.

— Не знаю, — ответила она, поставив на этом разговоре точку.

— Тогда и я не знаю, — сказал он, взяв большой кусок сыра и откусив от него немного.

— Вроде намечено на июнь, — все-таки уточнила она, придя в себя, поскольку почувствовала надежду в его голосе.

— Июль! — почему-то воскликнула Эмили.

— Папа, — проговорил он, держа перед собой кусок сыра, было очевидно, что он нервничает, — а ты советуешь мне жениться на Мег?

Отец привстал и сказал:

— Ты хорошо подумал?

— Да, все обдумал.

— Ну... если это тебе подходит...

— Она моя троюродная сестра...

— Коли ты решил, думаю, это тебе не помешает. У нее и много денег, и если она тебе нравится...

— Нравится, с этим все в порядке... Хотя я не поеду с ней в Канаду. Останусь в «Баране» до конца своей жизни.

— Не очень-то привлекательная жизнь! — произнес отец раздумчиво.

Джордж рассмеялся.

— Немного противно! — согласился он. — Но сойдет. Для того чтобы мне выжить в Канаде, понадобились бы Летти и Сирил.

Все были удивлены этим заявлением.

— Ну, — сказал отец, — я полагаю, мы не можем получать все, чего захотим... обычно приходится мириться с тем, что имеешь... правда, Летти? — Он засмеялся.

Летти покраснела от возмущения.

— Не знаю, — сказала она. — По-моему, можно получить все, что пожелаешь, стоит очень захотеть. Конечно... если ты не противишься этому...

Она поднялась и пошла через комнату к Сэму. Он играл с котятками. Один царапал лапкой его большой палец ноги, торчавший из носка. Мальчик дразнил им котенка. Щекотал его и затем убирал ногу. Котенок наскакивал, пытаясь укусить. Мальчик смеялся, позабыв о нас. Вскоре котяткам наскучила забава, и они убежали. Летти потрясла своими юбками, и оба игривых зверька устремились за ней, цепляясь за мягкую ткань и катаясь кубарем по полу. Через минуту котята уже забрались в свою корзину и уснули там. Почти тут же задремал и Сэм.

— Лучше ему идти спать, — сказал отец.

— Положи его на мою кровать, — велел Джордж. — Дэвид будет недоумевать, что произошло.

— Пойдешь спать, а, Сэм? — спросила Эмили, нежно протягивая к нему руки. Но он все равно испугался и спрятался за спину Летти.

— Ступай, — приказала она и, схватив его, быстро раздела. Потом взяла на руки. Его босые ножки свешивались вниз. Задремав, он опустил голову ей на плечо, обхватив девушку за шею.

Она прикоснулась лицом к его взъерошенной рыжей головке и так постояла тихо некоторое время. Может быть, ей казалось, что она выглядит очень привлекательно. Делалось это явно ради Джорджа, которому нравилось в ней все. И особенно ее достоинство, величие, ее нежность. Все это время Эмили стояла со свечой и ждала.

Вокруг распространялась какая-то удивительная нежность.

«Так, — сказал я себе, — если Джордж спросит ее снова о замужестве, он поступит мудро».

— Сэм спит, — тихо сказала она.

— Думаю, мы можем пока оставить его у себя, а, Джордж? — спросил отец. — А? Давай оставим его у себя, пока мы здесь...

— Ох... бедный мальчишка! Да... ему лучше здесь, чем в другом месте.

— Ах, ну конечно! Вы молодцы, — воскликнула Летти.

— По-моему, ему все равно, — сказал отец.

— Абсолютно, — подтвердил Джордж.

— А что скажет его мать? — спросила Летти.

— Я зайду к ней и поговорю утром, — сказал Джордж.

— Обязательно, — сказала она. — Зайди и поговори.

Потом стала одеваться, готовясь уходить. Он тоже надел кепку.

— Прогуляемся немножко, Эмили? — спросил я.

Она побежала, смеясь, блестя глазами, и мы ринулись в темноту.

Мы подождали их у деревянных ворот. И долго не знали, что сказать друг другу, наконец Летти проговорила:

— Ну... становится прохладно... трава мокрая... Спокойной ночи, Эмили.

— Спокойной ночи, — произнес он с сожалением, в его голосе слышались одновременно и нерешительность и какое-то нетерпение.

Он постоял немного. Она поколебалась... Потом повернулась и пошла.

«Он не спросил ее, идиот!» — сказал я себе.

— А в самом деле, — заговорила она с горечью, когда мы шли по садовой тропинке. — Порой думаешь, что в замкнутых, тихих людях столько достоинств, а на поверку в них одна только тупость... в основном они все дураки.

Однажды днем спустя три-четыре дня после того, как мы обнаружили на ферме Сэма, дела осложнились. Джордж, как обычно, открыл для себя, что он зря бездельничал, зря попусту тратил время у главных ворот и не заметил, как перед его носом захлопнулись все двери. И он поспешно начал стучаться в них, ибо его переполняло желание.

— Скажи ей, — сказал он, — я приду завтра, как только закончу дойку... скажи, что я приду повидаться.

Вечером первым человеком, появившимся у нас, оказалась говорливая старая дева. Она пришла, чтобы узнать, почему наша семья не была в церкви:

— Я сказала: «Послушай, Элизабет, что-то, наверное, с ними произошло, раз они решили отложить свадьбу?» И поняла, что обязана прийти и удостоверить лично в том, что ничего особенного не случилось. Мы все интересуемся судьбой нашей любимицы Летти. Только и разговору, что о ней. Я действительно подумала, может, у вас гром грянул. И очень надеюсь, что не так. Да, мы были так рады, что мистер Темпест решил взять себе в жены девушку из наших мест. Другие, его отец, например, мистер Роберт да и все прочие брали себе жен издалека. Хотя совершенно очевидно, что жены, которых они привозили, ничего собой не представляли. Например, миссис Роберт. Ни внешности, ни манер совсем нечем похвастаться, хотя их род более старинный, чем мой. Древность рода не восполняет личных недостатков, которых у нее хоть отбавляй, в отличие от меня. О нет, все пустяки, дорогая, а какая она нелепая с этой ее прической да еще в очках! Ничего не сохранила от своей молодости. Ну, так когда же точная дата, дорогая? Одни говорят так, другие эдак, только я не доверяю всем этим разговорам. Замечательно что вы, миссис Бердсолл, выбрали для участия в свадебной церемонии столь нужного человека, как сэр Уолтер Хьютон, весьма подходящий для роли шафера! Что? Вы так не думаете... о, но я знаю, дорогая, вы что-то скрываете, вы уже все обдумали и подготовились.

Она тряхнула головой в сторону Летти, и украшения на ее шляпке запрыгали, зазвенели, точно тысяча маленьких колокольчиков. Потом она вздохнула и собралась продолжить свою песню, когда вдруг заметила в окно на тропинке мальчика, обычно разносившего телеграммы.

— О, надеюсь, ничего плохого, дорогая... надеюсь, ничего плохого! Я всегда так боюсь телеграмм. Лучше не вскрывай ее сама, дорогая... не сейчас... позволь это сделать твоему брату.

Летти, побледнев, поспешила к двери. Небо потемнело. Быть грозе.

— Все в порядке, — объявила Летти, все еще дрожа, — там только говорится, что он приезжает сегодня вечером.

— Я так рада, я так рада, — запричитала старая дева. — Могло быть гораздо хуже. Я никогда не вскрываю телеграммы без ощущения, что сейчас мне нанесут смертельный удар. Я так рада, дорогая. Ведь она могла тебя расстроить. Всякие слухи поползут по деревне, все подумают, что-то случилось! — Она снова вздохнула, и в это время прогрехотал раскат грома, как бы напоминая о том, что произойти могло всякое.

Было шесть часов вечера. Ветерок стих. И гром прозвучал относительно тихо. Джордж должен прийти примерно в семь. А старая дева не проявляла никаких признаков того, что

собирается уходить. Да и Лесли мог появиться в любой момент. Летти волновалась, беспокоилась, а старая дева продолжала свое бессвязное бормотание. Я посмотрел в окно на небо.

День был какой-то неопределенный. Утро теплое, солнышко сияло среди облаков над холмами. Потом огромную тучу принесло с северо-запада, и она закрыла небо. Стемнело. Хлынул дождь. Потом солнце снова улыбнулось нам. Залитая солнечным сиянием, к нам и заявила старая дева. Пока мы беседовали, над вершиной холма снова появилась большая темная туча, медленно наползая на нас. Первая предвестница грозы прошла стороной, небо опять очистилось.

— Я пойду, пожалуй, схожу в Хайклоуз, — сказала Летти. — Уверена, скоро грянет гроза. Пойдемте со мной, мисс Слайтер, если нам по пути, или вы не возражаете, если я оставлю вас?

— Я пойду, дорогая, раз ты думаешь, что скоро будет гроза. Я так ее боюсь. Хотя, может, мне лучше переждать...

— О, раньше, чем через час, гроза не разразится, я уверена. Мы хорошо умеем предсказывать погоду, правда, Сирил? Так вы пойдете со мной?

Мы вышли втроем. Старая сплетница семенила посередине вприпрыжку. Она была страшно довольна, что получила от Летти полную информацию по поводу ее будущей жизни в новом доме. Мы оставили ее, улыбающуюся, на шоссе. Однако тучи надвигались, наступали двумя флангами. Маленькая старая дева заспешила во всю прыть, но черные тучи закрыли небо. Резкий порыв ветра закачал деревья и стал рвать с ее шеи платок.

Ледяная дождевая капля ударила в щеку. Старая сплетница торопилась, жарко молясь о том, чтобы сберечь свою шляпку и успеть до дождя добраться до дома вдовы Гарриман. И тут гром прогреготал ей прямо над ухом. Сильный ветер дул в лицо. В отчаянии она бежала между ясеневыми деревьями. Добежала до ворот вдовы, и сразу недалеко от нее ударила молния.

— Мне бы хоть в какое-нибудь укрытие, хоть в погреб! — запричитала она. — Где тут погреб?

Дико озираясь, она увидела призрак. Это было отражение святой, то бишь старой девы Хильды Слейтер, в зеркале. Растрепанное отражение со слетевшей шляпкой, с космами каштаново-седых волос. Призрак инстинктивно обернулся, тряхнув седой головой, и быстро нырнул в погреб, как в могилу.

Мы вернулись домой, чтобы переждать грозу, и очень боялись прихода Джорджа. Потом снова вышли и двинулись сквозь мокрую мглу. Было хорошо, прохладно, туман уже поднялся над Неттермером, закрывая дальний берег, где росли высокие деревья, словно рощи вдоль Нила. Листва становилась еще более зеленой. Повсюду раздавалось пение птиц. Глядя на воду, я задумался на миг. С запада надвигался туман, он лизнул берег. В белом мареве скорбно раздавался шум водопада. Мы медленно брели по дороге вслед за тяжелой телегой, тащившейся среди деревьев. Лошадь волокла ее изо всех сил. Мы пробирались черными тропинками, усыпанными цветами ясеня, сбитыми дождем, над головой проплывало огромное облако зеленой сикоморы. У подножия холма, где дорога делала неожиданно резкий поворот, я остановился, чтобы сбить гроздь винограда с лиственницы, ее мягкие шишечки налились, как малина, и были сплошь в лепестках, как цветочки. Задетая ветка обдала меня холодным душем. Прохладные капли воды будто просочились мне в кровь и остудили ее.

— Слышишь? — воскликнула Летти, я поспешно вытер лицо. Вдали послышался шум автомобиля. Тяжелая телега остановилась на дороге, чтобы лошадь могла передохнуть, и извозчик теперь спешил убрать телегу, чтобы пропустить машину. Летти замерла с выражением ужаса на лице. Лесли заметил ее и стал резко крутить руль, надеясь развернуться и поехать к дому другой дорогой. Автомобиль рванул на всей скорости вниз. Грязь поскрипывала под колесами, а машина мчалась уже в Неттермер. И тут она врезалась в старую каменную стену. На некоторое время мне показалось, что я ослеп. Когда я смог видеть снова, Лесли лежал поперек развороченной стены, голова бессильно откинута, лицо окровавлено. Автомобиль навис над водой, поскольку его вынесло от удара на берег. Можно было подумать, что он решил утопиться и навсегда обрести покой на дне.

Летти вытирала кровь с его лица лоскутом, вырванным из нижней юбки. Она сказала:

— Он не умер... надо оттащить его домой... давай быстрее.

Я подбежал, оторвал дверцу от машины и уложил Лесли на нее. Ноги волочились по земле, но мы тащили его изо всех сил. Я старался поддерживать ему голову. Вдруг она попросила меня остановиться и опустить его на землю. Я подумал, что для нее это слишком тяжелая ноша. Но причина была в другом.

— Не могу смотреть, как его руки задевают кусты.

До дома оставалось еще несколько ярдов. Тут служанка увидела нас и кинулась в нашу сторону, потом ринулась обратно, точно испуганный чибис-пигалица от раненой кошки.

Мы дождались прихода доктора. На голове сбоку виднелась глубокая царапина. На щеке — порез, обычно такие оставляют шрам. Ключица сломана. Я сидел подле него, пока он не пришел в сознание. «Летти», — прошептал он.

Ему нужна была Летти, следовательно, ей придется оставаться в Хайклоузе всю ночь. Я отправился домой, чтобы рассказать все маме.

Уже лежа в кровати, я смотрел на освещенные окна Хайклоуза, и огоньки плыли ко мне сквозь туман по воде. Кедр темным часовым стоял перед домом. Ярко освещенные окна напоминали звезды. И, как звезды, ярко горели. Небо сверкало огоньками. Они слишком далеко, чтобы нам волноваться из-за них. Такие маленькие точки, будто на самом деле и не существуют. Гигантская бездна дышала, клокотала над головой. А звезды — всего лишь искорки в беспокойном небе. Земля слушала нас. Она покрыла лицо тонкой вуалью тумана. Она грустила. Она нежно впитывала нашу кровь в темноте, горюя, и на свету ласкала нас и успокаивала. Здесь, на земле наши привязанности и надежды. А небо — это, по сути, ничто, обычное расстояние.

Коростель что-то кричал мне чрез долину, он все кричал и кричал со спящих, покрытых туманом лугов, засыпая меня вопросами и ответами. Этот монотонный голос, который еще прошлым летом казался таким приятным, таким романтичным, теперь был мне невыносим. Какофония ночи, и выделяющийся из нее странный голос рока, монотонно вещающий о чем-то во мраке.

Утром Летти пришла домой грустная. Спустя некоторое время за ней пришли снова, поскольку Лесли хотел ее видеть.

Когда вечером я отправился повидаться с Джорджем, тот находился в очень подавленном состоянии.

— Сейчас не совсем подходящий момент, — сказал я. — Тебе следовало быть понастойчивее и позаботиться о своих чести и достоинстве.

— Да... пожалуй, — сказал он в своей обычной ленивой манере.

— Я мог повлиять на нее... она была бы с тобой. Она не бросит его, пока он не окреп, а он женится на ней до этого. Ты должен был бы найти в себе мужество и рискнуть... ты всегда слишком осторожничаешь. Ты постоянно думаешь о своем плохом настроении, о дурных предчувствиях... и никогда не бросаешься в омут с головой, а зря. Ты бережешь свои чувства, но все равно что-то теряешь... Эх, жаль, что ты не смог.

— Понимаешь, — начал он, не поднимая глаз, и я посмеялся над ним.

— Продолжай, — сказал я.

— Ну... ведь она обручена с ним...

— О... ты считаешь, что слишком хорош для того, чтобы быть отвергнутым.

Он побледнел, а когда он был бледен, загар на его лице выглядел болезненно. Он смотрел на меня темными глазами, в которых застыло отчаяние, неподдельное отчаяние.

— Вот такой расклад, — закончил я, дав волю своему гневу, который мгновенно улетучился. Больше никакие мысли по этому поводу не возникали. Я перестал жалеть своего друга. Буря на море улеглась. Я успокоился.

Какое-то время Лесли был очень болен. У него обнаружили воспаление мозга, правда, в легкой форме, и лихорадку. Летти большую часть времени проводила в Хайклоузе.

Однажды в июне он лежал, отдыхая, в шезлонге в тени кедра, а она сидела рядом с ним. Это был солнечный знойный день, когда воздух неподвижен, когда он словно изнемогает от лени, и все вокруг выглядит таким апатичным и вялым.

— Тебе не кажется, дорогой, — вдруг заговорила она, — что нам лучше не жениться?

Он занервничал и приподнял голову. Бледное его лицо покраснело. Он выглядел озабоченным и задумчивым.

— Хочешь сказать, что нам лучше пока подождать с этим?

— Да... и может быть... не вступать в брак вообще.

— Ха, — засмеялся он, снова опустив голову. — Наверное, я начинаю выздоравливать, раз ты опять начинаешь мучить меня.

— Но, — сказала она, — я не уверена, что должна выходить за тебя замуж.

Он снова засмеялся, хотя и был озадачен.

— Ты боишься, что я теперь буду слаб головой? — спросил он. — Подожди месяц.

— Нет. Это как раз меня не беспокоит...

— О, не беспокоит!

— Глупый мальчик... Причина во мне.

— Вроде я никогда не жаловался на твой характер.

— Видишь ли... я бы хотела, чтобы ты оставил меня.

— Разве такой сильный мужчина, как я, не способен удержать тебя? Посмотри на мою мускулистую лапу! — он протянул руки, тонкие и бледные.

— Ты же понимаешь, что удерживаешь меня насильно... а я бы хотела, чтобы ты меня отпустил. Я не хочу...

— Чего?

— Вообще выходить замуж... позволь мне поступить по-своему, оставь меня.

— Чего ради?

— Ради меня самой.

— Хочешь сказать, что не любишь меня?

— Любишь... не любишь... я ничего об этом не знаю.

— Но я не могу... мы не можем... неужели ты не видишь?... Ну, как это говорят... мы с

тобой плоть от плоти. Почему? — прошептал он, словно ребенок, которому рассказали страшную сказку.

Она смотрела на него, лежащего в шезлонге, на его бледное, вспотевшее, испуганное лицо ребенка, который ничего не понимает, а лишь напуган и вот-вот заплачет. И тут ей на глаза навернулись слезы, она заплакала от жалости и отчаяния.

Это его встревожило. Он поднялся, уронив матрасик на траву:

— Что случилось, что случилось! О, Летти... это из-за меня?.. Я тебе не нужен?.. Так ведь?.. Скажи мне, скажи мне, скажи мне. — Он схватил ее за запястья, стараясь оторвать ее руки от лица. Слезы катились по его щекам. Она почувствовала, как он дрожит, звук его голоса насторожил девушку. Она поспешно смахнула слезы, выпрямилась и обняла его. Он уткнулся ей в плечо и по-детски всхлипывал. Так они плакали оба. Потом прекратили, устыдившись, что кто-нибудь может их увидеть. Она подняла матрасик. Заставила его лечь, устроила поудобней. То есть она нашла себе занятие. А он вел себя, как больной, капризный ребенок. Откинулся на ее руку и смотрел ей в лицо.

— Ну, — сказал он, улыбаясь. — Из-за твоих капризов нам трудно приходится. И что за удовольствие мучить меня, моя маленькая Schnucke?

Она приблизила свое лицо к нему, чтобы он не видел ее дрожащих губ.

— Мне бы хотелось стать снова сильным, кататься на лодке, ездить на лошади... с тобой. Думаешь, я окрепну за месяц? Стану сильнее тебя?

— Я надеюсь, — сказала она.

— Я не верю тому, что ты говорила. Я верю, что нравлюсь тебе, ведь ты можешь прилечь рядом и погладить меня, правда, добрая девочка?

— Когда ты хороший, я все могу.

— Ну, тогда через месяц я стану сильным и женюсь на тебе, мы уедем в Швейцарию. Слышишь, Schnucke, ты не сможешь больше капризничать. Или ты снова хочешь уйти от меня?

— Нет... Только у меня рука затекла, — она вытащила руку из-под него, встала, повертела ею, улыбаясь, потому что было и впрямь больно.

— О, моя дорогая, прости! Я скотина, дурак, я скотина. Я хочу снова стать сильным, Летти, и больше никогда не поступлю так.

— Мой мальчик... ничего страшного. — Она улыбнулась ему.

Глава V

УХАЖИВАНИЕ

В один из воскресных вечеров во время болезни Лесли я отправился на мельницу и встретил Джорджа. Он шел через двор с двумя ведрами помоев, одиннадцать поросят спешили следом за ним, визжа от предвкушения еды. Он вылил пойло в корыто, и десять носов разом уткнулись в него. Десять маленьких ртов принялись чавкать. Хотя места для всех вполне хватало, они отпихивали друг друга и боролись за то, чтобы захватить побольше места. Маленькие ножки толкали корыто и расплескивали пойло. Все десять хрюшек хлюпали носами, двадцать маленьких глаз были налиты яростью. Они были злы. Несчастный одиннадцатый поросенок пытался сунуться к пойлу, но его отпихивали, зажимали, кусали за уши. Тогда он поднял рыльце и горестно завизжал, глядя в вечернее небо. Остальные десять поросят только наострили уши, чтобы понять, нет ли в этом звуке для них опасности, и снова начали чавкать, хлюпать, расплескивать пойло.

Джордж посмеялся, но в конце концов решил вмешаться. Пинками отогнал десять поросят от пойла и допустил к нему одиннадцатого. Этот маленький негодяй почти что всхлипнул с облегчением и, чавкая и рыдая, стал заглатывать пойло, подняв глазки вверх, при этом не обращая внимания на отчаянный визг остальных десяти, которых отгонял от пойла Джордж. Этот едок-одиночка опустошил корыто, потом поднял к небу глаза с выражением благодарности, преспокойно отошел. Я ожидал увидеть, что весь голодный десяток набросится на него и разорвет. Но они этого не сделали. Они заспешили к пустому корыту и, потеревшись о дерево носами, горестно завизжали.

— Как это похоже на нашу жизнь, — засмеялся я.

— Отличный выводок, — сказал Джордж. — Их было четырнадцать, только эта мерзавка Цирцея пришла и сожрала троих до того, как мы успели ей помешать.

Огромная уродина подошла поближе, пока он говорил.

— Почему же вы не зарезали эту сволочь? Такие мерзости не должны существовать на земле.

— Не-а... Она отличная свиноматка.

Я фыркнул, он засмеялся, а старая свиноматка отнеслась к этому, видимо, благосклонно и, когда проходила мимо, ее маленькие глазки воззрились на нас с выражением демонической плотоядной злобы.

— Что будешь делать вечером? — спросил я. — Идешь куда-нибудь?

— Я отправляюсь ухаживать, — ответил он улыбаясь.

— О!.. Хотел бы я быть на твоём месте.

— А ты тоже можешь прийти... Укажешь мне на мои ошибки, поскольку ты специалист в таких делах.

— А разве ты не умеешь? — спросил я.

— О, конечно, это довольно легко, когда тебе все равно.

По крайней мере, всегда есть возможность получить свой «Джонни Уокер». Это самое лучшее, что я нахожу в ухаживании в гостинице «Баран». Пойду переоденусь, решил я.

На кухне сидела Эмили и что-то шила на большой старой ручной машинке, стоявшей на столике возле нее. Рубашки для Сэма, предположил я.

Этот маленький мальчик, прижившийся на ферме, сидел рядом с ней, громко произнося

вслух слова из книги для чтения. Машина грохотала, как целый завод, в это время Сэм выстреливал словами, как из пистолета: «да», «нет», «баба»...

— «Папа», — поправила Эмили, отрываясь от машинки.

— Папа, — выкрикнул мальчик. — Тапки! Лапти!

Машина прекратила оглушительно стрекотать и, испугавшись собственного голоса, мальчик прекратил чтение и оглянулся.

— Продолжай! — сказала Эмили. И полезла ножницами в зубья старой машинки.

Он начал:

— Лапти, — и замолчал снова, испугавшись звука собственного голоса в тишине.

Эмили подсунула под иглу лоскут хлопчатобумажной ткани.

— Продолжай, — сказала она.

— Лапти... лапти носят, в лаптях хорошо! — выкрикнул он, вдохновленный ревом машины. — В ле-су ви-жу ли-су.

— Следующее предложение! — подзадорила Эмили.

— На тра-ве др...

— Стой! — крикнула она.

— Стой, — повторил мальчик.

Она засмеялась и наклонилась к нему:

— На дворе трава, на траве дрова. О, Сирил, я не знала, что ты здесь. Иди погуляй, Сэм. Дэвид во дворе.

— Он на заднем дворике, — сказал я, и ребенок побежал.

Вошел Джордж, который только что умылся и теперь вытирался полотенцем. Он подошел к зеркалу полюбоваться на свое отражение. Улыбнулся. Я подумал: интересно, что ему так понравилось в собственном отражении? Миссис Сакстон очень гордилась этим зеркалом. Большое, в хорошей раме, оно было все в пятнах и царапинах, смотреться в него не доставляло удовольствия. Однако Джордж продолжал улыбаться, причесывая волосы, затем усы.

— Похоже, ты себе нравишься, — заметил я.

— Я подумал, что неплохо выгляжу, в самый раз отправляться ухаживать, — ответил он смеясь. — Хотя, конечно, на зеркале столько черных пятен. Если бы в жизни было нечто такое, что скрывало бы наши недостатки...

— А мне всегда казалось, — сказала Эмили, — что эти черные пятна скрывают какие-то лица, как туман.

— И сам в этом зеркале выглядишь как призрак, — сказал он, — сразу думаешь о своих предках. Я всегда считал: когда живешь на старом месте, то водишь дружбу со своими предками.

— Правильно, — подтвердил отец. — На старом месте киснешь, поэтому я надумал перебраться в Канаду.

— А я бы лучше перебрался в пивную, — сказал Джордж. — Там гораздо больше жизни.

— Жизнь! — откликнулась Эмили с презрением.

— Правильно, девушка, — отозвался ее брат. — Это то, что нужно мне. Нам кажется, что мы знаем много, а мы не знаем ничего.

— Понимаешь, — сказал отец, обращаясь ко мне, — когда поколение за поколением живут на одном месте и ты даже гордишься этим, тогда все, что лежит вне твоего круга, начинает казаться глупым. Мы одинаково думаем, чувствуем то же самое год за годом,

потому что живем на одном месте. Говорим одни и те же слова.

— Все те же «спокойной ночи» и «благослови тебя Господь», как наши дедушки и бабушки, — засмеялся Джордж и побежал вверх. — И так же отправляемся флиртовать! — крикнул он с лестницы.

Отец тряхнул головой и сказал:

— Не могу его понять, какой-то он странный. Наверное, влюблен...

Мы пошли в сарай за велосипедами, решив на них отправиться в Греймид. Джордж зажег спичку, чтобы найти насос. И увидел большого паука в верхнем углу на стене сарая, который глядел на него.

— Как дела, приятель? — сказал Джордж, кланяясь ему. — Думаю, он похож на моего старого дедушку, — сказал он мне, смеясь и подкачивая шины на стареньком велосипеде для меня.

Выдался субботний вечер, и бар в гостинице «Баран» был полон.

— Хэлло, Джордж! Пришел поухаживать? — раздался возглас, за которым последовал вежливый кивок и приветствие «добрый вечер», обращенные ко мне, чужаку в этом баре.

— Какой красавчик, — сказал молодой парень с топорщившимися светлыми усами, и вся комната захохотала, вынимая трубки изо ртов.

Джордж сел, оглядевшись. Мужчина с черными бакенбардами сказал, что когда парень ухаживает за девушкой, то он должен набраться терпения.

В зале все снова рассмеялись. Посетители принялись рассказывать всякие истории о старой хозяйке, которая когда-то умела вправлять кости и делала это с большим искусством. Люди приходили к ней издалека, она помогала им и никогда не брала за это деньги. Однажды она заявила к доктору Фулвуду и дала ему нагоняй за то, что он позволил одному несчастному ребенку целых три недели ходить со сломанной ключицей, поскольку никак не мог ее толком закрепить. Она помогла ему, показала, как это делается, после этого все шахтеры посмеивались над доктором, и когда тот появлялся на людях, хватали себя за плечи и стонали: «О, моя ключица»...

Вошла Мег. Она бросила быстрый птичий взгляд на Джорджа и покраснела.

— Думала, ты не придешь, — сказала она.

— Уж он-то не даст тебе скучать, — весело проговорил мужчина с черными бакенбардами.

Она принесла нам стаканчики с виски и прошла по залу, подавая напитки другим мужчинам, которые восхищались ее честностью и добродушием.

Потом она убежала, а мы сели в уголочке. Мужчины беседовали на самые разные темы, вроде того, является ли Лондон морским портом или нет. Потом какой-то непризнанный художник заявил, что в мире существует только три цвета — красный, желтый и синий. И что все остальные цвета возникают от их смешения.

Это прозвучало почти как богохульство, и один завсегда поинтересовался у художника: что же, он считает, что его коричневые брюки — бесцветные? Художник сказал, что да — и тогда они чуть не подрались. Потом заговорили о силе. Джордж поспорил на пять шиллингов, что поднимет пианино, — и выиграл эти деньги. Потом все сели и стали говорить о сексе. Один мужчина принялся рассказывать интересные вещи о японских и китайских проститутках в Ливерпуле. После этого фермер стал давать советы Додду, как привести в порядок ферму, прилегающую к гостинице. Кто-то рассказывал о лошадях и поспорил по поводу крупного рогатого скота. Потом портной стал расхваливать свою

профессию. Потом пришел Билл и крикнул:

— Пора!

И зал опустел. По помещению стал разгуливать свежий ветерок, выветривающий спертый воздух, табачный дым, запах спиртного.

Виски, которое мы выпили, подействовало на нас. Мне было стыдно, что когда я протягивал руку, чтобы взять стакан или зажечь спичку, то промахивался. Руки казались чужими, ноги тоже не очень слушались меня. Словно я напоил допьяна собственное тело, правда, не отравив при этом разум, который, наоборот, стал зорко охранять меня. Джордж тоже порядком набрался. Когда он протянул руку, он уронил стакан, разлив по столу его содержимое. И все время беспрестанно смеялся. Мне тоже хотелось хихикать по любому поводу. Когда все мужчины ушли, в комнату вошла Мег.

— Иди сюда, моя уточка, — сказал он, махнув рукой, мой друг обожал благородные жесты. — Иди, сядь сюда.

— А не могли бы вы перейти на кухню? — спросила она, оглядев столы, на которых кружки и стаканы стояли в лужах жидкости среди обгоревших спичек и кучек табачного пепла на светлом дереве.

— Нет... зачем?.. Иди и сядь сюда.

Он просто не мог подняться, ноги его не держали. Я это знал и про себя посмеивался. Мне было смешно слышать его голос. Казалось, слова застревают у него за щеками. Она подошла и села рядом с ним, отодвинув маленький залитый вином столик.

— Они тут втолковывали мне, как стать богатым, — сказал он кивая головой и громко смеясь, при этом он показывал свои крепкие зубы. — А я им задам... Видишь ли, Мег, я собираюсь доказать им, что я могу разбогатеть не хуже других.

— Ну и что же ты собираешься делать?

— Подожди немного, увидишь... Они еще не знают, на что я способен... Они не знают... и ты не знаешь... Никто не знает.

— А что мы станем делать, когда станем богатыми, Джордж?

— Что делать? Я буду делать все, что захочу. Я покажу, на что я способен. Разве нет? — Он приблизил свое лицо к ее лицу, и она не отстранилась. — Вот уж погуляю. Мы все такие осторожные, вся наша семья. Боимся сами себя, боимся что-нибудь сделать не так. Я буду делать все, что захочу, моя уточка. Мне наплевать... Плевать... Вот!

Он тяжело грохнул кулаком по столу и разбил стакан. Билл вышел посмотреть, что случилось.

— Веди себя прилично, Джордж!

— Нет... Я не собираюсь никому причинять вреда... Только мне наплевать... Вот!

— Ты очень добрый, и, конечно, никому не причинишь вреда.

— Конечно, нет! Ты ведь знаешь меня, ты знаешь, Мег? Надеюсь, не считаешь, что я глупый?

— Конечно, нет, никто так не считает.

— Я знаю, *ты* так не считаешь. Поцелуй меня, красотулечка. Ты как слива! Вот я тебя укушу — и из тебя потечет красный сок. — Он играючи притворился, что кусает ее. Она засмеялась и нежно оттолкнула его. — Я тебе нравлюсь? — спросил он ласково.

— А зачем тебе это знать? — нежно проворковала она.

— Ну, ведь так? Скажи, да?

— Думаю, ты и сам знаешь, зачем говорить?

— А я хочу знать, что ты скажешь.

— Глупыш, — сказала она и поцеловала его.

— Что бы ты сделала, если бы я уехал в Канаду и оставил тебя?

— Ах, ты так не поступишь...

— А вдруг... Что тогда?

— О, я не знаю, что стану делать. Но ведь ты так не поступишь? Я знаю, не поступишь.

Ты не можешь.

Он быстро обнял ее и поцеловал:

— Нет, я так не поступлю. Я никогда не покину тебя... Это был бы ужасный грех, правда, моя уточка?

— Да, — промурлыкала она.

— Ах, — сказал он. — Какая теплая малышка, ты любишь меня, да?

— Да, — снова промурлыкала она.

И он прижал ее к себе и поцеловал, и больше не отпускал.

— Мы скоро поженимся, моя птичка... Ты рада?

Она посмотрела на него так, как будто он был важным господином. Ее любовь была столь возвышенна, что и его делала красивым.

Он катил велосипед домой рядом с собой, будучи не в состоянии ехать на нем, и я уверен, что отбил при этом себе все лодыжки педалями.

В первое воскресенье июня, когда Летти поняла, что все-таки не будет разрывать помолвку с Лесли, и когда она вернулась домой из Хайклоуза, она готова была сходить на мельницу. Мы как раз носили траур по тете, поэтому она надела платье из тонкой черной вуали и черную шляпу с длинными перьями. Когда я посмотрел на ее красивые руки, слегка просвечивающие сквозь длинные черные рукава, я остро ощутил братскую любовь к ней. Захотелось охранять ее, беречь.

Был ветреный солнечный день. Находиться в тени было вполне сносно. На открытом пространстве ветер только усиливал жару. Белые облака медленно плыли по синей небесной дороге, исчезая вдаль и унося от нас прохладную тень. Легкая хмурость ползла по воде, по лесу, по холму. Эти царственные пышные облака плыли весь день в одном и том же направлении. Из южной гавани на север. По небу летели дикие гуси. Ручей спешил, напевая свою песню, то тут, то там сворачивая, чтобы шепнуть что-то по секрету кустам, потом отскакивая от них в сторону и затягивая новую песню.

Во дворе фермы куры клевали зерно. Свиньи спали на солнышке. Я заметил белку, которая спускалась по мшистой ограде сада, перескочив на дерево с чарующим названием «золотой дождь обыкновенный». Потом она затаилась на ветке и прислушалась. Вдруг она оттуда убежала, что-то вереща про себя. Тут залаяла Джип, но я погладил ее, и она замолчала. Полагаю, ее немного раздражало непривычное черное платье Летти.

Мы тихо пошли на кухню. Миссис Сакстон только что устроила цыплят на теплой полке в камине, которую обернула куском фланели, чтобы поддержать в них жизнь, — они выглядели такими хилыми. Джордж спал, сидя за столом и положив голову на руки. Отец спал на диване, вольготно раскинувшись. Я услышал, как Эмили побежала наверх, чтобы приодеться.

— Он приходит очень поздно; проводит все время в гостинице «Баран», — прошептала мама, указывая на Джорджа. — А когда просыпается в пять часов, то не успевает как следует выспаться.

Она повернулась к цыплятам и продолжала шептать:

— Наседка бросила их сразу после того, как они вылупились. Поэтому мы принесли их сюда. Вот этот совсем слабенький, думаю, я его уже достаточно согрела, — засмеялась она.

Летти склонилась над желтенькими цыплятами, те принялись бегать по ее пальцам.

Вдруг мама издала громкий крик и бросилась к печи. Отец вскочил с дивана, Джордж сел с открытыми глазами, Летти тихо вскрикнула и вздрогнула. Прибежал Трип и начал лаять. Запахло жареным мясом.

— Номер один! — сказала мать, рассмеявшись.

Я засмеялся тоже.

— Что случилось?.. Что случилось? — спросил отец возбужденно.

— Да цыплята попадали в огонь. Я положила их на каминную полку, чтобы они согрелись, — объяснила жена.

— О Господи, не знал, что и подумать! — сказал он и снова откинулся на подушку, поскольку был в пограничном состоянии между сном и явью.

Джордж сидел и улыбался. От изумления он не мог говорить. Его грудь все еще

упиралась в стол и руки тоже, но он поднял лицо и смотрел на Летти удивленными черными глазами и улыбался ей. Волосы его были всклокочены, воротник рубашки расстегнут. Потом он медленно встал, с шумом отодвинув стул, почесался.

— Ох-х-х... — сказал он, согнув руки в локтях, потом упер их в бока. — Уж и не думал, что ты придешь сюда.

— Хотела повидаться с тобой, у меня не так уж много для этого возможностей, — сказала Летти, отвернувшись от него и снова взглянув на него.

— Конечно, — сказал он тихо. Воцарилась тишина. Мать стала расспрашивать о Лесли, она поддерживала разговор до тех пор, пока не спустилась Эмили, краснея и улыбаясь от возбуждения.

— О, вы пришли, — сказала она. — Знаете, а я обнаружила три гнезда малиновки...

— Сниму-ка шляпу, — сказала Летти, отшпиливая ее от волос, и, пока говорила, все время встряхивала волосами.

Миссис Сакстон настояла, чтобы она сняла и свой длинный белый шелковый шарф. Эмили тоже надела на голову газовый шарфик и выглядела очень красивой. Джордж отправился с нами без пиджака, без шляпы, с расстегнутым воротом рубашки, как был.

Мы прошли через сад, по старому мосту и очутились у нижнего пруда. Берег был сплошь покрыт гнездами. Там росли два куста орешника. Среди гнезд ржавели старые миски, и из земли торчали черепки. Мы подошли к котелку, торчащему прямо из известняка. Эмили заглянула внутрь, мы тоже последовали ее примеру — там были птенцы малиновки, раскрывшие свои желтые клювики так широко, что я боялся, что они не смогут закрыть их снова. Среди этих голых птенцов, которые что-то просили у нас, лежали три яичка.

— Они похожи на ирландских ребятишек, выглядывающих из своего коттеджа, — сказала Эмили ласково.

Мы прошли дальше, там валялась старая кастрюля, и в ней тоже было еще одно гнездо с шестью яйцами.

— Какие теплые, — сказала Летти, потрогав их. — Как будто чувствуешь грудь матери.

Он попробовал сунуть пальцы под кастрюлю, но места было мало, и они посмотрели друг другу в глаза и улыбнулись.

— Ты думаешь, грудь папы не такая теплая? — произнесла Эмили.

Мы увидели три кружки, брошенные под деревьями.

— Смотри, — сказала Эмили, — вон детские домики. А вы знаете, Молли выманивает у Сэма игрушки... хитрая мерзавочка.

Наша парочка снова обменялась взглядами и улыбками. Дальше у пруда, на открытом солнечным лучам пространстве, мы увидели на красном холме ходившую медленными волнами пшеницу. Над нашими головами в солнечном потоке купались жаворонки. Мы продирались сквозь высокую траву. Поле было усыпано первоцветами, желтевшими среди зеленой травы. Мы тащили за собой свои тени по полю, на короткое время застыли на солнце цветам. Воздух звенел от запаха цветов.

— Посмотрите на аптечные первоцветы, они все время смеются, — сказала Эмили и откинула назад голову, сверкая темными глазами. Летти шла впереди, наклоняясь над цветами, ступая по земле, как Персефона, вырвавшаяся на свободу. Джордж отстал от нее на несколько шагов, охотился за кем-то в траве. Вот он остановился и застыл на месте.

Бессознательно она подошла к нему, потом подняла голову, сорвав несколько маленьких травяных цветочков, и засмеялась с удивлением, увидев его так близко.

— Ах! — сказала она. — Мне казалось, я одна во всем мире... Какой прекрасный мир... какое великолепие!

— Как будто это Ева на лугу в Эдеме... и тень Адама рядом на траве, — сказал я.

— Нет... никакого Адама, — поправила она, слегка вздрогнув и рассмеявшись.

— Кому нужны улицы из золота, — сказала Эмили, обращаясь ко мне, — если у тебя есть целые поля первоцвета! Посмотри, как они ловят своими чашечками солнечный свет.

— Эти иудеи всегда думают только о золоте, о грязных барышах... они даже небеса сотворили из этого металла — засмеялась Летти и, повернувшись к нему, спросила: — Ты бы не хотел, чтобы мы стали настоящими дикарями, свободными людьми... как лесные голуби... или жаворонки... или чибисы? Не хотел бы ты летать, вертеться в небе, падать вниз и взмывать вверх снова и... ухаживать за подругой на ветру?

Она посмотрела на него. Он покраснел и опустил глаза.

— Смотри, — сказал он. — Это гнездо жаворонка.

Какая-то лошадь оставила отпечаток своего копыта в мягкой почве. Жаворонки нашли эту ямку, устлали ее мягкой подстилкой и отложили там три темно-коричневых яичка. Летти присела, чтобы разглядеть гнездышко. Он склонился над ней. Ветер колыхал головки полевых цветов, заглядывал в гнездышко, чтобы посмотреть на маленькие коричневые яички и затем унести прочь радостно. Тени от больших облаков посылали им свои послания в виде дождевых капель.

— Я хотела бы, — сказала она, — хотела бы стать свободной, как они. Если ты можешь все положить на землю и не беспокоиться ни о чем, разве ты не обрел свободу, как жаворонки?

— Не знаю, — сказал он, — почему бы и нет.

— О... а вот я не могу... знаешь, мы, люди, не можем... — И она посмотрела на него сердито.

— Почему ты не можешь? — спросил он.

— Ты знаешь, почему мы не можем, знаешь так же хорошо, как и я, — ответила она с вызовом. — Мы должны учитывать реальное положение вещей, — добавила она. Он опустил голову. Он боялся борьбы, а также боялся задавать ей вопросы. Она повернулась и пошла, сшибая ногами цветы. Он поднял цветочки, которые она забыла у гнездышка... они еще сохраняли тепло ее рук... и пошагал за ней. Она направлялась к краю поля, ее белый шарфик развевался над ней, взлетая вверх. Ведь она шла спиной к ветру.

— Тебе не нужны твои цветы? — спросил он робко.

— Нет, спасибо... они завянут еще до того, как я приду домой. Выбрось их, а то с букетом в руке ты выглядишь смешно.

Он поступил так, как она посоветовала. Они проходили возле ограды. Дикая яблоня цвела на фоне голубого неба.

— Ты мог бы нарвать мне этих цветов, — сказала она, и вдруг добавила: — Нет, я могу достать и сама, — с этими словами она потянулась и сорвала несколько розовых с белым цветочков, которые приколола к платью.

— Разве они не миленькие? — сказала она и насмешливо засмеялась, указывая на цветочки, — миленькие розовощекие лепесточки. И тычинки, как волосы блондинки. И бутончики, как губки, обещающие нечто приятное. — Она остановилась и посмотрела на него с улыбкой. Потом ткнула пальцем в завязь цветка и сказала: — А результат — дикое яблочко!

Она продолжала смотреть на него и улыбаться. Он ничего не сказал. Так они дошли до того места, где можно было перелезть через изгородь в рощицу. Она вскарабкалась наверх, держась за ветку дуба. Потом она позволила ему снять ее и опустить на землю.

— Ах, — сказала она, — тебе так нравится демонстрировать мне свою силу... настоящий Самсон! — подшучивала она, хотя именно она попросила его своим взглядом, чтобы тот взял ее на руки.

Мы вошли в тополиную рощицу. На самом краю рос вяз. Мириады черных точек утыкали ясное небо. Мириады кистей с чешуйчатыми зелеными плодами.

— Посмотри на вяз, — сказала она, — думаешь ли ты иногда о том, что дерево умирает? Знаешь, почему вяз сейчас так плодоносит?

— Нет, — сказал он с удивлением.

— Он знает, что умирает, и все свои силы бросил на то, чтобы последний раз осыпать землю своими плодами. В следующем году он умрет. Если ты будешь здесь, приходи и посмотри. Взгляни на этот плющ, милый, нежный плющ, который вцепился своими пальцами ему в горло. Дерево знает, как нужно умирать... а вот мы не знаем.

Она мучила его своими причудами.

— Если бы мы были деревьями, увитыми плющом, а не свободными людьми, живущими активной, нормальной жизнью... мы, должно быть, тоже крепко цеплялись бы за свою хрупкую жизнь, правда?

— Полагаю, что да.

— Ты, например, пожертвовал бы собой ради последующих поколений... это напоминает Шопенгауэра... да?.. Ради нового поколения, во имя любви или еще чего-нибудь?

Он не отвечал ей. Это было слишком сложно для него. Они прошли еще немного среди осокорей, с которых свешивались зеленые нити. Вышли на поляну, где росли колокольчики. Летти остановилась, заметив у ног лесного голубя. Он лежал на грудке, наполовину распластав крылья. Она взяла его в руки. Его глаза были залиты кровью.

— Он сражался, — сказал Джордж.

— Из-за... своей подруги? — спросила она, внимательно глядя на него.

— Не знаю, — уклонился он от прямого ответа.

— Холодный... совершенно холодный. Думаю, этот лесной голубь получил наслаждение от битвы... даже будучи побежденным. Полагаю, победил тот, кто должен был победить. Господи, как, наверно, здорово наблюдать их бой... как ты думаешь? — спросила она, продолжая мучить его.

— Коготки расправлены... он упал замертво с ветки, — сказал он.

— О, бедняга... он был ранен... и сидел, ждал смерти... в то время как другой чувствовал себя победителем. Тебе не кажется, что жизнь очень жестока, Джордж... а любовь — самая жестокая шутка?

Он горько засмеялся, ощутив боль от ее грудного, грустного голоса.

— Давай похороним птичку, погибшую во имя любви. Сделаем миленькую могилку.

Она выкопала ямку в черной земле и, набрав горсть колокольчиков, бросила их на мертвую птицу. Потом она забросала ямку землей и утрамбовала своими белыми руками темный глиняный холмик.

— Вот, — сказала она, потирая руками, чтобы стряхнуть землю, — мы сделали для него все, что могли. Пошли.

Он пошел следом за ней, не говоря ни слова, переполненный чувствами.

На поляне безмятежно колыхался папоротник-щитовник. Стайками росли колокольчики. На свободных местах цвели незабудки, дикие фиалки, первоцветы. Сладко пахло травой. На влажном берегу собрались золотые камнеломки, влажно блестящие и слегка приглаженные своим пастырем — улиткой.

Джордж и Летти, шли, наступая на щавель, ломая шелковый мох. Какое им дело до того, что они ломали или давили походя?

Там, где кончалась роща, начинался подъем на холм, поросший колючими старыми деревьями и дурманом. Маленькие серые лишайники держали на себе рубиновые шарики, на которые мы не обращали внимания. Какое нам до них дело, если большие красные яблоки мы отрясаем с дерева, оставляя их гнить на земле.

— Если бы я была мужчиной, — сказала Летти, — я бы отправилась на Запад и стала бы свободной. Люблю свободу.

Она сняла шарф и позволила ему развеяться на ветру. Ее лицо покраснелось от подъема. Локонами тоже играл ветер.

— Но ведь ты не мужчина, — сказал он, глядя на нее. В его словах чувствовалась горечь.

— Нет, — она рассмеялась. — А жаль, будь я мужчиной, таких дел натворила бы... о нет, лучше мне идти моим собственным путем!

— А разве ты не идешь своим собственным путем?

— О... мне мало того, что имею. Да, я иду своим путем, но я хочу, чтобы кто-то заставил меня свернуть с него.

Она откинула голову назад и посмотрела на него искоса, не поворачивая головы, смеясь. Они двинулись в Кеннелз. Она присела на край большого камня у водопада, опустила руки в воду, и теперь шевелила ими, как цветами в чистом пруду.

— Люблю смотреть в воду, — сказала она. — В воду, а не на воду, как Нарцисс. Ах, вот бы отправиться на Запад, иметь там собственное озеро, плавать в нем и чувствовать себя свободной.

— Ты хорошо плаваешь? — спросил он.

— Неплохо.

— Я догоню тебя в твоём собственном озере.

Она засмеялась, вытащила руки из воды и смотрела, как с них стекают чистые капли. Потом подняла голову, прислушиваясь к каким-то мыслям. Она взглянула через долину и увидела красные крыши фермы и мельницы.

— «...Ilion, Ilion Fatalis incestusque iudex Et mulier peregrina vertit In pulverem...»^[26].

— Что это? — спросил он.

— Ничего.

— Здесь частное владение, — раздался вдруг тонкий голос, высокий, как крик чибиса-пигалицы. Мы с удивлением увидели высокого чернобородого мужчину, который нервно поглядывал в нашу сторону, находясь от нас в десяти ярдах.

— Правда? — спросила Летти, глядя на свои мокрые руки, которые она принялась вытирать носовым платком.

— Вы не должны были вторгаться сюда, — сказал мужчина все тем же голосом.

Он отвернулся, и его бледно-серые глаза зыркнули туда-сюда. Чуть осмелев, он снова посмотрел на нас. Потом двинулся прочь быстрыми шагами, склонив голову, поглядывая в сторону долины, так он одолел дюжину ярдов в другом направлении. Опять постоял и

огляделся. Затем ушел в дом.

— Притворяется, будто кого-то высматривает, — сказала Летти, — а на самом деле боится, как бы не поняли, что он вышел посмотреть на нас. — Они с Джорджем рассмеялись.

Вдруг в дверях показалась женщина. У нее были такие же бледно-серые глаза, как у мужчины.

— Вы заработаете себе нефрит, сидя на мокром камне, — сказала она, обращаясь к Летти, которая с виноватым видом тут же встала.

— Уж я-то знаю, — продолжала женщина, — моя мама умерла от него.

— В самом деле? — тихо осведомилась Летти. — Мне очень жаль.

— Да, — продолжала женщина. — Поэтому вам надо быть осторожней. А вы с фермы Стрели-Милл, у вас ведь еще и мельница, да? — спросила она вдруг у Джорджа.

Он подтвердил, что, мол, да.

— И собираетесь покинуть это место?

Он и это подтвердил.

— А ведь мы могли быть соседями. Собачья жизнь — прозябать в одиночестве. Полагаю, вы знали тех, кто жил тут до нас?

Он снова утвердительно кивнул.

— Какой же грязнулей была предыдущая хозяйка. Вы, наверное, бывали у нее в гостях?

— Да, — сказала Летти, — я заходила к ней.

— Ужас! А теперь зайдите, полюбопытствуйте, увидите разницу.

Они заглянули из вежливости. Кухня действительно совершенно изменилась. Было очень чисто.

Красные покрывала на диване, на креслах как бы излучали тепло. К сожалению, впечатление портили зеленые и желтые салфеточки, а также бумажные и войлочные цветы. В трех вазах стояли войлочные цветы. А со стены свешивались бумажные зеленые и желтые цветы. Желтые розы, гвоздики, арумы, аронники, лилии и тюльпаны. Прикрепленные к стенам конверты были полны бумажных цветов. И это в то время, когда в роще было полно настоящих.

— Да, — сказала Летти, — разница есть.

Женщина была довольна. Она осмотрелась. Чернобородый мужчина глянул поверх газеты «Крисчен геральд» и уткнулся в нее снова. Женщина взяла трубку, которую он положил на каминную полку, и выдула из нее воображаемый пепел. Потом она принялась смахивать якобы появившуюся пыль на камине.

— Ну вот! — воскликнула она. — Я так и знала. Нельзя оставить его ни на секунду одного! Дерево вон еще не догорело, нужно было потыкать кочергой.

— Я только что положил полено между решеток, — оправдывался тонким голосом мужчина из-за газеты.

— Положил полено! — повторила она, схватив кочергу и стукнув ею по газете. — Рассказываешь тут сказки при людях.

Они потихоньку вышли из дома и поспешили прочь. Обернувшись, Летти увидела, что женщина глянула в дверь и смотрит им вслед. Летти рассмеялась. Он вытащил часы из кармана брюк. Была половина четвертого.

— Почему ты смотришь на часы? — спросила она.

— Мег должна прийти к нам на чай, — ответил он.

Она ничего не сказала, и они двинулись дальше. Когда они пришли к подножию холма и увидели мельницу, а рядом мельничный пруд, она сказала:

— Я не пойду с тобой... Мне нужно домой.

— Не пойдешь пить чай?! — воскликнул он, полный изумления. — Почему? Что скажут мои!

— Нет, не пойду... позволь мне сказать «прощай»... *jamque Vale!* Помнишь, как Эвридика провалилась обратно в ад?

— Но... — он запнулся, — тебе бы следовало прийти к нам на чай... что я им скажу? Почему ты не хочешь?

Она ответила ему по-латыни двумя строками из Вергилия. Она смотрела на него, и ей стало неловко за его беспомощность. И тогда она проговорила мягко и нежно:

— Это было бы некрасиво по отношению к Мег.

Он стоял и смотрел на нее. Его лицо было покрыто светло-коричневым загаром. Глаза казались темнее, чем обычно. Они смотрели на нее отчаянно и беспомощно. Она же ощущала сожаление. Ей хотелось плакать.

— Зайдем в лесок на несколько минут? — сказала она тихо.

Лес взметнулся ввысь. В нем было тепло. Повсюду росли незабудки, словно это Млечный путь простирался в ночи. Они свернули с тропинки туда, где росли колокольчики. Брели, топча цветы и папоротник-щитовник, пока не подошли к поваленному дубу посреди орешника.

Пурпурные гиацинты то клонились долу под собственной тяжестью, то стояли прямо, словно нескошенные колосья. Тяжелые пчелы летали среди пурпурных цветов. Они были пьяны от этого изобилия красок. Их жужжание отчетливо слышалось здесь, внизу, а наверху шумел ветер. Снование золотистых насекомых приносило удовлетворение душе. Розовый цветок лихниса поймал солнце и сиял от удовольствия. Вяз осыпал их градом свежих семян.

— Если бы здесь были еще фавны и дриады! — сказала она лукаво, повернувшись к нему, чтобы утешить. Она сняла кепку с его головы и взъерошила волосы, приговаривая: — Если бы ты был фавном, я бы надела на тебя гирлянду из роз, чтобы придать тебе вакхический вид. — Она положила руку ему на колено и посмотрела в небо. Его голубизна казалась бледно-зеленой на фоне пурпурной растительности на дереве. Облака вверху напоминали башни. Они легко и красиво неслись, подгоняемые ветром. Облака проплыли мимо, и небесное озеро очистилось.

— Смотри, — сказала она. — Сейчас мы опутаны сетью из зеленых бутонов. Ах, если бы мы были свободны, как ветер! Но я рада, что это не так. — Она вдруг повернулась и протянула ему руку, которую он тут же схватил в свои ладони. — Я рада, что мы в сетях. Если бы мы были свободны, как ветер... ах!

Она странно засмеялась коротким смешком, затаив дыхание.

— Смотри! — сказала она, — вот дворец из ветвей ясеня, они протянуты к нам, словно руки девушки, а вот колонны вязов. Все это высоко над нами. Все защищает нас. В шуме каждой ветки на ветру слышится музыка. И зеленые кусты орешника радуют нас. Кусты жимолости наполняют воздух ароматом. Посмотри на колокольчики. Это — для нас. Прислушайся к жужжанию пчел, похожему на органную музыку. Это — для нас! — Она посмотрела на него со слезами на глазах, с мимолетной, задумчивой улыбкой на устах. Он был бледен и старался не смотреть на нее. Она держала его руку, нежно склонившись к нему.

— Опять приплыли облака, — сказала Летти. — Посмотри вон на то облако. Видишь... Оно смотрит своим ликом вверх, в небо. Губы приоткрыты. Оно что-то говорит... Теперь оно стало таять... Вот-вот исчезнет совсем... Нам нужно уходить тоже.

— Нет, — воскликнул он, — не уходи... не уходи.

Она ответила грустным голосом:

— Нет, мой дорогой, нет. Нити моей жизни отделились и плывут сами по себе, как нити паутины. А ты не можешь схватить их и присоединить к твоим нитям, сплести с ними, нам не свить с тобой веревки. Уже другой схватил их и вплел в свою веревку мою жизнь. Я не могу освободиться и отделиться снова. Не могу. Я не настолько сильна. Кроме того, и ты вплел чужую нить в свою веревку. Можешь ли ты освободиться?

— Скажи мне, что делать?.. Да, если ты мне скажешь...

— Я не могу сказать тебе... поэтому отпусти меня.

— Нет, Летти, — умоляюще сказал он со страхом и унижением. — Нет, Летти, не уходи. Что мне делать с моей жизнью? Никто не будет любить тебя так, как люблю я. Что мне делать с моей любовью к тебе?.. Я ненавижу и боюсь, потому что всего этого чересчур много в моей жизни, чтобы я мог вынести.

Она повернулась и поцеловала его с благодарностью. Он страстно обнял ее и долго держал в своих объятиях, замерев в поцелуе, слившись устами. Ей оставалось только ждать, пока он устанет держать ее в своих объятиях. Он весь дрожал.

«Бедная Мег!» — пробормотала она про себя.

Его объятия ослабли. Она высвободила свои руки и встала с дерева, на котором они сидели рядом. Она ушла, а он продолжал сидеть, уже больше не сетуя, не протестуя.

Когда я вышел, чтобы посмотреть на них, чай уже полчаса стоял на столе, я увидел его, он стоял, прислонившись к воротам у подножия холма. Его лицо было бледным. У него был такой вид, словно он проболел несколько недель.

— В чем дело? — спросил я. — Где Летти?

— Она ушла домой, — ответил он. Звук собственного голоса и смысл этих слов заставили его тяжело вздохнуть.

— Почему? — спросил я с тревогой.

Он посмотрел на меня с таким видом, будто говорил: «О чем это ты? Я не понимаю».

— Почему? — настаивал я.

— Не знаю, — ответил он.

— Все ждут вас к чаю, — сказал я.

Он слышал меня, но никак не реагировал. Я повторил:

— Мег и все твои ждут вас к чаю.

— Мне ничего не нужно, — сказал он.

Я подождал одну-две минуты. Ему явно было очень плохо. «*Vae meum Fervens difficile tumet jecur*»^[27], — подумал я про себя. Пока он понемногу приходил в себя, то стоял возле столба и дрожал. Его веки тяжело опустились. Он смотрел, шурясь, на меня и улыбался болезненной улыбкой.

Он повиновался мне, не тратя сил, не теряя времени на вопросы. Его вообще оставили силы. Он передвигался неуверенно, озираясь по сторонам.

Мы зашли в сарай. Я подождал, пока он вскарабкался на сеновал. Потом пошел в дом, чтобы объяснить перед его родными, уже сидевшими за столом.

Сказал, что Летти обещала быть к чаю в Хайклоузе. А у Джорджа что-то не в порядке с печенью. Сейчас он на сеновале приходит в себя. Мы пили чай без особого удовольствия. Мег была задумчива и тоже плохо себя чувствовала. Отец много разговаривал с ней. Мать же почти не обращала на нее внимания, погруженная в свои думы.

— Не могу понять, — сказала мать. — Он так редко болеет! Ты уверен, Сирил, что Джордж занемог? Ты не шутишь? Надо же такому случиться, именно когда Мег пришла к нам в гости!..

В половине седьмого я поднялся из-за стола, чтобы снова посмотреть на него и заодно успокоить мать и возлюбленную. Я вошел, насвистывая, чтобы он знал, кто это.

Он лежал на сене и спал. Чтобы сено не колосось, он подложил кепку под голову, храпел во сне. Он все еще был бледен. На нем не было пиджака, и я побоялся, как бы он не простудился. Я накрыл его мешками и ушел. Не хотел больше его беспокоить и решил помочь его отцу управиться в коровнике и со свиньями.

Мег должна была уходить в половине восьмого. Она была так расстроена, что я сказал:

— Пойдем, посмотрим на него... я разбужу его.

Он сбросил с себя мешки, раскинул руки и ноги. Он лежал на спине, растянувшись на сене, и снова казался таким большим и мужественным. Рот полуоткрыт. Лицо обычное, спокойное. Жалко было будить его.

Она склонилась и посмотрела на него с любовью и нежностью. Потом погладила его. И тут он почесался и открыл глаза. Она вздрогнула от неожиданности. Он сонно улыбнулся и промурлыкал:

— Хэлло, Мег!

Я наблюдал его пробуждение. Он вспомнил, что с ним произошло, вздохнул, лицо снова приняло скорбное выражение. Он опять повалился на сено.

— Пойдем, Мег, — прошептал я. — Ему бы лучше поспать.

— Я накрою его, — сказала она, взяла мешок и очень ласково укрыла ему плечи. Он лежал совершенно спокойно и выглядел таким отрешенным, когда я увел ее.

Глава VII

ПОЭМА О ДРУЖБЕ

Обещание чудесной весны было нарушено еще до того, как полностью отцвел май. В течение всего этого весеннего месяца задувал сильный то северный, то северо-восточный ветер, принося с собой неистовый холодный дождь. Покрытые нежными почками деревья дрожали и стонали. Когда ветер дул потише, молодая листва хлопала, шелкала. Трава и злаки росли пышно, но свет от одуванчиков угас. Казалось, это было давным-давно, когда мы веселились среди желтого раздолья, зачарованные этими цветочками. Колокольчики тоже все умирали и умирали. Они покрывали поляны, словно символ скорби. Розовые лихнисы, казалось, появлялись только для того, чтобы тяжело поникнуть под дождем. Бутоны боярышника оставались сжатыми и твердыми, как жемчужины, прячась среди бриллиантово-зеленой листвы. Незабудки, бедные звездочки леса, были забиты сорняками. Часто в конце дня небо очищалось и огромные облака повисали над горизонтом где-то бесконечно далеко отсюда, посверкивая на расстоянии янтарным блеском. Они никогда не приближались. Всегда держались особняком, спокойно и величественно взирая на намокшую землю, потом, словно опасаясь, что их сияние может потускнеть, уплывали и пропадали с глаз долой. Иногда на закате облачная пелена ползла с запада к зениту, поглощая свет. Этот своеобразный балдахин с подсвеченными краями рос, поднимался все выше, ломался, распадался, и небо приобретало оттенок первоцвета, высокое и бледное небо с хрустальной луной. Тогда скот припадал к земле, напуганный холодом, а длинноклювые бекасы мерцали высоко над головой, кружили и кружили, как будто горло им обвила змея, отчаянно крича на просторе, их пронзительный зов был куда горше, чем жалкий протест чибисов-пигалиц. После таких вечеров наступали холодные и серые утра.

Вот в такое утро я и отправился к Джорджу на верхнюю пашню. Его отец развозил молоко, он был один. Когда я поднялся на холм, то увидел, что он стоит в телеге и оглядывает голые красные поля. Я слышал его голос, понукавший кобылу, скрип его телеги. Умненькие и хитренькие трясогузки быстро бегали по черным комьям. Туда-сюда сновали, взлетали, уносились и снова садились на землю разные мелкие птахи. Чибисы-пигалицы кружили с криком среди низких облаков, а их собратья весело бегали между бороздами, слишком грациозные для этого необъятного грубого поля. Я взял вилы и стал разбрасывать навоз. Так мы работали посреди пашни. Над нами кружили тучи чибисов. А еще выше были настоящие тучи, прямо у нас над головой. Внизу, в роще (мы работали на вершине холма), виднелись верхушки черных тополей. Они отливали теплым золотым цветом, и сквозь них словно проступала кровь. Дальше, на горизонте, блестела серая вода, а еще дальше — красные крыши. Неттермер был наполовину скрыт от нашего взора, он находился слишком далеко. Никого больше не было в этом сером одиноком мире, кроме чибисов-пигалиц, круживших с криком в поднебесье, да молчаливо работавшего Джорджа. Эта естественная жизнь полностью завладела моим вниманием, а когда я поднимал глаза, то видел размеренные движения его тела и взмахи рук, наклоны головы, а также замедленный полет чибисов. Через некоторое время, когда телега опустела, он взял вилы и пошел ко мне, чтобы помочь.

Начинался дождь, поэтому он прихватил мешок из телеги, и мы устроились под изгородью. Сидели рядом и смотрели на идущий дождь, который, точно серый занавес,

закрыл от нас долину. Мы видели, как темные струи стекали по спине кобылы, терпеливо стоявшей под дождем. Слушали шум падавших капель, ощущали холод дождя и молча сидели. Он курил трубку, я зажег сигарету. Дождь продолжался. Маленькие лужи на красной земле отливали стальным блеском. Мы сидели и время от времени разговаривали. Именно в такие минуты между нами складывались близкие, дружеские отношения, которые позднее, с годами, утратились.

Когда дождь кончился, мы наполнили ведра картошкой и побрели вдоль мокрых борозд, засовывая клубни в землю. Песчаная земля быстро становилась сухой. Около двенадцати часов, когда вся картошка была посажена, он оставил меня и забрал Боба, привязанного к дальней изгороди, запряг его и кобылу в плуг, чтобы пройтись разок и прикрыть картофель землей. Острый легкий плуг оставлял после себя симпатичные борозды на поле.

Птицы летали, порхали следом за плугом. Он подхватил лошадей под уздцы и направился вниз по холму. Белые звезды на коричневых мордах кивали, прыгали вверх-вниз. Джордж крепко держал их. Они прошли мимо меня. Окриком он остановил их. Они неуклюже развернулись. Он подправил плуг, и они снова двинулись вверх по холму.

За ним вдоль новой борозды летали, суетились птицы. Затем мы распрягли лошадей, когда все посадки были засыпаны землей, и стали спускаться вниз по влажному склону холма, чтобы пообедать дома.

Я путался ногами в высокой траве, наступая на увядший первоцвет, стараясь не сломать прекрасные пурпурные орхидеи^[28]. И вдруг почувствовал, что у моих ног шевелится что-то живое. Я обнаружил гнездо жаворонков, увидел желтые клювики, закрытые выпуклыми веками глазки двух малюсеньких птенчиков с синими перьями на крыльях. Они сидели бок о бок, клюв к клюву и быстро дергали головками вверх-вниз. Я нежно прикоснулся к ним пальцем. До чего же тепленькие! Приятно, что они теплые, в то время как вокруг сыро и прохладно. Я смотрел на них, а вокруг дул ветер. Когда один неосторожно двинулся и выпал, я сперва испугался за него, но он тут же угнезвился на место рядом со своим братиком.

Мне стало холодно, а сирень в саду у мельницы голубела так гостеприимно. В своих тяжелых сапогах я помчался вниз, к мельнице, мимо раскачиваемых ветром сикомор, мимо угрюмых сосен. Сосны грустили потому, что миллионы их розовых семян не могли лететь, потому что их крылышки намокли. Конские каштаны храбро вздымали вверх свои свечи на каждой ветке, хотя и не было солнца, чтобы осветить, зажечь их. Замерзший лебедь медленно поплыл по воде, размахивая большими крыльями, раскачивая испуганных белых шотландских куропаток и оскорбляя своим поведением степенных черношеих гусей. А что, собственно, нужно мне, отчего я бросаюсь все время от одного к другому?

* * *

В конце июня погода снова установилась. Трава пошла в рост, так что сено обещало быть хорошим. В этом году нужно было выкосить только два поля, чтобы обеспечить себе достаточный запас до весны. Как только начались мои каникулы, я решил помочь своим друзьям, чтобы мы втроем — отец, Джордж и я — могли заготовить сено, не прибегая к найму работников.

В первое утро я встал очень рано, еще задолго до того, как солнце поднялось достаточно высоко. Назойливый крик петухов слышался по всей долине. Внизу, над водой, над мокрой

травой, все еще стоял белый плотный туман. Когда я проходил краем луга, коровий пастернак был ростом с меня. Маленькие ранние птички — жаворонков я не слышал — летали туда-сюда над лугом, забираясь в цветы и быстро вылетая оттуда, стремительно проносясь мимо малинового щавелевого факела. Повсюду выглядывали пурпурные глыбки вики, желтые цветочки молочного горошка, радовали глаз и разбросанная розовость лесной буквицы и плавающие звезды маргариток. На изгороди повисла всей тяжестью жимолость с розовыми розами.

Утро посеребрило полосы скошенной травы на дальнем лугу, навело блеск на те места, где ручей огибал камни, они бриллиантово мерцали. Утро бежало по моим жилам. Утро преследовало серебряных рыбок в глубине, а я, увидев их, быстро сунул в воду палец, чтобы они уплыли обратно.

Я услышал лай Трипа и побежал к пруду. На острове виднелась плоскодонная лодка, а из-за кустов слышался свист Джорджа. Я окликнул его, и он вышел на бережок полуодетый.

— Принеси полотенце, — велел он, — и подай мне.

Через некоторое время я вернулся. Мой Харон дрожал от холода. Один хороший толчок — и мы на острове. Я поспешил раздеться, поскольку мой друг был уже готов к купанию. Трип прыгал вокруг нас, лая от возбуждения.

— Он не понимает, что произошло со мной, — сказал он улыбаясь, оттолкнув собаку ногой. Трип отскочил, потом прыгнул обратно и лизнул его. Он начал играть с собакой. Они прыгали и вертелись на торфяной почве, смеющийся голый мужчина и ликующая собака, которая старалась достать своей большой головой до лица человека, лизнуть, а потом, отбежав, прыгнуть снова, чтобы прикоснуться к голым рукам или к груди. Наконец Джордж лег на спину, смеясь и прижимая собаку брюхом к земле. В это время собака, тоже веселясь, пыталась все-таки лизнуть его в грудь, но не могла, потому что хозяин крепко держал ее. Так они и лежали с Джорджем некоторое время, не шевелясь, пока я не окликнул Джорджа, и тот вскочил на ноги. Мы вместе прыгнули в пруд, Трип за нами.

Вода была холодна, как лед, и на какое-то мгновение я потерял чувствительность. Потом начал плавать, и вода стала вроде теплее, я не чувствовал ничего, кроме поэзии бытия. Я увидел Джорджа, плывущего на спине и смеющегося надо мной. Тогда я поплыл к нему. Смеющееся лицо исчезло, потому что он перевернулся и поплыл от меня, а я преследовал темноволосую голову и красную шею. Трип, негодяй, плыл передо мной и мешал мне. Потом, радостный, он поплыл обратно. Я рассмеялся про себя, когда увидел, что он теперь уже преследовал Джорджа. Я догонял его. Он старался отогнать прочь собаку, а я догонял его. Как только я подплыл к нему и схватил его рукой за плечо, с берега раздался смех. Это была Эмили.

Я изо всех сил брызнул водой в ее сторону. Потом Трип выскочил из воды и погнался за ней, потому что она убегала от его брызг. Джордж, смеясь, плыл рядом со мной.

Мы стояли и вытирались досуха, поглядывая друг на друга. Он был очень хорошо сложен, красивая мужская осанка, тяжелая мускулатура. Он подсмеивался надо мной, утверждая, что я похож на одного из длинных уродливых парней из Обри Бердсли. Я напомнил ему о классических образцах красоты, заявив, что мое телосложение лучше, чем его массивность, чем очень удивил его.

Но в конце концов я сдался и склонил перед ним голову, а он принял это в вежливой форме. Я рассмеялся. Он знал, что я отнюдь не восхищаюсь аристократизмом, наличием голубой крови. Для меня это все тщета. Я смотрел на него, он стоял, белый на фоне зеленой

растительности, и растирал руку, держа ее напряженной, с налитыми мускулами. Он вытирал свою кудрявую голову, а я смотрел на выпирающие мускулы его плеч и шеи, когда он их напрягал. И сразу вспомнил рассказ Эннабелла.

Он увидел, что я прекратил вытираться и, смеясь, сказал, что сам разотрет меня очень быстро, словно я ребенок или женщина, которую он любил и не боялся. Я ощутил себя довольно слабым и беспомощным в его руках. Он схватил меня еще крепче. Его рука обвилась вокруг моего тела. Он прижал меня к себе. Прикосновение друг к другу наших голых тел было в высшей степени приятно. Я пережил восторг души, он тоже. Когда он растер меня до красноты и мне сделалось тепло, он отпустил меня, и мы посмотрели друг на друга смеющимися глазами. В это мгновение мы очень любили друг друга. Я никогда с тех пор не знал подобной любви ни к мужчине, ни к женщине.

Потом вместе отправились в поля. Он собирался косить траву на острове, которую не докосил вечером. Я же решил наточить нож у машины, а затем срезать косой ту траву, которую машина не возьмет. Холодное, туманное утро, неподвижность окружающей нас природы; голубоватых деревьев; мокрых раскрывшихся цветов; доверчивых мотыльков, складывавших и расправлявших свои крылышки, — все было так мило, славно. Лошади ступали со спокойным достоинством, повинуюсь командам. Когда все было наготове, лошади остановились, а машина была смазана, Джордж еще стоял, наслаждаясь прекрасным утром и глядя в долину.

— Больше не буду косить на этих лугах, — сказал он с сожалением. Мы начали косить. Ровно сколько было выкошено, столько же оставалось. Наконец все труды завершены. В этом году поздние цветы рано распустились на кустах, окружавших поле, и розовые розы цвели высоко над изгородью. В траве было полным-полно цветов, знакомых с детства. Больше мы никогда не встретимся с ними.

— Уже только ради того, чтобы косить, стоило, пожалуй, жить, — сказал он, глядя на меня.

Мы почувствовали тепло солнца, проглянувшего сквозь утренний холодный туман.

— Видишь сикомору, — сказал он, — ту кустистую, за большой ивой? Я помню, как папа сломал большую ветку, потому что ему понадобилась прямая палка-посох. Помню, что испытывал жалость. Она росла такая прямая, с такими удивительными листьями... ты знаешь, как выглядят молодые сикиморы высотой в девять фунтов? Мне это показалось жестокостью. А теперь и ты уезжаешь, и мы убираемся отсюда восвояси. Я буду себя чувствовать так, будто мой ствол сломан. До сих пор помню красноватые пятнышки на листьях, которые он срывал с ветки.

Он растроганно улыбнулся мне, слегка смутившись из-за столь долгих речей. Потом полез на сиденье, взял в руки вожжи и поднял нож у машины.

— До свидания, — сказал он, улыбаясь мне через плечо.

Машина тронулась. Нож обрушился, трава задрожала и упала замертво. Машина засновала по полю, оставляя позади себя срезанную нежную бархатистую траву на всем пути следования. Цветы на еще не срезанной траве неподвижно застыли в ожидании, точь-в-точь наши дни впереди, еще не прожитые нами.

Солнце лизнуло землю лучами, проснулись бабочки, и я мог слышать его раскатистое «Но-о!» с дальнего конца луга. Потом он повернул, и я мог видеть уши лошадей и его белые плечи, когда они двигались сквозь высокую нескошенную траву, стоявшую стеной на склоне холма. Я присел под вязом, чтобы наточить ножи. Проезжая, Джордж всякий раз оглядывал

скошенный ряд, лишь изредка понукая лошадей, чтобы они шли ровно. Его голос пробудил к жизни все вокруг. Когда мы работали, мы почти не обращали внимания друг на друга. Его мать частенько говорила:

— Джордж так рад, когда оказывается в поле, что даже времени не замечает.

Позже, когда стало жарко, запахло жимолостью, другие запахи появились в воздухе; когда все поле было выкошено, и я увидел последнее предсмертное дрожание круглолистных колокольчиков, перед тем как им упасть; когда в зеленом ворохе утонули толстые стебли пурпурной вики; мы стали ворошить вилами посеребренные солнцем изумрудные полосы скошенной вчера травы, стали подставлять еще почти свежие цветы солнцу, чтобы те умирали побыстрее.

Мы разговаривали о прошлом, размышляли о будущем. Став на день старше, мы забыли обо всем, работали, пели, иногда я читал ему стихи, рассказывал о какой-нибудь книге. Какая диковинная жизнь открылась для нас обоих.

Глава VIII

ПАСТОРАЛИ И ПИОНЫ

За обедом отец объявил нам потрясающую новость, что Лесли попросил разрешения устроить сегодня вечерний пикник с гостями на сенокосах Огрели. Ведь там очень красивые места. Ручей течет в тени деревьев, и его берега зелены. А еще есть два удивительных зеленых островка. Более того, жена сквайра написала книгу, в которой изображены эти луга и мельница и где разыгрываются трогательные любовные сцены. Гости, приглашенные на бракосочетание в Хайклоуз, непременно хотели побывать на пикнике в таком замечательном месте.

Отец, очень довольный, так и светился радостью, глядя на нас через стол. Джордж поинтересовался, кто придет.

— О, совсем немного народу... полдюжины гостей, в основном леди, приглашенные на свадьбу.

Джордж сначала выругался от души; потом стал относиться к этому, как к шутке. Миссис Сакстон надеялась, что они не попросят у нее кружек. У нее не было и двух одинаковых чашек, а ее ложки меньше всего походили на серебряные. Дети были в восторге и хотели не ходить в этот день в школу, на что получили твердый отказ от Эмили, это внесло разногласие в семью.

Когда мы в поддень отправились в поле ворошить сено, каждый думал о своем и не разговаривал. Время от времени мы останавливались и смотрели в лес, не появились ли они.

— Вон они! — вдруг воскликнул Джордж, заметив, как что-то белое промелькнуло в темном лесу. Мы стояли тихо и смотрели. Две девушки, одна в платье цвета гелиотропа, другая в белом, какой-то мужчина с двумя девушками, в бледно-зеленом и белом, и наконец еще один мужчина с девушкой.

— Ты разглядел, кто это? — спросил я.

— Та первая девушка в белом — Мэри Темпест, а вот он и Летти, других я не знаю.

Он постоял, совершенно не двигаясь, потом перевел взгляд на ручей. И вдруг вонзил вилы в землю со словами:

— Можешь закончить, если хочешь. Пойду выкошу вон тот участок внизу.

Он посмотрел на меня, чтобы понять, что я думаю по этому поводу. А я думал, что он боится встречи с нею, и улыбнулся про себя. Возможно, ему стало стыдно, и он молча пошел к машине. Я слышал, как он отбивал косу о камень. Потом отправился косить дальний участок, где почва была очень неровная и машина не могла работать, не могла убирать остатки зеленой сладкой луговой травы.

Я зашагал к пруду, чтобы поприветствовать вновь прибывших. Я поклонился Луи Деннис, высокой грациозной девушке в платье цвета гелиотропа. Поклонился Агессе Д'Арси, стройной, интеллигентной девушке с красивыми рыжими волосами. Она была без шляпы. В руках у нее был зонтик. Я поклонился Хильде Секонд, маленькой и очень симпатичной девушке. Затем поклонился Мэри и Летти, пожал руку Лесли и его другу Фредди Крессуэллу. Последний — настоящий тип идеального мужчины: широкоплечий, белолицый парень с красивыми мягкими волосами цвета красноватой пшеницы, смеющимися глазами и приятной речью. Парень, который очень страдает от того, что надо постоянно выглядеть взрослым, солидным мужчиной, и который остается в душе парнем,

безответственным, балованным, ну и все такое прочее. Поскольку было довольно жарко, мужчины были одеты во фланелевые костюмы. Было очевидно, что они оделись со скрупулезной тщательностью. Инстинктивно я попытался подтянуть брюки, и вообще я чувствовал себя униженно по сравнению с отцом, большим и здоровым мужчиной, чьи плечи стали широкими от постоянной работы, хотя его брюки были тоже перекошены.

— Что нам делать? — спросила Мэри. — Знаешь, мы не хотим мешать, мы хотим помочь вам. Это так хорошо, что вы позволили нам прийти сюда.

Отец засмеялся и сказал приятным голосом, чем всем сразу очень понравился:

— Давайте, так уж и быть, я посмотрю, может, попрошу вас перевероршить сено, если, конечно, Сирил оставил работенку для вас. Пойдемте за вилами.

Из всехвил он выбрал самые легкие для них. И все начали ковырять сено. Он осторожно показал им — Мэри и очаровательной маленькой Хильде, как это делать, и те стали выполнять работу очень старательно, от души, смеясь его шуткам. Он был большой любитель поболтать с девушками, и они расцветали от его внимания.

— Однако взопрел, — нараспев произнес Крессуэл, у которого, между прочим, был диплом филолога.

Он собирал сено в охалку, а Луи Деннис аккуратно его укладывала, демонстрируя свое красивое платье, пошитое строго по ее фигуре, без всякого пояска, без рукавов. Летти тоже была в приталенном платье белого цвета. Она работала в паре с Лесли, а мисс Д'Арси — со мной.

Крессуэл скривил свой красиво очерченный рот в тонкую улыбку:

— Господи, какая легкомысленная маленькая пастораль... достойная пера старика Феокрита, не правда ли, мисс Деннис?

— А почему бы нам не поговорить об этих персонажах древней классики... я даже не буду называть их имена. Что бы он сказал о нас?

Он засмеялся, блеснув голубыми глазами:

— Этот был бы стариной Дафнисом, — Крессуэлл указал на Лесли, — состязавшимся в пении со мной, Даметасом, дабы завоевать расположение наших пастушек... сначала Дафнис бы спел для Амариллис, я хочу сказать Наис, будь они прокляты, все время путаю этих нимф.

— Послушайте, мистер Крессуэлл, что у вас за язык! Подумайте, кого вы проклигаете, — сказала мисс Деннис, она прилегла на сено и коснулась своего лба шелковой перчаткой.

— В пасторали обычно происходят всякие легкомысленные вещи, — ответил он, схватив ее за край юбки и откидываясь на спину рядом с нею. — Сочини-ка нам, Дафнис, про мед, про белый сыр... и про ранние яблочки, которые созреют через неделю.

— Уверена, что яблочки, о которых вы ведете речь, пока еще слишком маленькие и зеленые, — перебила мисс Деннис, — они ни в коем случае не созреют за неделю... у-у-у, кислятина!

Он улыбнулся ей в своей капризной манере.

— Слышали, Темпест: «у-у-у, кислятина!» — и не более того! О, любите нас, девы, ну, отчего вы еще не начали любить нас? О чем же нам петь тогда?

— Я бы охотно послушал вас, кстати, поскольку сам лично не сделал выбора между медом и сыром.

— И всякими там яблочками... впрочем, пусть нас рассудит женщина. Хорошо, мисс

Деннис?

— Не знаю, — сказала она, убирая мягкие волосы со лба, при этом ее пальцы сверкнули кольцами.

— «Моя любовь белая, чистая, волосы у нее золотые, как капли меда на солнышке... моя любовь коричневая и сладкая, и я готов припасть к губам моей любви». Продолжайте, Темпест, давайте, пастушок. О, что там такое? Там парень отбивает косу! Да у вас спина заболит только от того, что вы будете смотреть, как он работает. Продолжайте, ради бога, пойте. Послушайте, кто-нибудь отвлеките его.

— Да, пойдете же к нему, — сказала мисс Д'Арси. — Уверена, он даже не представляет, какую счастливую пастораль он сейчас изображает... Пойдете к нему.

— Они не любят, когда им мешают работать, Агнес... кроме того, порой неведение — блаженство... — сказала Летти, боясь в глубине души, чтобы та не привела его сюда. Девушка заколебалась, потом глазами пригласила меня пойти с ней.

— О Боже, — засмеялась она, — Фредди — такой осел, а Луи Деннис совсем как оса в патоке. Меня разбирает смех от их умничанья. Разве вы не чувствуете себя великолепно, когда вот так косите? Пойдемте посмотрим! Мы скажем ему, что нам нужны эти наперстянки, которые он скашивает, и эти колокольчики. Полагаю, вы согласны...

Джордж не заметил нашего приближения, пока я не окликнул его. Потом он оглянулся и увидел высокую, осанистую, гордую девушку.

— Мистер Сакстон... мисс Д'Арси, — сказал я, и они обменялись рукопожатием. Сразу же он повел себя несколько иронично, поскольку заметил, какая у него большая и грубая рука по сравнению с нежной рукой девушки.

— Мы подумали, вы выглядите очень великолепно, — а мужчинам так нравится, когда их вид вызывает симпатию у кого-либо... не так ли? Сохраните для нас эти наперстяночки, они так красивы... как дикие солдаты, перелезающие через ограду... не срезайте их... и эти кампанулы — колокольчики, ах, да! Они создают поистине идиллическую картину. А вам по нраву идиллия, а? О, вы не представляете себе, как вы похожи на персонаж классических пасторалей. Но, видите ли, я не предполагаю, что вы страдаете от идиллической любви... — она засмеялась, — что-то не видно глупого маленького бога, летающего над нашими покосами, правда? У вас есть время, чтобы развлекаться с Амариллис в тени?.. Уверена, зря они прогнали Филлис с полей...

Он засмеялся и продолжил работу. Она слегка улыбнулась, полагая, что произвела на него огромное впечатление. Потом вскинула руку в драматическом жесте и посмотрела на меня, в это время его коса срезала сочную траву.

— Р-р-раз!.. Ну, не прекрасно ли?! — воскликнула она. — Как неумолима судьба... думаю, это прекрасно!

Мы собирали цветочки, разговаривали, пока не наступило время пить чай. Явился слуга с корзиной, и девушка расстелила скатерть под большой ивой. Летти взяла серебряный чайничек и пошла наполнить его к ключу, который бил неподалеку. Над ним нависала герань-журавельник, и длинные стебли травы колыхались над водой. Джордж закончил работу и собирался идти домой пить чай. Он зашагал прямо к ключу, где Летти играла с водой, наполняла чашкой чайник и смотрела на водяных жучков в лужице, на то как их тени мелькают над грязью, лежащей на дне лужицы.

Она, услышав его шаги, оглянулась и нервно улыбнулась. Оба боялись встречаться друг с другом с некоторых пор.

— Пора пить чай, — сказал он.

— Да... скоро будет готов. Нужно только вскипятить воду.

— О, — сказал он, — а я пойду домой...

— Нет, — ответила она, — ты не можешь, потому что мы будем пить чай все вместе. Я принесла фрукты, потому что знаю, ты не большой любитель чая... Твой отец придет.

— Но, — сказал он обидчиво, — я не могу пить чай с этими людьми... и не хочу... взгляни на меня!

Он протянул к ней свои руки, руки варвара. Она вздрогнула и сказала:

— Не имеет значения... это придаст оттенок реализма нашему пикнику.

Он иронически засмеялся.

— Нет, ты должен остаться, — настаивала она.

— Я бы попил, если можно, — сказал он, уступая.

Она вскочила, покраснев и предлагая ему маленькую симпатичную чашечку.

— Извини, пожалуйста, — смутилась она.

— Ничего, — пробормотал он и, отвернувшись от протянутой ему чашки, подставил рот под струю и стал жадно пить.

Она стояла и смотрела на то, как он пьет, как тяжело дышит после этого. Он выпрямился, вытер рот, не глядя на нее. Потом вымыл руки в воде, подняв грязь со дна. Сунул руку на дно лужицы и вынул оттуда пригоршню ила с серыми рачками, вертящимися в нем. Он швырнул грязь на землю, и сразу стали извиваться, корчиться маленькие серые твари.

— Надо бы почистить источник, — сказал он.

— Да, — ответила она, пожав плечами. — Не задерживайся, — добавила она, взяв серебряный чайник.

Через некоторое время он встал и пошел за ней. Он явно нервничал.

Девушки сидели на охапках сена. Мужчины услужливо склонились над ними. Слуга раздавал чашки с чаем, Джордж сел между Летти и Хильдой. Летти подала ему его маленькую скорлупку чая, которую он, поскольку не испытывал жажды, поставил на землю рядом с собой. Потом она передала ему хлеб с маслом, приготовленный к чаю, фрукты, виноград и персики на прекрасно инкрустированном подносе. Какое-то время она смотрела на то, как его толстые, плохо отмытые пальцы ковыряются среди фруктов, потом быстро отвернулась. В продолжение всего веселого чаепития, когда беседа шла поверх чашек, она избегала смотреть ему в глаза. Однако снова и снова, когда кто-либо предлагал: «Простите, мистер Сакстон, не хотите ли пирожное?...» или «Посмотрите, мистер Сакстон, вот на этот персик, попробуйте его, уверен, что он очень спелый», произнося все это совершенно естественным тоном, но все же делая различие между ним и другими мужчинами, Летти вынуждала себя смотреть на то, как он ест, односложно отвечает, неуклюже смеется, и гнев залег вертикальной складкой у нее между бровей. Хотя она поддерживала веселый, непринужденный разговор, все равно всеми ощущалась какая-то неловкость, какой-то разлад, и мы не стали засиживаться за чаем. «Джордж, — сказали ей потом, — смотрелся мокрой курицей на вечеринке». Его присутствие сделалось невыносимо для нее. Хотелось, чтобы он оказался сейчас от нее за тысячу миль. Он слушал остроты Крессуэла и смеялся.

Он был первым, кто встал, сказав, что должен подоить коров.

— О, пошли... пошли. Можно, я пойду и посмотрю, как доят коров, — сказала Хильда, ее деликатное, нежное лицо вспыхнуло, поскольку она была очень застенчива.

— Ну уж нет, — протянул Фредди, — запах живой говядины не слишком приятен. Предупреждаем тебя, лучше останься с нами.

— А я вообще не переносу коров, за исключением симпатичненьких на картинках, — проговорила Луи Деннис, улыбаясь с легкой иронией.

— Пойдем, Летти, — сказал Лесли добродушно, — я знаю, ты обожаешь фермерство... пойдем. — И они последовали за Джорджем.

Они прошли берегом вдоль пруда, где плавали лебеди со своим пушистым выводком, «топая маленькими лапками, дорогие... маленькие, нежные создания топ-топ по воде», — как сказала бы Мэри.

Мы слышали, как Джордж внизу кричал: «Билли... Билли... Билли... Билли!» — А потом уже в саду: «Иди отсюда, дурачок... уйдешь или нет?» — грозным голосом.

— Убежал? — засмеялась Хильда, довольная, и мы поспешили посмотреть, что там приключилось.

В зеленой тени, между высокими кустами крыжовника, вдоль тропинки рдели тяжелые, малиновые, гордые пионы. Красные шары наклонились, нависнув всем своим малиновым весом над травянистой тропинкой, рожденной тайным дождем ради собственного удовольствия. Огромные цветы стояли вдоль тропинки, словно толпы кардиналов среди зеленых кустов. Мы исторгли всевозможные слова восхищения. Летти наклонилась, приподняла обеими руками шелковый бутон, упавший на землю от собственной тяжести. Джордж пошел по тропинке, ведя за собой теленка, который шел, вытянув шею, посасывая средний палец на руке Джорджа.

Отношение девушек, не замечавших его, склонившихся над пионами, больно задело его. Проходя мимо с теленком, он сказал:

— Прекрасные пиноки в этом году, не так ли?

— Как вы называете их? — воскликнула Хильда, повернув к нему миленькое, очаровательное заинтересованное личико.

— Пиноки, — ответил он.

Летти оставалась в согнутом положении с красным цветком в руках. Она видела только теленка со сверкавшим носом, он сосал палец. Сосал старательно, только безрезультатно. В его глазах светилось сомнение, но не отчаяние. Мэри, Хильда, Лесли засмеялись. Джордж же смотрел на Летти, согнувшуюся, как он решил, в задумчивости над цветком. Он вывел скотинку из сада и, дав шлепка, направил на скотный двор.

Потом вернулся, вытирая палец о брюки. Он встал возле Летти, и она больше почувствовала, чем увидела, необычную бледность одного его пальца по сравнению с остальными. Из сочувствия к нему она потерла свой палец о платье.

— Ну разве эти цветы не миленькие?! — снова воскликнула Мэри. — Так и хочется их обнять.

— О да! — согласилась Хильда.

— Они как романс... Д'Аннунцио... страстно-печальный романс, — сказала Летти ироническим тоном, ей просто надо было что-то сказать, отчасти затем, чтобы скрыть собственное возбуждение.

— Об этом придумана сказка, — вставил слово и я.

Девушек это заинтересовало.

— Умоляю, расскажите, — попросила Хильда.

— Я слышал ее от Эмили. Она считает, что это легенда, то есть нечто подобное

происходило в действительности, но я думаю, это просто сказка. Она сказала, что пионы давным-давно принесены сюда из Холла парнем, жившим в этих местах, тогда тут была только мельница. Он был загорелым, сильным, и дочь владельца Холла, бледное, хрупкое и юное создание, полюбила его.

Когда он приходил в сады Холла, чтобы подрезать тисовые живые изгороди, она ходила возле него в белом платье и рассказывала сказки о старых временах тоненьким голоском, как пение крапивника. Он подумал, что она фея, которая желает околдовать его. Ему нравилось стоять и высматривать ее. Однажды, когда она подошла близко, рассказывая ему сказку, и слезы потекли у нее по щекам, он обнял ее и поцеловал. Они встречались в роще осокорей — черных тополей. Она приходила с охапками цветов, потому что всегда играла роль феи.

В одно утро она пришла рано, еще в тумане. Он вышел пострелять. Она хотела появиться незаметно, как фея. В руках у нее был большой букет пионов. Когда ее силуэт мелькал между деревьев, он выстрелил, не узнав ее. Она споткнулась и упала на то самое место, где проходили их свидания. Он нашел ее, бледную, лежавшую среди красных пионов. Сначала подумал, что она просто лежит и беседует с цветами, поэтому стоял и ждал. Потом подошел, нагнулся и увидел, что цветы окрашены кровью. И тогда он посадил в своем саду эти пионы.

Глаза девушек погрузнели от этой сказки, а Хильда отвернулась, чтобы скрыть слезы.

— Красивый конец, — сказала Летти тихим голосом, глядя в землю.

— Это же сказка, — сказал Лесли, чтобы успокоить девушек.

Джордж ждал, когда Летти посмотрит на него. Наконец они встретились глазами, и тут же оба отвернулись, дрожа.

Мэри попросила несколько пионов.

— Подарите мне несколько... я смогу рассказать другим эту историю... она такая грустная... мне так жаль его, так жестоко распорядилась судьба с ним... А Летти сказала, что история красиво кончается!..

Джордж срезал цветы большим ножом, и Мэри приняла их с любовью и нежностью. Потом все вышли из сада, а Джордж направился к коровнику.

— До свидания, спасибо за подарок, — сказала Летти, боясь оставаться рядом с ним.

— До свидания, — засмеялся он.

— Огромное спасибо за цветы... и за рассказ... он прекрасный, — сказала Мэри, — но такой грустный!

Потом они ушли, и мы больше их не видели. Позже, когда на ферме все легли спать, мы с Джорджем сидели у камина, курили, изредка перекидываясь словом. Наконец Джордж сказал:

— Весь день Бленч запахивал пшеницу, потому что все равно ее уже испортили кролики. Вот он ее и запахал. А они говорят: «идиллия», кушают персики... и все это рядом с нами.

Воцарилась тишина, которую нарушало только тиканье часов да крики дикой птицы за окном.

— Она сказала «красивый конец», но что хорошего в смерти? — Он отвернулся и грустно посмотрел на догоравшие поленья.

Где-то среди деревьев послышался крик дикого животного.

— Ой, гадость какая! — воскликнул я и тоже стал смотреть в камин. — Да это

горноста́й или ласка. Уже почти неделю вопит.

Я много раз стрелял по деревьям. Их было двое... один зверек ушел. И снова после тяжелой, гнетущей тишины раздался отчаянный крик из темноты.

— Ты знаешь, — сказал он, — она возненавидела меня после сегодняшнего дня, а я возненавидел ее...

Была полночь. Было грустно.

— Это нехорошо, — сказал я. — Ступай-ка спать... Через несколько часов наступит утро.

Глава I

НАЧАЛО НОВОЙ ЖИЗНИ

Как я и предсказывал, Летти вышла замуж до того, как Лесли оправился от своей болезни. Они уже пять дней находились во Франции, прежде чем мы смогли вернуться к нормальной жизни дома. И хотя все продолжалось по-прежнему, у нас было чувство потери, словно что-то изменилось вдруг. Долгое путешествие в тихом доме кончилось, мы пересекли бурное море нашей юности, а Летти уже пристала к берегу и путешествовала теперь по чужой земле. Наступило время сниматься с места для всех нас, пора было покинуть долину Неттермера, чьи воды и леса навсегда остались в нашей памяти, в наших душах, в наших венах. Мы дети долины Неттермера, маленькая нация со своим языком и своей собственной кровью, и отправляться каждому в другую сторону, в изгнание, было больно.

— Я должен уехать сейчас, — сказал Джордж. — Такой уж у меня характер, чего зря тянуть время, кроме того, я испытываю страх по поводу всех тех вещей, которые медленно, но верно выходят из пор и от которых я наконец сам освобождаю себя. Мне нужно вырваться отсюда немедленно...

Это было время безделья, передышки между сенокосом и уборкой хлебов. Серым, спокойным августовским утром мы вдвоем метали стог. Мои руки горели, поэтому я ждал, когда же наконец пойдет дождь и загонит нас в помещение. Наконец он пошел, и мы поспешили в сарай. Забрались по лестнице на сеновал, где хранился сельскохозяйственный инвентарь и плотницкие инструменты. Сидели вдвоем у чердачного окна и смотрели на ручьи, леса, пруды. Мы находились почти на высоте деревьев, и нам казалось, что мы находимся в центре всего мироздания, а главное — лесов, вод, всей этой залитой дождем долины.

— Через несколько лет, — сказал я, — мы станем совсем чужими.

Он посмотрел на меня добрыми темными глазами и неопределенно хмыкнул.

— Отсюда далеко до гостиницы «Баран», а уж до Лондона, где я буду, и подавно.

— Ты против, чтобы я отправился туда? — спросил он, тихо улыбнувшись.

— Все мы куда-то отправляемся: ты на север, я на восток, а Летти на юг. Летти уже уехала. Через семь недель уезжаю я. А ты когда?

— Должно быть, раньше тебя, — сказал он решительно. — Знаешь, — он улыбнулся своему признанию, — меня тревожит мысль, что я могу оказаться последним. Я не должен быть последним из отъезжающих... — добавил он.

— Ты переедешь к Мег? — спросил я.

Он стал отвечать нехотя, неуклюже, спотыкаясь на некоторых фразах:

— Понимаешь, это не то, что ты бы назвал любовью. Не знаю. Видишь ли, мне нравилась Летти, — он посмотрел на меня застенчиво. — Мы всегда строим воздушные замки. И я строил свой, мечтая о Летти. Понимаешь, в этом я похож на многих людей, я не задумывался о будущем. Я строил свой дом на песке. Просто клал кирпич на кирпич — и все. Ничего удивительного, что моя постройка сразу развалилась. Понимаешь, вы с Летти разбудили во мне сознание, но теперь все потеряно. Я жду, что с женитьбой обрету цель в жизни, начну строить свой собственный дом, настоящий, на фундаменте. Я должен жениться, или я потеряю себя. Есть только два человека, на которых я бы хотел жениться. Одна из них Летти, но она ушла. Я люблю также и Мег. Мег простенькая, миленькая,

ласковая и удобная. Я глажу ее волосы, а она смотрит на меня, и ее глаза полны доверия и любви, и нет в наших отношениях никаких трещин, нам так спокойно друг с другом...

Три недели спустя, когда я лежал под августовским солнышком на лужайке, я услышал шум колес на покрытой гравием дорожке. Это был Джордж, он приехал звать меня на свадьбу. Оставил свой экипаж на дороге и поднялся по ступеням ко мне на лужайку. Одет был так, будто собирался на ярмарку: в пиджаке, бриджах и крагах.

— Ну, ты готов? — спросил он, стоя надо мной и улыбаясь. Его глаза были темны от возбуждения. Этот взгляд так свойствен Сакстонам в минуты возбуждения, восторга.

— Ты пришел в хорошее время, — сказал я. — Сейчас полдесятого.

— Для такого денька, как этот, не поздно, — сказал он весело. — Посмотри, как солнышко светит. Вставай, мужчине подобает быть проворным. По-моему, не мешало бы тебя немного расшевелить. Ну, вставай же, вставай! Посмотри-ка, птичка предсказывает мне удачу. — Он указал на белое пятнышко птичьего помета на своем плече.

Я нехотя поднялся.

— Ладно, — сказал я. — Нам нужно выпить виски, чтобы привести себя в норму.

Он последовал за мной с яркого солнышка в сумрак дома. В комнатах было тихо и пусто. Вместо веселого солнечного настроения холодная тишина. Ласковость этого утра испарилась мгновенно. Золотой солнечный свет снова заиграл в наших жилах лишь после того, как мы во второй раз наполнили стаканчики бледной жидкостью.

— Счастливцев... сегодня я завидую тебе.

Его зубы белели, а глаза блестели, словно темная горючая жидкость, когда он смеялся.

— А вот тебе мой свадебный подарок!

Я остановился у четырех больших акварелей, висевших на стене. На них были изображены наши озера, ручьи, пруды, поля возле мельницы, серый дождь и сумерки, утро и солнце, проливающее золотой свет сквозь туман на разбуженный мир, и полдневный пруд в середине лета. Память о наших минувших днях вмиг опьянила его, и он задрожал перед этой красотой жизни, оваянной магией лет. Он осознал, как прекрасна была вереница прошедших дней.

— Великолепно, Сирил, это наше с тобой время, — сказал он, ощутив нечаянную радость.

Мы сели в экипаж и окунулись в свежесть леса, потом выехали на дорогу прямо под льющийся с неба солнечный свет. Коттеджи Креймида наполнили тень цветом роз, а солнечному свету придали запах розового и голубого от васильков и живокости-шпорника. Мы быстро одолели длинный сонный холм и спустились в низину, помчались мимо ферм, где в садиках гуляли куры вместе с красно-золотыми петухами и утками, напоминающими белые облачка; под сенью осин утиный выводок шествовал к пруду.

— Я велел ей быть готовой в любую минуту, — сказал Джордж, — но она не знает, что это сегодня. Не хочу суеты.

Кобыла начала подниматься вверх, туда, где находилась гостиница «Баран». После того как лошадь остановилась, мы слышали в тишине тихое монотонное пение в саду. Мы сидели спокойно в повозке и смотрели через двор, где поднимались пучками высокие белые

лилии. За цветами виднелась Мег, она склонилась к кустам крыжовника. Потом заметила нас и пошла по тропинке с миской крыжовника. В чистеньком платье и белом переднике. Ее черные тяжелые волосы блестели в лучах солнца, а лицо искрилось смехом.

— Вот уж не думала, не гадала! — воскликнула она, стараясь не показать, что она догадалась о причине его приезда. — Забавно, что вы сегодня приехали рано утром.

Ее глаза, счастливые черные глаза, не встревоженные ничем, такие искренние и добрые, смотрели на нас вопрошающим взглядом малиновки. Ее глаза отличались от глаз Сакстона: темные, они никогда не застывали, никогда не замирали, никогда не выражали боли, обиды или восторга.

— Ты готова? — спросил он, улыбаясь ей сверху.

— Для чего? — спросила она в смущении.

— Чтобы пойти и расписаться со мной... У меня есть разрешение.

— А я собиралась готовить пудинг, — воскликнула она.

— Бросай все дела... надень шляпу.

— Но ты посмотри на меня! Я же сейчас собирала крыжовник. Посмотри! — она показала ему ягоды и царапины на руках.

— Ай-яй-яй! — сказал он, потянув ее за рукав. Она вырвала руку, улыбаясь и лучась от счастья. Я почувствовал запах белых лилий.

— Но ты ведь не это имеешь в виду, да? — сказала она, подняв к нему лицо, круглое и сияющее, как вишня. Вместо ответа он развернул разрешение на брак. Она прочитала его и в смущении отвернулась, проговорив:

— Ну, я к этому была готова. Ты не зайдешь, не скажешь бабушке?

— А есть ли в этом необходимость? — спросил он.

— Да, пойди и скажи ей, — настаивала Мег.

Он пошел. Я же предпочел не заходить в дом. Мег выбежала из дома со стаканом пива для меня.

— Мы не задержимся, — сказала она. — Я только надену другое платье.

Я услышал, как Джордж тяжелой походкой поднялся по лестнице наверх и как он открыл дверь туда, где лежала бабушка.

— Что случилось, паренек? Что привело тебя к нам так рано? — спросила она.

— Как себя чувствуешь, тетушка? — спросил в свою очередь он.

— О, прискорбно, прискорбно! Немного осталось до того момента, как меня вынесут отсюда...

— Не надо, так говорить, не надо!.. Я только что из Ноттингема... Хочу, чтобы Мег поехала со мной.

— Зачем? — резко воскликнула старуха.

— Хочу на ней жениться, — ответил он.

— Что! Что ты сказал? А брачное разрешение, а кольцо, а все такое прочее?

— Обо всем этом я позаботился, — ответил он.

— Ну, вот это здорово, должна я сказать! Что же это за свадьба получается! Тяп-ляп, и все!

— Вы же знаете, что я хотел жениться на ней. Я же об этом прямо говорил. И не хотел никакой лишней болтовни на эту тему.

— То есть решил потихоньку! А что плохого, если народ станет говорить об этом? Не за негра же она замуж выходит, чего тут бояться?.. Никогда я этого от тебя не ожидала... Чего

вы опасаетесь, почему все так вдруг?

— Мне кажется, что никакой спешки нет.

— Никакой спешки!.. — воскликнула старая леди с сарказмом. — Я не допущу никакой спешки! Она не поедет с тобой сегодня.

Он засмеялся, тоже саркастически. Старая дева была рассержена. Она вылила на него свое раздражение, заявив, что она не примет Мег в свой дом и не даст ей ни пенни, если та выйдет за него замуж в этот день.

— Ну и не надо, — сказал Джордж, тоже рассердившись.

Мег поспешила в комнату.

— Сними шляпу! Сними шляпу! В этот день я запрещаю тебе. Он что, думает, что ты корова, свинья, чтобы так вот запросто тащить тебя замуж? Сними шляпу.

— Ну, бабушка!.. — начала Мег.

Кровать скрипнула, поскольку старая леди попыталась встать.

— Сними, а то я сама сниму! — крикнула она.

— Ой, бабушка, не вставай, ты можешь навредить себе, ты же знаешь...

— Ты идешь Мег? — спросил вдруг Джордж.

— Нет! — воскликнула старуха.

— Ты идешь, Мег? — повторил Джордж терпеливо.

Мег начала плакать. Полагаю, она смотрела на него сквозь слезы. Потом я услышал плач старухи и звуки шагов.

— Ты уводишь ее, точно она гусыня, служанка! Ты больше не войдешь в этот дом! Не возвращайся домой после этого, девчонка! — кричала старуха все громче и громче. Джордж появился в дверях, держа Мег под руку. Она была несколько расстроена и плакала. Поля ее шляпы с большими розами из шелка закрывали глаза. На ней было белое платье. Они уселись в повозку. Я передал ему вожжи и перебрался на заднее сиденье. Старуха слышала через открытое окно, как мы отъезжаем, и кричала:

— Не попадайся мне на глаза больше, неблагоприятная девчонка. Не приходи ко мне...

Мы уезжали, а вслед нам неслись эти слова. Джордж сидел и молчал. Мег тихо плакала. Мы проехали большое расстояние и очутились под буками церковного двора, высоко над дорогой. Мег, поправив шляпу, наклонила голову, задувал ветер. Ей было уже некогда плакать, надо было спешно привести в порядок свою одежду.

Мы объехали болото по краю, потом проделали короткую дистанцию верх по холму в Уотналл. Кобыла пошла медленней. Мег, спокойно приводившая себя в порядок, воскликнула жалобно:

— Ой, у меня только одна перчатка! — Она смотрела на старую шелковую перчатку, лежавшую у нее на коленях, потом поискала среди юбок. — Должно быть, я оставила ее в спальне, — сказала она с горечью.

Он засмеялся, и его гнев вдруг пропал.

— Какое это имеет значение? Обойдемся.

При звуке его голоса она вновь собралась с мыслями и опять заплакала, захныкала.

— Не надо, — сказал он, — не надо беспокоиться о старухе. Завтра она изменит свое отношение. А если этого не произойдет, пусть пеняет на себя. А помогать ей будет Полли.

— Но она же такая несчастная... — захныкала Мег.

— Сама виновата. В любом случае не делай несчастной себя...

Он огляделся, потом обнял ее рукой за талию и поцеловал, мягко и ласково сказав:

— Завтра с ней будет все в порядке. Мы зайдем к ней, навестим ее, и она будет рада видеть нас. Мы сдадимся на ее милость, бедной старой бабуси, она сможет снова помыкать тобой, а заодно и мной с завтрашнего дня столько, сколько ей захочется. Она все болезненно воспринимает, потому что прикована к кровати. Но сегодняшний день — наш, ведь правда? Сегодняшний день наш, ты же не испытываешь сожалений по этому поводу, ведь так?

— Но у меня нет перчаток, и я не уверена, что у меня в порядке прическа. Вот уж никогда не думала, что она может так отнестись к этому.

Джордж рассмеялся.

— Нет, — сказал он, — у нее просто плохое настроение. Но мы можем достать тебе перчатки сразу в Ноттингеме.

— А у меня денег ни фартинга, — сказала она.

— Зато у меня много! — засмеялся он. — И попробуй надеть это.

Им сразу стало весело после того, как он примерил ей обручальное кольцо, они стали тихо разговаривать, он был особенно нежен. Кобыла спокойно бежала по дороге. Шляпа Мег несколько пострадала от веток вязов. Желтые хлеба колосились на полях и шевелились на ветру, словно золотая одежда.

Мы проезжали мимо коттеджей, где в садиках цвели красные лилии, похожие на вспышки пламени, и похожие на стелющийся синий дым высокие живокости. Иногда мы чувствовали запах солнца в коричневых хлебах, а иногда благоухание от тени листвы. Это был головокружительный запах свежих стогов сена. Затем мы тряслись по булыжникам Синдерхилла, направляясь к подножию высоких холмов, образованных из выброшенной породы с шахт, пахнувших серой, горевших медленным красным огнем в солнечных лучах и покрытых коркой пепла.

Мы проехали дальше и перед собой увидели город, раскинувшийся на холмах. Я отыскал квадратную башенку моей старой школы и острый гордый шпиль Святого Андрея. Над городом висела хмарь, тонкое грязное покрывало закрывало синее небо.

Мы повернули и поехали вниз по склону, мимо последних лоскутов хлебных полей к Бэсфорду, где огромные газгольдеры стояли, словно поганки. Как только мы доехали до начала улицы, Мег возбужденно привстала и, схватив Джорджа за руку, воскликнула:

— Смотри, вот бедняжка!

На мостовой стояли два маленьких мальчика, обратив плачущие лица к невнимательным небесам, на земле лежал опрокинутый детский стульчик с привязанным к нему ребенком. Плохо сработанный стул упал, потому что мальчики что-то там нарушили. Они не могли ничего исправить. Привязанный ребенок лежал головой вниз и мог задохнуться. Мег наклонилась и помогла ребенку выбраться из-под обломков.

Мальчики плакали навзрыд. Мег присела на дороге, положив ребенка на колени, ее маленькие ножки открылись нашему взору. Она гладила несчастное заплаканное существо. Целовала и качала дитя, испытывая к нему чувство сострадания.

Когда наконец все трое ребят замолчали и мальчики утерли последние слезы, Мег тоже успокоилась, уняв в себе чувство жалости к маленькому существу. Она нежно мурлыкала что-то, вытирала слезки своим носовым платочком, гладила, целовала, поправляла каштановые волосики под хлопчатобумажным чепчиком, приводила в порядок одежонку. Действительно, симпатичный ребенок, с шелковистыми каштановыми волосенками и большими голубыми глазами.

— Это девочка? — спросил я у одного из мальчиков. — Сколько ей?

— Не знаю, — ответил он нехотя. — Она у нас только три недели.

— Так это не ваша сестра?

— Нет... моя мама смотрит за ней. — Им очень не хотелось говорить с нами.

— Бедная маленькая овечка, — плакала Мег, испытывая жалость к крошке. Она прижимала девочку к груди одной рукой, другой придерживала ее за ножки. Наконец она подняла голову и спросила дрожащим от волнения голосом:

— Но вы ведь любите ее?

— Да... она... она в общем-то хорошая. Нас заставляют все время заботиться о ней, — ответил мальчик в смущении.

— Конечно, — сказала Мег. — Конечно, вы не должны пренебрегать вашей обязанностью. Бедная крошка... такая маленькая, она... разумеется, вы ведь не жалуетесь на то, что вам приходится иногда присматривать за ней?.. Верно?

Мальчикам не захотелось отвечать на этот вопрос.

— О, бедная маленькая овечка, бедная маленькая овечка! — мурлыкала Мег над ребенком, горько осуждая мальчиков, а заодно всю мужскую половину человечества.

Я научил одного из мальчиков, как складывать и раскладывать стульчик. Мег сидела возле несчастной девочки и очень нежно прикрепляла ее к стульчику.

— Где ее соска? — спросил один из мальчиков требовательным, исполненным собственного достоинства тоном. Дитя начало плакать тоненьким голосочком.

Мег склонилась над девочкой. Соску вскоре нашли и вытерли о курточку мальчика, после чего засунули в ротик ребенка. Мег осторожно высвободила свой палец из крошечной ручонки девочки и забралась в повозку, строго приказав мальчикам:

— Смотрите за ней лучше, у бедного ребенка нет матери. Господь смотрит и видит, как вы обращаетесь с ней... поэтому будьте осторожны, приглядывайте за ней.

Мальчики стояли с пристыженным видом. Джордж прищелкнул языком, кобыла зацокала копытами, а когда мы поехали, кинул несколько медяков мальчикам.

Пока мы ехали, я смотрел, как маленькая группка уменьшалась на дороге.

— Как нехорошо, — сказала она, и в ее голосе слышались слезы. — Бедная крошка...

— Ах, — сказал Джордж мягко, — в городе и не такое увидишь.

Мег, не обращая на него внимания, сидела и по-женски размышляла о покинутом ребенке и обвиняла жестокий мир. Он же, полный нежности и желания оберегать ее, смотрел на девушку ласково и чувствовал себя несколько удрученно, потому что она не обращала на него внимания и сидела обособленно. Тогда он сосредоточился на вожжах, и так они ехали, как бы отделенные друг от друга, пока Мег не пробудилась от шума города. Лошадь очень нервно воспринимала машины, а когда мимо прошел тягач, она дернулась. Мег испугалась и снова прижалась к Джорджу. Она обрадовалась, когда мы миновали кладбище с его белыми каменными памятниками и выбрались на тихую улицу.

Но когда мы спешили и передали вожжи какому-то бездельнику, она стала смущенной, застенчивой и робкой в высшей степени. Он взял ее под руку, а заодно и под свою опеку, засмеялся и повел по ступеням учреждения. Она чувствовала себя полностью в его руках, и он заботился о ней.

Когда, через короткое время, они вышли, она щебетала со стыдливой благодарностью. Он был очень тих и, казалось, даже затаил дыхание.

— Какой забавный маленький человечек, правда? Я все правильно делала?.. Даже не понимала, что делаю. Уверена, они смеялись надо мной... Как ты думаешь, смеялись? О, ты

только взгляни на мое платье... какой вид! Что они подумают!..

Маленькая девочка слегка выпачкала ей платье спереди.

Джордж повез нас в город. Когда мы оказались возле магазинов на Мэнсфилд-роуд, он снова собрался с духом.

— Куда мы едем... куда ты нас везешь? — спросила Мег.

— Можем хорошо провести день, раз мы уж здесь, — ответил он, улыбнувшись, и опять щелкнув кобыле. Они оба чувствовали себя так, как будто пустились в увлекательное путешествие. Он поехал к Спред-Игл, и мы отправились искать перчатки для Мег. После того, как он купил их ей вместе с большим кружевным шарфом, украсившим ее, он заявил, что хочет обедать.

— Отправимся-ка, — сказал он, — в отель.

Она широко раскрыла глаза, услышав это, и отвернулась со страхом и тайным восторгом. Никто из них никогда не был в отеле. Она действительно была испугана. Умоляла его отправиться в столовую, в кафе. Тот упорствовал.

Он любил делать то, что было сопряжено со страхом. Ему нравилось... это было почти как опьянение... нравилось быть храбрым. Он боялся города. Боялся вообще чужих мест. А для него все было чуждым, кроме Неттермера. Поэтому он решительно пересекал любые границы и двигался навстречу неизведанному.

Мы отправились в отель «Виктория»... наиболее известный, как он думал... и ели ланч, какой был указан в меню. Молодожены были похожи на детей, очень испуганных и тем не менее получавших удовольствие от собственных проказ. Он даже не подумал о том, что нужно сделать заказ. Не обращался ни к кому, ни к официанту, ни вообще к кому бы то ни было. Это за него сделал я, а он смотрел на меня, впитывая в себя, учась, удивляясь, как все просто и приятно. Я пробормотал заказ через стол, а они покраснели и посмотрели друг на друга, нервно засмеявшись.

Трудно сказать, доставил ли им удовольствие этот ланч. Что касается Мег, думаю, что нет... даже несмотря на то, что она была с ним. А вот насчет Джорджа у меня сомнения. Он страдал от того, что следует вести себя с достоинством, и нервничал, но в то же время был опьянен неожиданным приключением, чувствовал себя, словно житель маленького острова, впервые ступивший на континент. Это был первый шаг в большую жизнь, и он думал над этим, получая удовольствие от стаканчика бренди. И все-таки страшно нервничал. Видно, не мог отделаться от чувства, что нарушает границы дозволенного.

— Как мы проведем сегодняшний день? — спросил он.

Было предложено несколько вариантов, но Мег высказалась за Колвик.

— Поедем на пароходе в Колвик-парк. В этот день там будет представление. Это будет просто здорово.

Через некоторое время мы мчались уже в машине к Трент-Бриджиз. Было обеденное время, и толпы людей из лавок и магазинов спешили по тротуару в лучах солнечного света. Солнце отбрасывало их тени на стены магазинов, повсюду сновали люди, одетые ярко, полетному. Когда машина остановилась на большой площади у рынка, мы сразу ощутили запах фруктов: апельсинов, маленьких абрикосов, груш, разложенных живописно на прилавках. Потом снова пересекали темные переулки и попадали в поток солнечного света. На высокой скале стоял замок, освещенный солнцем. Фонтан вздымал водяные струи, липы отбрасывали зеленые мерцающие тени на домики для бедных.

В Тренте было много народу. Мы стояли на мосту и смотрели на искрящуюся реку, в

безмолвном танце текущую в море. У берегов стояли прогулочные пароходики. Мы взошли на борт одного из них и заплатили по шесть пенсов. После долгого ожидания мы наконец отчалили, возбужденные предстоящим путешествием. Где-то внизу звучали два банджо, и пассажиры пели под музыку. Несколько лодок качались на воде. Вскоре справа показались зеленые луга с изгородями из колючего кустарника, а слева — красная скала, покрытая темными деревьями.

Мы высадились в Колвик-парке. Было рано, и там бродило мало народу. На деревьях висели незажженные разноцветные фонарики. Трава была сильно помята. Мы пошли по аллеям парка, пока не уткнулись в границу, где как раз начинались беговые дорожки с коротко подстриженной травкой, с белыми барьерами. Они были свалены в тени, и я недоумевал почему. Потом стали прибывать люди, много людей. Становилось шумно, даже слишком. Некоторое время мы слушали концерт на открытом воздухе, который давал местный Пьеро. И надо сказать, довольно вульгарный. Мне вспомнились в этой связи Коуз, Ярмут. Точно такие же глупые лица, такое же назойливое треньканье расстроенного пианино, те же песни, те же жалкие хоры певцов, те же шутки, остроты. Мег была очень довольна. На вульгарность она не обращала внимания. Она смеялась и вполголоса подпевала хору. Ей все очень нравилось: «О, теперь очередь Бена. Мне он нравится. Он так здорово подмигивает. Посмотрите, как Джой старается быть забавным!.. Ой, у него не получается. Он выглядит таким растяпой!..» Она хихикала в плечо Джорджу. Тот тоже смеялся.

За чаем, на зеленой веранде, она постоянно напевала песенки, и его лицо прояснялось, когда она смотрела на него, тогда он начинал петь вместе с ней *sotto voce*. Он не испытывал смущения и стеснительности здесь, в Колвике. Вел себя беззаботно, с чувством собственного достоинства. Даже держался с некоторой насмешливостью. Небрежно заказал омара за чаем. Это было также для него внове. Здесь он не колебался, чувствовал свое превосходство. И он, и Мег искренне радовались жизни.

Когда они приехали в Ноттингем, она настояла на том, чтобы не идти в отель, как он предложил раньше, и он согласился. Вместо этого они поехали в Замок. Мы стояли на высокой скале в этот прохладный день и смотрели, как солнце спускается над большой равниной, где города начинаются и заканчиваются, а реки бегут себе дальше, окруженные лугами. В картинной галерее была прекрасная коллекция работ Артура Мелвилла. Мег нашла их странными. Я начал им объяснять, его творческую манеру, но она откровенно заскучала. На улице играл военный оркестр. Мег захотела пойти туда. Горожане танцевали прямо на траве. Она захотела присоединиться к ним, но не умела танцевать. Поэтому они сели и просто смотрели.

Вечером мы собирались пойти в театр. В Королевском театре «Карл Роза Компани» представляла «Кармен». Мы расположились в бельэтаже, «как герцоги», сказал я им и увидел в его глазах выражение удовлетворения от нового приключения. В театре, среди людей, одетых в вечерние костюмы и платья, он чувствовал себя по-детски раскрепощенным. Создавал впечатление шаловливого ребенка. Оказавшись вдали от своих родных мест, от Неттермера, он как бы шалил весь день.

«Кармен» произвела впечатление на них обоих. Веселая, беззаботная жизнь южан поразила их. Их покорило и то, как свободно там люди играют с жизнью. Они как замороженные смотрели на сцену. В антракте, взявшись за руки, они смотрели большими, широко открытыми глазами друг на друга, смеялись от возбуждения, обсуждали оперу. Вокруг нас зрительный зал волновался и гудел, как растревоженное осиное гнездо. Потом,

подобно шторму, грянула музыка. На сцене чужие, непонятные герои шли навстречу своей судьбе, навстречу трагедии и смерти. Мои друзья вздрогнули от предчувствия беды. Когда все закончилось, они встали очарованные, у нее на глазах были слезы, у него сердце билось странно и гулко.

Оба стеснялись своих чувств. В ушах еще гремела музыка чужих страстей, глаза наполнились слезами, они смеялись странным смехом. И сразу поспешили к Спред Игл. Мег быстро шла, почти бежала за ним по тротуару. Ее кружевной шарфик развеялся на белом платье, она напоминала прекрасную бабочку, летящую в ночи. Мы мало разговаривали, когда запрягали лошадь, между тем на улице зажглись фонари. В маленькой прокуренной закуской Джордж выпил несколько стаканчиков виски, она медленно потягивала из своего стакана, напуганная, готовая уйти в любой момент. Он сунул в карман большие куски хлеба и сыра, чтобы съесть по дороге домой. Он теперь производил впечатление человека рассудительного, заботливого. Несколько приказаний, отданных им, были короткими и на редкость четкими. Он одолжил легкий коврик, чтобы укутать им Мег, после чего они были окончательно готовы к отъезду.

— Кто правит? — спросил я.

Он посмотрел на меня и слегка улыбнулся.

— Ты, — ответил он.

Мег, как нетерпеливое белое пламя, стояла в ожидании под фонарями. Он укутал ее в темный коврик.

Глава II

ПОРЫВЫ ВЕТРА НАДУВАЮТ ПАРУС

Это был славный год, в который мы покинули родную долину Неттермер. Вишневые деревья пышно хвастались своими тяжелыми длинными ветками, отливавшими красным и золотым цветом. Огороды, где на грядках обильно зрели овощи, простирались до самого озера. Напротив стены висели огромные сливы, которые время от времени плюхались на землю, и в этом звуке чувствовалось удовлетворение. Овес в этом году созрел особенно хороший, тяжелый, налитой. Колосья стояли большие и сильные, как бамбук, опустив головы под тяжестью золотых капель.

Джордж проводил время то на мельнице, то в «Баране». Бабушка приняла их ворча, но на самом деле с радостью. Мег была восстановлена в своих правах, и Джордж ночевал теперь в «Баране». Он весь сиял, был весел. Дело в том, что его новая жизнь была ему невероятно интересна и очень нравилась. Он часто рассказывал мне про Мег, какая она наивненькая, как она удивляется ему и как она довольна им. Он получил место, собственный дом и красивую жену, которая обожает его. Кроме того, пивная при гостинице была полна всего неизведанного, нового, притягательного. И часа не было, чтобы ему пришлось скучать. Если нужна компания, он шел в прокуренную пивную, если требовались покой и тишина, он мог посидеть с Мег, такой нежной и теплой, такой восхищавшейся им. Он всегда смеялся над ее странными, но привлекательными воззрениями, чудаковатой речью, неотесанностью. Она разговаривала с ним ласково, сидела у него на колене и крутила ему усы. Он был, по его словам, очень счастлив. В действительности он не мог даже в это поверить. Мег была, ах! Она была воплощением радости и удовольствия. И он хохотал громко и раскатисто. Легкая тень могла при этом омрачить его взгляд, но он начинал смеяться снова и пересказывал мне еще одно забавное суждение своей жены. Она недостаточно образованна, и это очень забавно, утверждал он. Я смотрел на него. И вспомнил его грубые манеры, которые так сердили Эмили. Теперь в нем появилось этакое ограниченное, тупое самодовольство. Мне не нравилось также его отношение к жене.

В день молотьбы, в тот последний год, когда я работал на ферме, я заметил в нем новые наклонности. Сакстоны всегда поддерживали определенные традиции, которыми гордились. В прошлые годы в день молотьбы вся семья перебиралась в гостиную, а нанятая по этому случаю женщина прислуживала мужчинам, которые работали с техникой. На этот раз Джордж предложил:

— Давай пообедаем с мужиками на кухне, Сирил. Это настоящая банда. Странные личности. Интересно посидеть с ними. Они знают жизнь, многое повидали. Я люблю послушать их рассказы. В них много поучительного.

Фермер сидел во главе стола. Семеро мужчин вошли тихо, как овечки, и заняли свои места. Поначалу они много не разговаривали. Народ собрался очень разный: одни низкорослые, молоденькие, зыркавшие по сторонам украдкой; другие уже в возрасте, некрасивые, с сиплыми голосами и дряблыми веками. Был там один мужчина, которого прозвали Попугаем потому, что у него нос крючком, и еще потому, что он выдвигал голову вперед, когда говорил. Очень крупный мужчина, но уже седой и сутулый. Лицо у него бледное и мясистое, и казалось, что он плохо видит.

Джордж вел себя покровительственно с работниками, и те не возражали. Подшучивал

над ними, демонстративно велел подать им больше пива. Предложил отказаться от тарелок, крикнув женщине, чтобы она принесла побольше хлеба. В общем, играл роль доброго трактирщика на празднике для нищих. Попугай ел очень медленно.

— Давай-давай, папаша, — подбадривал Джордж, — ты что-то не поспеваешь. Небось, зубьев не хватает?

— Да, растерял я их на моем жизненном пути. Могу теперь жевать только деснами, как младенец.

— Второе детство, да? Ну, что ж, мы все к этому придем, — похохатывал Джордж.

Старик поднял голову, посмотрел на него и неспешно произнес:

— Если не загнешься раньше и не получишь сполна за все.

Джордж засмеялся, нисколько не задетый. Очевидно, он привык к едким замечаниям в своей пивной.

— Полагаю, ты сам скоро тоже получишь все, — сказал он.

Старик поднял голову, его глаза оживились. Он медленно прожевал, потом сказал:

— Я был женат и заплатил за это. Я сломал констеблю челюсть и заплатит за это. Я дезертировал из армии и заплатил за это. Плюс к этому я получил пулю в щеку в Индии, между прочим, в твоём возрасте.

— О! — сказал Джордж с интересом, — ты повидал жизнь, верно?

Они вынудили старика рассказать им несколько жестоких историй. Тот говорил в своей медленной лаконичной манере. Они смеялись и подшучивали над ним.

Казалось, Джордж испытывал жажду к жестоким сказкам, к этому грубому, крепкому напитку жизни. Он пил его взахлеб, наслаждаясь новыми впечатлениями. Обед кончился. Пора было снова приступать к работе.

— Сколько лет тебе, папаша? — спросил Джордж.

Попугай снова посмотрел на него тяжелым, усталым, ироническим взглядом и ответил:

— Если ты станешь лучше от этого, то знай, что уже шестьдесят четыре.

— Трудновато тебе, наверно, работать с молотилкой и спать на открытом воздухе в таком возрасте. Небось хочется пожить в довольстве, в комфорте...

— Что ты понимаешь под словом «трудновато»? — медленно спросил Попугай.

— Думаю, ты и сам знаешь, что я имею в виду, — спокойно ответил Джордж.

— Это ты не знаешь, что я понимаю под этим, — ответил медленно старый Попугай.

— Ну ведь ты же ничего хорошего не получил от жизни, верно?

— Что ты понимаешь под словом «хорошего»? У меня была моя жизнь, и я доволен ею. Я сыт ею и умру удовлетворенный.

— О, ты поднакопил деньжонок?

— Нет, — сказал старик, — наоборот, я потратил все, что у меня было. Зато я получил все, чего добивался. Мне жаль ангелов, перед которыми Господь поставит меня в качестве книги для чтения. С этого момента Небеса больше не будут небесами.

— А ты философ, — засмеялся Джордж.

— А ты, — ответил старик, — ковыляешь по заднему дворику и считаешь себя мудрым. Но вся твоя мудрость уйдет вместе с твоими зубами. Ты научишься ничего не высказывать.

Старик вышел и приступил к работе, таская мешки с зерном от молотилки в хранилище.

— Много есть в старом Попугае такого, — сказал Джордж, — чего он никогда не расскажет.

Я засмеялся.

— Он заставляет тебя почувствовать, будто ты открываешь в жизни что-то новое, — продолжал он, задумчиво глядя на молотилку.

* * *

Когда закончилась уборка, отец начал освобождать ферму. Часть скота отвели на ферму при гостинице «Баран». Джордж хотел продолжить молочный бизнес своего отца. Хотел использовать землю, прилегавшую к гостинице, как пастбище, чтобы обеспечить корм своим девяти-десяти коровам. До весны, однако, мистер Сакстон продолжал собственное молочное дело и подготавливал пашню для будущих владельцев. Джордж же с тремя коровами снабжал молоком окрестности гостиницы, готовил землю к лету и помогал в пивной.

Эмили первой окончательно покинула ферму и мельницу. Она пошла работать в школу в Ноттингеме, вскоре после этого Молли, ее младшая сестра, переехала жить к ней. В октябре я отправился в Лондон. Летти и Лесли поселились в своем доме в Брентвуде, в Йоркшире. Мы все остро переживали наше изгнание из Неттермера. Однако связи между нами не были еще окончательно разорваны. На Рождество мы все возвращались и спешили приветствовать друг друга. В каждом произошли небольшие перемены. Летти стала ярче, более властной и очень веселой; Эмили — тихой, сдержанной и выглядела более счастливой; Лесли стал весельчаком, забавником и в то же время более покорным и искренним; Джордж казался здоровым и счастливым и был очень доволен собой; моя мама своей радостью по случаю нашего приезда вызвала у нас слезы.

В один из вечеров мы обедали в Хайклоузе с Темпестами. Было скучно, как обычно, и мы ушли еще до десяти. Летти переобулась и накинула великолепный зеленовато-синий шарфик. Мы брели по замерзшей дороге. Лед на Неттермере загадочно блестел в лунном свете и странно потрескивал. Луна стояла очень высоко, маленькая и яркая, как сосуд, полный чистого, белого, жидкого серебра. Ни звука в ночи, лишь потрескивание льда да чистый смех Летти.

По дороге, ведущей в лес, мы увидели, как кто-то шел нам навстречу. Прошлогодня трава была серой. Колючие деревья опустили свои черные бороды. Сосны стояли прямо, словно чернокожие солдаты. Темный силуэт прохожего приближался, у ног бежала его тень. По шапке и поднятому воротнику я узнал Джорджа. Летти с мужем шла впереди меня. Когда Джордж поравнялся с ними, она сказала чистым громким голосом:

— С Новым годом!

Он остановился, повернулся к ним и рассмеялся.

— Думал, вы меня не признаете, — сказал он.

— Так это ты, Джордж? — воскликнула Летти с большим удивлением. — Вот так штука! Ну как твои дела? — И она протянула ему свою белую руку.

Он пожал ее и ответил:

— Хорошо... а как твои? — Как бы ни были бессмысленны эти слова, его голос звучал очень дружелюбно.

— Как видишь, — ответила она и засмеялась. — Куда направляешься?

— Домой, — ответил он тоном, который подразумевал: «Разве ты забыла, что я тоже женат?»

— Да, конечно, — воскликнула Летти. — Ты же теперь трактирщик в «Баране». Ты

должен рассказать мне об этом. Можно я приглашу его домой к нам на часок, мама?.. Сейчас, правда, канун Нового года, как ты понимаешь...

— Ты уже пригласила его, — засмеялась мама.

— Может ли миссис Сакстон обходиться без тебя долго? — спросила Летти у Джорджа.

— Мег? О, она не приказывает мне, когда приходить и когда уходить.

— Да? — засмеялась Летти. — Она поступает недальновидно. «Учи мужа, каким путем ходить, и после жизни...» Никогда не могла запомнить цитату от начала до конца. Всегда помнила только начало... Лесли, у меня шнурок на ботинке развязался, или мне подождать, когда мы подойдем к забору и я смогу завязать его сама?

Лесли преклонил колени у ее ног. Она откинула капюшон назад, и ее украшения блеснули в лунном свете. Ее лицо: его бледность и тени на нем — очень впечатляло, а ее глаза смотрели на Джорджа с какой-то скрытой магией. Она широко улыбнулась ему в тот момент, когда муж склонился перед ней. Потом, когда они втроем пошли по лесной дороге, она распахнула пальто, и ее грудь, обтянутая белым шелком, заблестела в лунном свете. Она смеялась и болтала, шелестя шелками и распространяя аромат духов в морозном воздухе.

Когда мы пришли домой, Летти сбросила пальто и поспешила в гостиную. Лампа на окне излучала слабый желтый, сумеречный свет. Летти встала между лампой и камином, освещенная с двух сторон, высокая и теплая. Когда она, смеясь повернулась к обоим мужчинам, то позволила шали соскользнуть с ее белого плеча и упасть на подлокотник дивана, демонстрируя великолепного синего павлина. Она стояла, держа белую руку над павлином на своей шали, ее платье оранжево светилось. Она понимала, что смотрится великолепно, и смеялась победно. Потом подняла руки к голове и осторожно поправила прическу, стоя прямо перед мужчинами. Еще раз засмеявшись, она медленно повернулась и сделала ярче свет лампы. Колдовская атмосфера в комнате тут же рассеялась. За эти шесть месяцев Летти стала несколько чужой. Казалось, она обнаружила в себе женский талант быть очаровательной: в том, как она наклонилась вперед, протянув руку к лампе, как она изысканно поправила фитиль своими загадочными пальцами, она двигалась, словно в танце, ее волосы клубились на свету, подобно нимбу. Выглядела она изумительно.

— Не снимешь ли с меня ботинки, дорогой? — попросила она, усаживаясь на диван. Лесли опять опустился на колени перед ней, а она сидела, наклонившись, и смотрела на него.

— Мои ноженки замерзли, — сказала она, подавая ему ногу, которая казалась золотой в желтом чулке. Он взял ее и начал растирать:

— Да, довольно холодная, — сказал он и взял обе ноги в руки.

— Ах, милый мальчик! — воскликнула она с неожиданной нежностью, подавшись вперед и коснувшись его щеки.

— Наверное, это забавно — быть трактирщиком? — затем игриво спросила она у Джорджа. Казалось, теперь между ними образовалась огромная дистанция. Она сидела, а перед ней на коленях стоял мужчина в вечернем костюме и надевал золотые туфельки ей на ноги.

— Да, — ответил он. — Мужчины в пивной рассказывают о таких странных вещах. Там можно услышать всякие истории.

— Расскажи нам, давай! — попросила, она.

— О! Я не сумею. Никогда не умел рассказывать, и даже если бы мог... ну...

— Но я бы послушала, — сказала она. — Что же такого рассказывают мужчины в

пивной гостиницы «Баран»? Или это говорить нельзя?

— Да! — он засмеялся.

— Жаль! Видишь, какая жестокая судьба у женщины, представляешь, Лесли, нам не дано знать о том, что рассказывают друг другу мужчины в пивных, в то время как вы в романах читаете обо всем, что только поверяют одна другой женщины. Это ужасно! Джордж, негодник, ты просто обязан рассказать мне. Я завидую тебе...

— Мне? В чем же? — Он засмеялся.

— Твоей пивной. Тому, как ты видишь жизнь... или скорей, что ты слышишь о ней.

— А вот я бы считал, что ты видишь жизнь в десять раз больше, чем я, — ответил он.

— Я! Я вижу только манеры: хорошие и плохие. Ты знаешь, «манеры делают мужчину».

Ну, и женщину тоже. Вот и ждешь, понимаешь...

— Чего? — спросил Джордж заинтересованно.

— Когда тебе повезет и кто-нибудь что-нибудь расскажет, — ответила она шутливо.

Он вырос в собственных глазах из-за того, что она помнила вещи, о которых он говорил.

— Что касается меня, — сказал он, — то я навсегда останусь трактирщиком гостиницы «Баран». — Он смотрел на нее и ждал, что она скажет на это.

— Это не имеет значения! Лесли мог бы быть хозяином нескольких гостиниц «Баран». Правда, дорогой?

— Спасибо, — ответил Лесли с добродушным сарказмом.

— Ты можешь не отличить трактирщика от пэра, если это богатый трактирщик, — продолжала она. — Деньги делают мужчину, знаешь.

— Плюс манеры, — добавил Джордж, смеясь.

— О, они везде... где я. Я даю тебе десять лет. Через эти десять лет ты должен пригласить нас к себе... скажем, во Дворец Эбервич... и мы придем «со всей своей многочисленной ратью».

Она сидела на диване, улыбаясь ему. Она отчасти шутила, отчасти была искренна. Он улыбнулся в ответ, его темные глаза сияли надеждой, удовольствием и гордостью.

— Как Мег? — спросила она. — Все так же очаровательна... или что-нибудь испортило ее?

— О, она очаровательна, как всегда, — ответил он, — и мы просто обожаем друг друга.

— Вот это правильно!.. Я думаю, мужчины вообще восхитительны, — добавила она, смеясь.

— Рад, что ты так думаешь, — засмеялся он.

Они оживленно разговаривали о самых различных вещах. Она коснулась своих парижских впечатлений, картин, новой музыки, рассказывала обо всем быстро и непринужденно. Это звучало божественно для Джорджа, он поражался ее знаниям, ее способностям. Наконец он сказал, что ему пора.

— Нет, пока ты не съешь пирожное и не выпьешь за мою удачу, — воскликнула она, мило придерживав пальцами платье, оранжевое пламя, выбежала из комнаты. Мы выпили за Новый год холодного шампанского.

— За Vita Nuova^[29], — сказала Летти, и мы, улыбаясь, выпили.

— Слышите! — сказал Джордж, — гудки.

Мы тихо стояли и слушали. Издалека доносились гудки. Была полночь. Летти взяла накидку и вышла за дверь. Лес, лед, серые холмы лежали вдаль, замороженно посверкивая при свете луны. Но за долиной, далеко в Дербишире, в той стороне, где Ноттингем, на

шахтах и заводах раздавались гудки и сирены, возвещая о начале Нового года.

Я нашел много перемен к лучшему в характере Лесли после того, как он женился. Он утратил свою напыщенную самоуверенность и больше не стремился высказать свое ультимативное суждение по любому вопросу, не стремился к превосходству над другими, как раньше в любой компании, где он находился. Я с удивлением увидел его доброжелательное отношение к Джорджу. Он спокойно ходил по комнате, пока Летти болтала, вел себя вежливо и изящно. Приятно было видеть, как он предлагал сигареты Джорджу или как он тактично, глазами спрашивал, не налить ли гостю в рюмку еще вина.

С Летти он вел себя внимательно, заботливо и отнюдь не подчеркнуто демонстративно.

К концу моих каникул он должен был отправиться в Лондон по делам, и мы договорились ехать вместе. Мы должны были выехать сразу после восьми часов утра. У Летти и у него были разные комнаты. Я думал, она не встанет, чтобы позавтракать вместе с нами, однако в четверть восьмого, когда Ребекка принесла кофе, она спустилась вниз. На ней было голубое утреннее платье, волосы красиво уложены, как обычно.

— Дорогая, тебе не надо было беспокоиться и вставать так рано, — сказал Лесли, целуя ее.

— Конечно, я обязана была подняться, — ответила она, отодвинув тяжелую портьеру и глядя на снег, на то, как дневной свет пробивался сквозь сумрак. — Я не должна отпускать вас на холод, пока не увижу, что вы плотно позавтракали. Думаю, снег будет таять. Это видно по тому, как тяжело он лежит на рододендронах. Мы можем провести утренний час вместе. — Она взглянула на часы. — Увы, только час! — добавила она.

Он с нежностью повернулся к ней. Она улыбнулась ему и села у кофейника. Мы заняли свои места за столом.

— Думаю, я вернусь сегодня вечером, — сказал он мягко, почти просительно.

Она посмотрела на кофе, прежде чем ответить. Потом подняла голову и протянула ему чашку.

— Ты не будешь делать таких глупостей, Лесли, — сказала она мягко. Он взял чашку, поблагодарил ее и наклонил лицо над паром.

— Я могу легко попасть на поезд на семь пятнадцать от Сент-Панкраса, — ответил он, не поднимая головы.

— Стала ли я лучше, на твой взгляд, Сирил? — вдруг спросила она, а потом, подув на кофе, добавила: — Это же глупо, Лесли! Ты попадешь на поезд на семь пятнадцать и окажешься без транспорта в Ноттингеме. Просто ты не сможешь воспользоваться машиной из-за бездорожья. Кроме того, глупо спешить домой в холодную ночь, когда ты можешь с комфортом пребывать в Лондоне.

— В любом случае мне нужно будет попасть на поезд в десять тридцать в Лоутон-Хилле, — возразил он.

— В этом нет необходимости, — ответила она. — Повторяю, нет нужды спешить домой в такой вечер. Это действительно неразумно. Подумай обо всех неудобствах! Я не хочу, чтобы ты, измученный, притащился в полночь домой. Действительно не хочу. Это было бы просто негодяйством. Оставайся и проведи хороший вечер с Сирилом.

Он не поднимал головы от тарелки и не отвечал. Его настойчивость слегка раздражала

ее.

— Вот что ты мог бы сделать! — сказала она. — Сходи-ка на пантомиму. Или подожди... Лучше на «Синюю птицу» Метерлинка. Уверена, она где-нибудь да идет. Сохранила ли Ребекка вчерашнюю газету? Не мог бы ты позвонить в колокольчик, Сирил?

Ребекка пришла, и газета нашлась. Летти внимательно прочитала объявления и составила для нас великолепную программу на вечер. Лесли выслушал ее молча.

Когда пришла пора нам уезжать, Летти вышла в холл, чтобы посмотреть, хорошо ли мы одеты. Лесли произнес мало слов. Она была уверена, что он глубоко оскорблен, но вела себя очень нежно и мягко, заботясь о нас обоих.

— До свидания, дорогой! — сказала она ему, когда он подошел поцеловать ее. — Знаешь, каким бы ты был несчастным, если бы сидел ночью в поезде. Ты должен провести время весело. Я знаю, что ты так и поступишь. Жду тебя завтра. До свидания, до свидания!

Он спустился по ступенькам и сел в машину, не глядя на нее. Она стояла в дверях, наблюдая, как мы разворачивались. В это темно-серое утро она олицетворяла собой спасительную гавань, прибежище синих небес и мартовского солнца, такая ослепительная в своем ярком платье и красивой прическе. Он не смотрел на нее, пока мы не свернули к большому, запорошенным снегом рододендронам. Тут он, вдруг испугавшись, привстал и замахал ей рукой. Почти в тот же момент между ними оказались кусты. Он упал на сиденье.

— До свидания! — услышали мы ее добрый и нежный крик, как у черного дрозда.

— До свидания! — ответил я.

— До свидания, дорогая, до свидания! — прокричал он голосом, в котором слышались прощение и нежность.

Машина покатила по заснеженной дороге, обсаженной деревьями. В Норвуде я очень тосковал по дому. Неделями я смотрел на улицы пригорода, пытаюсь уловить хоть какое-то сходство с Неттермером, хоть какой-то его дух, отголоски его провинциальной жизни. Идя по тихим дорогам, где одиноко горели желтые фонари среди голых деревьев в ночи, я вспоминал темную влажную тропу в лесу, на лугу и вдоль ручьев. Дух фермы, дух мельницы жил во мне. И в пригородах Лондона я бродил, лелея в себе ощущение намокшей долины Неттермера. Внутри меня пробуждался странный голос, который звал меня снова пройти по тропе и взобраться на холм, я чувствовал, что лес ждет меня, зовет, призывает. И я кричал ему, хотя нас разделяли многие мили. С тех пор, как я покинул родную долину, я не боялся никаких иных потерь. Холмы Неттермера были моими стенами. А небо Неттермера — крышей над головой. Казалось, что я по-прежнему дома, что стоит поднять руку к потолку, и я потрогаю мое любимое небо, чьи родные, знакомые облака приходили снова и снова, чтобы навестить меня. Чьи звезды были верны мне, потому что родились, когда родился я. И чье солнце всегда было отчее для меня. Но сейчас над моей головой чужое небо. Орион меня больше не замечал. Он, который ночь за ночью стоял над лесами и проводил со мной прекрасные часы. В столице же, пожалуй, ночей вообще нет.

Тут даже не на что было смотреть, за исключением хрустального дворца, среди желто-серых облаков выставившего свои две желтые круглые башни, как столбы. Я разглядывал почки на коричневых деревьях, слушал пение черных дроздов. На улицах я видел фиалки, и мужчины шли навстречу мне, держа в руках подснежники. Но это для меня не имело никакого значения, не представляло никакого интереса. Больше всего я ждал писем. Эмили писала мне довольно часто: *«Никогда не думала, насколько это замечательное чувство, почти пьянящее — быть свободной! Я считаю, что это великолепно. Дома ты не можешь*

жить своей собственной жизнью. Ты должен бороться, отстаивать хоть какую-то частичку жизни для себя. Как трудно отстаивать свою независимость перед нашими матерями, потому что если ты им попытаешься раскрыть свою душу, они только ранят тебя и оскорбляют. Какое облегчение не принадлежать ничему, никому, а жить в свое удовольствие. Я думаю, что и мама, и я страдали очень сильно оттого, что старались поддерживать именно раз и навсегда заведенные отношения. Кроме того, она бы не позволила мне уехать. Когда я вернулась домой вечером и подумала, что мне не нужно говорить что-либо в определенное время или делать что-нибудь для кого-нибудь и я могу посвятить вечер себе самой, я была вне себя от радости. И даже начала писать рассказ».

Опять, в другом маленьком письме, она писала:

«Когда я шла в школу мимо деревни Олд-Брейфурт утром, то слышала, как чудесно поют птицы. Очень похоже, что скоро наступит весна.

Когда ты приедешь и мы увидимся? Не могу себе представить весну без тебя. Единственная примечательная вещь здесь — это железные дороги. Одна из них проходит в нескольких ярдах от школы. Целый день я смотрю на поезда, идущие из Мидленда на юг. Они такие счастливые, что могут спешить на юг, к солнышку.

Вороны очень интересные. Они все время летают, когда нас нет во дворе. Железные дороги и вороны делают жизнь в Брейфорде очаровательной. Однажды я наблюдала за воронами — они летали только парами весь день. Помнишь, как мы говорили дома? «Одна — к печали». Очень часто одна одинокая ворона сидит на телеграфных проводах. Я почти ненавижу ее, когда смотрю на нее. И думаю — это знак моей жизни, одна ворона». И опять маленькое письмо: «Я провела дома уикэнд. Как приятно чувствовать себя важной, уважаемой, хотя бы на короткое время. Для меня это новые впечатления.

В траве в нашем садике полно подснежников. И я воображаю себе, как ты приходишь в солнечном сиянии воскресного полудня, чтобы увидеть их. Мне кажется невозможным, что ты не можешь приехать. Вдоль изгороди растут зимние акониты. Я встала на колени и целовала их. Господи, а ведь так рада была уехать, чтобы вдохнуть воздух свободной жизни. Но я почувствовала, что я не могу оторваться от аконитов. Я послала тебе несколько штучек. Они не сильно завяли?»

Теперь я в своей комнате. Как-то необычно себя чувствуешь, когда знаешь, что скоро должен уехать, что осталось быть здесь не больше года».

В начале марта я получил письмо от ее отца. «Ты больше не найдешь нас на старом месте. В течение двух недель мы уедем. Большая часть вещей уже перевезена. Джордж забрал Боба и Цветка. Я продал трех коров: Стафорд, Джулию и Ханну. Все как-то опустело. Не люблю проходить мимо коровника. По вечерам мне не хватает ржания лошадей. Но мне не жаль уезжать. Я уже начинаю себя чувствовать так, как будто мы здесь голодали. Начинаю чувствовать, будто здесь я поглупел. Когда мы уедем, мы начнем новую жизнь.

Но я не знаю, как мы будем жить там. Миссис Сакстон очень нервничает. Но все равно лучше уехать. Мы должны уехать, иначе будет плохо. Хотелось, чтобы Джордж поехал со мной. Никогда не думал, что он станет трактирщиком. Однако похоже, это ему нравится. В воскресенье они с Мег приезжали к нам. Миссис Сакстон считает, что он приобрел манеры трактирщика. Определенно, он стал живее и болтливее, чем раньше. Рад заметить, что они с Мег выглядят очень счастливой парой. У него хорошо идет торговля молоком. У меня нет сомнений, что дальше пойдет еще лучше. Он очень аккуратен и не

любит потерь.

Сэм и Дэвид — большие друзья. Я рад, что взял этого мальчика. Мы часто говорим о тебе. Миссис Сакстон надеется, что ты будешь дружить с Джорджем. Она беспокоится о нем. Думает, что он способен натворить ошибок. Я же так не думаю. Но я был бы рад, если бы вы продолжали дружить. Миссис Сакстон говорит, что напишет тебе об этом».

Джордж очень не любил писать. Однако я и от него получил письмо, которое пришло вместе с письмом от его отца.

«Мой дорогой Сирил! Прости за то, что не писал, но понимаешь, я не могу в любое время сесть и написать тебе. Когда у меня настроение написать, я не могу этого сделать вообще, потому что настроение это приходит, когда я работаю в поле, а там писать нельзя. Прошлым вечером я уселся на кухне с целью написать тебе, но не смог. Сегодня я весь день был в Греймиде и думал о тебе, хотел написать, но под рукой не оказалось ни бумаги, ни ручки.

Прости за то, что в предыдущем письме я не поблагодарил тебя за книги. Я их пока не читал. Но я почти закончил Ивлин Иннес, устал к концу. Теперь вообще много не читаю. Мне редко выпадает такая возможность. То кто-нибудь вызывает меня в пивную, то другое какое дело возникает, а то Мег не позволяет мне. Она не любит, когда я читаю по вечерам, говорит, что я должен разговаривать с ней. И я разговариваю.

Сейчас полвосьмого. Я сижу одетым, чтобы пойти и поговорить с Гарри Джексоном о молодом жеребце, которого он хочет продать мне. Он хороший парень, и, судя по всему, у него хороший жеребец. Впрочем, мне не важно, куплю я у него или нет. У меня возникло настроение написать тебе. Где-то в глубине я чувствую себя несчастным и виноватым. Я делаю хорошие деньги и могу получить все, что хочу. Но когда я пашу и сею овес на полях на склоне холма позади церкви в Гремиде, чувствую, что мне все равно, получу я что-нибудь или нет. Это очень забавно. На прошлой неделе я заработал пять фунтов чистыми. А сейчас мне все равно, я ни о чем не беспокоюсь. Иногда я думаю, куда я иду. Вчера я наблюдал за разорванными белыми облаками, гонимыми по небу сильным ветром. Похоже, они куда-то плыли. Я хотел бы знать, куда ветер несет их. А вот я ни на чем не могу сосредоточиться. Мог бы ты сказать, что таится в глубинах моего сердца? Хотелось бы, чтобы ты был здесь, тогда бы я не чувствовал себя так, как сейчас. Хотя обычно я другой. Обычно я весел и занят.

Господи, Гарри Джексон пришел. Закончу письмо, когда вернусь.

...Я вернулся. Но закончить не смогу. Я не могу сказать тебе все об этом. У меня возникают проблемы с Мег. О, у меня трудные времена. Но я не могу рассказать тебе обо всем, голова болит. Как-нибудь в другой раз.

Джордж Сакстон».

Пришла весна, даже до южного Лондона добралась. И город наполнился волшебством. Повсюду ночью город полон волшебного свечения. Золотой свет льется над рекой. Яркие фонари у лондонского порта — как сияющие пчелы. В пригородах уличные фонари светят, как яркие лимоны среди деревьев. Я начал любить этот город.

Утром я любил бродить бесцельно по улицам среди людей и вглядываться в их лица. Любил ловить на ходу взгляд темных глаз. Наблюдать за проходящими мимо и щебечущими женщинами. Как странно движутся плечи у мужчин в пальто. Их открытые шеи излучают тепло. Я полюбил город за эти вереницы мужчин и женщин. Нескончаемый поток мужчин и

женщин. Неожиданная вспышка глаз и губ, когда они проходят мимо. Среди всех этих лиц на улице я чувствовал себя, как пьяная пчела среди голубых цветов. Я был опьянен странным нектаром, который пил из глаз прохожих. Я не знаю, сколько времени унеслось прочь на ярких крыльях, пока я не увидел красный боярышник над дорогой и почки липы, горящие каплями вина на солнце, и розовые разрезы на почках лип, и серебряно-розовую паутину веток миндаля на фоне голубого неба. Распустилась сирень, и в тишине пригородов в ночи появился нежнейший аромат диковинных цветов сирени, возбуждающий тихий романтический смех.

И в это время пришла весточка из дома. Алиса писала мне в конце мая: *«Сирил, дорогой, приготовься. Вчера Мег принесла двух близнецов. Я зашла посмотреть, как она себя чувствует сегодня, не зная еще ничего. И увидела малышей в гнездышке. И демонстрировала малюток старая мама Стейнрайт. Сирил, дорогой! Я даже не знала, то ли смеяться, то ли плакать, когда я увидела эти две маленькие круглые головки. Как два птенчика жаворонка, щечка к щечке. Один из них темненький, с черными волосиками, а другой рыжий. Поверь мне, волосики рыженькие, как огонь. Я проронила несколько слезинок, хотя над чем, не знаю.»*

Старая бабушка — старая негодница, она лежит, смеется и громко высказывается в соседней комнате, довольная, но немножечко сердитая, потому что мама Стейнрайт не позволяет принести их к ней. Тебе бы следовало слышать, что она сказала, когда мы взяли их в руки, наконец. Оба мальчика. Она заботится о них, бедная старая женщина. Думаю, она забавна. Иногда кажется, будто она думает о них, точно о своих родных детях. Нужно слышать, как она разговаривает с ними. Мне это все забавно. Она хочет, чтобы они лежали возле нее на подушке, чтобы она чувствовала их лицом. Я пролила еще немного слез, Сирил. И подумала, что, должно быть, тоже рехнулась. Она бегала вокруг нас, когда мы взяли их, и говорила о вещах, которые она должна сказать Джорджу, когда тот придет. Ужасных вещах, Сирил, от которых я покраснела.

Джордж пока ничего не знает. Он был в Бингеме, покупал лошадей, полагаю. Похоже, он помешался на лошадях. Занимается этим вместе с Гарри Джексоном и сыновьями Мэйхью. Знаешь, они — завзятые лошадики, дельцы, по крайней мере их отец был таким. Умер банкротом около трех лет назад. Их зовут Фрэд и Дункан, и они намереваются продолжать старый бизнес. Они всегда бывают в «Баране», и Джорджи вечно околачивается возле них. Мне это не нравится. Ладно, подумала я, подожду и увидаю Джорджа. Он пришел около половины шестого. Мег волновалась о нем, думая, где он, что с ним и так далее. Не думаю, чтобы я когда-либо так волновалась из-за мужчины. Старая бабушка услышала звук телеги. И прежде чем он мог сойти с повозки, она крикнула — ты знаешь, ее комната выходит на улицу: *«Эй, Джордж, парень, приходи, у тебя двое!»* И засмеялась громко-прегромко.

— Привет, бабуся, о чем ты там кричала? — сказал он. И при звуке его голоса Мег повернулась ко мне и сказала: *«Он был с этими Мэйхьюзами.»*

— У тебя двойня, парень! — прокричала старуха, и знаешь, она взвизгнула, прежде чем рассмеяться. От такого визга и лошадь смутилась бы.

Своих лошадей Джордж передал Биллу и поднялся наверх. Я увидела, как вздрогнула и смутилась Мег, услышав, что он пинает ногами ступени, поднимаясь наверх. И она побледнела. Потом он одолел последнюю ступеньку и вошел. Он был утомлен лошадьми и виски. Как противен мужчина, когда он выпил! Он стоял у кровати, улыбаясь, как дурак, и

говорил хриплым голосом:

— Ты поспешила, правда, Мег? Как ты себя чувствуешь?

— О, я хорошо, — сказала Мег.

— Так значит, близнецы, где они?

Мег показала взглядом. Он обошел кровать, держась за ее спинку. Он не поцеловал ни ее, ни вообще кого-либо. Когда же он увидел близнецов, спавших со сжатыми кулачками, он с удивлением засмеялся и сказал:

— Двое — вполне достаточно. А один еще и рыжий. Кто из них девочка, черненькая?

— Они оба мальчики, — сказала тихо Мег.

Он повернулся, прищурив глаза.

— Хрен с ними, — сказал он. Стоял, и смотрел, и выглядел, как дьявол.

Сирил, дорогой, я не знала, что Джордж может так выглядеть. Я думала, что он способен выглядеть как верный пес. Но тут он стоял и смотрел на бедных маленьких близнецов и ругал их. Пока наконец рыженький не начал плакать.

Мама Стейнрайт выставила между ним и детьми свое жирное тело и наклонилась над ребенком, приговаривая:

— Ну что ты плачешь, маленький, кто тебя обидел?

Джордж выругался еще хуже и вышел, зацепившись за раковину, отчего загремели кастрюли и у меня сердце чуть не ушло в пятки.

— Ну если вы не считаете такое поведение скандальным!.. — сказала старая мама Стейнрайт, а Мег заплакала.

Ты понимаешь, Сирил, она плакала так, что могла разбить сердце. У меня было такое состояние, что я могла убить его.

Старая бабушка начала выговаривать ему, а он рассмеялся. Я действительно ненавижу, когда смеются пьяные мужчины. У меня сразу закипает кровь. Эта старая бабушка поддерживает его во всем. Это очень досадно. Слабая, вульгарная, старая развалина».

Я вернулся домой в Вудсайд в начале сентября. Эмили остановилась в гостинице «Баран». Странно было увидеть, как все изменилось. Даже Неттермер стал другим. Казалось, что озеро уже не такое вытянутое. И этот изумительный мир с его прекрасными обитателями тоже изменился. Теперь это была маленькая долина, затерянная среди холмов и лесов. То дерево, что склонило свои ветви над ручьем с удивительной грацией, теперь казалось нелепым, когда я вернулся домой после того, как целый год отсутствовал, пребывая на юге. Старые символы словно отжили свое. Многое теперь виделось глупым.

В одно такое утро мы с Эмили отправились в Стрели-Милл. В доме проживал наемный рабочий с женой, какие-то чужаки с севера. Он — высокий, худой, молчаливый, чем-то похожий на крысу, обитавшую в этих местах. Она — маленькая и очень активная, похожая на сбежавшую из курятника на волю курицу.

Эмили уже навещала ее, поэтому та сразу пригласила гостей в кухню, придвинула нам стулья. В большой комнате было ощущение погреба. Недалеко от камина стоял столик и несколько стульев у стены. Остальное большое пространство заполняли разве что тени. На стенах у окон висело пять клеток с канарейками. И резкие стремительные движения маленьких птичек как-то странно воспринимались в этой огромной комнате.

Когда мы завели разговор, птицы начали петь, что очень затрудняло беседу, потому что

маленькая женщина говорила на шотландском диалекте, принятом в Глазго, кроме того, у нее была заячья губа.

— Прекратите, прекратите! — закричала она, устремляясь всем своим тощим телом к ним. — Глупые бесенята, дурачье, дурачье, дурачье!! — И она хлопала тряпкой по клеткам, пока птицы не смолкли.

Потом она принесла нам вкусные лепешки и яблочное желе, уговаривая, почти подталкивая своими тощими локотками, чтобы мы поели.

— Нравится, нравится? Ну тогда кушайте. Давай, Эмили, давай, скушай еще. Только не говорите Тому, не говорите Тому, когда он придет... — Она замотала головой и залилась тонким смехом.

Когда мы уходили, она вышла с нами и побежала впереди. Мы не могли не обратить внимания на ее залатанную, неопрятную, слишком короткую черную юбку. Она бегала и бегала вокруг нас, точно встревоженная курица, без умолку болтая. Трудно было поверить, что такое чудесное место, как ферма и мельница, оказалось в ее руках. Мне было трудно признать прежнюю Стрели-Милл. Новоиспеченная хозяйка бежала по саду впереди нас. Случайно обернувшись, она увидела, как мы с Эмили улыбнулись друг другу, тогда она засмеялась и заявила:

— Эмили, так это твой возлюбленный, твой возлюбленный, Эмили! Ты мне никогда не говорила! — И она расхохоталась. Мы покраснели. Она подошла к нам ближе, крича: — Вы тут бывали по вечерам, правда, Эмили? — И она рассмеялась снова. Потом она вдруг остановилась и, указывая на что-то у нас над головой, завизжала:

— А, смотрите сюда! — Мы посмотрели и увидели омулю. — Смотрите, смотрите! Сколько поцелуев за вечер, Эмили?.. Ха! Ха! Поцелуй круглый год! Поцелуй вечерами в укромном местечке.

Она стала какой-то необузданной, дикой, потом ее голос упал, стал тихим. Она сунула нам в руки лепешки и желе, и мы ушли.

Когда мы оказались на дороге у ручья, Эмили посмотрела на меня застенчивым, смеющимся взглядом. Я заметил легкое движение девичьих губ и вдруг обнаружил, что целую ее, смеясь над странным поведением маленькой женщины.

Джорджу очень хотелось принять меня в своем доме. Гостиница «Баран» имела лицензию на продажу спиртного только на шесть дней, поэтому в воскресный день я был приглашен на чай. Было очень тепло, тихо, солнечно, когда я шел через Креймид. Несколько влюбленных стояли под каштанами, иные пары направлялись через дорогу в луга, которые раскинулись мягкими коврами после сенокоса.

Когда я входил в гостиницу через кухню, то услышал звон, грохот и голос Мег, сердито выговаривающий моей подруге:

— Нет, не трогай его, Эмили, этого гаденьша! Пусть отец возьмет его!

Один из детей плакал. Я вошел и увидел Мег, раскрасневшуюся, неопрятную, в большом белом переднике, только что отошедшую от печи. Эмили, в кремовом платице, брала рыжеволосого плачущего ребенка из колыбели. Джордж сидел в маленьком кресле, курил и сердито поглядывал на них.

— Не могу пожать руки, — сказала Мег в суматохе. — Я вся в муке. Садись, пожалуйста... — и она поспешила из комнаты.

Эмили перевела взгляд с хнычущего ребенка на меня и улыбнулась редкой, доверительной улыбкой, девушка как бы говорила: «Видишь, сейчас я вынуждена заниматься этим, но мое сердце принадлежит тебе всегда».

Джордж встал и предложил мне круглое кресло. Это была высшая почесть, которую он мог оказать мне. И сразу спросил, чего бы я хотел выпить. Когда я отказался от всего, он тяжело опустился на софу и, видимо, сердито подумал, какую бы остроту выдать по этому поводу, но так ничего и не придумал.

Комната была большая, удобная, с тростниковыми креслами, платяным шкафом со стеклянными ручками-шишечками, буфетом со стеклянными дверцами, полкой, подвешенной в углу, и большой софой, которая вместе с подушками была обтянута красной хлопчатобумажной материей. Странная смесь кушаний и напитков стояла на столе: пиво, спиртное, бекон. Вошла Тини, угрюмая чернобровая служанка, с другим ребенком на руках. Мег окликнула ее, спросив, спит ли дитя. Мег снова вся погрузилась в суету и суматоху.

— Нет, — ответила Тини, — он не спит весь день.

— Повороши поленья в печи и одень его, — велела Мег. Тини положила черноволосого ребенка в другую колыбельку. Тут же он принялся плакать и кричать. Джордж направился через всю комнату к нему, схватил белого пушистого кролика.

— Ну-ка посмотри! Хочешь хорошего кролика?

Мальчик послушал его какое-то время, потом, решив, что все это обман, начал плакать снова. Джордж отшвырнул кролика, взял ребенка, усадив его на колени.

— Вверх-вниз! Вверх-вниз! Скачем, скачем, скачем!

Но ребенок, очевидно, прекрасно понимал, какие чувства испытывает к нему отец, поэтому плакал не переставая.

— Поторапливайся, Тини! — приказал Джордж служанке, ворошившей теперь уголь в камине. Эмили ходила вокруг, нянча другого ребенка, и улыбалась мне, так что я испытывал особое удовольствие, слыша ласковые слова, которые она расточала ребенку, и понимая, что они предназначались мне. Джордж передал своего ребенка служанке и сказал мне с

некоторым сарказмом:

— Пойдем в сад?

Я встал и последовал за ним через солнечный двор, по дороге среди кустов. Он зажег трубку и вел себя так, словно помещик в собственных владениях.

— Знаешь, — сказал он, — она очень плохо управляется с делами.

Я засмеялся и заметил, что на сливах нынче много плодов.

— Да! — ответил он бездумно. — Ты знаешь, она должна была отправить девушку с детьми погулять и соответственно одеть их. Но ей нравится сидеть и сплетничать с Эмили все время, пока они спят, а как только они проснулись, ей нужно печь пирог...

— Полагаю, она получает удовольствие от приятной беседы, — ответил я.

— Но ведь она хорошо знала, что ты придешь и что следует подготовиться. Но женщина — очень недальновидное существо.

— Да какое это имеет значение? — сказал я.

— Воскресенье — единственный день отдыха для нас, поэтому она могла бы сделать так, чтобы дома было тихо.

— С другой стороны, это единственный день, когда она может спокойно посидеть и посплетничать, — ответил я.

— А ты знаешь, — сказал он, — что у меня ни минутки свободной? Тини сейчас и спит, и живет с нами в кухне... так же как и Освальд... поэтому я ни минуты не могу побыть с собой наедине. Нет места, где можно было бы посидеть в тишине. Весь день дети, всю ночь дети. И слуги, и посетители. Иногда мне кажется, что я был бы рад убраться отсюда. Я готов отказаться от пивной... да вот только Мег этого не хочет.

— Но если ты оставишь пивную, что дальше станешь делать?

— Мне бы хотелось вернуться к фермерскому труду. А здесь нет ни места, ни времени для этого. Всегда находится какое-то дело. То съездить посмотреть, как варят пиво, то взглянуть на лошадей, то еще что-нибудь такое. Вся жизнь проносится мимо в суете. Если бы иметь свое тихое местечко и заниматься фермерством в мире и покое...

— Ты был бы тогда беден и несчастен, — сказал я.

— Может быть, — ответил он в своей обычной задумчивой манере. — Вполне возможно! Как бы там ни было, да только тогда меня бы не одолевало чувство тоски оттого, что я никогда уже не смогу вернуться... к земле.

— Это означает, что в глубине души ты и не стремишься к этому, — сказал я, смеясь.

— Может быть и так, — сказал он. — Знаешь, я многое сделал здесь... не считая пивной. Я всегда думал о ней как о собственности Мег. Пойди вон, осмотри конюшню. У меня великолепная кобыла, потом еще две лошади, очень хорошие. Я отправляюсь в Мелтон-Момбрей с Томом Мэйхью к парню, торгующему лошадьми. Том — молодец. Он знает толк в этих делах, да только такой ленивый и беззаботный, что самому впору заняться торговлей...

С Джорджем было интересно. Как только мы пошли к конюшням, вышла Эмили с ребенком, одетым в новую шелковую одежку. Она подошла, улыбаясь мне своими темными глазами.

— Видишь, какой он хороший! Правда, миленький? — Она протянула мне ребенка, чтобы я смог рассмотреть дитя. Я взглянул, но ощущал только близкую теплоту ее щеки и запах ее волос.

— На кого он похож? — спросил я, глядя на нее и видя свое отражение в ее глазах.

Спрашивать о чем-либо было бессмысленно: ее взгляд был так красноречив, что у меня застучало сердце. Но она ответила:

— На кого? Ни на кого, конечно! Но он будет похож на отца, разве не так?

Она посмотрела мне в глаза и покраснела, а у меня дыхание перехватило. Я улыбнулся.

— Ага! Голубые глаза, как у вашего отца... не как у вас...

И снова послание в ее глазах.

— Нет! — ответила она очень мягко. — Но я думаю, он будет веселым, как отец... ни у кого нет таких глаз, как у нас, правда?

— Ни у кого, — ответил я, почувствовав прилив нежности. — Ни у кого. Иметь такие зовущие такие неотразимые глаза, как у тебя, значит быть чуткой и неравнодушной. Но ты умеешь скрывать свои чувства, правда?.. И не хочешь обнажать жизнь, вытаскивать наружу беззащитную протоплазму, разве не так?

Она засмеялась.

— Разве и у меня такие глаза? — спросил подошедший к нам Джордж.

— Да, — ответил я, — да... но это не так уж и плохо. Ты довольно осторожен, хотя все равно тоже беззащитен.

— И потом, я ведь старше? — спросил он с легкой иронией, как бы намекая, что я интересуюсь не им.

— Да, ты более осторожен. Ты держишься в тени. Зато Эмили застегнута на все пуговицы и может теперь идти сквозь толпу своей собственной походкой.

Мне стоило больших усилий не поцеловать ее, когда она посмотрела на меня с особым женским достоинством и нежностью. Тут я вспомнил, куда мы направлялись, и сказал:

— Но ты же вел меня на конюшню, Джордж! Пойдем с нами, посмотрим лошадей, Эмили!

— Конечно, пойду. Я их обожаю, — ответила она, и мы двинулись за ним все вместе.

Он разговаривал с лошадьми и о лошадях, клал руку на холку, гладил их. Эти выносливые животные интересовали его больше, чем все остальное. Он аж покраснел, с жаром рассказывая о них. Они были его новым увлечением. Тихие и добрые. А он их хозяин. Это доставляло ему неподдельное удовольствие.

Однако ребенок снова закапризничал. Эмили посмотрела на меня, ища в моих глазах сочувствия.

— Вот маленький непоседа, — сказала она, — ему бы только все время двигаться. Может, ему не нравится запах конюшни, — добавила она, вздрогнула и засмеялась, — он не такой уж и приятный, правда?

— Пожалуй, — согласился я, и мы вместе с ней покинули конюшню, оставив там Джорджа.

А мы пошли в сад. Она постоянно разговаривала с ребенком, нахваливала мне мальчика, но мне бы хотелось, чтобы ребенка с нами сейчас не было. Я проговорился об этом, что вызвало у нее смех, и она продолжала дразнить меня. Цветы штокрозы розовой вспыхнули среди листьев. Пчелы, покрытые бледными крошками пыльцы, устремлялись к цветкам, затем забирались внутрь, возбужденно гудя, бешено льнули к пушистым белым башенкам и переносили нектар в свои восковые ячейки. Эмили держала ребенка высоко, чтобы он лучше видел все, и при этом говорила тихим, ласковым голосом. Солнце блестело в мягких волосах, как бронзовая пыль, а голубые глаза ребенка жадно следили за пчелами. Потом он издал какие-то звуки и взмахнул ручонками, похожими на розовые бутоны штокрозы розовой.

— Смотри! — сказала Эмили. — Смотри на маленьких пчелок! Ах, но ты не должен трогать их, они кусаются. Они летят сюда! — крикнула она, смеясь и унося ребенка прочь. Он выразил явное недовольство. Тогда она снова поднесла его поближе к цветам, чтобы он мог потрогать растение. И вмиг две пчелы вылетели из цветка. Эмили быстро унесла его, тревожно вскрикнув, потом засмеялась, глядя возбужденными глазами на меня, словно она только что спаслась от опасности. Она постоянно дразнила меня всякими проявлениями чувств, но я ничего не мог поделать, нам мешал ребенок. Она смеялась надо мной с откровенным задором, в то время как я дрожал, пока наконец я не плюнул на все и не рассмеялся тоже, играя с ручками ребенка и заглядывая в его небесно-голубые глазки.

Наконец Мег позвала нас пить чай. Она надела красивое голубое платье с шелковой кремовой вышивкой и выглядела прекрасно, волосы ее были тщательно уложены.

— Неужели ребенок был с тобой все это время? — воскликнула она, глядя на Эмили. — Где же его отец?

— Не знаю. Мы оставили его на конюшне. Правда, Сирил? Мне нравится нянчить его, Мег, очень-очень, — ответила Эмили.

— О да, можете быть уверены, Джордж торчит там, он вечно пропадает на конюшне. Я уже говорила ему, что от него несет лошадыми. Даже детей он так не любит, могу сказать вам. Иди сюда, лапочка, иди к мамочке.

Она взяла ребенка и страстно поцеловала его, продемонстрировав свою любовь к нему. Чисто выбритый молодой человек с мощными голыми руками направлялся через двор.

— Эй, сходи-ка поищи Джорджа и скажи, что чай готов.

— А где он? — спросил Освальд, здоровенный парень, нанятый для работы на ферме.

— Сам знаешь, где его найти, — ответила Мег.

Джордж поспешил прийти к нам.

— Что, чай готов?

— Странно, что ты не кричишь, как обычно по вечерам.

— А мне странно, что ты так быстро переделалась, — ответил он.

— Да? — спросила она. — По крайней мере, твоя помощь не потребовалась, это факт. А где Тини?

Служанка, коротконогая, плотно сбитая, темноволосая и с мрачным взглядом, маячила у ворот.

— Можешь ты взять Альфи, пока мы пьем чай? Давай заberi его!

Тини ответила, что, по ее мнению, вполне может, после чего ей передали рыжеволосого мальчика, а затем, естественно, и темноволосого. Она устроилась с ними на скамейке в конце двора. Мы же приступили к чаепитию.

Это было настоящее изобилие. Горячие пироги, три или четыре вида холодных пирожных, консервированные абрикосы, всевозможные желе, консервированный омар. Варенье, сливки и ром.

— Не знаю, какие получились пироги, — сказала Мег. — Делала их на скорую руку. Хочется, конечно, сделать все как лучше, а тут дети. Тем более, двое. У меня не было времени даже привести прическу в порядок. Видите?

Она поднесла руки к голове, и я заметил какие неухоженные у нее ногти. Мы пили чай и наслаждались угощением. Тут один из детей заплакал. Я выглянул в дверной проем, чтобы узнать, в чем дело. И подумал о девочке из рассказа Чехова, которая должна все время успокаивать ребенка; я надеялся, что угрюмая Тини не дойдет до такой степени отчаяния.

Теперь уже оба малыша ревели в голос, образуя хор. Тини встала со скамейки и стала расхаживать, стараясь укачать близнецов.

— Забавно, когда кто-нибудь приходит, они начинают сердиться, — сказала Мег, закипая от гнева.

— Они самые обычные дети, — сказал Джордж, — и наконец ты это заметила.

— Нет! — воскликнула Мег, вдруг рассердившись. — Видишь, Эмили, вечно он должен сказать что-нибудь гадкое? Разве они не были золотыми малышами утром? И вчера вели себя на редкость спокойно, просто молодцы. Но он хочет, чтобы они постоянно молчали, точно рыбы. Хочет, чтобы они заткнулись раз и навсегда, а ведь им нужно немного и пошуметь.

— Я ничего такого не говорил, — ответил он.

— Говорил, — сказала она. — И я не знаю, что ты еще скажешь...

Дети на дворе продолжали орать в голос.

— Принеси Альфи ко мне! — крикнула Мег, проявляя материнские чувства.

— О нет! — сказал Джордж. — Пускай Освальд возьмет его.

— Вот, — с горечью отметила Мег, — пускай кто-нибудь другой держит его, лишь бы подальше от тебя. Тебе нельзя иметь детей.

Джордж пробормотал что-то типа «только не сегодня».

— Иди сюда! — с нежностью сказала Мег и, взяв рыжеволосого ребенка, прижала его к груди. — Ну что, лапочка? Ну что? Успокойся, маленький, успокойся!

Дитя никак не успокаивалось. Мег встала со стула и стояла, раскачивая ребенка в руках, переминаясь с ноги на ногу.

— Его мучают газы, — сказала она.

Мы продолжали ужинать, но чувствовали себя неловко, стесненно.

— Наверное, он голодный, — сказала Мег. — Попробую покормить.

Она отвернулась и дала ему грудь. Он затих. Поэтому она прикрыла себя по возможности и снова села за стол. Мы закончили чаепитие, и теперь сидели за столом, ожидая, пока она поест. Это затянувшееся чаепитие заставило меня и Эмили держаться несколько скованно. Мы, конечно, были внимательны и вежливы с ними. Мы начали обсуждать Штрауса и Дебюсси. И это воздвигло барьер между нами и хозяевами, но мы ничего не могли поделать. Это была для нас единственная возможность преодолеть нелепую ситуацию. Джордж сидел, угрюмо глядя перед собой и слушая нас. Мег вообще была безразлична к подобным вещам. Она слушала вполуха, но ее роль матери делала ее невозмутимой. Она спокойно ела, поглядывая время от времени на ребенка, и чувствовала себя уверенной, важной особой, хозяйкой дома. Джордж как отец был ничто. Поскольку он проявлял безразличие, она всячески унижала его, низводя до уровня слуги. Еще ее сердили его увлечения. Мы с Эмили были чужими и таковыми себя чувствовали. После чая мы пошли наверх вымыть руки. Бабушка лежала парализованная, мне было страшно смотреть на ее лицо, напоминавшее злую карикатуру. Она произнесла хриплым голосом несколько слов, обращенных ко мне. Джордж спросил, как она себя чувствует и не нужно ли растереть ее. Она обратила к нему свои старческие глаза.

— Разве вот ногу немного, — сказала она странным голосом.

Он скинул пиджак и запустил руки под одеяло. И принялся старательно и медленно растирать ногу старухи. Она какое-то время смотрела на него, затем, не отворачиваясь от него, как бы перестала его видеть и лежала, уставясь невидящим взором в одну точку.

— Вот, — сказал он наконец. — Теперь лучше?

— Ага, немного получше, — проговорила она отрешенно.

— Принести попить? — спросил он, желая сделать для нее все возможное, прежде чем он уйдет.

Она посмотрела на него, и он принес чашку. Она с трудом проглотила несколько капель.

— Трудно вам заботиться о ней, ведь она всегда в постели? — спросил я его, когда мы перешли в другую комнату. Он сел на большую белую кровать, издав короткий смешок.

— Мы привыкли, вроде и не замечаем бедную старую бабуся.

— Но она-то должна тебя отличать в глубине души, даже если ты этого и не чувствуешь, — сказал я.

— У нее сильный характер, — сказал он задумчиво. — Похоже, она меня понимает. Она была настоящим другом мне, прежде чем ей стало так плохо. Иногда я присматриваю за ней. Обычно я ее не вижу. Но иногда присматриваю. Она — наш «скелет в шкафу».

Зазвонили церковные колокола. Церковь из серого камня возвышалась среди полей неподалеку отсюда. Казалось, старый импозантный кавалер глядит на гостиницу. Пять колоколов вели перезвон, звук ударял в нас через окно.

— Ненавижу воскресный вечер, — сказал Джордж беспокойно.

— Из-за вынужденного безделья? — спросил я.

— Не знаю, — ответил он. — Чувствуешь себя совершенно беспомощным. В церковь я не хочу ходить да и слушать колокола тоже. Из-за этого я чувствую себя страшно неудобно.

— А что ты обычно делаешь? — поинтересовался я.

— Страдаю... Последние два воскресенья я ходил к Мэйхью, это взбесило Мег. Она сказала, чтобы вечерами я оставался с ней или куда-нибудь шел опять же вместе с ней. Но когда я с нею, что мне делать? А если мы куда и уходим, то только на полчаса. Ненавижу воскресные вечера. Жуткая скука.

Когда мы спустились вниз, со стола было убрано, а Мег купала темноволосого ребенка. Она была просто великолепна. Держала голенького малыша с такой нежностью, что перехватывало дыхание. Стояла на коленях и плескала на него водой. Ее руки, грудь и шея были так благородно округлы и мягки. Она опустила голову с грацией мадонны, ее движения странно тревожили, как прекрасная старинная песня. Ее голос, ласковый и добрый, струился, обтекал ребенка, словно вода, как молодое вино. Мы стояли и смотрели издали.

Эмили очень завидовала женственности Мег. Она умоляла позволить ей искупать другого ребенка. Мег великодушно разрешила, но предупредила:

— Да, можешь помыть его, если хочешь. Но что будет с твоим платьем?

Эмили, довольная, начала раздевать ребенка, чьи волосы напоминали лепестки шафрана. Ее пальчики дрожали от удовольствия, когда она разворачивала пеленки. Я всегда вспоминаю, с каким благоговением она брала ребенка на руки после того, как последняя рубашонка была снята и взору открывалось трогательное маленькое тельце. Вот и теперь все ее внимание было сосредоточено на ребенке. Я же оказался в стороне. Только что она была так близка, ее глаза искали моего взгляда, ее душа рвалась ко мне, в одно мгновение я отброшен в сторону, стою здесь одинокий, забытый, отторгнутый от того восторженного чувства, которое соединяло женщину и ребенка.

— Ха!.. Ха-а-а! — засмеялась она и прижалась лицом к груди ребенка, круглой, почти как у девочки, шелковистой, теплой и крохотной. Она целовала, касалась его, гладила.

Любовалась смеющимся маленьким ротиком, неистово целовала его всего: ручки, ножки, маленькие плечики, снова грудку, тоненькую шейку, подбородок, ласково вбирая губами изумительную мягкость, шелковистость, теплоту и нежность детского тельца.

Женщина почему-то готова отречься от тела, которое так любит мужчина. Она соглашается уступить ему свою нежную красоту с таким большим сожалением. Она льнет к его шее, голове, щекам, обожая и любя, потому что думает, будто именно там находится душа, и пугается, морщится, вмиг отпрянув от его страстных рук, ног и тела, стоит ему заявить на нее права. Поэтому с таким недоумением, гневом и горечью я смотрел на почти ритуальные движения Эмили, обращенные к маленькому, безобидному ребенку.

— Мег не относится ко мне с такой нежностью, как к детям, — жаловался недавно Джордж.

Ребенок, смеясь, хватал ручонками волосы Эмили, тянул к себе, она вскрикивала и старалась разжать маленькие кулачки, оказавшиеся такими проворными. Она вытащила его из воды, обтерла насухо, нежными быстрыми движениями, а он протестующе пинался. Его рыжие волосики рассыпались по подушке, как золотой ореол. Она играла его пяточками, похожими на розовые грибочки, пока наконец ей не надоело. Тогда она надела на него фланелевую ночную рубашонку и передала малыша в руки Мег.

Перед тем как отнести его в постель, Мег решила его покормить. Его ротик сразу потянулся к соску, который он схватил, личико придвинулось ближе к груди, пальчики ищуще двигались по прекрасному белому шару с синими прожилками, тяжелому, налитому. Мег глядела на него с восхищением и нежностью, а Эмили, стиснув руки, тоже склонилась над ним. Обе считали его очень красивым.

Когда близнецы уже спали, я на цыпочках поднялся наверх, чтобы посмотреть на них. Они лежали щека к щеке в детской кроватке возле большой белой кровати, правда, дышали не в унисон, такие маленькие и хорошенькие, со сжатыми кулачками. Они напомнили мне двух птенцов жаворонка в гнездышке.

Из соседней комнаты раздавалось тяжелое дыхание старухи. Мег пошла к ней. Когда она открывала дверь, я увидел большую неподвижную фигуру на кровати и вспомнил рассказ Ги де Мопассана «Туан», герой которого, парализованный человек, как инкубатор, высиживал цыплят.

Старуха пролежала спокойно год, потом вдруг умерла. Джорджу было трудно и некогда писать мне, но я получал весточки отовсюду. Он все больше сближался с Мэйхью. После банкротства старого Мэйхью двое его сыновей оставались жить в большом мрачном доме у дороги, ведущей из Ноттингема в Эбервич. Этот дом был завещан старшей дочери матерью. Мод Мэйхью вышла замуж, однако жила отдельно от мужа и содержала этот дом для братьев. Высокая, крупная женщина с широкими скулами и блестящими черными волосами, закрывавшими уши. Том Мэйхью также был видным мужчиной.

Дом Мэйхью назывался Холлиз^[30]. Большое, внушительное здание из добротного старого красного кирпича стояло в пятидесяти ярдах от шоссе. Между ним и дорогой находилась лужайка, окруженная высокими черными падубами. Миновав большие ворота, вы оказывались сразу возле длинной, вытянутой конюшни. Старый Мэйхью в свое время держал там тридцать, а то и больше лошадей. Теперь между красными кирпичами пробивалась трава, почти все ворота были заколочены, возможно, кроме двух-трех, открытых для лошадей Джорджа.

Холлиз стал своего рода клубом для неприкаянных мужчин из всей округи. Большая столовая выглядела мрачно и была скудно меблирована, гостиная вообще пуста, зато маленький кабинет был довольно удобен, с небольшим креслом, тяжелыми портьерами и огромным буфетом. В этой комнате Джордж и братья Мэйхью обычно встречались со своими друзьями раза три в неделю. Они разговаривали о лошадях, посмеивались над властолюбием женщин. Джордж обеспечивал их виски, и они играли в карты. Эти холостяцкие встречи были предметом острого недовольства со стороны жен, ведь в этих своеобразных вечеринках участвовало немало женатых мужчин.

— Он становится просто невыносимым после того, как побывает у этих Мэйхью, — сетовала Мег.

Мод Мэйхью держалась отдаленно от братьев, во встречах не принимала участия, она занималась воспитанием двоих детей. Она была несчастлива в своем замужестве и теперь оставалась замкнутой, молчаливой. Женщины Эбервича наблюдали за ней, когда она быстро шагала по улице по утрам с корзиной, они испытывали некоторое удовлетворение, поскольку она была слишком горда, чтобы принимать соблазны, тем не менее им в глубине души было жаль ее. Джордж часто встречался с нею, но она относилась к нему так же холодно, как и к другим мужчинам, поэтому он ее побаивался.

Теперь у него было больше возможностей посвящать себя лошадям. Когда в октябре, через два года после женитьбы Джорджа, умерла его тетя, она оставила ему семьсот фунтов стерлингов. Мег она оставила гостиницу и два дома, которые построила в Нью-Вертоне, вместе с долей прибылей от пивоваренного завода, его оценивали где-то в тысячу фунтов стерлингов. Джордж и Мег почувствовали себя состоятельными людьми. В результате, однако, они еще больше охладели друг к другу. Он стал очень осторожен во всем, что касалось ее наследства. Однажды во время ссоры она сказала ему, что не следует кормить и поить Мэйхью на деньги, вырученные от ее бизнеса. С тех пор он вел жесткий учет всех своих дел и постоянно показывал ей свои счета. Это было нужно для удовлетворения ее женских капризов.

На Рождество после смерти бабушки у них родился еще один сын. На время Джордж и Мег снова стали добрыми друзьями.

Когда в следующем марте я узнал, что он приезжает в Лондон вместе с Томом Мэйхью по делам, то сразу написал и предложил остановиться у меня. Мег ответила, что была бы очень рада этому, поскольку ей не хочется, чтобы он проводил время с таким гнусным парнем, тем более, за последнее время он стал гораздо лучше, и она уверена, что плохим его делают только люди, подобные Мэйхью.

Джордж согласился остановиться у меня. Я написал и сообщил ему, что Летти и Лесли находятся в Лондоне и что мы сможем пообедать с ними в один из вечеров. Мы встретились на Кингс-Кросс и все вместе отправились в западную часть города. Мэйхью — очень красивый, хорошо сложенный мужчина, вместе с Джорджем они составляли примечательную пару. Оба в бриджах и крагах, но Джордж все еще выглядел по-крестьянски, в то время как Мэйхью приобрел определенный лоск. Мы вместе составляли неповторимое трио. Мэйхью поначалу много смеялся и жестикулировал, потом почувствовал себя неловко. Его угнетало мое присутствие. Позже он признался Джорджу, что я похож на священника. С другой стороны, меня тоже раздражала его вульгарная красота... кстати, его зубы почернели от курения... а его болтовня — я никак не реагировал на подобный треп. Джордж вышагивал между нами. Со мной он вел себя вежливо и осмотрительно. С Мэйхью же он общался естественно и беззаботно.

Когда разбитной парень покинул нас, чтобы отправиться в гости к закадычному другу его отца, мы только обрадовались. Сразу же нам стало легко, снова между нами, словно под воздействием алкоголя, вспыхнула былая дружба. Мы наблюдали за жизнью большого города со стороны. Мы смеялись. Вспоминали прошедшие годы. Снова смеялись.

Смотрели на такси, курсировавшие по улицам, на двухколесные экипажи, на автобусы. В парке, стоя среди кустов, мы наблюдали океан жизни вокруг нас. Обратили внимание на девушку с распущенными, струящимися волосами, спешившую по Роу, на темнокожего мужчину, обнажившего свои белоснежные зубы и спешившего рядом с ней. Мы видели взвод гвардейцев, входивших в ворота парка, они держались прямо и сверкали серебром, влекли глаз белым и красным. Они прошли мимо нас, и нас охватил легкий трепет, когда мы увидели мускулы, обтянутые мягкой белой материей, в голове сразу возникла мысль о лошадях. Мы увидели их щеки и подбородки, выражавшие мужество и упорство. Нас просто потряс тот ритм, с которым маршировали красно-серебряные мундиры по аллее. У Марбл Арч Корнер^[31] мы долго слушали маленького социалиста, с жаром выступавшего под платаном. Горячий поток его слов бередил раны, которые наносит людям осознание собственной бедности, и я содрогнулся. Для него Ист-Энд заменял весь мир. Ист-Энд был как бы бассейном, из которого выплескивалась вода, и гигантские волны обрушивались теперь вместе с мокрой грязью на город. Весь мир казался жарким объектом борьбы этих черно-грязных громадин, лишенных живой жизни. Меня охватил ужас, когда я услышал страстные речи этого человечка. Он словно заставил меня увидеть всю грязь, о которой толковал. Потом я стал испытывать жалость к человеку, чьи глаза залеплены грязью и никогда не очистятся. Джордж тоже внимательно слушал оратора.

Вечером, побывав в театре, мы увидели бездомных, спящих под мостом Ватерлоо головами к стене, ногами на тротуаре. Потом мне долго мерещились их длинные черные ноги. Все лица были прикрыты чем-нибудь, кроме двух. Одно принадлежало бледному маленькому мужчине, другое — сердитой женщине. По этим лицам, словно бледные сны,

пробежали туда-сюда отсветы фар и огней от проходивших мимо трамваев. Мы брели вдоль вереницы лежащих на тротуаре людей, отворачивались от тонких голых лодыжек молодого человека, от задранной юбки женщины, от горестного вида мужчин, завернувших свои ноги в газеты и лежавших теперь, как обесцененные посылки. Шел дождь. Несколько мужчин притулились с краю с самым несчастным видом, поскольку им не нашлось места под мостом. На скамейке, в темноте, под дождем дремала женщина. Вода стекала с ее волос. Руки спрятаны за пазухой старого пиджака. Она слегка наклонилась во сне, так и пребывала в этой неудобной позе. Джордж сжал мой локоть.

— Дай ей что-нибудь, — прошептал он в панике.

Мне стало не по себе. Нащупав флорин в кармане, я напряженно сунул его прямо ей в ладонь. Рука была мягкая и теплая. Она проснулась и испуганно посмотрела на меня. Я отвернулся — мне было страшно посмотреть ей в глаза, стыдно и горько. Мы быстро и молча пошли под платанами. Сверкающие автомобили мчались через Вестминстерский мост. Желтый свет фар пробегал по воде, Мокрые улицы блестели от дождя и от света фонарей. И в черной глубине реки без усталости вспыхивали огоньки.

Летти и Лесли остановились в Хемпстеде у старинного друга Темпестов, одного из крупнейших акционеров фирмы «Темпест Уартон и К°». Рафаэлям принадлежал большой дом, и Летти предпочла поехать к ним, нежели селиться в отеле, тем более что она взяла с собой маленького сына, которому теперь было десять месяцев, и няньку. Они пригласили меня с Джорджем пообедать с ними в пятницу вечером. Помимо хозяйки и хозяина, а также Летти и Лесли, на вечеринку были приглашены шотландская поэтесса и ирландский композитор, писавший песни и рапсодии для фортепиано.

На Летти было черное шнурованное платье в знак траура по одной из тетушек Лесли. Из-за этого она выглядела старше. В остальном же она не изменилась. Внимательный наблюдатель, пожалуй, заметил бы некоторую жесткость в линии ее рта и легкое разочарование в глазах. Однако она была в восторге от компании, в которой находилась, поэтому произносила умные речи и быстрые, искрометные замечания. Она была очаровательна. Вся остальная компания превратилась, как это обычно бывало, в оркестр, чтобы аккомпанировать ей.

Джордж вел себя тихо. Время от времени он обменивался несколькими словами с миссис Рафаэль. В основном же молчал и слушал.

— Действительно, — говорила Летти, — я не понимаю, чем одна вещь может быть дороже другой. Это как в пустыне: там совершенно все равно, достанете вы виноград, груши или ананас.

— Неужели можно дообедаться до такого безразличия? — спросила шотландская поэтесса приятным мелодичным голосом.

— Единственное, что имеет ценность, — это творчество, — сказала Летти.

— Вот как рассуждает современная молодежь, — вздохнул ирландский композитор.

— Ведь это единственное, что способно дать удовольствие, или, говоря иными словами, удовлетворение, — сказала Летти с улыбкой, повернувшись к композитору и поэтессе. — Вы так не думаете? — спросила она.

— Вы правы только в том случае, — сказала шотландская поэтесса, — если работа действительно является для вас источником вдохновения.

— А ты пишешь стихи? — спросил Джордж у Летти.

— Я? О Боже, конечно, нет! Я старалась как-то написать стихотворение на конкурс, но

потерпела неудачу. А ты знаешь, что у меня есть сын — замечательный парнишка. Вот это и есть мое произведение искусства. Я прекрасная мать, не правда ли, Лесли?

— Достаточно внимательная, — ответил он.

— Вот! — воскликнула она с триумфом. — Когда мне понадобится указать имя и род занятий в книге для посетителей, я напишу: «Мать». Надеюсь, этот мой бизнес будет процветать, — завершила она, улыбаясь.

В ней появился налет иронической жесткости. В душе она была вполне искренней. Преуспев в карьере светской женщины и убедившись в том, что все остальные вещи в жизни не имеют ценности, она решила посвятить себя именно этому, игнорируя свои способности к другим занятиям. Подобно луне, она накинула вуаль на свое жизнелюбивое лицо. Она стала слугой Господа, ей вполне хватило бы в жизни нескольких мужчин, детей и, возможно, еще какой-нибудь малости. И ей больше не хотелось нести ответственности за себя, эта мысль пугала ее, обрекала на одиночество. Служить же Богу легко и приятно. Нести ответственность за прогресс собственной жизни страшно. Это самая невыносимая форма одиночества. Поэтому Летти поддерживала мужа и больше не хотела быть независимой от него. Однако она забрала в свои руки многое из того, за что отвечал он, и поэтому он, в свою очередь, был предан ей. Кроме того, она не собиралась отказываться от своей участи служить детям, хотя, безусловно, когда дети вырастут, они, бессовестные, уедут от нее и оставят одну.

Джордж смотрел, слушал и ничего не говорил сам. Он относился к подобным беседам, как к бесцельному перелистыванию книги. Позже Летти спела, но не итальянские народные песни, а что-то из Дебюсси и Штрауса. Это тоже показалось Джорджу бессмыслицей. Ему было неприятно видеть, как она старается всем угодить.

— Тебе нравятся эти песни? — осведомилась она в обычной своей искренней и беззаботной манере.

— Не очень, — невежливо ответил он.

— Да? — воскликнула она, улыбнувшись. — Это же самые лучшие в мире вещицы.

Он не ответил. Она стала спрашивать его о Мег, детях, его делах в Эбервиче. Но внимала ему без особого интереса, сохраняя дистанцию между ними, хотя и была весьма дружелюбна.

Мы ушли около одиннадцати. Когда уже садились в такси, он сказал:

— Ты знаешь, она меня сводит с ума.

И вздрогнул, отвернувшись от меня к окну.

— Кто, Летти? Почему? — спросил я.

Он ответил не сразу.

— Она такая... яркая.

Я сидел не шелохнувшись и ждал, что он еще скажет.

— Знаешь?... — он засмеялся, продолжая смотреть в сторону. — От нее во мне закипает кровь. Я мог бы возненавидеть ее.

— Из-за чего? — поинтересовался я мягко.

— Не знаю, я себя чувствую так, будто она меня оскорбляет. Она лжет, правда?

— Я этого не заметил, — сказал я. Хотя понимал, что он имеет в виду.

— И начинаешь думать об этих несчастных под мостом, а потом о ней. И о тех, кто швыряет деньги на ветер...

Он говорил страстно.

— Ты цитируешь Лонгфелло, — сказал я.

— Чего, чего? — спросил он, вдруг посмотрев на меня.

— «Жизнь — реальность, жизнь честна...»

Он слегка покраснел.

— Не знаю, о чем ты, — ответил он, — но это очень мерзко, когда ты думаешь о том, как она дурачится перед этой публикой и как все вокруг дурачатся, а в это время люди в грязи под мостом... И...

— И ты, и Мэйхью, и я, — продолжил я.

Он посмотрел на меня внимательно, чтобы убедиться, что я над ним не насмехаюсь. Он хохотнул, было видно, что он взволнован.

— Выходит, настало время для разрыва? — спросил я.

— Почему?! Нет! Но она заставляет меня сердиться. Не помню, когда я чувствовал себя таким раздраженным. Я не понимаю, почему. Мне жаль ее, беднягу. «Летти и Лесли»... Они как будто созданы друг для друга, правда?

— А если бы она была твоей женой? — спросил я.

— Мы жили бы как кошка с собакой. Сейчас мне кажется, что Мег в тысячу раз лучше, — добавил он многозначительно. Он сидел, глядя на фонари и людей, на темные здания, проплывавшие мимо нас.

— А не зайти ли нам и не пропустить ли по стаканчику? — спросил я его, думая, что мы могли бы зайти в «Фраскати».

— Я бы выпил бренди, — медленно, сказал он, смотря на меня.

Мы сидели в ресторане, слушали музыку, поглядывая на изменчивый поток посетителей. Я люблю сидеть долго под штокрозами, наблюдая суету пчел, которые кружат и кружат возле диких цветов, а затем с гулом улетают. Но куда более интересно наблюдать, как приходят и уходят люди, зачастую очень загадочные. Я сидел тихо, глядя на ложи с уважаемыми посетителями. Джордж смотрел тоже, однако пил бренди, стакан за стаканом.

— Люблю смотреть на людей, — сказал я.

— Ага... А не кажется ли тебе бессмысленным и идиотским занятием... смотреть на них? — ответил он мне.

Я удивленно взглянул на него. Его лицо было мрачным и тупым. Количество бренди, которое он выпил, усугубило его дурное настроение.

— Пойдем? — сказал я.

Я не хотел, чтобы он напивался в таком настроении.

— Ага... Подожди-ка полминутки.

Он прикончил бренди и встал. Хотя он и выпил приличную дозу, но на ногах держался твердо, правда, в лице появилось упрямое выражение да глаза стали как бы меньше, чем обычно. Мы сели в автобус. Он устроился на сиденье этого мрачного, уродливого средства передвижения, не говоря ни слова. На остановке толпились любители театра, благо спектакль только-только закончился, под фонарями стояли какие-то люди. Мы видели, как по мосту через реку полз поезд таким длинным бриллиантовым ожерельем огней, отражавшимся в черной воде. Джордж смотрел тяжелым взглядом.

Город был слишком велик для него, он не мог ничего понять. Когда он вернется домой, у него в душе останется только воспоминание о неприятном.

— В чем дело? — спросил я его, когда мы шли по тихому тротуару Норвуда.

— А ни в чем, — ответил он. — Ни в чем!

И я решил больше его не беспокоить. Мы расположились в большой комнате с двумя кроватями, из окна которой был виден склон холма и далекие леса Кента. Джордж был сердит и неразговорчив. Я принес сифон с газировкой и виски, мы стали раздеваться. Он стоял в пижаме и чего-то ждал.

— Хочешь выпить? — спросил я.

Я уже не хотел. Он подошел к столу, и когда я лег в кровать, то услышал шум сифона. Он выпил свой стакан одним глотком, потом выключил свет. В темноте я увидел его бледную тень, направлявшуюся к дивану у окна. Шторы были открыты, и в окна заглядывали звезды. Он выглянул в темноту, посмотрел вдаль, вниз, на огоньки фонарей, которые напоминали лодки в море.

— Ты собираешься ложиться? — спросил я.

— Мне не хочется спать, а ты спи, — ответил он, не желая разговаривать.

— Тогда надень халат, он висит там в углу, и включи свет.

Он не ответил. Однако последовал совету. Когда он нашел что нужно, то спросил:

— Ты не возражаешь, если я закурю?

Я не возражал. Он полез в карман за сигаретами, все еще не включая света. Я видел его лицо, склонившееся к спичке, когда он зажигал сигарету. Его лицо было красиво в красном свете спички, но черты слишком жестки. Я испытывал сильную жалость к нему, но видел, что ничем не могу ему помочь. Некоторое время я лежал в темноте, наблюдая за тлеющим кончиком его сигареты, словно за неведомым красным насекомым, устроившимся у его губ и похожим на далекие звезды. Он сидел довольно тихо, облокотившись на валик дивана. Вдруг сигарета вспыхнула ярче, и я увидел отблески на его щеках, потом снова не видел ничего, кроме нелепой красной пчелы.

Должно быть, я уснул. Вдруг я проснулся, потому что что-то упало на пол. Я услышал, как он ругается.

— В чем дело? — спросил я.

— Уронил что-то, вроде сигаретницу или еще что, — ответил он извиняющимся голосом.

— Ты еще не ложишься? — спросил я.

— Ложусь, — ответил он.

Похоже, он боялся уронить еще что-нибудь. Он тяжело забрался в постель.

— Захотелось спать? — спросил я.

— Да, сейчас усну.

— Что с тобой? — спросил я.

— Я люблю такое состояние, — ответил он, — когда ничего не хочется делать, никуда не хочется идти и ни с кем не хочется быть рядом. Чувствуешь себя погано и одиноко, Сирил. Чувствуешь себя ужасно, как в вакууме. Что-то давит на тебя, как давит Темнота, и ты — ничто, вакуум, сгусток мрака.

— Это звучит плохо! — воскликнул я, садясь в кровати.

Он тихо засмеялся.

— Все в порядке, — заверил он. — Это всего лишь впечатления от Лондона, от того маленького человечка в парке. От женщины на скамейке. Хотелось бы знать, где она этой ночью, несчастная. И затем Летти. Все это вывело меня из равновесия. Я подумал, что мне что-то нужно сделать с собой...

— Что? — спросил я, поскольку он заколебался.

— Не знаю, — ответил он медленно. — Может быть, стать поэтом вроде Бернса. Не знаю, я буду смеяться над собой за эти мысли завтра. Но мне все время хочется того, чего у меня нет. Вот почему мне нравилась Летти, думаю. Но я несу какую-то чепуху. Что я говорю? Зачем ты позволяешь мне болтать глупости, зачем ты меня слушаешь?

Я встал и направился к нему.

— Я не хочу, чтобы ты говорил. Сейчас ты уснешь, и утром все будет выглядеть иначе.

Я сел к нему на кровать, взял его за руку. Он лежал неподвижно.

— Я все еще ребенок, Сирил, — сказал он некоторое время спустя.

— Мы все такие, — ответил я, продолжая держать его руку.

Он уснул. Когда я проснулся, молодое утреннее солнце смеялось в нашей комнате. Огромное синее небо сияло в окно, и птицы зазывали в сад, крича что-то одна другой и радуясь жизни. Я был рад, что открыл глаза. Некоторое время я лежал, глядя на утреннее небо, как на синее море.

Потом мой взгляд метнулся на столик возле кровати. Я заметил, как что-то блестит в сигаретнице Джорджа, а тут увидел и бутылку виски. Она была почти пуста. Он выпил три четверти пинты, пока я дремал. Я не мог в это поверить. Думал, может, тут какая-нибудь ошибка, может, не так уж много виски оставалось в бутылке. Я наклонился посмотреть, что же такое разбудило меня ночью. Это был тяжелый большой стакан, упавший, но не разбившийся. Никаких пятен на полу не было.

Джордж спал. Он лежал разметавшись и тихо дышал. Его лицо было невыразительно, как маска, при этом довольно уродливая. Я хотел разбудить его, чтобы безжизненные черты его снова обрели живость. Я не мог поверить, что очарование и красота могли в один миг покинуть его и сделать мужественное, доброе лицо похожим на глиняную маску. Пока я на него смотрел, он проснулся, медленно открыл глаза. Посмотрел на меня и отвернулся, не в силах выдержать мой взгляд. Он натянул одеяло до подбородка, словно желая скрыться от меня, и лег ко мне спиной. Он делал вид, будто спал, хотя я знал, что он проснулся. Он страдал от унижения и теперь лежал в ожидании, что жизнь снова заползет в его тело.

Когда ее старшему сыну исполнилось три года, Летти, снова поселилась в Эбервиче. Старый мистер Темпест неожиданно умер, поэтому Лесли решил переехать в Хайклоуз. Он был в высшей степени занятой человек. Очень часто по делам уезжал в Германию или на юг Англии. Дома же был всегда внимателен к жене и двоим детям. Ему нравилась общественная деятельность. Несмотря на занятость, он стал советником графства и одним из выдающихся деятелей Консервативной партии. Ему очень нравилось провозглашать тосты на общественных обедах, принимать политиков в Хайклоузе, председательствовать на политических собраниях, выступать с речью по тому или иному поводу. Его имя часто встречалось на страницах газет. Будучи владельцем шахт, он говорил о занятости населения, о верности монархии, о землевладении и так далее. Дома оставался ручным и покорным. С уважением относился к жене, по-королевски обращался со слугами. Они любили его, а ее нет. Он был шумный, но ни на что не обращал особенного внимания. Она — наоборот, тихая и наблюдательная. Он мог пошуметь, но когда он уходил, они улыбались. Она отдавала свои приказания спокойным тоном, но, уходя от нее, все таили про себя обиду. Летти всегда была очень хорошей женой, поэтому Лесли обожал ее, когда у него было время, а когда у него времени не было, забывал о ней.

Она была полна противоречий. Часто писала мне о недовольстве собой, о том, что она ничего не успела в жизни.

«Надеюсь, что следующей весной у меня будет еще один ребенок, — писала она, — тогда не будет так скучно и бессмысленно. Мне кажется, что во мне еще много энергии».

Когда я отвечал ей, предлагая поработать над чем-нибудь, что могло бы дать удовлетворение ее душе, она отвечала с безразличием.

«Ты считаешь, что я противоречива. Ну, что ж. Ты видишь, я написала то письмо под настроением, теперь моя тоска прошла. Вообще-то обычно я спокойно переношу и дожди, и тихую, ясную погоду. Но потом вдруг что-то выводит меня из себя... как будто я немножко схожу с ума... что-то очень-очень голубое, как я уже говорила когда-то Лесли...»

Как многие женщины, она казалась очень оживленной и вполне удовлетворенной жизнью в четырех стенах, при искусственном освещении. Только иногда, под воздействием ветров, дующих снаружи, она выглядывала и внимала дикому, необузданному зову, однако ее женская осторожность предохраняла ее от того, чтобы сделать шаг за порог.

Джордж процветал, занимался своими любимыми лошадьми. По утрам целые процессии прекрасных скакунов торжественно проходили по тихим улицам Эбервича, приглядывал за ними непременно человек Джорджа или сам Том Мэйхью, а когда в ярком солнечном свете Джордж выезжал верхом на прогулку, за ним пританцовывали еще две лошади без седоков.

Когда я приехал из Франции через пять лет после нашей встречи в Лондоне, то обнаружил, что он поселился в Холлиз. Он снял этот дом у семейства Мэйхью и переехал туда со своей семьей, оставив гостиницу «Баран» на Освальда.

В один из дней я зашел в их большой дом, Освальда там не было. Семейство Джорджа меня удивило. Близнецы вымахали в ладных пареньков шестилетнего возраста. У них

родилось еще двое сыновей. А теперь Мег нянчила хорошенькую маленькую годовалую девочку. Было очевидно, что эта девочка в доме самая главная. Мег с радостью выполняла любое ее желание.

— А как Джордж? — спросил я ее.

— О, с ним все в порядке, — ответила она. — Вечно занят. Он никогда не тратит времени зря. И еще носится со своим социализмом.

Это была сушая правда. Результатом его посещения Лондона явилась приверженность делу борьбы за права угнетенных. Я видел картину Уотса «Маммона» на стене кабинета, а также работы Блэтчфорда, Мастермана и Чиоцца Мани на столике у стены.

Социалисты со всей округи привыкли вечерами собираться по четвергам в Холлиз, чтобы потолковать о реформах. Мег совершенно не волновали сборища этих честных душ.

— Это не нашего поля ягоды, — говорила она, — слишком заумные. Они считают, что все, кроме них, дураки. Правда, одного у них не отнимешь: они не пьют. И за это я им очень благодарна.

— Почему? — спросил я. — Разве у тебя с этим возникали проблемы?

Она понизила голос до шепота, эта таинственность не могла не привлечь внимания мальчиков.

— Я бы ничего не сказала никому, кроме тебя, потому что вы как братья, — сказала она. — Но он пьянствует, и чем дальше, тем хуже. Спиртное, а особенно бренди, оказывает на него дурное влияние. Ты даже не представляешь, на кого он похож, когда напивается. Иногда его тянет на разговоры, иногда он смеется просто так и становится очень оживленным. А потом, — ее голос принял зловещий оттенок, — он заваливается домой пьяный.

Ее лицо приняло озабоченное выражение.

— Ты просто не можешь себе представить, Сирил, — сказала она, — это все равно, как если бы в доме оказался вдруг сам сатана или черный тигр. Никто не знает, как я с ним настрадаюсь... намучилась...

Дети стояли с широко раскрытыми от ужаса глазами и бледными губами.

— Но сейчас он лучше? — спросил я.

— О, да... когда у нас появилась Герти, — она с любовью посмотрела на ребенка, которого держала в руках. — Он стал теперь намного лучше. Ты знаешь, ему всегда хотелось иметь девочку, и он обожает ее... правда, лапочка?.. ты папина девочка?.. и мамина тоже, да?

Девочка смутилась и уткнулась носиком в мамину шею. Мег поцеловала ее с любовью, потом ребенок прижался щечкой к маминой щеке. Черные глаза матери и большие карие глаза дочери безмятежно смотрели на меня. Обе смотрели спокойно и как-то горделиво. Чувствовалась какая-то их внутренняя защищенность, уверенность, покой, отчего я ощутил себя одиноким неудачником. Женщина с ребенком на руках — это башня, мощная крепость, которая выстоит под напором любого врага.

Я сказал Мег, что зайду как-нибудь еще раз, чтобы навестить Джорджа. Двумя вечерами позже я попросил Летти одолжить мне экипаж, чтобы съездить в Холлиз. Лесли, как всегда, отсутствовал, выступал на одном из своих политических собраний, и ей было скучно. Она напросилась поехать вместе со мной. Она уже дважды побывала в гостях у Мег в их новом большом доме.

Мы выехали примерно в шесть часов. Вечер выдался темным, на дорогах грязь. Летти

хотела заехать в деревню Эбервич, ради чего мы сделали длинный крюк. Но вот Селсби позади. Лошадь въехала в ворота Холлиз, стрелки часов приближались к семи. Мег была наверху, об этом сообщила служанка, а Джордж в столовой укладывал ребенка спать.

— Ладно, — сказал я. — Мы пойдем к ним. А вы не беспокойтесь, докладывать не нужно.

Когда мы оказались в мрачном квадратном холле, то услышали оттуда скрип кресла-качалки. Звуки мерные, тяжелые, в такт нашей любимой песне «Генри Мартин», которую мы пели в Стрели-Милл. Потом сквозь басовитые мужские нотки пробился тонкий голосок маленькой девочки. Джордж запел чуть погромче. Не знаю почему, но мы вдруг улыбнулись. Девочка тоже стала петь громче, после чего рассмеялась и стала подшучивать над пением отца. Он затянул песню еще громче. Ребенок, вторя ему, завизжал высоким голосом. Кресло со скрипом качалось туда-сюда, потом вдруг Джордж засмеялся, поскрипывание прекратилось, и он произнес радостно и со смехом:

— Ай-ай-ай, как нехорошо! Ах, бессовестная девочка. А ну-ка, баиньки!

Девочка засмеялась, продолжая подшучивать над ним.

— Мама! — сказал он. — Иди сюда, уложи девочку спать!

Девочка засмеялась снова. Мы открыли дверь и вошли. Он был очень удивлен, увидев нас. Он сидел в высоком кресле-качалке у камина без пиджака, в белой рубашке и жилете. Девочка в маленькой ночной рубашонке стояла у него на колене, тараша на нас свои глазенки, ее каштановые волосы падали на лоб, бронзовой пылью лежали на ушах. Быстро она обвила руками его шею и спрятала лицо у него на груди. Ее маленькие ножки впечатались ему в бедро. Он тряхнул головой, потому что мягкие каштановые волосики щекотнули ему подбородок. Он улыбнулся нам и сказал:

— Видите, чем я занят!

Потом повернулся к маленькой каштановой головенке, приникшей к его груди, подул на светящееся облачко волос и потерся губами, усами о теплую шейку. Девочка вздернула плечики и рассмеялась приглушенным смехом. Она не поднимала лица и не разжимала объятий.

— Она думает, что она стесняется, — сказал он. — Посмотри, юная девица, на леди и джентльмена. Она настоящая сова, не хочет спать. Правда, совушка?

Он еще раз пощекотал ей шейку усами, и девочка весело рассмеялась.

В комнате было очень тепло, пылал камин. Комнату освещал вдобавок тяжелый бронзовый канделябр, стоявший посередине. Эта мебель досталась им от Мэйхью. Джордж выглядел крупным, красивым мужчиной в блестящем черном шелковом жилете, облегающем его по бокам, округлые мускулы выступали сквозь белую ткань рукавов рубашки.

Вдруг девочка подняла голову и посмотрела на нас, запихивая в рот соску, которая висела поверх ее ночной рубашки. Длинные розовые рукава обтягивали пухленькие маленькие запястья. Она стояла с соской во рту, обхватив одной рукой шею отца и глядя на нас большими карими глазами. Потом она подняла пухлый маленький кулачок, принялась ерошить свои кудряшки, а затем и крутить собственное ухо, белое, как цветок камелии.

— Но у нее и впрямь сонный вид, — сказала Летти.

— Пошли! — сказал он, увлекая ее к себе на колени. — Пошли баиньки.

Но маленькая негодница начала кричать в знак протеста. Она напряглась, высвободилась и теперь снова стояла на отцовском колене, грустно глядя на нас, трясая соской во рту и дергая за ухо Джорджа своими маленькими пальчиками, пока тот не убрал

ее руку.

— Ноготки у нее очень острые, — сказал он улыбаясь.

И тут пошли расспросы, как обычно заведено у друзей, которые долго не виделись. Девочка лежала головкой на его плече, глядя на нас усталыми, действительно свиными глазами. Потом непроизвольно веки у нее опустились, и она легла ему на руку.

— Она спит, — прошептала Летти.

Темные глаза тут же открылись снова. Мы многозначительно посмотрели друг на друга, продолжая беседовать. Через некоторое время девочка окончательно уснула и засопела.

Наконец к нам спустилась Мег, она приветствовала нас удивленным шепотом и повернулась к мужу.

— Уснула? — прошептала она, удивленно склонившись над спящим ребенком. — Вот чудесно, правда?

Она взяла спящего ребенка из его рук, прижавшись губами к ее лобу и мурлыча нежные непонятные звуки.

Мы еще поговорили некоторое время, пока Мег укладывала девочку в кровать. Джордж держался самоуверенно, независимо. Да, теперь он стал преуспевающим человеком, переселился в большой дом, на него работали трое батраков. К тому же он был известным общественным деятелем, его уважали. Он сразу ввязался в спор с Летти.

— Конечно, — заявила она, — я читала мистера Уэллса и мистера Шоу, и даже Нейла Лайонса, и Голландца... как его имя? Керидо? Но что я могу поделать? Я думаю, богатые так же несчастны, как и бедные. И тоже смертны. Что тут поделаешь? Это же вопрос развития человеческой расы. Жизненные проблемы со счетов не скинешь. Общественные отношения нельзя менять насильственным путем, здесь не помогут никакие наполеоны. Надо просто приспособливаться друг к другу.

— Ой, ой, — сказал он. — Это довольно трусливая позиция. Так вести себя — ничтожно и бесполезно в высшей степени.

— Общественная жизнь многогранна, поэтому каждый может найти пример, подтверждающий его правоту. На самом деле никто ничего не может никому доказать, впрочем, как и опровергнуть тоже.

— Нет, можно, если начать активные действия, — ответил он убежденно.

— Есть еще другое средство: отправиться всем в богадельню и до самой смерти влачить убогое, жалкое существование, — сказала она. — Однако жизнь слишком хороша, чтобы поступать так.

— Жизнь сама по себе — печальная вещь, — отозвался он на ее откровения.

Ее появление его потрясло. На удивление, она до сих пор сохранила способность влиять на его взгляды. Всю его страстную, сердитую речь, в которой он попытался дать анализ общественных противоречий, можно было объяснить лишь страхом перед угрозой его жизненным интересам, исходившей именно от нее.

Она с легкостью отражала все его доводы, не обращая внимания на его грубую интонацию и запелляционный тон. Более того, если бы она захотела, она бы ему и этого не позволила. В ней была такая сила, что она могла даже против воли вторгаться в его личную жизнь. Поэтому она и пригласила его отобедать с ними в Хайклоузе, что вполне было возможно теперь для него. Благодаря своему бизнесу он стал подходящей компанией для джентльменов, для *comme il faut* на любом званом обеде и ужине.

Между прочим, она мне писала: «Джордж Сакстон был у нас на обеде вчера. У них с

Лесли жуткие разногласия по поводу национализации промышленности. Джордж поджигает Лесли, как спичка. Отчего, между нами, наш друг очень гордится. Это удивительно. Я, конечно, стараюсь сохранить равновесие сил и пытаюсь защитить достоинство моего мужа. В самый опасный момент, когда Джордж начинает размахивать своим окровавленным мечом, а Лесли лежит, обливаясь кровью, я делаю шаг вперед и поражаю победителя прямо в сердце легкой сатирой или ловким вопросом. Поднимаю Лесли и говорю, что эта кровь доказывает его правоту. И — ву-а-ля! Затем я в тысячный раз начинаю разгонять консервативных ворон вроде Лесли, на этот раз обращаясь к Джорджу, теперь мне не нужно спорить с ним, потому что он становится такой сердитый, и я начинаю примиряющий разговор о прекрасных и печальных сторонах жизни, которых он не замечает из-за своей увлеченности социализмом. И вот я добиваюсь своего. Думаю, у меня талант Макиавелли. Воистину это так».

Позже она писала: «Получилось так, что мы ехали на машине из Дерби воскресным утром. И когда мы взобрались на вершину холма, нам пришлось пробираться сквозь довольно большую толпу. Я посмотрела и увидела нашего друга Джорджа, выступавшего здесь и ратовавшего за государственное обеспечение матерей. Я попросила Лесли остановиться, чтобы послушать. Рыночная площадь до отказа была заполнена народом. Джордж увидел нас и пришел в ярость. Лесли тоже завелся. И хотя я держала его изо всех сил, он выскочил и начал задавать вопросы. Должна признать, к моему стыду, что он вел себя как осел. Мужчины, толпившиеся вокруг, что-то бормотали себе под нос. Я подумала: Лесли непопулярен среди них из-за того, что он сторонник механизации, которая должна заменить человеческий труд. Поэтому они приветствовали нашего друга Джорджа, когда тот громогласно изрыгал свои ответы. Он указывал пальцем на нас и кричал до тех пор, пока мы не ретировались. Джордж торжествовал победу, зато когда я увидела его несколькими днями позже, он чувствовал себя очень неловко и неуверенно».

Почти через год она опять затронула эту тему: «Я нашла для себя забаву: два или три раза я побывала в Холлиз на собраниях социалистов. Лесли об этом не знает. Там было очень забавно. Конечно, социалисты мне симпатичны, но я не могу постоянно щурить глаза, и видеть все в одном цвете. Жизнь порой напоминает огромного, красивого мужчину, который молод и полон сил, однако веста волосат, пожалуй, истинный варвар, с грубыми и грязными руками, причем грязь просто въелась в кожу. Руки уродливы, рот некрасив, волосатый, жестокий, зато взгляд его глаз глубок и невероятно притягателен. Я так и сказала Джорджу».

Понимаешь, это честные люди, оттого мне особенно грустно. Но они так любят поучать. Они так уверены в себе, из-за узости собственных взглядов и из-за самого настоящего непонимания многих вещей они не хотят ничего замечать, что меня просто смешит. Джордж, между прочим, смеется тоже. Господи, до чего мы потешались над пучеглазой девицей, которая сидела в тюрьме за женское дело, так что мне стало стыдно, когда я получила значок женской лиги. В душе, ты знаешь, Сирил, меня не заботит никто и ничто, кроме меня самой. Вокруг все так изменчиво, единственная реальность для меня — это я сама и мои дети».

В конце концов Джордж отошел от социалистов. Начал подсмеиваться над своими бывшими друзьями. Признался, что горько разочаровался в Гудзоне, в болтливых лидерах движения социалистов в Эбервиче. Это из-за Гудзона с его дурацкими манерами Джордж разочаровался в движении. В конце концов собрания в Холлиз прекратились, и мой друг

разорвал все отношения со своими бывшими соратниками.

Он стал приторговывать землей. Трикотажная фабрика переместилась в Эбервич и собиралась разрастаться, а Джорджу удалось купить по дешевке кусок земли на краю деревни. Когда он приобрел его, там были сады. Он предложил эту землю под строительство магазина и продал ее, выручив хорошую прибыль.

Он преуспевал. От Мег я слышал, что он занят делом и не пьет так, чтобы об этом следовало говорить, однако постоянно отсутствует, дома она редко его видит. Подобное отношение ее мало радовало. Джордж, наоборот, жаловался, что она очень узко мыслит, не проникается сочувствием ни к одной из его идей. Никто не приходит к нам в гости дважды, — утверждал он, — потому что Мег всех так прохладно принимает. Вот я пригласил Джима Кертисса с женой из Эверли-Холл на один из вечеров, и мы чувствовали себя неловко все время. Мег произносила только «да», или «нет», или «гм-гм!». Они больше не пришли. Мег же, со своей стороны, заявляла: «О, я на дух не выношу людей, которых он приводит. Из-за них я чувствую себя так неудобно. Мне просто не о чем разговаривать с ними».

Вот так два характера противоречили друг другу. Джордж очень старался добиться чего-нибудь в Эбервиче, поскольку он не принадлежал даже к среднему классу. Мег ходила в гости и общалась только с женами мелких торговцев и содержателей пивных. Это была ее стихия.

Джордж же считал всех этих женщин крикливыми, вульгарными и глупыми. Мег любила настоять на своем. Она посещала их, когда ей хотелось, и принимала у себя, когда его не было дома. Он заводил знакомства с людьми иного типа: доктор Фрэнсис; мистер Картридж, хирург-ветеринар; Тоби Хесуолл, сын хозяина пивного завода; Кертиссы, преуспевающие фермеры с Эверли-Холл — вот на кого ему хотелось походить. Но все это было не то. Джордж по природе семейный человек, ему хотелось чувствовать себя спокойно и уютно в собственном доме. Поскольку Мег никогда не ходила с ним в гости, а пригласить кого-либо в дом не получалось, он в глубине души очень переживал. Перестал приглашать к себе в Холлиз кого-либо и жил в полной изоляции.

* * *

Дружба между ним и Летти продолжалась, несмотря ни на что. Лесли иногда ревновал, но старался не показывать этого, опасаясь, что жена будет смеяться над ним. Джордж бывал в Хайклоузе примерно раз в две недели, не чаще. Летти же никогда не ходила в Холлиз, поскольку Мег к ее визитам относилась очень отрицательно.

Мег с горечью жаловалась на мужа. Теперь он опять напивался пьяным. Стал заноситься. Дом, дескать, для него не слишком хорош. Типичный эгоист до мозга костей. Он не заботится ни о ней, ни о детях, только о себе.

* * *

Случилось так, что я приехал домой на день рождения Летти, ей исполнился тридцать один год, Джорджу было тридцать пять. Летти позволила мужу забыть о ее дне рождения.

Он был настолько увлечен политикой, предстоящими всеобщими выборами в следующем году и намеревался добиваться для себя места в парламенте, что на время отринул все домашние дела и проблемы. В это время усиливались позиции либералов, и Лесли надеялся, что он сможет по-своему воспользоваться моментом. Он проводил много времени в Консервативном клубе среди людей, имеющих влияние в южных округах. Летти поощряла его устремления. Это давало ей свободу. Вот почему она позволила ему напрочь забыть о ее дне рождения, в то время как по каким-то причинам пригласила Джорджа на обед, поскольку я был дома.

Джордж пришел в семь часов. В доме царил праздничная атмосфера, хотя не было признаков предстоящего торжества. Летти оделась особенно тщательно: темно-пурпурный газ поверх мягкого сатина светлых тонов фиалкового оттенка. На шее лазуритовое ожерелье, в светлых волосах такой же гребень. Это было восхитительно. Она понимала, какое впечатление производит, и ей это очень нравилось. Как только Джордж увидел ее, глаза его заблестели. Она встала, когда он вошел, протянула ему руку. Она держалась очень прямо. Синие ее глаза сверкали.

— Большое спасибо, что пришел, — сказала она мягко, сжав ему руку.

Он не ответил ничего, а просто поклонился. Потом посмотрел на нее. Она ему улыбнулась.

В этот момент вошли дети, одетые очень необычно. Как псаломщики в церкви, в длинных прямых одеждах из голубого шелка. Мальчик особенно смотрелся так, будто он собирается зажечь свечи в какой-то церкви, возможно даже, в раю. Очень высокий, красивый, с римской круглой головой и спокойными чертами лица. Глядя на этих двух детей, трудно было себе представить кого-нибудь милее и красивее. Шестилетняя девочка была на редкость веселая, к тому же кудрявая. Она играла украшениями мамы и чувствовала себя превосходно. А мальчик стоял рядом, очаровательный и молчаливый псаломщик в голубой рубашке. На меня произвели впечатление его спокойствие и аккуратность. Когда девочка подбежала поздороваться к Джорджу мальчик положил руку на колено Летти и посмотрел с интересом на ее платье.

— Какие красивые голубые камни, мама! — сказал он.

— Да, — ответила Летти с улыбкой, потрогав ожерелье. — Они мне нравятся.

— Ты будешь петь, мама? — спросил он.

— Может быть. Но почему ты спрашиваешь? — Летти улыбнулась.

— Потому что ты всегда поешь, когда приходит мистер Сакстон.

Он наклонил голову и застенчиво дотронулся до платья Летти.

— Да? — сказала она, смеясь.

Летти положила ему руку на голову и погладила мягкие волосы.

— Спой песенку нам до того, как мы уйдем, — попросил он застенчиво.

Она поцеловала его.

— Ты будешь петь вместе со мной. А что бы нам такое спеть?

Она стала играть без нот, в то время как он стоял возле нее, а Люси, маленькая мышка, сидела на маминой юбке. Мать и мальчик запели песню. «Наш трубадур берет гитару, когда приходит он с войны». Мальчик пел чистым голосом, его пение напоминало полет ласточек утром. Казалось, светились даже его губы. Летти пела улыбаясь.

Наконец дети пожелали всем спокойной ночи, нежно поцеловали нас и выпорхнули из комнаты. Девочка просунула кудрявую головенку в дверь снова. Мы увидели белый нянин

манжет, няня держала ее за руку.

— Ты придешь, и поцелуешь нас, когда мы будем в постели, мама?

Ее мама засмеялась и согласилась. И Люси исчезла на время, потом мы услышали ее голос: «Только на полсекундочки, няня! Только на полсекундочки!»

Кудрявая головка опять появилась в двери.

— И одну маленькую конфеточку. Только одну!

— Ступай!.. — Летти ударила ладонями по бедрам в притворном возмущении. Дитя исчезло. Но вскоре снова появилось в двери и снова стало просить сладости.

— Конфетку, мама. Только не мармелад.

Летти резко встала, с шумом отодвинув стул. Малышка, смеясь исчезла. Мы слышали, как она, задыхаясь, кричала на лестнице:

— Подожди, Фредди, подожди меня!

Джордж и Летти улыбнулись друг другу, когда дети ушли.

Когда улыбка погасла на их лицах, они грустно опустили глаза и до самого обеда сидели молча, в каком-то меланхоличном настроении.

После обеда Летти стала обсуждать, какие конфеты дать детям.

Когда мы пили кофе, она курила сигарету. Джорджу не нравилось, что она курит. Однако он даже слегка расцвел после того, как дал ей прикурить.

— Десять лет прошло с моей вечеринки в Вудсайде, — сказала она, потянувшись к маленькой римской солонке из зеленого нефрита, которую она использовала в качестве пепельницы.

— Господи, десять лет! — воскликнул он с горечью. — А похоже, что прошло столетие.

— И да, и нет, — ответила она улыбаясь. — Когда я оглядываюсь в прошлое и думаю о тех давних своих впечатлениях, мне кажется, что все это было только вчера. Но когда я вспоминаю все, что произошло потом, то кажется, что прошел век.

— А я, если посмотрю на себя, — сказал он, — то начинает казаться, что я стал совсем другим человеком.

— Ты изменился, — согласилась она, глядя на него с грустью. — Случились большие перемены, но ты не стал другим человеком. Я часто думаю: он только притворяется, а в душе все тот же!

Оба пустились вплавь по соленому от слез каналу своей юности.

— Самое плохое, — сказал он, — что я был так глуп и беззаботен. И всегда во что-нибудь верил.

— Это правда, — она улыбнулась. — Ты всегда искал в обычных вещах какой-то скрытый религиозный смысл. Ты хоть изменился теперь?

— Ты знаешь меня очень хорошо. — Он засмеялся. — А во что мне теперь верить, как не в самого себя?

— Ты должен жить ради жены и детей, — сказала она твердо.

— Мег достаточно богата, чтобы обеспечить себя и детей, — ответил он, улыбаясь. — Так что я не знаю, нужен ли я ей вообще.

— Конечно, нужен, — ответила она. — Нужен как отец и муж, если не как кормилец.

— А я вот думаю, — сказал он, — брак — это скорее дуэль, чем дуэт. Один завоевывает другого, берет в плен, делает его рабом, слугой. И так почти всегда!

— Ну и?.. — спросила Летти.

— Ну и!.. — ответил он. — Мег не любит меня. А я ей нужен по привычке, хотя бы

частица меня должна обязательно ей принадлежать. Поэтому она скорее убьет меня, чем позволит уйти.

— О нет! — воскликнула Летти.

— Ты ничего не знаешь, — сказал он тихо. — В нашей дуэли победила Мег. Женщина всегда побеждает, на ее стороне дети. В действительности я не могу дать ей то, что ей нужно. Это то же самое, что ты не можешь поцеловать чужака. Я чувствую, что теряю, но мне все равно.

— Нет, — сказала она, — это уже похоже на болезнь.

Он сунул сигарету в рот, сделал глубокую затяжку и медленно пустил дым через ноздри.

— Нет, — сказал он.

— Слушай! — сказала она. — Давай я спою тебе, и ты снова будешь веселым?

Она запела что-то из Вагнера. Это была музыка отчаяния. Она не подумала об этом. Все время, пока он слушал, он думал и смотрел на нее.

Она закончила арию из «Тангейзера» и подошла к нему.

— Ну почему ты такой грустный сегодня, в мой день рождения? — спросила она жалобно.

— Грустный? — ответил он.

— В чем дело? — спросила она, опускаясь на маленький диван перед ним.

— Да ничего! — ответил он... — Ты выглядишь очень красиво.

— Ты должен быть тихим парнем, понимаешь? Потому что я сегодня должна быть самой умной.

— Не-а, — сказал он. — Я знаю, что я должен. Но завтрашний день цепко держит меня. Я не могу вырваться из его костлявых рук.

— Но почему? — спросила она. — Руки у твоего завтрашнего дня вовсе не костлявые, они белые, как мои.

Она воздела свои руки и посмотрела на них с улыбкой.

— Откуда ты можешь знать? — спросил он.

— О, конечно, они такие, — уверенно ответила она.

Он засмеялся коротко и скептически.

— Нет! Я понял это, когда дети целовали нас.

— Что? — спросила она. — Что ты понял?

— То, что костлявые руки завтрашнего дня обнимают меня, а белые — тебя, — ответил он, грустно улыбаясь.

Она потянулась к нему и схватила его за руку.

— Глупый мальчик, — сказала она.

Он болезненно засмеялся, будучи не в состоянии смотреть на нее.

— Знаешь, — сказал он тихо и с напряжением, — ты мне нужна, как свет. Скоро ты снова будешь для меня единственный свет в окне.

— А кто другой в твоей жизни важный человек? — спросила она.

— Моя маленькая девочка! — ответил он. — И ты знаешь, я не могу вытерпеть эту полную тьму, это одиночество.

— Ты не должен говорить так, — сказала она. — Ты знаешь, что не должен.

Она положила руку ему на голову, ее пальцы запутались в его волосах.

— Они густые, как всегда, твои волосы, — сказала она.

Он не ответил, но опустил голову и вздохнул. Она поднялась с дивана, встала позади его

низкого кресла. Вынув гребень из своих волос, склонилась и стала расчесывать ему волосы.

— Тебе было тепло со мной, — говорил он, продолжая свою мысль. — Но ты вполне могла обходиться без меня. А для меня ты была как свет, без тебя все темно и бесцельно. Бесцельность бытия ужасна.

Она закончила расчесывать его волосы и убрала руки.

— Вот, — сказала она. — Это выглядит великолепно, как бы сказала Алиса. Крылья ворона проигрывают в сравнении с твоими волосами.

Он не обратил внимания на ее слова.

— Ты не хочешь посмотреть на себя? — спросила она, игриво приближаясь к нему.

И дотронулась до его подбородка. Он поднял голову, они посмотрели друг на друга. Она — улыбаясь, стараясь развеселить его. Он — улыбаясь только губами, а глаза смотрели мрачно и болезненно.

— Так не может продолжаться, Летти, — сказал он тихо.

— Да, — ответила Летти, — но почему?

— Не может! — воскликнул он. — Не может, я не могу этого вынести, Летти.

— А ты об этом не думай, — сказала она. — Не думай об этом.

— Летти, — сказал он, — я должен стиснуть зубы и забыть в одиночестве.

— Ах нет! Есть еще и дети. Не говори ничего. Не надо быть серьезным, ладно?

— Нет, — ответил он, слабо улыбнувшись.

— Да! Довольно! Встань и посмотри, как красиво я тебе расчесала волосы. Встань и посмотри, подходит ли тебе этот стиль.

— Это нехорошо, Летти, — сказал он. — Мы не можем продолжать.

— Ох, ну давай, давай, давай! — воскликнула она. — Мы не говорим о том, чтобы продолжать, мы обсуждаем, какой прекрасный пробор я сделала тебе посередине, как два крыла птицы.

Она посмотрела вниз, игриво улыбнувшись ему и слегка прикрыв глаза. Он встал и сделал глубокий вдох, распрямил плечи.

— Нет, — сказал он.

При звуке его голоса Летти побледнела и тоже напряглась.

— Нет! — повторил он. — Это невозможно! Как только Фред вошел в комнату, я сразу почувствовал, что может быть только один путь.

— Ну что ж, хорошо, — сказала Летти холодно.

— Да, — сказал он покорно. — Дети.

Он посмотрел на нее, искривив губы в грустной улыбке.

— А ты уверен, что это правильно? — спросила она вызывающе, даже обиженно. Она вертела лазуритовые камешки на груди, вдавливая их в тело. Он смотрел на то, что она делала, и слушал ее голос. Он сердился.

— Абсолютно уверен, — сказал он наконец просто и иронически.

Она поклонилась в знак согласия. Его лицо исказилось. Он больше не хотел ничего говорить. Потом он повернулся и тихо покинул комнату. Она не смотрела ему вслед, а стояла все в той же позе. Спустя некоторое время она услышала шум его коляски, скрип гравия, потом ломкий треск на замерзшей дороге. Она упала на диван и лежала грудью на подушках, уставясь неподвижным взором в стену.

Глава VII

КРУТОЙ ОТКОС

Через год или около того после моего последнего визита в Хайклоуз Лесли одержал победу вместе с консерваторами на всеобщих выборах.

В доме Темпестов все время были гости. Время от времени я слышал от Летти, как он занят, как он удивлен и как ему все наскучило. Она сообщила мне также, что Джордж тоже включился в борьбу на стороне лейбористской партии и что она не видела его долгое время, если не считать случайных встреч на улице.

Когда я приехал в Эбервич в марте после выборов, то обнаружил, что у моей сестры гостят несколько человек. Она взялась опекать литературно одаренного парня, который усвоил стиль «Доуди» Доры Копперфильд. У него были пышные волнистые волосы и романтический черный галстук. Он изображал из себя импульсивную личность, но на деле был расчетлив, как биржевой игрок. Ему доставляло удовольствие ощущать материнское отношение Летти. Он был хитер, проницателен и вовсе не раним. Кроме него, в доме гостили женщина-музыкант и пожилой мужчина, тоже вроде имевший отношение к миру искусства, в чем-то даже интересный, незаурядный. Целыми вечерами продолжалась болтовня, сыпались всякого рода остроты.

Я встал утром, чувствуя, что больше не вынесу этой болтовни.

Я обошел вокруг Неттермера, который теперь совсем забыл меня. Нарциссы у домика для лодок продолжали рассыпать свой золотой смех, наклонялись друг к другу, сплетничая. А я смотрел на них, и они даже не делали паузы, чтобы заметить меня. Желтое отражение нарциссов в воде было накрыто тенью серой ивы и дрожало слегка, как если бы они рассказывали сказки во мраке. Я чувствовал себя, словно ребенок, отринутый товарищами по играм. По Неттермеру гулял ветер, и в воде голубые и серые поблескивающие тени быстро менялись местами. На берегу взлетали дикие птицы, когда я проходил мимо. Чибисы-пигалицы сердито сновали над моей головой. Два белых лебедя подняли свои блестящие перья так, что они стали походить на огромные водяные лилии. Они откинули назад свои оранжевые клювы, укрыли их среди лепестков и спокойно плыли в мою сторону.

Мне хотелось, чтобы меня узнал хоть кто-нибудь. Я сказал себе: вон с опушки леса на тебя смотрят дриады. Но когда я шагнул, они вздрогнули, быстро взглянули и исчезли, точно бледные цветы, опадавшие в лесной тени. Я был здесь чужой. Любимые птицы кричали что-то надо мной. Зяблики пронеслись мимо яркими вспышками, а малиновка сидела и сердито спрашивала «Хелло! Ты кто?» Папоротник-орляк лежал сухой и увядший под деревьями, разодранный беспокойными дикими ветрами за долгую зиму. Деревья ловили ветер своими высокими ветвями, и молодой утренний ветерок стонал у них в плену. Когда я ступал по сброшенным листьям дуба и папоротнику, они произносили свои последние горькие вздохи, уходя в забвение. Лес был пронизан дикими всхлипывающими звуками, и воздух колебался со свистом, как бы делая последний вздох. Из леса выглядывали радостные бутоны и цветы анемонов, оттуда вылетали торопливые птицы. Я был один, я чувствовал их всех, чувствовал душевную боль орляка, упавшего вниз, словно он оборонялся. Беззаботный и стремительный полет птиц, рыдание молодого ветерка, захваченного ветвями в плен, дрожание бутонов. Я один мог слышать весь этот хор.

Ручьи рассказывали мне о том же самом, что и много лет назад. Их рассказ был

звонким, приятным и навевал веселое настроение. Маленькая рыбка сверкнула в одном из прудов. В Стрели-Милл я увидел девушку — служанку в белом чепчике и белом фартуке. Она выбежала из дома с пурпурными молитвенниками в руках, которые она вручила старшей из двух хорошо одетых, аккуратненьких девочек, они сидели в коляске с печальным видом рядом с матерью, одетой в черный шелк, готовые ехать в церковь. Возле Вудсайда вдоль тропы тянулась колючая проволока, и развешаны были таблички «Частное владение».

Я закончил обход долины Неттермера. Эта долина манила и тревожила меня много лет назад, и я любил ее именно такой, какой она оставалась в моей памяти.

Я шел по дороге в Обервич. Церковные колокола неистово звонили. Это странным образом сочеталось с беззаботной неистовостью ручьев и птиц, с бесшабашностью цветов мать-и-мачехи и чистотела. Люди весело спешили на службу. Мимо бесцельно группами слонялись шахтеры и прочий рабочий люд. Они просто гуляли, никуда, собственно, не спеша. Хотя чуть подалее была пивная.

Я пришел в Холлиз. Он стал гораздо более элегантным и нарядным, чем раньше. Однако двор и конюшня снова обрели несколько заброшенный вид. Я поинтересовался у служанки о Джордже.

— О, хозяин еще не встал, — сказала она, улыбаясь.

Я выждал немного.

— Но он звонил, чтобы ему принесли бутылку пива примерно десять минут назад, поэтому я думаю... — заметила она иронически. — Он не задержится, — добавила она, однако по ее тону чувствовалось, что она не уверена в собственных словах.

Тогда я спросил про Мег.

— О, миссис ушла в церковь... И дети... Но мисс Сакстон здесь. Она могла бы...

— Эмили! — воскликнул я.

Девушка улыбнулась.

— Она в гостинной. Она занята. Хотя может быть, если я скажу ей...

— Да, скажите, — сказал я, уверенный, что Эмили примет меня.

Я нашел мою давнюю возлюбленную сидевшей в низком кресле у камина. Возле нее стоял мужчина на коврике перед камином и крутил усы. Эмили и я были рады встрече.

— Даже не могу поверить, что это действительно ты, — сказала она, смеясь и глядя на меня своим прежним нежным взглядом.

Она сильно изменилась. По-прежнему была очень красива, но теперь к этому добавились самоуверенность и какое-то странное безразличие.

— Позволь мне представить тебе: мистер Реншоу, Сирил. Том, ты знаешь, кто это? Я часто рассказывала тебе о Сириле. Я выхожу замуж за Тома через три недели, — сказала она, смеясь.

— Вот это да! — воскликнул я непроизвольно.

— Если он возьмет меня, — добавила она игриво.

Том, хорошо сложенный, красивый мужчина, слегка загорелый, добродушно улыбался. Чувствовалась военная выправка. Возможно, это ощущение создавала излишняя самоуверенность, с которой он наклонил голову и крутил усы. Но было что-то и очаровательное, молодое в том, как он засмеялся на последнее заявление Эмили.

— Почему ты ничего не сказала мне? — спросил я.

— А почему ты не спросил у меня? — ответила она, поднимая брови.

— Мистер Реншоу, — сказал я, — вы обошли меня.

— Я очень извиняюсь, — сказал он, еще раз покрутив усы и рассмеявшись своей шутке.

— Ты действительно сердисься? — спросила меня Эмили, улыбаясь.

— Да! — ответил я вполне искренне.

Она снова засмеялась, очень довольная.

— Ты, конечно, шутишь — сказала она. — Как можно думать, что ты рассердишься теперь, когда прошло... Сколько лет прошло?

— Я не считал, — сказал я.

— Вам меня не жаль? — спросил я у Тома Реншоу.

Он посмотрел на меня синими молодыми глазами, такими яркими, такими наивно-вопросительными, такими мудрыми и задумчивыми. Он просто не знал, что сказать, как это воспринимать.

— Очень! — ответил он, снова расхохотавшись и быстро стал крутить свои усы, смотря вниз на ноги.

Ему двадцать девять лет. Он служил солдатом в Китае в течение пяти лет, а сейчас занимался сельским хозяйством на ферме своего отца в Паплвике, где Эмили работала учительницей. Он уже восемнадцать месяцев дома. Его отец — семидесятилетний старик, который искалечил правую руку в машине. Все это они успели рассказать мне. Мне понравился Том своим обаянием юности и в то же время удивительной мудростью.

Настоящий мужчина, если, конечно, он не будет удручать себя бесплодными мечтами и дотошным анализированием событий. В то же время он всегда может отличить красоту от уродства, добро от зла. Он не станет думать, будто какая-то вещь отнюдь не такая, как представляется на первый взгляд. Он достаточно конкретен. Он смотрел на Эмили умно и благодарно.

— Я на тысячу лет старше его, — сказала она мне смеясь, — так же, как ты на столетие старше меня.

— И ты любишь его за его молодость? — спросил я.

— Да, — ответила она, — за это и за то, что он очень дальновидный и проницательный, еще за то, что он такой нежный.

— А я не был нежен, да? — спросил я.

— Нет! Ты был беззаботен, как ветер, — сказала она.

И я увидел трепет прежнего страха.

— А где Джордж? — спросил я.

— В постели, — ответила она коротко. — Он приходит в себя после одной из своих оргий. На месте Мег я бы не стала с ним жить.

— Так уж он плох? — спросил я.

— Плох?! — откликнулась она. — Да он отвратителен. Я уверена, что он опасен. Я бы поместила его в дом для алкоголиков.

— Ты должна настоять на том, чтобы он встал, — сказал Том, снова появляясь в комнате. — У него ужасные, просто отвратительные сапоги! Он убьет сам себя, можешь быть уверена. Мне жаль этого парня.

— Вот это странно, — сказала Эмили. — Посмотрел бы ты, какой спектакль он устраивает для своих детей, как он отвратительно обращается с женой.

— Но он ничего не может поделать с собой, бедняга. Хотя, я считаю, мужчина должен быть потверже.

Мы услышали шум из комнаты наверху.

— Он встает, — сказала Эмили. — Полагаю, мне лучше посмотреть, чтобы он позавтракал. — Она чего-то ждала. Наконец открылась дверь. Джордж стоял, опираясь рукой на ручку двери, наклонившись и глядя на нас.

— Мне показалось, что я слышал голоса, — сказал он.

Он улыбался. Его жилет был расстегнут. На нем не было ни пиджака, ни домашних туфель. Волосы и усы в беспорядке, лицо бледное и заспанное. Глаза маленькие. Он отвернулся от нас, как от яркого света. Его рука, которую я пожал, была вялой и холодной.

— Так ты приехал сюда, Сирил? — спросил он улыбаясь.

— Ты будешь завтракать? — спросила Эмили холодно.

— Если что-нибудь найду, — ответил он.

— Я тебя давно жду, — ответила она.

Он повернулся и пошел в столовую. Эмили позвонила служанке, я пошел за Джорджем и увидел, что мой хозяин ходит по столовой, заглядывая под стулья и в углы.

— Интересно, куда подевались мои домашние туфли, — бормотал он, продолжая поиск.

Я заметил, что он не звонит в колокольчик, чтобы поручить слугам найти пропажу. Наконец он подошел к камину, стал греть руки. Когда он начал ворошить плохо горевшие угли, вошла служанка с подносом.

Он осторожно положил кочергу на место. Пока девушка расставляла еду на столе, он смотрел в огонь, не обращая на нее никакого внимания.

— Это гренки, — сказала она, — будете есть?

Он поднял голову и посмотрел на тарелку.

— Ага, — сказал он. — Ты принесла винный уксус?

Ни слова не говоря, она взяла графинчик и поставила его на стол. Закрывая за собой дверь, она обернулась и сказала:

— Лучше ешьте сейчас, пока горячее.

Он не обратил внимания на ее слова, сидел глядя в окно.

— Ну, и как твои дела? — спросил он меня.

— Мои? О, очень хорошо. А твои?

— Как видишь, — ответил он, иронически повернув голову в мою сторону.

— Мне жаль видеть это, — сказал я.

Он сидел наклонившись, положив локти на колени, постукивая по ладони пальцем, монотонно, точь-в-точь так, как бьется сердце.

— Ты не собираешься завтракать? — спросил я.

В этот момент часы пробили двенадцать раз. Он гневно посмотрел вверх.

— Ага, я так полагаю, — ответил он мне, когда часы смолкли.

Он тяжело встал, подошел к столу. Наливая в чашку чай, он пролил его на скатерть и стоял, глядя на пятно. Потом начал есть. Обильно полил винным уксусом горячую рыбу и ел с безразличием, что мне показалось отвратительным. Делал паузы, чтобы вытереть чай с усов или поднять кусочек рыбы с колен.

— Ты еще не женат, я полагаю? — спросил он во время одной из таких пауз.

— Нет, — ответил я. — Я полагаю, что должен сначала осмотреться.

— Ты не очень мудр, — ответил он тихо и с горечью.

Через некоторое время вошла служанка с письмом.

— Утром пришло, — сказала она, положив письмо перед ним.

Он посмотрел на конверт, потом сказал:

— Ты не принесла нож для мармелада.

— Да? Я думала, вам он не нужен, обычно вы им не пользуетесь.

— Не знаешь ли ты, где мои домашние туфли? — спросил он.

— Должны быть на своем месте.

Она вышла и обернулась.

— Наверное, мисс Герти их куда-нибудь положила. Я принесу другие.

В ожидании ее он читал письмо. Перечитал его дважды, после, не меняя выражения лица, положил его назад в конверт. Но он больше не стал есть свой завтрак, даже после того, как служанка принесла нож и домашние туфли, хотя и съел перед этим очень мало.

В полпервого в доме раздался повелительный женский голос. В дверях показалась Мег. Когда она вошла в комнату и увидела меня, то остановилась как вкопанная. Она понюхала воздух, посмотрела на стол и воскликнула, шагнув вперед:

— Сирил! Кто бы мог подумать, что ты придешь, что я увижу тебя этим утром! Как дела?

Она дождалась моего ответа, потом немедленно повернулась к Джорджу и сказала:

— Должна сказать, прелестную сценку ты показываешь Сирилу. Ты закончил? Если да, то Кейт может унести поднос. Ты закончил?

Он не ответил, допил чай и отодвинул чашку тыльной стороной руки. Мег позвонила в колокольчик и, сняв перчатку, стала укладывать посуду на поднос, сдвигая остатки рыбы и косточки с края его тарелки короткими и неприятными скребками вилки. Видно было, что она относится ко всему этому с отвращением. Вошла служанка.

— Убери со стола, Кейт, и открой окно. Ты открывала окно в спальне?

— Нет... нет еще.

Она посмотрела на Джорджа, как бы говоря, что он всего несколько минут назад спустился вниз.

— Тогда открой, когда унесешь поднос.

— Это окно не открывай, — сказал Джордж грубо и упрямо. — Здесь холодно.

— Если ты решил поголодать, то надень пиджак, — ответила Мег решительно. — Здесь достаточно тепло для тех, у кого есть жизнь в крови. Как по-твоему, Сирил, холодно сейчас?

— Этим утром довольно свежо, — ответил я.

— Конечно, нет, не холодно. И я считаю, что эту комнату необходимо проветрить.

Служанка, однако, сложила скатерть и вышла, не приближаясь к окну.

Мег стала монументальней, толще, в ней появилась непоколебимая уверенность. У нее и впрямь был теперь вид властной, добродушной, спокойной матроны. На ней были красивое зеленое платье и ток^[32] со страусовыми перьями. Она двигалась по комнате и, казалось, подавляла все вокруг, особенно мужа, который сидел с отрешенным, унылым видом. Его жилет неопрятно болтался поверх рубашки.

Вошла девочка. В ее манерах ощущались гордость и спокойствие. Лицо красивое, но слишком надменное для ребенка. Белое пальто, отделанное горностаем, муфта и шляпа ее очень украшали. Длинные каштановые волосы были рассыпаны по спине.

— Папа позавтракал?! — воскликнула она очень повелительным голосом.

— Да! — ответила Мег.

Девочка спокойно посмотрела на отца.

— А мы уже побывали в церкви и вернулись домой обедать, — сказала она, снимая маленькие белые перчатки. Джордж с иронией смотрел на нее.

— О! — сказала Мег, увидев открытое письмо у его локтя. — От кого?

Он забыл о письме, посмотрел, взял конверт и сунул в карман жилета.

— Это от Уильяма Хаусли, — ответил он.

— О! И что он пишет? — спросила она.

Джордж посмотрел на нее потемневшими глазами.

— Ничего! — ответил он.

— Гм, гм, забавное письмецо! Ни о чем! Полагаю, — сказала девочка высокомерно, — речь идет о деньгах, о которых он не хочет, чтобы мы знали.

— Ах ты, умница! — сказала Мег, засмеявшись по поводу предположения ребенка.

— И таким образом, он может припрятать их для себя, — продолжала девочка, кивая головой в его сторону.

— Выходит, у меня нет права на деньги? — саркастически спросил отец.

— Нет, у тебя его нет, — девочка диктаторски кивнула в его сторону. — Нет, потому что они у тебя только сгорают.

— Ты не права, — он усмехнулся, — ты хочешь сказать, что давать мне деньги все равно, что давать ребенку играть с огнем.

— Угу. Правильно, мама?

Маленькая женщина повернулась к матери за подтверждением. Мег покраснела, поскольку он процитировал ребенку ее слова.

— Какой ты непослушный! — сказала Герти, повернувшись спиной к отцу.

— Это то, что тебе сказал священник? — спросил он.

— Вовсе нет! — ответила дочь. — Если хочешь знать, то пошел бы сам в церковь и послушал. Каждый, кто ходит в церковь, хорошо поступает. — Она посмотрела на маму и на себя с гордостью, — ...И Бог любит их, — добавила она, — потому что они богобоязненные и кроткие.

— Что? — воскликнула Мег смеясь и глядя с тайной гордостью на меня.

— Потому что они кроткие, — повторила Герти с легкой улыбкой превосходства.

— И с этого момента ты решила быть такой? — спросил Джордж.

— Разве я не права, мама! «Кроткие наследуют землю», правда?

Мег была слишком удивлена, чтобы ответить.

— Кроткие получают селедку на земле, — сказал отец насмешливо и тоже удивленно. Девочка посмотрела на него с сомнением.

— Ведь это не так, мама? — спросила она, повернувшись к матери. Мег рассмеялась.

— Кроткие получают селедку на земле, — повторил Джордж, добродушно подшучивая.

— Это не так, мама, правда? — воскликнул ребенок в замешательстве.

— Скажи отцу, вечно тебя учит чему-нибудь плохому, — ответила Мег.

Тогда я сказал, что мне пора идти. Они уговаривали меня остаться.

— Да, да, останьтесь, пообедайте с нами, — вдруг попросила девочка, пригладив непослушные кудри после того, как сняла шляпу. Она просила меня снова и снова, очень искренне.

— Но почему? — спросил я.

— Вы побеседуете с нами в этот день. И папа не будет такой упрямый, — ответила она просительным голосом, трогая пальчиками черные пятнышки на муфте.

Мег подошла к дочери с легким жестом поддержки.

— Но, — сказал я, — я обещал Летти, что вернусь к ланчу, поэтому я должен

откланяться. У вас ведь еще гости.

— О! — пожаловалась она. — Они уходят в другую комнату, и папа даже не обращает на них внимания. Он недоволен, что тетя Эмили здесь.

— Тебе надо укротить свой характер, — жестко сказала Мег, глядя на мужа.

Я пожелал им всего хорошего. Он оказал мне честь, проводив меня до двери. Ни он, ни я не нашли, что сказать друг другу по дороге. Когда, наконец, я протянул руку, взглянул на него и сказал «до свидания», он впервые за нашу встречу посмотрел мне в лицо. Взгляд его был тяжелым и выражал смущение.

Джордж опускался все ниже и ниже. Я приехал повидать его два года спустя. Его не было дома. Мег, плача, рассказывала мне о нем. Его дела пришли в упадок, он пьет, он жесток из-за этого. Он просто невыносим. Он разрушил здоровье, сломал ей жизнь и жизнь детям. Я ощущал острую жалость к ней, сидящей рядом, большой и румяной, проливающей горькие слезы. Она спросила, не мог бы я повлиять на него. Он находился, как она сказала в гостинице «Баран».

Когда у него бывал сильный запой, он отправлялся туда и остался там по неделе с Освальдом, возвращаясь в Холлиз лишь после того, как приходил в себя. Хотя, сказала Мег, он чувствует себя плохо каждое утро, особенно после приема пищи.

Все время, пока Мег рассказывала мне это, она понуро сидела в большом кресле с младшим сыном, бледным, чувствительным и избалованным парнем лет семи-восьми с капризным ртом и беспокойными черными глазами.

Он сидел, глядя на мать, нервно подергивая плечами и то и дело меняя позу, когда его переполняли чувства.

Ему было по-детски жаль свою мать, и он сильно ненавидел отца, виновника всех их страданий и несчастий.

Я зашел в гостиницу «Баран» и увидел Джорджа, он был пьян. Я пошел в Хайклоуз с тяжелым сердцем.

У Летти родился последний ребенок, к удивлению всех, за несколько месяцев до моего приезда. Между младшей дочерью и этим ребенком была разница в семь лет. Летти была полностью поглощена своим материнством. Когда я зашел поговорить с ней о Джордже, то нашел ее в спальне, она нянчила ребенка, тот лежал у нее на коленях. Она слушала меня, при этом внимательно следила за каждым движением малыша. Когда я рассказал ей о том, как дети Джорджа относятся к отцу и матери, она перевела взгляд с ребенка на меня и воскликнула:

— Посмотри, как он следит за вспышками света, которые отбрасывают твои очки, когда ты поворачиваешься. Посмотри!

Но я устал от детей. Мои друзья все стали взрослыми, переженились и вечно одолевают меня своими проблемами. А этот наплыв детей! Мне захотелось найти место, где матери не были бы столь высокомерны и властны. Сердце Летти билось в такт лишь с этим маленьким сердечком ребенка.

Однажды, сидя в поезде, спешившем в Черинг-Кросс из Франции, я вспомнил, что сегодня как раз день рождения Джорджа.

Тягостные думы о нем овладели мной, и мне трудно было избавиться от подавленного состояния. Я старался отвлечься, глядя в окно. Смотрел на вечернее солнце, освещавшее хлеба на полях, мимо которых мы проносились, потом задал себе вопрос: в чем дело, ведь я же не получал никаких плохих новостей?

Отчего же такая тяжесть в груди?

Я был удивлен, добравшись до своей квартиры в Нью-Малдене, тем, что не обнаружил никаких писем, за исключением толстого отчета от Алисы. Я узнал ее почерк на конверте и подумал: интересно, что же нового в этом письме?

Она вышла замуж за старого знакомого, который вызывал у нее особое отвращение. Молодой человек попал в щекотливое положение, и обвинения сыпались на него со всех сторон, пересуды знакомых преследовали его, как облака в летний вечер. Алиса немедленно разогнала всех его врагов, устроила на службу и вышла за него замуж.

Он работал в конторе при литейных заводах за Эреуоршем в Дербишире. Алиса жила в грязном городке, в долине, за полторы мили от Эбервича, недалеко от места его работы. У нее не было детей и практически не было друзей. Лишь несколько молодых матрон в числе знакомых. Как жена чиновника она обязана была сохранять достоинство в среде рабочих. Таким образом, ее огненный темперамент был подавлен с помощью огнетушителя, иными словами, британской респектабельности. Периодически, примерно раз в год она писала мне обстоятельные письма-отчеты, в основном чтобы развлечь меня.

Я не спешил раскрывать этот толстый конверт, пока, наконец, после ужина не взял его в руки, чтобы отвлечься от дурных мыслей.

«О, дорогой Сирил, я вовсе не в настроении болтать. Мне хочется не болтать а кричать. О, Сирил, почему не ты женился на мне. Или почему не наш Джорджи Сакстон, или еще кто-нибудь. Мне очень плохо. Персиваль Чарльз вполне мог бы остановить часы. О, Сирил, он вечно в своем воскресном костюме тонкого черного сукна и с манжетами на три дюйма! Он даже в постели как бы одет во все это. Нет, он совершает омовение в Библии, когда идет спать. Я могу даже чувствовать, как переплет Библии упирается мне под ребра, когда я лежу рядом с ним. Мне хочется плакать, но я надеваю мою черную шляпу и иду с ним в церковь, точно овечка.

О, Сирил, ничего не происходит. Ничего не произошло со мной за все эти годы. Я так и умру от этого. Когда я вижу Персиваля Чарльза за обедом после того, как он прочитает молитву, я чувствую себя так, как будто не могу даже подойти к его столу. Но я не сержусь на него, он действительно хороший парень. Я просто хочу, чтобы он не был таким уж хорошим.

Зато Джордж Сакстон — тот совсем другой человек. Уже пятнадцать лет, как он женился на Мег. Когда я думаю об этом и думаю о будущем, мне хочется визжать. Но расскажу тебе одну историю. Ты помнишь его собачьи, как бы раненые, нежно-карие глаза? Сирил, теперь ты можешь видеть виски или бренди, горящие в них. Я приехала в Эбервич в среду утром, чтобы купить чего-нибудь и приготовить Персивалю Чарльзу на обед, в четверг. Я шла по дорожке позади Холлиза, для меня это самый ближний путь. Мне послышался рев в конюшне. Я решила, что там происходит что-нибудь забавное. Я вошла в ворота с корзиной в одной руке и девятью пенсами в другой. Я увидела нашего Джорджа в крагах, бриджах, с кнутом. Он покраснелся, бил кнутом по земле и вопил: «Давай, давай! Или я удушю тебя чулком». По двору бегала скаковая лошадь, прижав уши.

Вцепившись в ее холку, на ней сидел бледный мальчик, Вилфред. Ребенок был бледен как смерть и кричал: «Мама, мама!» Я подумала, что этот мерзавец Джордж пытается научить мальчика верховой езде. Скаковая лошадь Бонни-Бой металась по кругу. Я видела, как наш Джордж вопит, чуть ли не сплевывая, его усы, топорщатся, а лицо полыхает, он бьет лошадь кнутом, словно пламя пробегает по горячему парафину.

Мальчик кричит, Джордж бежит рядом и ругается, вопит: «Ах ты, маленькая свинья!» Лошадь — та как будто взбесилась. Я оторопела. Потом выскочила Мег, потом двое других мальчиков.

Все кричат. Мег бросилась к Джорджу, но тот поднял кнут. Вид его был ужасен. Она

хотела подойти к нему. Двинулась — и остановилась со сжатыми кулаками. Он взмахнул кнутом, заставив ее отскочить. Лошадь промчалась мимо. Мег пыталась остановить ее. Он ходил, сновал по двору пьяными шагами, размахивая кнутом, тут я подбежала к нему и ударила его корзинкой. Ребенок упал, и Мег поспешила к нему. Прибежали несколько мужчин. Джордж стоял с ужасным видом. Ты не представляешь, каким было его лицо, Сирил. Безумное! Я его лупила, как могла, у меня аж рука заболела. Я потеряла девять пенсов Персиваля Чарльза и мою прекрасную белую салфетку с корзинки, и все, что у меня было с собой. Я осталась наедине с мрачными прогнозами насчет четверга, потому что придется подать Чарльзу бараньи котлеты, которые он не любит. О! Сирил, я бы хотела быть казуаром ^[34] на берегах Тимбукту. Когда я увидела Мег, плачущую над мальчиком — слава Богу, он не пострадал! — то захотела, чтобы наш Джордж умер. И тогда бы мы помнили о нем. После я его уже не видела. Могу себе представить, чем это все может кончиться».

Письмо заканчивалось пожеланиями спокойной ночи и «*пусть тебя благословит Господь*». Сразу после этого письма от Алисы я отправился в Эбервич посмотреть, как там обстоят дела. Память о прежних днях вернулась ко мне снова в то время, как мое сердце изголодалось по старым друзьям.

Мне сказали в Холлизе, что после тяжелого приступа белой горячки Джорджа отправили в Папльвик, в отдаленную местность к Эмили. Я одолжил велосипед, чтобы проехать десять миль. Лето было сырое, и все злаки вокруг взошли с опозданием. В конце сентября листва была еще зеленая и пышная. И пшеница стояла удрученно в копнах. Я ехал сквозь спокойную ласковость осеннего утра. Вдоль изгородей клубился голубой туман. Верхушки вязов неясно вырисовывались на фоне занимающегося утра.

Конские каштаны трепетали несколькими желтыми листьями, точно цветы. Я ехал сквозь тоннель деревьев, миновал церковь, где в ту памятную ночь сторож рассказывал мне историю своей жизни. Я ощутил холодящий запах гниющих листьев ранней туманной осени.

Я тихо проезжал по узким тропинкам, по холодной траве с серо-голубыми жемчужинами росы, над которыми раскинулась мокрая паутина осени. Коричневые птички бегали передо мной, напоминая листья на ветру. Я слышал гонг, который означал что сейчас уже полдвенадцатого. Мужчины и мальчики, работающие в темноте шахт, ели свой завтрак в это время. К ним подбегали осторожной тенью мыши в надежде на крошки, и мальчики смеялись красными ртами, присыпанными угольной пылью. И маленькие твари смотрели на них в тусклом свете ламп. Ягоды кизила благородно краснели на верхушке живой изгороди. Их никто не собирал, даже черная смородина осыпалась несобранная. Я медленно ехал дальше. Ягоды наклоняли свои тяжелые красные головки, вокруг летали птицы, а передо мной, глубоко в толщах земли работали плененные мужчины. Коричневые птички суетились на живой изгороди.

Ферма, где жили Реншоу, стояла одиноко среди полей, скрытая от шоссе и от всего деревьями. Тропа, ведущая туда, проходила под их глубокой тенью. Я бросил взгляд через живую изгородь на поле, где снопы пшеницы стояли, словно маленькие желтые парусники широко раскинувшейся флотилии. Где-то на краю поля я услышал скрип телеги и голоса мужчин и сразу увидел гору снопов на телеге, которая, раскачиваясь, ехала на гумно. Тропа вывела меня на пустое поле, за ним выросли здания фермы, как ярко раскрашенные корабли, плывущие по спокойной воде. Белые куры спокойно расхаживали на солнце и в тени.

Я прислонил велосипед к серым дверям старого дома. Было очень тихо. Немного поколебавшись, я постучал в открытую дверь. На стук вышла Эмили. Она была, как всегда, красива, хотя и беременна на шестом месяце.

Эмили удивленно воскликнула, и я пошел за ней на кухню, где аккуратно были разложены и развешаны блестящие сковородки, кастрюли, деревянная посуда. Кухней служила большая комната с низким потолком, за долгие годы ставшая очень уютной. Сиденье возле камина было покрыто зеленым сукном. Над камином полочка, на которой лежали трубки; много поколений трудолюбивых, мирных мужчин и женщин прошли через эту комнату, и каждый что-то от себя добавил, привнес этот комфорт. Стул стоял на нужном месте, и крючок висел там, где надо, и табуретка стояла, где ей и положено стоять.

И диванчик, и софа. И покрывало для софы очень подходило. И полочка с книгами. Комната, которая выглядела такой уютной и тихой, была обихожена многими поколениями, приспособлена для крупных мужчин и пышных женщин. Она стала домом для Реншоу, теплым, добрым, любимым. Эмили прекрасно подходила к этой обстановке. Я, же сев на софу близ окна, почувствовал, что эта славная комната пока еще отвергает меня. Я огорчился.

Эмили же в своей полнокровной красоте чувствовала себя как дома. Довольно редко обнаруживаешь связь между комнатой и человеком, живущим в ней. Такие кровные связи редкость. Эмили наконец нашла свое место, она спаслась от пытки этой странной, сложной современной жизнью.

Она пекла пирог. Ее загорелые руки были покрыты мукой. Она откинула волосы с лица и посмотрела на меня с любовью и нежностью. Она месила тесто в желтой кастрюле. Я тихо стоял перед ней.

— Ты очень счастлива? — спросил я.

— Очень! — ответила она. — А ты нет? Ты выглядишь таким измученным.

— Я счастлив, — ответил я, — живу своей жизнью.

— А ты не находишь все это скучным? — спросила она жалобно.

Она заставила меня рассказать о моих делах. Ей все было интересно, но ее глаза смотрели на меня с состраданием.

— А Джордж здесь? — спросил я.

— Да. Он в плохом состоянии, но уже не так болен, как прежде.

— А что насчет белой горячки?

— О, сейчас ему лучше. Это случилось до того, как он приехал сюда. Иногда он начинает думать о новых приступах и очень этого боится. Ужасно! Том очень добр к нему.

— А он случайно не болен? — спросил я.

— Не знаю, — ответила она и наклонилась к печке, чтобы перевернуть яблочный пирог, который пекла.

Она коснулась рукой лба и снова отбросила волосы, оставив пятнышко муки на носу. Одно-два мгновения она стояла на коленях перед печью, глядя в огонь и думая.

— Ему было очень плохо, когда он приехал сюда, он не мог ничего есть, особенно плохо ему было по утрам. Полагаю, это печень. Все они кончают так.

Она продолжала вытирать большие черные сливы и раскладывать их на блюде.

— Болезнь печени? — спросил я.

Она кивнула.

— Он сейчас в постели? — спросил я снова.

— Да, — ответила она. — Если бы он встал и походил бы немножко, поразмялся, он бы выздоровел. Но он лежит там и бездельничает.

— А в какое время он встает? — продолжал расспрашивать я.

— Не знаю, он может сползти вниз к чаю. Ты хочешь увидеть его? Ты для этого пришел?

Она улыбнулась мне с легким сарказмом и добавила:

— Ты всегда думал о нем больше, чем о ком-либо другом. Ах, ну, пожалуйста, ступай к нему.

Я последовал за ней по черным ступеням, которые вели из кухни прямо в спальню. Мы прошли по скрипящему деревянному полу этой пустой комнаты и открыли дверь на противоположной стороне. Джордж лежал на кровати, испуганно глядя на нас.

— Вот, Сирил пришел повидаться с тобой, — сказала Эмили. — Я привела его сюда наверх, потому что не знала, когда ты спустишься.

Легкая улыбка облегчения появилась на его лице, и он протянул руку с кровати. Он лежал, натянув сбитое одеяло до подбородка. Лицо было бесцветное и довольно обрюзгшее. Нос раздутый.

— Ты себя сегодня нехорошо чувствуешь? — спросила Эмили, мягко, с жалостью, которую она постоянно испытывала, даже говоря о его болезни.

— О, все в порядке, — ответил он желая поскорее отделаться от нас.

— Тебе бы все-таки не мешало попробовать встать. Сегодня прекрасное утро, теплое, солнечное, — сказала она нежно.

Он не ответил, и она сошла вниз.

Я оглядел холодную, чисто вымытую белую комнату, в ней было мало мебели и никаких украшений. Единственное, что смягчало почти больничную обстановку, это воловья и лошадиная шкуры на полу. Все остальное белое, или серое, или тускло-коричневое.

Крыша с одной стороны была очень покатой, и окно располагалось ниже моих коленей и почти доходило до пола. С другой стороны было довольно большое окно, высокое. Сквозь него виднелись красные крыши сараев и небо. Черепица сияла живым оранжевым светом. Чуть дальше поле, маленькие человечки поднимали снопы на телегу, по крайней мере, так казалось отсюда.

— Вернешься к сельскому хозяйству снова? — спросил я его.

— Не знаю, — тупо ответил он.

— Ты вообще-то спускаешься вниз? — снова спросил я.

— Нет. Я рад тебя видеть, — ответил он все с тем же выражением.

— Я только что приехал из Франции, — сказал я.

— А! — ответил он безразлично.

— Мне очень жаль, что ты болен, — сказал я.

Он, не двигаясь, смотрел на противоположную стену. Я подошел к окну и выглянул наружу. Через некоторое время я заставил себя сказать непринужденно:

— А может, ты встанешь и мы выйдем прогуляемся?

— Да, видимо, нужно, — согласился он, собравшись с силами.

Он заставил себя подняться с кровати. Когда он снимал пижаму, чтобы умыться, я отвернулся. Его руки казались тонкими. У него был живот, весь он был сутулый и какой-то неказистый.

Я вспомнил то утро, когда мы плавали вместе в мельничном пруду, и подумал, что

сейчас он в расцвете лет. Я посмотрел на его посиневшие жалкие руки, когда он умывался. Мыло вдруг выскользнуло из его пальцев, когда он брал его, и упало, ударившись о кувшин. Это удивило нас. Он ухватился за края раковины, чтобы удержаться. Так он закончил свой медленный бесполезный туалет. Причесывая волосы, он смотрел на себя с явным стыдом.

Когда мы спустились вниз, в кухню вошли работники с поля, обед дымился на столе. Я пожал руку Тому Реншоу и крепкую, сильную левую кисть старика. Потом меня представили Артуру Реншоу, крупному, застенчивому, безусому парню лет двадцати.

Я кивнул слуге Джиму и его жене Анне. Мы все сели за стол.

— Ну, как ты себя чувствуешь? — спросил сердечно старик у Джорджа. Не ожидая ответа, он продолжал: — Тебе надо встать и идти с нами, поможешь нам управиться с пшеницей. И тогда будешь чувствовать себя хорошо.

— Не хочешь ли ты баранинки, а? — спросил его Том, поддевая кусок ножом.

Джордж покачал головой.

— Она довольно постная и нежная, — сказал Том мягко.

— Нет, спасибо, — ответил Джордж.

— Положи ему кусок! Положи ему кусок! — воскликнул старик. — Это то, что ему нужно, это придаст ему силы.

— Это нехорошо, если желудок не принимает пищи, — сказал Том мягко, словно он говорил с ребенком.

Артур же наполнил стакан Джорджа пивом без всяких разговоров. Оба молодых человека были очень внимательны к Джорджу.

— Положите ему хоть ложку репы, — настаивал старик. — Я не могу есть, когда у кого-то тарелка пуста.

Поэтому они положили репы и лукового соуса на тарелку Джорджа, а тот взял ложку и попробовал еду. Мужчины ели громко и с удовольствием. Ему было больно смотреть на них именно из-за того, что ели с таким смаком. Наконец, старик отложил ложку, которой он пользовался вместо ножа и вилки, посмотрел в тарелку Джорджа и сказал:

— Да он ничего не ест! Ничего! Это нехорошо.

Джордж тупо молчал.

— Не трогайте его, отец, — сказала Эмили.

— Да, не трогай его, отец, все устроится, — сказал Том, добродушно улыбаясь.

Все, что бы она ни говорила, тут же встречало поддержку Тома.

Прежде чем подать на стол яблочный пирог, она поставила перед братом сладкий творог с мускатным орехом и сливками, мелкие черные сливы, заодно подала тарелку и ложку, приглядывая за ним, словно, он был ребенком.

Том наблюдал за ней влюбленными глазами и даже погладил ей руку, когда она проходила мимо. После обеда Джордж вдруг произнес отчаянно, безразличным тоном:

— А вы не собираетесь дать Сирилу стаканчик виски?

В лице его отчетливо проступили следы борьбы между стыдом и надеждой.

В комнате воцарилось молчание.

— Ага! — сказал мягко старик. — Ладно, так и быть. Плесни ему каплю.

— Да! — добавил Том просительным тоном.

Все мужчины в комнате с трепетом ожидали окончательного приговора женщины.

— Я не знала — сказала она ясно, — что Сирил любит виски.

— Да мне все равно, — ответил я и покраснел. Я не смел спорить с ней. И старик тоже

не решался. Мы просто ждали.

Подержав нас в этом состоянии несколько минут, она вышла в другую комнату, и мы услышали, как она отпирает дверь. Эмили принесла бутылку, на дне которой было около полупинты жидкости, и пять стаканов.

— А мне не нужно, — сказал старик.

— Мне тоже, — заявил Артур.

— Ты будешь, Том? — спросила она.

— А ты хочешь, чтобы я выпил? — спросил Том, улыбаясь.

— Я нет, — ответила она резко. — Я вообще не хочу, чтобы кто-то пил. Вы видите результаты перед собой. Но если Сирил будет пить, вы тоже можете выпить по стаканчику с ним.

Том был очень доволен ею. Мне и мужу она налила полные стаканы.

— Хватит, хватит! — сказал он. — Отдай это Джорджу. А мне не надо так много, ровно на два твоих пальчика, ты же знаешь.

Но она подала ему полный стакан, а когда Джордж получил свою долю, в бутылке оставалась всего капля. Эмили холодно посмотрела на пьяницу, когда тот потянулся за стаканом.

Мы с Джорджем беседовали, пока мужчины курили.

— Ты видел мою семью? — спросил он. — Да! Не так все плохо, правда, с детьми порядок, верно? Они мягкие, это все мамино воспитание. Слишком балует их, не дает мне слова сказать. Я бы воспитал их иначе, ты знаешь.

Том взглянул на Эмили и, заметив, что она сердится, предложил ей пойти посмотреть на скирду. Я смотрел вслед этому широкоплечему мужчине, шагавшему рядом с ней. Она была настоящей хозяйкой, спокойной и самоуверенной, он — ее мужем и слугой.

Джордж рассказал о себе. Если бы я не знал его, то вряд ли поверил, что все это говорит он, а не кто другой. Настолько глупой показалась мне его похвальба.

Старик встал и сказал, что нужно доделать кое-какую работенку. И он ушел вместе с младшим сыном.

Джордж продолжал свой глупый монолог, жестикулируя и мотая головой. Он нес всякую околесицу, и когда мы вышли из дома и отправились в поля. Я испытывал к нему отвращение.

Он выглядел и говорил, как самое последнее ничтожество. Серые куропатки бежали по пустому полю. Мы медленно брели сквозь легкий сентябрьский туман, ступая неспешно и осторожно, потому что он был слишком слаб и плохо держался на ногах. И все равно он старался поддерживать беседу. Не замечал серых куропаток, хотя поел вместе со мной черной смородины, встреченной на пути. А когда я потянул к себе гроздь ягод с живой изгороди, он без всякого интереса посмотрел на красно-зеленые ягоды в моей руке.

— Небось дикие ягоды, да? — спросил он глупо. Он стоял у ворот с помятым бледным лицом, словно трухлявое дерево, которое вот-вот упадет. Его не трогал поток солнечных лучей, даже не касался. На гумне высились скирды сена, стояли снопы пшеницы, золотые и серебряные. Нагруженная телега, скрипя, подъезжала все ближе и ближе. Том забрался наверх и стоял на фоне неба, радуясь золотому зерну. Он помахал рукой жене, проходившей мимо. Потом Артур начал поднимать снопы, устраивая еще одну скирду, и двое мужчин работали дружно, споро. Их белые рубашки и темные волосы создавали тот особый контраст, здесь в поле, который навевал мысли о графике. Тишина нарушалась только случайными

касаниями человеческого тела о телегу.

Я видел голубые отсветы на вилах. Том, стоявший высоко на телеге, спрашивал брата, какова получается скирда. Голос у него был сильный и приятный.

Я повернулся к Джорджу, который смотрел на его работу:

— Ты должен стать таким же, как они.

Мы слышали голос Тома.

— Все в порядке! — Он стоял там, наверху, как на носу корабля.

Джордж смотрел, и его лицо медленно стало принимать какое-то новое выражение. Он повернулся ко мне, его темные глаза оживились.

— Скоро я не буду стоять ни у кого на дороге! — сказал он.

Страх и отчаяние послышались мне в его словах.

Я проклинал себя за то, что вывел его из заторможенного состояния.

— Тебе будет лучше, вот увидишь, — сказал я.

Он снова посмотрел на ловкие движения мужчин, стоящих на скирде.

— Я не мог бы связать и десяти снопов, — сказал он.

— Ничего, сможешь через месяц-другой, — заверил я.

Он продолжал смотреть, так Том приставляет лестницу и спускается по ней со скирды.

— Не-е, чем скорее я уберусь, тем лучше, — повторил он про себя, точно заклинание.

Когда мы пошли пить чай, он выглядел, как сказал Том, удрученным. Мужчины чувствовали себя скованно, тихо переговаривались. Эмили обращалась с ним с трепетной заботливостью. Мы чувствовали себя неловко из-за его отчужденности. Он сидел отдельно и мрачно на нас поглядывал, словно приговоренный...

**ТЕРЗАНИЕ ПЛОТИ
и другие странные новеллы**

КУСОЧЕК ЦВЕТНОГО СТЕКЛА

Бьювэйл и поныне самый большой приход в Англии. Население здесь малочисленное, всего лишь три шахтерских поселка, и к тому же кругом необъятная чащоба, часть древнего Шервудского леса. Есть здесь холмы с пастбищами, пашни, копи и в довершение ко всему развалины цистерианского аббатства. Руины эти лежат посреди все еще пышного луга у подножия поросшего дубами склона, и вдруг, словно кусочек пронзительного майского неба, вас озаряет голубое сияние гиацинтов. От аббатства осталась лишь примыкавшая к алтарю восточная стена, покрытая толщей бурно разросшегося плюща. Высокое сводчатое окно облюбовали воркующие голуби. Об этом окне и пойдет речь.

Викарий Бьювэйла — холостяк сорока двух лет. С самого раннего детства правая сторона его тела вследствие какой-то болезни частично парализована, и потому при ходьбе он слегка волочил ногу, а правый уголок рта скошен, и этого не могут скрыть даже пышные усы. Что-то патетическое есть в его страдальчески искривленном лице, глаза же пронизательны и печальны. Нелегко найти путь к сердцу мистера Колбрана. И в душе его есть что-то такое, связанное с выражением его лица. Он может относиться к вам либо иронически, либо насмешливо, но вряд ли вы найдете человека более терпимого к чужим слабостям и более благородного. Если вы человек грубый и позволяете себе насмехаться над ним, в ответ вы не увидите злости в его глазах — лишь легкую улыбку и спокойное ожидание, когда все это кончится. Но люди его не любят, хотя в открытую не высказывают этого, предпочитая ворчать о том, что «никогда не знаешь, на чем он тебя поймает».

Как-то вечером мы с викарием обедали в его кабинете. Комната эта находилась в вызывающем противоречии со вкусами людей, окружавших викария: ее украшали Лаокоон и другие классические статуи, а также бронзовые и серебряные статуэтки итальянского Ренессанса, все потемневшие, покрытые патиной.

Мистер Колбран — археолог, но, правда, не принимает всерьез свое хобби, да и никто не может оценить глубину его познаний данного предмета.

— Ну вот, — сказал он мне, когда мы закончили обед, — я обнаружил еще один пункт, не освещенный в моей великой работе.

— И что это? — спросил я.

— Я не рассказывал, что составляю Библию английского народа, Библию его сердца, его тайных порывов при встрече с таинственным и неизведанным. Роясь в документах, собранных у меня дома, я обнаружил один отрывок, это прямо-таки прыжок из Бьювэйла на небеса к Господу.

— Где он? — спросил я, озадаченный.

Викарий посмотрел на меня, полуприкрыв веки.

— Это было написано на пергаменте, — ответил он. Затем неторопливо достал пожелтевшую книгу и начал читать вслух:

«И когда мы запели, хруст раздался в окне, в большом окне, выходящем на восток, где витраж изображал Господа нашего, распятого на кресте. То злобный отвратительный дьявол, привлеченный нашим пением, сдирал любимый образ со стекла. Мы увидели, как железные когти сатаны пробивают окно, а за ними показалось пылающее багровым огнем лицо, извергающее жар прямо на нас. Сердца наши ушли в пятки, ноги подогнулись, мы приготовились к смерти. Мерзкое дыхание заполнило молельню.

Но с небес нам на помощь пришло: «Да святится имя твое...» — и рычащий, визжащий дьявол был укрощен и обращен в бегство. Поднялось солнце, и снова настало утро. В тонком слое снега что-то блестело. Это была часть витража, изображавшего Господа нашего, кусочки стекла, разбитого и упавшего в снег, а в окне зияла ужасная дыра — след прикосновения злого духа. Словно священная рана, из которой стекала благословенная кровь. Золотом сверкала эта кровь на искрящемся снегу. Некоторые из нас собрали ее, к радости всего нашего братства...»

— Интересно, — заметил я, — но откуда это?

— Записи Бьювэйлского аббатства, пятнадцатый век.

— Бьювэйлское аббатство, — задумчиво произнес я. — Что же так могло испугать монахов, хотелось бы мне знать?

— Мне тоже, — ответил викарий.

— Кто-то залез по стене, — предположил я, — и попытался проникнуть внутрь через окно.

— Вы серьезно?! — улыбаясь, воскликнул он.

— Хорошо, а вы что думаете?

— Почти то же самое, — ответил викарий. — В моей книге я по-своему описываю этот случай.

— В вашей великой книге? Расскажите.

Он затенил лампу, и комната почти погрузилась во мрак.

— Теперь вы не видите меня, слышите только мой голос, не так ли?

— Я вижу вашу руку, — ответил я.

Он совсем отодвинулся от круга зыбкого света. Затем раздался его певучий голос:

«Я был крепостным у Роллстаунов в поместье Ньюторп, главным конюхом. Однажды, когда я чистил лошадь, она ударила меня. Этот конь был моим старым недругом. Когда-то он получил от меня по носу, и едва ему представилась возможность, он ринулся на меня и рассек мне губу. Я схватил топор и ударил его по голове. Он заржал пронзительно, словно демон сидел в нем, и потянулся ко мне, оскалив зубы, и тогда я сразил его наповал.

За убийство коня меня заporоли почти до смерти. Но я был крепким парнем, мы, конюхи, хорошо питались. Крепкий я был, но меня porоли до тех пор, пока я не перестал шевелиться. На следующую ночь я поджег конюшню, огонь перекинулся на дом. А я затаился и любовался, как поднимается алое пламя над домом и языками вырывается из окон. И я видел, как мечутся люди, и слуги, и хозяева, одной испуганной толпой. Холодало, но тепло огня сладостно разогревало мое сердце. Я видел, как они бегали и оглядывались, и алое, кровавое пламя озаряло их. Они кричали, когда, взметнув искры, рухнула крыша. Они подвывали, словно собаки при звуках волынки. Хозяин неистово проклинал меня, а я, смеясь, лежал под кустом совсем рядом.

Когда пожар стал затихать, я испугался. Я бросился бежать в лес, но в глазах моих билось пламя, в ушах моих стоял треск обугливавшегося дерева. Я сам был весь в огне, сколько времени я бежал — не знаю, бежал, пока не свалился в зарослях папоротника и не заснул. Когда я открыл глаза, уже наступил вечер. На мне не было плаща, и я ощутил страшный холод. Малейшее движение бередило мои раны на спине, и я боялся пошевелиться. Я продолжал лежать, но голод донимал меня. Вынести его было невозможно, и я приподнялся, стараясь привыкнуть к боли, и попытался поискать какую-нибудь пищу. Кроме шиповника, кругом ничего не было.

Я был совсем слаб и, поползав немного, опять свалился среди папоротника. Сучья надоели скрипнули на морозе. Я поднялся и огляделся. В свете звезд ветки деревьев казались спутанными волосами. Сердце мое едва билось. Снова раздался скрип, затем внезапно хруст, быстро затихший. Я валялся в зарослях папоротника, как бревно, но все же способен был узнать в странном свистящем похрустывании звук ломающегося на морозе льда. Я находился в лесу возле озера, в двух милях от поместья. И все же, когда со стороны озера снова донесся хруст, я прижался к замерзшей почве каждым моим мускулом, задеревеневшим, как земля вокруг меня. И всю ночь я не смел оторвать лицо от земли и лежал, напрягшись, будто привязанный к невидимым кольям.

Уже наступило утро, а я все лежал в каком-то полузабытье. Но к полудню моя боль напомнила мне о себе. Я закричал и, вставая, задохнулся от боли, еще более нестерпимой. И тогда неистовство снова охватило меня. Руками я лупил по грубой коре, сбивая их в кровь, в таком исступлении я был. Я подверг себя настоящей пытке, пока не обессилел от боли. Но я все равно боролся с ней, боролся, мучая и терзая себя, пока не преодолел ее. Смеркалось. Солнце за весь день так и не смогло прогреть землю. Небо разливало пронзительный холод, и я почувствовал, что надвигается морозная ночь. Внезапно я осознал все, что со мной произошло, и ужаснулся тому, что испытания последних дней сделали меня совершенно другим человеком. В ужасе я бросился бежать через лес.

Скоро я наткнулся на тела пяти человек, повешенных на дубе. Должно быть, они, одеревеневшие на морозе, висели здесь уже много дней. Еще больший ужас обуял меня. Петляя, не разбирая дороги, мчался я по лесу, пока не оказался на его краю, где деревья стали тоньше и ниже, и наконец уткнулся в лохматые и ободранные кусты боярышника у самого озера. Закатное небо отливало багрянцем, и лед искрился, словно под весенним солнцем. На ледяных полосах, словно каменные изваяния, сидели дикие гуси. Я подумал о Марте. Она была дочерью мельника, жившего на другой стороне озера. Ее ярко-рыжие волосы трепетали на ветру, как листья бука. И часто, когда я приходил с лошадьми на мельницу, она приносила мне еду.

— Я думал, белка села тебе на плечо, — сказал я ей, — а это оказались твои пышные волосы.

— Меня называют лисичкой, — ответила она.

— Тогда я буду твоей собачкой.

Когда я заглядывал на мельницу, она приносила мне свежий хлеб с беконом. Мысль о булочках и беконе опьянила меня. Весь день я спотыкался о кроличьи норы, весь день я жевал кору. Голова моя отупела, я не чувствовал ни боли моих ран, ни жжения ссадин от колючек на моих коленях, я упрямо двигался к мельнице, будто брел по границе жизни и смерти, преследуемый по пятам ужасом наступавшей ночи.

Я вышел на полянку, за которой начинался пруд. Вокруг стояла мертвая тишина. Раньше здесь всегда шумела вода, но сейчас не слышно было ни звука. Холодное безмолвие испугало меня, и, забыв про боль и про мороз, я бросился вперед. Казалось, лес преследовал меня. И я упал как раз возле хлева, где зимовали свиньи. Залаяли собаки, и верхом на лошади показался мельник. Я услышал, как он проклинает этот день, своих слуг, меня, из-за которого понапрасну пришлось покинуть теплый дом, проклинает все на свете. Я лежал и слышал, как внутри хлева поросята жадно сосут мать. Потом я сообразил, что большинство из выводка уже забито к завтрашнему Рождеству. Мельник в это время года предусмотрительно держал молодь, извлекая немалую выгоду из продажи молочных поросят

к зимнему празднику.

Улучив момент, когда все стихло, я сломал палку, служившую засовом, и пробрался в хлев. Свинья захрюкала, но с места не сдвинулась. Осторожно, потихоньку я подполз к ее теплому животу. Только трое поросят оставалось около нее, и, сочившаяся переполнявшим ее молоком, она раздраженно похрюкивала. То и дело она подталкивала поросят пяточком, и они визжали. В темноте я подполз вплотную, но свинья, занятая детенышами, не замечала меня. Я так дрожал, что никак не мог приблизить лицо к ее груди, никак не осмеливался прикинуть губами к соскам. Наконец, трепеща от голода и страха, я решился и, помогая себе рукой, припал к теплой груди. Ее собственные детки, повизгивая, насквали на меня, но она, почувствовав облегчение, только лежала и блаженно похрюкивала. Скоро, напившись досыта, я отодвинулся и задремал.

Меня подняли на ноги крики мельника. Он ругал свою плакавшую дочь, заставляя ее выйти из теплого дома и накормить свинью. И она пошла, сгибаясь под тяжестью коромысла. Обнаружив сломанный засов, она в испуге остановилась, но тут захрюкала свинья, и девушка осторожно вошла в хлев. Я схватил, ее, зажав рот рукой. Упираясь руками мне в грудь она попыталась освободиться, сердце мое неистово забилося. В конце концов она узнала меня. Я сжал ее в объятиях. Она бессильно повисла на моих руках, отворачивая лицо, и мой поцелуй пришелся в шею. Слезы застилали мне глаза, я не понимал почему, пока не вспомнил о моей пораненной лошадью губе.

— Они убьют тебя, — прошептала она.

— Нет, — ответил я.

И она тихо заплакала. Взяв мою голову в руки, она поцеловала мое лицо, умывая его слезами, вытирая своими чудесными волосами и согревая теплым дыханием.

— Отсюда не уйду, — сказал я. — Принеси мне нож, и я смогу защищаться.

— Нет, — она заплакала. — Ах, нет же.

Она ушла, а я лежал на земле, прижимая руку к груди, где, как мне казалось, еще таилось ее тепло, и ощущение одиночества показалось мне страшнее голода.

Немного позднее она вернулась. Согнувшись и держа перед собой фонарь, она вошла в хлев. Она взглянула на меня из-под копны отливавших медью волос, и что-то во взгляде ее испугало меня. Но она пришла с едой. Мы уселись рядом, и нас освещал лишь тусклый фонарь. Временами по моему телу пробегала дрожь, и глотал я с трудом.

— Если я съем все, что ты принесла, — сказал я, — я усну, и меня схватят прежде, чем я успею проснуться.

Тогда она забрала назад оставшееся мясо.

— Почему? — проговорил я. — Почему мне нельзя даже наесться?

Она смотрела на меня, и слезы страха блестели в ее глазах.

— Что такое? — спросил я, но она не ответила. Я поцеловал ее, и снова боль пронзила мой пораненный рот.

— Теперь на твоих губах моя кровь, — сказал я.

Она провела гладкой рукой по своему рту и в удивлении посмотрела сначала на руку, потом на меня.

— Оставь меня, я устал.

Она поднялась, собираясь покинуть хлев.

— И принеси мне нож, — добавил я.

Тут она поднесла фонарь прямо к моему лицу и стала разглядывать его, словно картину.

— Ты сейчас похож на каторжника, которого привели на казнь, — проговорила она. —

Глаза твои широко раскрыты, но в них лишь черная пустота.

— Я немного посплю, но постараюсь проснуться вовремя.

— Не надо оставаться здесь, — умоляющим голосом произнесла она.

— В лесу я не усну, — ответил я, и это мое сердце говорило за меня. — Я боюсь. Эти страшные звуки леса — лучше быть напуганным голосами людей и лаем собак. Принеси нож, и утром я уйду. Но сейчас один я не пойду.

— Они схватят тебя, — сказала она.

— Принеси нож, — настаивал я.

— Уходи же, — умоляла она.

— Нет. Не сейчас.

Она подняла фонарь, и его скудный свет выхватил из темноты наши лица. Слезы ее высохли, глаза излучали голубой свет. Я притянул ее к себе, зная, что она — моя.

— Я вернусь, — просто сказала она.

Она вышла, а я улегся, сложив руки, и заснул.

Я проснулся от того, что она яростно трясла меня.

— Мне снился сон, будто я погребен под большой кучей земли, которая как гора возвышалась надо мной, — пробормотал я, протирая глаза. Она накрыла меня плащом, дала охотничий нож, мешочек с едой и другие вещи, все я не запомнил. Затем она спрятала фонарь у себя под плащом.

— Пойдем, — сказала она, и я, как слепой, последовал за ней.

Когда я вышел в холодную пустоту, кто-то коснулся моего лица и волос.

— Кто тут? — закричал я, и она быстро схватила меня, призывая замолчать.

— Кто-то дотронулся до меня, — громко сказал я, словно был еще охвачен сном.

— Тише! — прошептала она. — Это всего лишь снег.

В доме залаяли собаки. Она проскользнула вперед, я двинулся за ней. Подойдя к замерзшему ручью в том месте, где был брод, она перебежала на другую сторону, но меня в одном месте лед не выдержал. Теперь до меня дошло, где я нахожусь. Быстрые холодные снежинки кололи мне лицо. В лесу же не было ни ветра, ни снега.

— Прислушайся, — сказал я, пытаюсь сбросить с себя остатки сна, — внимательно прислушайся.

— Над головой я слышу шум, — ответила она, — словно на деревьях верещат огромные летучие мыши.

— Дай мне свою руку, — промолвил я.

Мы шли, и океан звуков окружал нас. Вдруг белое сияние возникло перед нами, и она громко вскрикнула.

— Держись, не выпускай моей руки, — приказал я, и мы пошли дальше по свежеснежавшему снегу. Но она то и дело в страхе оборачивалась.

— Не тяни назад мою руку, — сердито сказал я, — ты бредишь раны на моем плече.

Она затрусилась рядом со мной, как олененок рядом с матерью.

— Мы пересечем долину и спустимся к ручью, — произнес я — он приведет нас в глубь леса, там мы присоединимся к беглым. В этой части леса волков не бывает, они обычно следуют по пятам за оленями.

Мы шли прямо в сторону большого красного зарева, вырисовывавшегося за снежной круговертью.

— Ах! — вскрикнула она и застыла в изумлении. Вдруг мне показалось, будто мы пересекли границу сказочного королевства и я перестал быть обычным человеком. Откуда я мог знать, что за глаза сверкали передо мной в снежной карусели, какие таинственные духи носились в воздухе? Так я стоял и ждал того, что должно произойти, и я забыл о ней, о том, что она рядом. Только духов я ощущал, духов, возникавших то тут, то там, и кружившихся вокруг меня в бешеном танце.

В это мгновение она обхватила меня, покрывая страстными поцелуями; собаки, люди, демоны — кто угодно мог бы наброситься на нас — нам было все равно. Сквозь круговерть снежинок мы двинулись в сторону призрака, манившего нас разноцветным сиянием. Перед нами возникла светящаяся дверь, искрящаяся снежной радугой. Ни я, ни Марта ничего подобного прежде не видели. Дверь испускала изумительные снопы красных искр. Мы стояли, пораженные.

— Это волшебство, — сказала она, придя в себя, — разве я могла такое представить? О нет!

Целые букеты голубого и красного пламени вспыхивали в наполненном снежинками воздухе.

— Сияние, словно свет маленького красного цветка, словно пурпур ягод шиповника на груди, — это знак богородицы.

Я сбросил плащ, положил мою ношу и взобрался на камень, повернувшись лицом к призраку. Удерживаясь на выступе, засыпаемый снегом, я потянулся вверх.

Рука моя приобрела красно-голубой оттенок, но я никак не ощущал материальности призрака. А свет, идущий от него был рядом, на моей руке, переливаясь, как крылья бабочки, всеми цветами радуги, он улетал в густой снежный вихрь. Я взобрался еще выше и встал на скользкий, круглый, как голова замерзшего человека, камень и еще дальше протянул руку. И тут я почувствовал жгучий холод. Я не мог отдернуть руку. Снизу Марта закричала мне, чтобы я спускался. Я нащупал что-то жесткое, точно выступающее ребро призрака, и вонзил нож. В красноте образовалась дыра, заглянув внутрь, я увидел внизу ангелов в белом с обращенными ко мне искаженными страхом лицами. У каждого из них было два лица, обрамленных кольцами волос. Мне стало страшно. Я схватился за сияющую красноту, плотность которой наконец ощутил, и рванул на себя. Холодный камень ушел у меня из-под ног, и я почувствовал, что падаю в снег.

Я быстро поднялся, и мы продолжили свой путь к ручью. Увидев гладкую ледяную дорожку, мы почувствовали облегчение. Ветер бушевал вокруг нас, сбивал с ног, снег облепил нас, но, пригибаясь, мы пробирались сквозь бурю. Я поддерживал Марту, которую, как птичку, бил свирепый ветер. Постепенно снега становилось все меньше, а ветра в лесу совсем не было. Я не ощущал ни холода, ни усталости. Только темнота тянулась вслед за нами, да полоска бледного лунного света бежала впереди нас. Но все же я ощущал это движение луны и деревьев, охваченных сумасшедшим вихрем, ощущал боль в плече и мою здоровую руку, удерживающую Марту. Я шел вслед за луной, потому что знал: там, где ручей вырывается из ледяного плена, находится пристанище тех, кто вне закона.

Вдруг она, не издав ни звука, упала. Я подхватил ее и вскарабкался на берег. Кругом шумели лиственницы, ветер завывал в их ветвях. Скоро я привел ее под сень деревьев. Там я положил ее, а сам наломал пушистых веток. Я прилег на наше сухое ложе и пристроил ее голову у себя на груди. И так мы провели ночь. Собою я закрывал ее от непогоды, и она лежала, как орешек под скорлупкой.

Наступило утро, и снова холод разбудил меня, я застонал. Но сердце мое согревала копна огненно-рыжих волос девушки, что лежала в моих объятиях. Я взглянул на нее, она поймала мой взгляд и улыбнулась. И снова возник страх. Будто попав в западню, она втянула голову в плечи.

— Нам нечем развести огонь, — сказал я.

— У тебя в мешочке кремень и огниво, и сухой трут, — ответила Марта.

— Боже тебя благослови, — произнес я.

Я наломал лиственных сучьев и там, где деревья, расступаясь, образовывали небольшую полянку, развел костер. Она оставалась на месте, не решаясь подойти ко мне ближе.

— Иди же, — позвал я, — поешь вместе со мной.

— Твое лицо, — вымолвила Марта, — оно испачкано кровью.

Я распахнул плащ.

— Ну, смелее, — опять позвал я, — ты вся дрожишь от холода.

Я набрал полную пригоршню снега и смыл с лица кровь, затем насухо вытерся краем плаща.

— Теперь, когда на моем лице нет крови, тебе нечего бояться. Иди же, сядь возле меня, и мы разделим трапезу.

Я отрезал ей ломоть замерзшего хлеба, и тут вдруг она повисла на мне, страстно целуя. Она упала, обхватив мои колени, и, прижавшись к ним грудью, зарыдала. Она лежала у моих ног, и разметавшиеся волосы еще одним костром полыхали возле меня. Как же удивляла меня эта женщина!

— Не надо, — прокричал я, и она подняла голову и снизу посмотрела на меня.

— Не надо, — я почувствовал, как слезы катятся по моим щекам.

Она положила голову мне на грудь, и мои слезы дождем оросили ее прекрасные волосы. Я вспомнил о кусочке цветного стекла, лежавшем у меня за пазухой, и извлек его на свет. Теперь он казался черным и невзрачным.

— Ах! — вырвалось у меня. — Это все магия.

— Камень черный?! — изумилась Марта.

— Прошлой ночью он излучал красный свет, — сказал я.

— Это магия, — ответила она.

— Пожалуй, выброшу я его, — сказал я, поднимая кусочек над головой, — выброшу — так будет лучше.

— Но он сияет! — воскликнула она, — сияет, как глаз ночного существа, как глаз волка, заглядывающего в дверь.

— Это все магия, — произнес я, — от него надо избавиться.

Но она схватила меня за руку и прокричала:

— Он сияет красным цветом!

— Это гелиотроп, кровавый камень, — ответил я, — он погубит нас, мы умрем страшной смертью.

— Дай мне его.

— На нем отпечаток крови.

— Дай скорее, — потребовала она.

— Это моя кровь.

— Дай! — хрипло приказала она.

— Это кусочек моей жизни.

— Дай мне его, — мольба слышалась в ее голосе.

И я сдался. Она схватила его, и улыбка расцвела на ее лице. Она улыбнулась, улыбнулась, глядя мне в глаза и протягивая руки. Я поймал ее губы, ее рот, ее снежно-белую шею. Она больше не боялась и лишь немного дрожала от счастья...

Заунывный звук вывел нас из полузабытья. Костер догорел, но лес опять наполнился призрачным сиянием. Наши широко раскрытые глаза слезились, но мы не могли оторвать их от вершин деревьев, светившихся таинственным светом. Звук приближался к нам, это были волки...»

— Хватит, — сказал викарий, внезапно поднимаясь, — они прожили долгую и счастливую жизнь.

— Нет, — задумчиво сказал я.

Дул ветер. Играя листвой серебристых тополей, он делал их похожими на высокие белые свечи. Небо было затянуто тучами. Временами в просветах проглядывало солнце, окрашивая все вокруг: поля ржи, рощи лимонных деревьев, виноградники — чудесным, загадочным цветом. Вдали, на фоне голубой полосы неба, сверкал в ярких лучах солнца кафедральный собор, вокруг которого теснились аккуратные домики небольшого городка под названием Метц.

На голой, сухой, как бы специально выжженной среди зеленых полей земле стояли бараки, в которых располагались казармы. Их крыши из рифленого железа были увиты яркой настурцией. По одну сторону барачков на узкой полоске земли находился огород с грядками столь любимого солдатами салата-латука. Позади барачков виднелся большой, окруженный колючей проволокой учебный полигон. В этот полуденный час казармы были пусты, койки подняты вверх, а сами солдаты, расположившись небольшими группками в тени лимонных деревьев, одурманивающий запах которых стоял в воздухе, ждали сигнала к началу учений. В стороне от других, на скамейке, усыпанной облетевшими лепестками, сидел Бахман, высокий, белокурый, приятной наружности юноша, и пытался сочинить очередное еженедельное послание матери. Его загорелая рука повисла над открыткой в ожидании подходящих слов, которые никак не приходили на ум. «Дорогая мама...» — это было все, что он пока смог написать. Немного поколебавшись, он продолжил: «Большое спасибо за письмо, которое я получил от тебя. Я чувствую себя хорошо. Сейчас начнутся учения по фортификации...» Дальше слова не шли, и юноша мучительно пытался придумать, что же еще написать. Перечитав написанное, он опять задумался, пытаясь выудить слова из своего подсознания, но все было напрасно.

В облике этого усердного молодого человека было что-то девичье. Возможно, такое впечатление складывалось из-за его хорошенького бледного личика с едва заметным пушком на месте будущих усов, его стройной, гибкой фигуры, а главное — из-за той робости, которая читалась в его голубых глазах. И в то же время было заметно, что он старается выглядеть взрослым и независимым и гордится тем, что проходит службу в армии.

Так и не найдя нужных слов, Бахман сунул открытку в карман и подошел к группе солдат, растянувшихся на земле и перебрасывающихся веселыми шутками под взрывы громкого хохота. Юноша встал в сторонке, наблюдая за ними. Он как бы был и вместе с ними, и в то же время сам по себе. Что-то подсознательно мешало ему присоединиться к товарищам.

Вышел сержант и отдал команду строиться. Это был человек лет сорока, крепкого телосложения. Его голова словно утопала в широких плечах, квадратная челюсть выдавалась вперед, придавая ему агрессивный вид. На лице, распухшем от беспробудного пьянства, как угли, сверкали маленькие глазки.

Грубым, похожим на лай голосом он отдал очередную команду, и отряд двинулся вперед, чеканя шаг и поднимая облака пыли. Отряд шел колонной по четыре, в одном из рядов шагал Бахман, страдая от жары. Зажатый движущимися телами товарищей, он краем глаза видел покрытые дорожной пылью молодые побеги виноградных лоз, головки маков, мелькающие в высокой траве, залитые солнцем поля, омытые свежим воздухом, и полоску яркого голубого неба на горизонте. Но все это не радовало юношу. Чувство беспокойства,

граничащее с паникой, поднималось из недр его души.

Будучи молодым и здоровым, он легко двигался в колонне, вернее, двигалось его тело, но душа его была далеко отсюда. Они жили разной жизнью — душа и тело. И чем ближе отряд подходил к городу, тем дальше душа отдалялась от тела, движущегося, как хорошо отлаженная машина.

Отряд свернул с большой дороги и, разбившись в колонну по одному, двинулся по тропе, вдоль которой стояли высокие деревья. От густой, нетронутой травы под ногами и шелеста листьев над головой веяло покоем. Вскоре отряд вышел на открытую, залитую солнцем поляну. На поляне был вырыт глубокий ров, заполненный водой. Над ним возвышались земляные укрепления. Их отвесные стены уступами поднимались ввысь. На самом вершине укреплений росла мягкая высокая трава, из которой выглядывали белые и золотые головки башмачков и маргариток. Заросли деревьев окружали поляну. Легкий ветерок, пробегая по высокой шелковистой траве, делал поляну похожей на зеленое море. Все было окутано тайной, в которой было что-то тревожное. Группа солдат в голубой форме с алой отделкой стояла около рва и внимала сержанту, инструктировавшему их. Его резкий голос нарушал покой этого места, внося смятение в души солдат. Из всех сил они старались понять, что он говорил, но смысл сказанного не доходил до их сознания. Наконец сержант закончил инструктаж, и учения начались. Один из солдат взял пожарную лестницу и, перепрыгнув через ров, благополучно очутился на противоположной стороне. Он сделал попытку закрепить ее на отвесной стене укрепления и, когда это ему удалось, начал неуклюже карабкаться вверх. Солдаты следили за его действиями.

Бахман с ужасом смотрел на карабкающуюся вверх голубую фигурку, резко выделяющуюся на ярко-зеленом фоне. Наконец он достиг верхней ступеньки и опустил на траву. Прозвучала новая команда. Солдат с трудом перетащил лестницу через укрепление и стал осторожно спускаться вниз. Наблюдая, как солдат вслепую нащупывает перекладины лестницы, Бахман чувствовал, что земля уходит у него из-под ног. Фигура солдата, медленно ползущего по лестнице, напоминала ему насекомое, неуверенно переставляющее лапки на гладкой поверхности. Наконец солдат, с окаменевшим лицом и потный от страха, спустился на землю и встал в строй. Всем своим обликом он больше походил на животное, чем на человека.

Бахман стоял как приговоренный, ожидая своей очереди. Некоторые солдаты ловко и без страха выполняли задание, и это еще больше расстраивало Бахмана: значит, все-таки это можно выполнить без особых усилий. Вот бы и ему так!

Наконец подошла его очередь. Интуитивно он понимал, что до него никому нет дела: ни сокашникам, ни офицеру, который видел в нем не более чем неодушевленный предмет. Внутренне собравшись, он взял лестницу и довольно успешно добрался до стены. Ничего не видя перед собой от ужаса, Бахман начал подъем. Лестница шаталась, и с каждым шагом ему становилось все хуже и хуже. Тошнота подступала к горлу. Он ускорил темп. Если бы только ему удалось поскорее покончить со всем этим! Но лестница ходила ходуном, и новая волна слепого животного страха захлестнула юношу. Он почувствовал, как его тело обмякло, желудок расслабился. А раз это случилось, то он пропал. Ведь он знал, что такое страх, знал, что за ним следует, и из всех сил пытался его побороть. Но когда лестница в очередной раз покачнулась и его нога повисла в воздухе, ужас вновь сжал тисками его сердце и скрутил внутренности. И все же Бахман продолжал медленно карабкаться вверх. Он с отчаянием глядел на путь, который ему еще предстояло преодолеть, и старался не думать о расстоянии,

отделяющем его от земли. Новый приступ страха еще больше сжал сердце юноши, тело его обмякло, и он из последних сил прижался к стене, стараясь удержаться на лестнице. Он почти потерял сознание. Внезапно его охватило странное чувство: что-то случилось. Но что? Постепенно до его сознания дошел смысл происшедшего. Он обмочился, и это произошло на виду у всех. Какой позор! К страху добавился стыд. Что же делать? Голос сержанта, выкрикивающего угрозы, эхом отдавался в голове Бахмана. Итак, он опозорен. Вдруг он понял: ему безразлично, что с ним будет дальше. Он должен дотянуться до верха. Юноша медленно продвинулся еще на несколько ступенек и вдруг почувствовал, как чьи-то сильные руки сжали его запястья и втащили наверх. Он почувствовал под ногами столь желанную землю. «Втащили, как мешок», — промелькнула смутная мысль в его все еще затуманенном сознании. Снедаемый стыдом, юноша безуспешно пытался удержаться на ногах. Постепенно до его сознания стало доходить, что кто-то стоит рядом с ним. Он слышал чье-то хриплое дыхание и грубый голос.

— Подними голову... Смотри на меня, — зло кричал кто-то.

Повинуясь этому крику, солдат поднял глаза и встретил бешеный взгляд сержанта. Его широко открытый рот выплевывал какие-то слова, которые не доходили до сознания юноши. Однако этот хриплый голос причинял ему физическую боль, терзая все его тело.

Откинув голову, солдат усилием воли заставил себя сосредоточиться на лице сержанта, которое вплотную приблизилось к нему. Он видел этот искаженный злобой рот, оскал зубов, горящие ненавистью глаза. Нечистое дыхание проникло в его ноздри. Он отвернулся в испуге. Но лицо преследовало его. Стараясь защитить себя от этого омерзительного зрелища, солдат поднял руку и прежде, чем осознал, что делает, в порыве неопишуемого ужаса нанес сокрушительный удар по лицу сержанта. Тот зашатался, откинулся назад и вдруг, издав истошный крик, перекатился через вал и, хватаясь руками за воздух, упал в воду. Наступила гнетущая тишина.

Бахман машинально посмотрел вокруг себя и увидел бегущих к нему солдат.

— Тебе лучше смыться, — услышал он чей-то голос и, инстинктивно повинуясь ему, поднялся и двинулся прочь, подальше от этого места. Он вышел на затерявшуюся среди деревьев тропинку, затем на шоссе, по которому в обоих направлениях мчались машины. Чувство облегчения охватило юношу. Он покидал этот армейский мир и оставлял там свой позор. Он уходил от него все дальше. Пробуждающееся сознание фиксировало окружающее: гуляющих по улице солдат, едущих верхом офицеров. Миновав мост, Бахман попал во французскую часть города с ее живописными домами, расположенными почти у самой воды. Впереди виднелся мрачный кафедральный собор. Его многочисленные остроконечные башни были устремлены прямо в небо.

Сердце Бахмана наполнилось покоем. Он шел вдоль реки, направляясь в городской сад. Как прекрасна была темно-фиолетовая сирень, отцветшие лепестки которой падали на мягкую зеленую траву. Каштаны с их торчащими свечками-цветами наводили на мысль об алтаре. Нарядная толпа мужчин, женщин, детей гуляла под сенью деревьев. Среди них мелькали офицеры в яркой форме. Жизнь была прекрасна. Юноша шел, вдыхая ее полной грудью.

Но куда он идет? Чувство блаженства и свободы сменилось беспокойством. Из глубины души поднималось что-то давящее, оно постепенно овладевало всем его существом, проникало в сознание, вызывая панику. Позор! Эта мысль стрелой пронзила его сердце.

Но он все еще пытался не думать о случившемся. Он твердо знал одно: ему необходимо уйти. Уйти от всего, что было связано с его позором.

Но как? Страх с новой силой завладел им. Как он сможет справиться с этим жутким стыдом, когда предстанет перед властями? Он уже мысленно рисовал себе эту картину, и боль с новой силой сжимала его сердце.

Юноша испытывал физические и душевные страдания. Не осознавая, что делает, Бахман повернул в сторону казарм. Ему не справиться самому, кто-то должен помочь. Вдруг сердце радостно подпрыгнуло в груди. Ну конечно, он должен рассказать обо всем своей возлюбленной! Она разделит с ним все его переживания.

Приняв решение, Бахман вскочил в маленький трамвайчик, снующий между городом и казармами, и, опустившись на сиденье, застыл, безучастно глядя в окно.

Бахман вышел на конечной остановке и дальше пошел пешком. Ветер дул с прежней силой. В его порывах слышался шелест ржи. Было пустынно. Отрешенный от мира, Бахман медленно шел по узкой тропинке, вьющейся между посадками виноградной лозы. Поддерживаемые длинными шестами, цепляясь за них тонкими усиками, побеги тянулись к небу. Подсознательно юноша заметил и эти молодые побеги, и группу мужчин и женщин, сгребавших сено. На тропинке стояла телега, запряженная волами, и мужчины в ярких голубых рубахах забрасывали туда сено. Вокруг сиял и переливался всеми красками яркий весенний день. Бахману казалось, что он видит все это из глубины своего подсознания, так как сам по себе он как будто и не существовал.

Дом барона, где Эмили работала служанкой, стоял посреди цветущего сада, за которым тянулись поля. Он был построен во французском стиле. Казармы располагались недалеко от дома. Влекомый естественной целью — поделиться с кем-нибудь своим горем, Бахман вошел во двор. Лежащая во дворе собака, заметив солдата, твякнула и приветливо завиляла хвостом.

Дверь кухни была открыта. Поколебавшись, он вошел, смущенно улыбаясь. Женщины на кухне встретили его приветливо, хотя и были слегка озадачены. Эмили готовила кофе. В ее глазах, похожих на глаза дикого животного, затаилась робость. Черные волосы были стянуты на затылке в тугий узел. Простенькое платье из голубого хлопка, расшитое розочками, плотно облегало ее высокую грудь.

За кухонным столом сидела другая женщина и вынимала косточки из вишен, которые были насыпаны перед ней высокой горкой. Она была очень хорошенькой; ее прелестное юное личико было осыпано веснушками. В этом доме она служила в качестве бонны. Это была фрейлен Гесс.

— Добрый день! — произнесла девушка с приятной улыбкой. — Вот уж не ждали!

Эмили промолчала. Покраснев при виде юноши, она стояла в нерешительности, борясь с искушением убежать, однако было ясно, что она очень рада его приходу.

— Да, — тихо ответил юноша на замечание молоденькой бонны, — я попал в неприятную историю.

Обе женщины уставились на него широко раскрытыми глазами.

— В какую? — спросила бонна, оставив работу и уронив руки на колени. Эмили промолчала, но лицо ее напряглось.

Бахман стоял, опустив голову, он все еще не мог прийти в себя.

— Я ударил сержанта Губера, и тот упал в ров, — сказал он. — Я это сделал нечаянно... но...

Машинально юноша взял пригоршню вишен и начал их есть. Он слышал, как Эмили тихо вскрикнула.

— Вы столкнули его в ров? — в ужасе переспросила фрейлен Гесс. — Каким образом?

Зажав в кулаке косточки от вишен, Бахман с отсутствующим взглядом поведал им свою историю.

— Ах! — простонала Эмили.

— А как вы оказались здесь? — спросила фрейлен Гесс.

— Я сбежал, — ответил юноша.

Наступила мертвая тишина. Бахман стоял с понурым видом, полностью вверив себя этим двум женщинам. На плите что-то зашипело, и крепкий запах кофе заполнил кухню. Спohватившись, Эмили бросилась к плите. Взгляд Бахмана скользнул по ее широкой спине и крепким бедрам.

— И что вы теперь собираетесь делать? — спросила, придя в себя, фрейлен Гесс.

— Я не знаю, — ответил Бахман, взяв новую горсть вишен.

Он чувствовал себя опустошенным.

— Вам лучше вернуться в казармы, — предложила бонна, — мы попросим господина барона помочь вам.

Эмили молча стояла, держа в руках поднос с тонкими фарфоровыми чашками и серебряными ложками, и ждала ответа. Бледный, с опущенной головой, Бахман упорно молчал. Сама мысль о возвращении в казармы была для него невыносима.

— Я попробую уехать во Францию, — наконец выдавил он.

— Но они поймают вас, — ответила фрейлен Гесс.

Эмили молча слушала.

— Я должен попытаться, — тихо произнес Бахман, — мне только нужно где-то спрятаться до наступления ночи.

Обе женщины догадались, чего он ждет от них, и поняли, что выполнить его просьбу невозможно. Эмили вышла. Бахман продолжал стоять, не смея поднять голову. Ему было стыдно за свое поведение.

— Вам не удастся уехать, — сказала бонна.

— Я могу попытаться, — повторил юноша.

Он не должен сегодня попасть в руки военных. Пусть они делают с ним все, что угодно, если поймают, но только не сегодня. Пусть это будет завтра.

Наступила тишина. Юноша ел вишни. Щеки бонны заливала краска смущения.

Вернулась Эмили.

— Он может спрятаться у тебя в комнате, — предложила бонна, обращаясь к ней.

Эмили не ответила. Похоже, эта идея пришлась ей не по душе.

— Это все, что я могу предложить, — сказала фрейлен Гесс. — Я не хочу, чтобы его увидели дети.

Эмили молчала. Бахман ждал, что же решат женщины.

— Ты можешь спать в моей комнате, — продолжала бонна, глядя на Эмили.

Эмили подняла глаза и в упор посмотрела на Бахмана.

— Вы хотите этого? — спросила она отрывисто.

Было видно, что все ее существо противится такому решению.

— Да... да... — бормотал юноша, чувствуя, что краснеет.

Эмили отвернулась и тоже еле слышно проговорила «да». Затем, взяв поднос, быстро вышла из кухни.

— Но как вы перейдете границу? — спросила фрейлен Гесс.

— Я попытаюсь достать велосипед, — ответил юноша.

Вернулась Эмили. Чувствовалось, что она старается держать себя в руках.

— Все в порядке? — спросила ее бонна.

Эмили промолчала.

Спустя несколько минут Бахман последовал за ней.

Они миновали большой квадратный холл, стены которого были увешаны картами. На вешалке висели детские голубые пальто с блестящими пуговицами. Они напомнили Бахману о первой встрече с Эмили, когда она гуляла с младшим ребенком, крепко держа его за руку, а он сидел в тени лимонного дерева и наблюдал за ними. Как это было давно! Тогда он был свободен и спокоен, и казалось, так будет всегда.

Быстро поднявшись по лестнице и пройдя незамеченными по длинному коридору, они подошли к комнате Эмили. Открыв дверь, она впустила юношу.

— Я должна идти вниз, — прошептала Эмили и тихо закрыла дверь.

Комната была маленькой и очень опрятной. На стене висело распятие и несколько картинок с изображениями святых. Узкая кровать была тщательно застелена. Рядом на столике стоял таз для умывания. В углу находился небольшой комод с несколькими ящиками. Больше в комнате ничего не было.

Почувствовав себя в безопасности, Бахман немного успокоился и, подойдя к окну, посмотрел на залитый солнцем двор. Итак, он покидает эту страну. С этой жизнью покончено. Впереди его ждет неизвестность.

Строгая простота комнаты, как того требовала католическая вера, все больше успокаивала его. Юноша посмотрел на распятие. Высокая худая фигура Христа походила на фигуру крестьянина и, по всей вероятности, была вырезана каким-то крестьянином по своему образу и подобию. Впервые в жизни Бахман посмотрел на изображение Христа как на нечто одушевленное. Распятый на кресте человек страдал. Сделав это открытие, Бахман долго не мог отвести взгляда от деревянной фигурки.

Его собственные плоть и душа тоже страдали. Стыд, который поселился в нем, сжигал его изнутри, делал беспомощным и противным самому себе, давил на него, лишая рассудка.

Машинально юноша снял ботинки, ремень и китель. Отбросив их в сторону, лег на кровать и забылся тяжелым, мучительным сном.

Когда спустя некоторое время Эмили зашла в комнату, он крепко спал. Его неподвижность напугала девушку, и, подойдя к кровати, она склонилась над ним. Он дышал. Расстегнутая на груди нижняя рубашка обнажила его красивую белую грудь. Ноги, обтянутые голубыми форменными брюками и одетые и грубые солдатские носки, были широко раскинуты. Эмили еще раз оглядела юношу, лежащего на ее девичьей постели, и тихо вышла.

Эмили была в смятении. Ее желание оставаться чистой и незапятнанной заставило девушку избегать всяких случайностей и ненужных встреч. Она была подкидышем и воспитывалась в Доме спасения католической церкви. Возможно, в ее жилах текла цыганская кровь. В четырнадцать лет, будучи очень наивной и религиозной, она нанялась в услужение к баронессе и служила ей верой и правдой вот уже семь лет. Она сторонилась людей, единственной ее подругой была Ида Гесс, бонна. Ида была девушкой расчетливой, добродушной, не совсем честной и очень кокетливой. Она была дочерью бедного деревенского врача. Постепенно сближаясь с Эмили, больше для компании, чем из желания дружить, Ида не осознавала, что Эмили очень не похожа на нее.

Они вместе работали, вместе гуляли и отдыхали, вместе ходили на свидание к леснику Францу Бренду, приятелю Иды. Втроем они много говорили, много смеялись. Иногда Франц играл им на скрипке, и девушки внимательно его слушали.

И все же, несмотря на такую дружбу, между девушками не было настоящей близости. Эмили по натуре была застенчивой и скрытной. Хитрая Ида пользовалась ею как фоном, на котором она только выигрывала. Всегда окруженная поклонниками, Ида пыталась познакомиться с кем-нибудь и Эмили, но та всячески сопротивлялась.

Когда солдаты восхищенно оглядывались и присвистывали ей вслед, Эмили чувствовала, как кровь закипает в ее жилах.

Презрение Эмили к мужчинам граничило с ненавистью, но перед бароном она благоговела. Ей доставляло удовольствие прислуживать ему, потому что он был настоящим джентльменом, и это магическое слово «джентльмен» наполняло ее сердце гордостью за то, что она служит именно такому человеку. Солдаты же казались ей грубыми животными, она смотрела на них как на пустое место. Ей была предопределена роль служанки, но служанки для людей высокородных.

Когда воскресными вечерами она смотрела из окна на солдат, танцующих со своими девушками, то испытывала к ним глубокое презрение. С отвращением она наблюдала, как солдаты, сняв ремни и расстегнув кители, под которыми были видны их потные тела, танцевали со своими подружками. Небрежно и грубо облапив своих партнеров, солдаты старались плотно прижаться к их грудям, просунуть свою ножищу между их изящными ножками. Все это вызывало в Эмили такую ненависть к ним, что она почти теряла сознание.

Гуляя по вечерам в саду, она слышала за оградой возню и визг девушек, которых тискали солдаты. И каждый раз она с ненавистью кричала:

— Что вы возитесь там, убирайтесь прочь!

Она бы с удовольствием выпорола их!

Бахман же не был для Эмили обычным солдатом.

Во-первых, он был красивым белокурым юношей, в его походке чувствовалась стать, голова была гордо поднята вверх — все это выдавало в нем джентльмена. И во-вторых, как выяснила фрейлен Гесс, которая познакомила их, он был из богатой фермерской семьи, и это благополучие переходило из поколения в поколение. Его отец давно умер, и все дела вела мать. Бахман не нуждался в деньгах и мог получить их в любое время. Вместе с одним из братьев он строил фургоны. Это была их профессия. Бахманы к тому же владели кузницей и работали только потому, что так было издавна заведено в семье, но у них было достаточно

денег, чтобы не работать вообще. Итак, по мнению Эмили, Бахман был джентльменом. Он легко тратил деньги, и это нравилось Эмили, но самое главное, у него были хорошие манеры. И Эмили не устояла. Она не просто полюбила Бахмана, она обожала его. Но она оставалась девственницей и была очень стыдлива. Ее примитивная натура, не знакомая с формами цивилизованного общения с другими людьми, нуждалась в покровительстве.

В шесть часов вечера пришел солдат и спросил девушек, не видели ли они Бахмана. Фрейлен Гесс с удовольствием сыграла свою роль, ответив:

— Нет, в последний раз я видела его в воскресенье. А ты, Эмили?

— Нет, не видела, — ответила та, краснея.

Ида Гесс продолжала разыгрывать невинность, задавая вопросы.

— Надеюсь, он не убил сержанта Губера, — воскликнула она с наигранным ужасом.

— Нет. Но он упал и сломал ногу. Сейчас он в госпитале. Бахману непоздоровится, — последовал ответ.

Эмили, против своей воли вовлеченная в историю, молча слушала. Она была полностью выбита из своей привычной жизненной колеи. Теперь не будет у нее покоя! Ведь Бахман находился в ее комнате. Она думала об этом с религиозным ужасом. То, что случилось, было для Эмили невыносимо. Внутренний огонь сжигал ее, затрудняя дыхание... Необходимо накормить и уложить детей, приготовить ужин для барона и баронессы, которые собирались ехать в гости. Эти мысли пронеслись в ее воспаленном мозгу, не давая покоя. Ее размеренная жизнь служанки была нарушена. Теперь ей придется жить, подчиняясь желаниям других людей, зависеть от их действий. Там, наверху, в ее комнате, спит человек, которого она полюбила всем сердцем. Но кто он для нее и что он хочет? Он единственный из всех столь презираемых мужчин проник в ее мир, завладел всем ее существом!

Когда барон и баронесса уехали и в доме наступила тишина, Эмили поднялась в свою комнату. Бахман проснулся и сидел на кровати. Через открытое окно до него доносились голоса солдат, его товарищей, поющих под мягкие звуки концертино сентиментальные песни о любви. Слова песен проникали в душу, щемили сердце. Он уже не принадлежал их миру, он выпал из него, и теперь для него наступила другая жизнь. «Как она сложится?» — думал он, опустив голову на грудь.

Когда Эмили вошла в комнату и увидела юношу, понуро сидящего на ее кровати, смертельный ужас вдруг охватил ее, но на смену ему внезапно пришло какое-то новое, доселе неизвестное чувство. У нее перехватило дыхание. Осторожно приблизившись к юноше, Эмили тихо спросила:

— Вы хотите есть?

— Да, — ответил он, чувствуя, как сильно бьется его сердце. Эмили стояла почти вплотную, его лицо было на уровне ее груди.

Как зачарованная, Эмили неподвижно стояла около кровати, на которой сидел юноша. Казалось, она чего-то ждала. Внезапное желание охватило его, сердце забило сильнее. Девушка подошла еще ближе, и, повинувшись разгоравшейся в нем страсти, юноша обнял ее за талию и уткнулся лицом в ее фартук, за которым чувствовалась живая, теплая плоть. Желание охватило его с новой, неведомой ранее силой. Оно заглушило все муки его сердца, заставив забыть его и о позоре, и о том, в какую историю он попал.

Руки девушки легли ему на голову, притягивая ее все ближе и ближе к своему телу. Охваченный страстью, юноша гладил ее спину, бедра, прижимая лицо к ее теплому животу. Дрожь пробежала по ее телу. Еще немного, и она потеряет сознание...

Ослабшая и умиротворенная, Эмили лежала в объятиях Бахмана. Она никогда и не подозревала, что на свете существует такое чудо. Все ее существо было наполнено

благодарностью. Он был здесь, рядом с ней, его руки обнимали ее, и она еще теснее прижалась к его обнаженному телу.

Держа девушку в своих объятиях, Бахман испытывал чувство гордости. Он пробудил в ней ответную страсть, и она отдалась ему. Они любили друг друга, они были одним целым.

Разжав наконец объятия, они встали. Их лица светились счастьем, сердца учащенно бились в унисон.

— Я принесу тебе поесть, — прошептала девушка, с радостью возвращаясь к своим привычным обязанностям, и вышла из комнаты.

Опустошенный и вместе с тем счастливый, юноша сидел на кровати, ожидая ее возвращения.

Вскоре сопровождаемая фрейлен Гесс Эмили вернулась в комнату с подносом, полным еды. Со смешанным чувством гордости и удивления девушки смотрели на белокурого юношу, который полностью зависел от них. Ида, правда, уже отошла на второй план. Главной теперь здесь была Эмили, и счастье ее было тем полнее.

— Что же вы теперь собираетесь делать? — сказала фрейлен Гесс, явно завидуя подруге.

— Я должен уехать, — ответил юноша, машинально. Ощущение свободы и удовлетворенности не покидало его.

— Но вы хотели найти велосипед, — сказала Ида.

— Да, — ответил он.

Эмили сидела молча, отстраненно наблюдая за ними и в то же время чувствуя, как невидимые нити соединяют ее с юношей. У них теперь есть нечто общее, и это общее — страсть. Ида продолжала разрабатывать план побега, хотя чувствовала, что эти двое мечтают побыть вдвоем. Она оставалась не у дел, и это ее не устраивало.

Наконец было решено, что Франц, возлюбленный Иды, одолжит Бахману свой велосипед, который спрячет в лесной сторожке. Бахман ночью заберет его и уедет во Францию. Затем Бахман переберется в Америку, где Эмили присоединится к нему. Там они будут счастливы. Все трое верили в эту прекрасную сказку.

Эмили и Ида отправились к Францу Бранду. Юноша остался один. Он сидел в темноте, прислушиваясь к звукам ночи. Внезапно он вспомнил об открытке, которую собирался отправить матери. Догнав Эмили, он поручил ей опустить открытку в почтовый ящик и быстро вернулся в комнату.

В задумчивости юноша сидел на кровати. События минувшего дня проплывали у него перед глазами. Вспомнив, как, дрожа от страха, он пытался забраться на укрепление, юноша почувствовал, как стыд с новой силой охватывает его. Пытаясь успокоиться, он повторял снова и снова: «Тут уж ничего не поделаешь, тут уж ничего не поделаешь. Я вовсе не трус, — продолжал он убеждать себя, — я не боюсь опасности. Это не моя вина, что высота так действует на меня, это от меня не зависит. Это был не я». Его мысли вернулись к Эмили, и он почувствовал удовлетворение: «Вот это был я, именно я, и этим все сказано».

Придя к такому заключению, Бахман успокоился и стал ждать Эмили, которая вскоре вернулась и сообщила, что велосипед сломан, Франц будет его чинить, и Бахману придется остаться еще на одну ночь.

Оба были счастливы. Эмили снова приблизилась к нему и остановилась в нерешительности. Но он притянул ее к себе, раздел и овладел с такой сумасшедшей радостью, которая невольно передалась и ей. С полными слез глазами она прижимала его к своей груди, стараясь раствориться в нем. Крепко обнявшись, они мирно уснули.

Наступило утро. Они проснулись под звуки горна, доносившиеся из казарм, и подбежали к окну. Занималось прохладное летнее утро. До самого горизонта тянулись зеленые сады и поля. Они были счастливы. Они любили друг друга. Ей нравилось его тело, такое белое и гибкое, ему — ее, крепкое и здоровое. И эти два тела тянулись друг к другу. Но наступал день с его заботами и тревогами. Ей нужно было приступить к своим обязанностям. Эмили чувствовала, как все изменилось в ней. Она была совсем новым существом, полным надежд и желаний. Перед ней открылся новый мир. Такого огромного счастья она никогда не испытывала. Его можно было сравнить только с солнечным светом, с сиянием летнего дня. Все спорилось в ее руках в это ясное утро.

Оставшись один, Бахман обдумывал план дальнейших действий. Надо написать матери и попросить ее выслать в Париж деньги. Затем он поедет в Америку. Итак, все решено. Самое главное — добраться до Франции. Необходимо раздобыть расписание поездов. Всего один день — и настанет долгожданная свобода. Он опять будет самим собой, и рядом с ним будет Эмили, и они будут принадлежать друг другу. Скорее бы наступила эта столь желанная пора!

Звук голосов и топот ног вернули его к реальности. Сердце его сжалось, к горлу подступил комок. Он сразу все понял. Готовый ко всему, он стоял и ждал.

Счастливая Эмили порхала на кухне, готовя завтрак детям. Она тоже услышала топот ног и голос барона. И вот он уже входит в дом. Его правая рука, простреленная во время франко-прусской войны, крепко прижата к бедру. Чувствуется, что она сильно болит. За бароном следуют обер-лейтенант и два солдата.

Эмили, побледнев, смотрит на них расширенными от ужаса глазами.

— Если вы так уверены, мы можем поискать, — говорит барон, обращаясь к обер-лейтенанту. — Эмили, ты опускала вчера в почтовый ящик открытку для матери Бахмана? Эмили молчит, лишившись дара речи.

— Да или нет? — настаивает барон.

— Да, герр барон, — едва слышно подтверждает девушка.

— Значит, тебе известно, где находится этот парень? — спрашивает барон, глядя ей в глаза.

Девушка молчит, но ее глаза выдают ее. По этим глазам барон читает всю правду. Лицо его искажается гневом.

— Поднимайтесь наверх! — командует он офицеру.

Повинуясь приказу, лейтенант и солдаты медленно поднимаются по лестнице, следуя за бароном. Эмили молча наблюдает за ними.

Барон рывком открывает дверь комнаты Эмили и видит Бахмана, неподвижно стоящего у постели девушки. Их взгляды встречаются. В глазах юноши отражается вся его душа, душа измученного человека.

— Да! — вздыхает барон, поворачиваясь к лейтенанту.

Быстро окинув взглядом фигуру юноши, лейтенант приказывает ему одеться.

Бахман начинает медленно одеваться. Он совершенно спокоен. Присутствие четырех человек не смущает его, он их просто замечает.

Одевшись, юноша отрешенно ждет дальнейшей команды, и она следует:

— Шагом марш!

Маленькая процессия спускается вниз по лестнице, минует холл и входит на кухню. Эмили молча смотрит на них. Бахман избегает ее взгляда, но они без слов понимают друг друга. Бахман, сопровождаемый лейтенантом и солдатами, покидает дом. Барон, стоя на пороге, долго смотрит им вслед, затем возвращается на кухню, где Эмили спокойно нарезает хлеб.

— Итак, он провел ночь здесь? — спрашивает ее барон.

Девушка смотрит на него, не говоря ни слова.

— Что вы собирались делать? — опять спрашивает барон.

— Он хотел уехать в Америку, — едва слышно отвечает Эмили.

— Надо было заставить его вернуться в казармы, — отчеканивая каждое слово, произносит барон.

Эмили молчит.

— Теперь с ним покончено, — заключает барон.

Глаза Эмили, полные страдания, ранят его в самое сердце.

— Дурак! — презрительно бросает барон и выходит из комнаты.

Через лес было на мило ближе. Механически Сайсон свернул у кузницы и открыл калитку, через которую можно было выйти в поле. Кузнец и его помощник стояли, спокойно наблюдая за нарушителем спокойствия. Сайсон выглядел слишком порядочным человеком, чтобы возникло желание его расспрашивать. Они дали ему спокойно пройти через маленькое поле к лесу.

Не было ни малейшей разницы между этим утром и той яркой весной шесть или восемь лет назад. Белые и песочно-золотистые домашние птицы все так же копошились около калитки, роняя на землю свои перья. Между двумя пышными кустами падуба — живой лесной ограды — была незаметная щель, через которую можно было пробраться в лес; около изгороди, как и раньше, можно было видеть следы ботинок лесника. Он вернулся в вечность.

Сайсон был чрезвычайно рад. Как беспокойный дух, он вернулся в страну, где когда-то жил, и нашел, что она не изменилась, ожидая его. Обыкновенный орешник все так же радостно протягивал свои маленькие руки к земле, колокольчики, все такие же бледные и редкие, по-прежнему таились среди буйной травы и в тени кустов.

Тропинка, пролежавшая через лес по самому краю склона, вилась среди развесистых дубов, только начинавших покрываться листвой, а земля вокруг была украшена душистым ясменником и группами гиацинтов. Два поваленных дерева все еще лежали поперек дороги. Сайсон спускался, подпрыгивая, по высокому неровному склону и вскоре оказался снова на открытом месте, просвет выходил на север, будто огромное окно в лесу. Он остановился, чтобы бросить пристальный взгляд через поля на вершину холма, на деревню, которая рассыпалась на голой гористой поверхности, будто выпав из проходивших вагонов, и была там брошена. Чопорная современная серая маленькая церковь возвышалась среди домов и домишек, разбросанных беспорядочно. За деревней поблескивали верхушки опор и виднелись неясные очертания выработок карьера. Все было голым, открытым ветрам, кругом — ни деревца. И все осталось неизменным.

Сайсон повернулся, удовлетворенный, чтобы продолжать путь по тропинке, вьющейся вниз по холму к лесу. Он был в подозрительно приподнятом настроении, будто чувствовал, что возвращается в свою давнюю мечту. Он вздрогнул. В нескольких ярдах впереди, преграждая ему путь, стоял лесник.

— И куда вы направляетесь этой дорогой, сэр? — спросил он гнусаво и вызывающе. Сайсон окинул парня беспристрастным, но пристально-внимательным взглядом. Это был молодой человек двадцати четырех — двадцати пяти лет, румяный и достаточно пристрастный. Его темно-голубые глаза агрессивно разглядывали незваного гостя. Темные усы парня, очень густые, были коротко подстрижены над маленьким, довольно мягким ртом. Вообще же он казался мужественным и был хорош собой. Лесник стоял, возвышаясь над Сайсоном; его сильная выпуклая грудь и прекрасная непринужденность прямого самодовольного тела вызвала чувство, что он хорошо знаком с жизнью животных, он выглядел, как упругая струя воды из фонтана. Лесник стоял, опустив приклад ружья на землю, и смотрел на Сайсона неуверенно и вопросительно. Нарушитель спокойствия разглядывал его темными, беспокойными, пронзительными глазами, игнорируя его должность, что обеспокоило лесника и заставило его покраснеть.

— А где Нейлор? Вы теперь работаете вместо него? — поинтересовался Сайсон.

— Вы ведь не из дома, правда? — спросил лесник. Этого не могло быть, так как все уехали.

— Нет, я не из дома, — ответил пришелец. Казалось, это развлекало его.

— Тогда могу я вас спросить, куда вы направляетесь? — рассердился лесник.

— Куда я направляюсь? — повторил Сайсон. — Я иду на ферму Уиллейуотер.

— Вы неправильно идете.

— Думаю, что правильно. Вниз по тропинке, мимо родника и через белую калитку.

— Но это же не общественная дорога.

— Полагаю, что нет. Я так часто пользовался ею во времена Нейлора, что и забыл о другой. Кстати, где он?

— Его скрутил ревматизм, — ответил лесник неохотно.

— Правда? — воскликнул Сайсон с сочувствием.

— Кто же вы такой? — спросил лесник с новой интонацией.

— Джон Эддерли Сайсон. Я раньше жил в Корди Лейн.

— Ухаживали за Хильдой Миллершип?

Глаза Сайсона широко открылись, он вымученно улыбнулся и кивнул. Воцарилось неловкое молчание.

— А вы — кто вы? — спросил Сайсон.

— Артур Пилбим. Нейлор — мой дядя, — ответил лесник.

— Живете здесь в Наттоле?

— Нет, остановился у дяди — у Нейлора.

— Понятно!

— Вы сказали, что идете на ферму Уиллейуотер? — спросил лесник.

— Да.

На мгновение повисла пауза, затем лесник выпалил:

— Я ухаживаю за Хильдой Миллершип.

Молодой парень смотрел на чужака с упрямым выражением, почти патетически. Сайсон взглянул на него по-новому.

— Правда? — удивился он.

— Она и я поддерживаем отношения, — сказал лесник, покраснев.

— Я не знал! — пожал плечами Сайсон. Парень ждал, что он будет делать, явно испытывая неудобство.

— И что, все уже решено? — поинтересовался нарушитель спокойствия.

— Что решено? — переспросил лесник мрачно.

— Вы собираетесь пожениться скоро и все такое?

Парень уставился на него в молчании, бессильный что-либо сказать.

— Полагаю, что так, — заявил наконец он, пылая негодованием.

— А... — Сайсон внимательно за ним наблюдал. — Я женат, — добавил он через некоторое время.

— Вы? — воскликнул Пилбим недоверчиво.

Сайсон рассмеялся удивительно горьким смехом.

— Последние пятнадцать месяцев, — сказал он.

Лесник посмотрел на него широко раскрытыми изумленными глазами, очевидно обдумывая его слова и пытаясь их понять.

— А что, разве вы не знали? — спросил Сайсон.

— Нет, я не знал, — ответил лесник угрюмо.

На мгновение воцарилось молчание.

— Ну, — сказал Сайсон, — мне нужно идти. Я полагаю, вы не возражаете? — Лесник молчал, его поза выражала враждебность. Два человека замерли, не зная, что делать дальше на открытом, заросшем травой и цветами пространстве, на маленьком уступе на краю холма. Сайсон сделал несколько нерешительных шагов и затем опять остановился.

— Надо же, как красиво! — воскликнул он.

Ему открылся изумительный вид со склона горы. Широкая тропинка сбегала от его ног, словно река, ее окаймляли нежные весенние цветы. Как поток, тропинка скатывалась в лазуревую мель полей, среди которых продолжала виться, как тонкое течение ледяной воды сквозь голубое озеро. И из-под густых веток кустов выплывали голубые тени, будто цветы в половодье.

— О, ну не прекрасно ли здесь! — воскликнул Сайсон; это было его прошлое, страна, которую он покинул, и ему было больно видеть, как она прекрасна. Лесные голуби ворковали в вышине, и воздух был наполнен веселым пением птиц.

— Если вы женились, зачем же вы продолжаете писать ей и посылать поэтические сборники и все остальное? — спросил лесник. Сайсон уставился на него, застигнутый врасплох и оскорбленный. Затем он начал улыбаться.

— Ну, — сказал он, — я не знал о вас...

Снова лесник сильно покраснел.

— Но если вы женились? — настаивал он.

— Я женился, — ответ Сайсона прозвучал цинично.

Затем, посмотрев вниз на голубую тропинку, он почувствовал себя униженным. «Какое право имел я цепляться к ней?» — подумал он горько, презирая себя.

— Она знает, что я женат, — сказал он.

— Но вы продолжаете посылать ей книги, — в голосе лесника слышалось сомнение.

Сайсон молчаливо и немного насмешливо поглядел на него, чувствуя жалость. Затем он повернулся.

— До свидания, — сказал он и ушел. Теперь все раздражало его: две ивы, одна вся золотая, благоухающая и шелестящая листвой, а другая серебристо-зеленая и колючая, напомнили ему, что он здесь рассказывал ей об опылении. Каким дураком он был! Как это бесконечно глупо!

«Ну, хорошо, — подумал он про себя, — бедняга, кажется, имеет против меня зуб. Я сделаю все от меня зависящее, чтобы успокоить его». — Он усмехнулся, однако дурное настроение не покинуло его.

Ферма находилась меньше чем в ста ярдах от опушки леса. Стена деревьев образовывала четвертую сторону открытого четырехугольного двора. Окна дома выходили на лес. Со смешанным чувством Сайсон обратил внимание на цветы сливы, падающие на яркие пышные первоцветы, которые он сам принес сюда и посадил. Как они разрослись! Здесь были поляны алых и розовых и бледно-фиолетовых первоцветов под сливовыми деревьями. Он увидел чье-то лицо в окне кухни и услышал мужские голоса.

Дверь неожиданно открылась... Какой она стала женственной! Он почувствовал, что бледнеет.

— Ты? Эдди! — воскликнула она и замерла, не двигаясь.

— Кто там? — послышался голос ее отца. Низкий мужской голос ответил ему. Эти низкие голоса, полные любопытства и почти язвительные, улучшили мучительное настроение визитера. Широко улыбаясь девушке, он ждал.

— Я — а почему бы и нет? — заявил он.

Очень яркий румянец покрыл ее щеки и шею.

— Мы как раз заканчиваем обед, — сказала она.

— Тогда я подожду снаружи. — Он сделал вид, что собирается сесть на красный глиняный горшок, который стоял около двери среди нарциссов, в нем была питьевая вода.

— О нет, входи, — проговорила она торопливо. Он вошел за ней. В дверях он быстро окинул взглядом всю семью и поклонился. Все были смущены. Фермер, его жена и четверо их сыновей сидели за накрытым на скорую руку обеденным столом, рукава рубашек мужчин были засучены до локтей.

— Извините, что я пришел в обеденное время, — сказал Сайсон.

— Привет, Эдди! — отозвался фермер, используя обращение, которым пользовался раньше, но голос его был холоден. — Как поживаешь?

И они пожали друг другу руки.

— Садись, перекуси, — пригласил он посетителя, абсолютно уверенный, что тот откажется. Он предполагал, что Сайсон стал слишком утонченным, чтобы есть такую грубую пищу. Молодой человек поморщился.

— Ты обедал? — спросила девушка.

— Нет, — ответил Сайсон. — Еще слишком рано. Я поеду обратно в половине второго.

— Это называется ланч, правда? — поинтересовался старший сын почти насмешливо. Когда-то он был близким другом этого человека.

— Мы накормим Эдди чем-нибудь, когда поедим, — сказала мать-инвалид умоляюще.

— Нет, нет, не беспокойтесь, мне не хотелось бы, чтобы вы суетились из-за меня, — сказал Сайсон.

— Ты всегда любил свежий воздух и природу, — засмеялся младший сын, парень лет семнадцати.

Сайсон обогнул здание и прошел во фруктовый сад за домом, где вдоль зеленой живой ограды росли нарциссы, казавшиеся желтыми веселыми птицами, рассевающимися на своих насестах. Он чрезвычайно любил это место. Вокруг высились холмы, и леса, как медвежьи шкуры, покрывали их гигантские плечи, а маленькие красные домики, будто брошками, скрепляли их одеяния. Голубая полоска воды в долине, скудность домашнего пастбища,

нежное пение несметного количества птиц. До своего последнего часа он будет мечтать об этом месте, когда почувствует солнце на своем лице, или увидит ветки деревьев, покрытые пышными хлопьями снега зимой, или почувствует запах приближающейся весны.

Хильда была очень женственна. В ее присутствии он почувствовал себя скованным. Ей было двадцать девять лет, как и ему, но она казалась ему значительно старше. Он почувствовал себя глупо, неловко перед нею. Она совсем не изменилась. В то время как он перебирал опавшие лепестки, она вышла из задней двери дома, чтобы вытрясти скатерть. Домашние птицы возвращались наперегонки с гумна, птицы шелестели листвой деревьев. Темные волосы девушки были собраны вверху валиком, наподобие короны. Она держалась очень прямо и казалась холодной и отчужденной. Вытряхивая скатерть, она смотрела на гору.

Некоторое время спустя Сайсон вернулся в дом. Она приготовила яйца и домашний сыр, варенье из крыжовника и сливки.

— Поскольку ты будешь сегодня обедать поздно, — сказала она, — я приготовила тебе легкий ланч.

— Это очень приятно, — сказал он. — Вокруг тебя действительно распространяется идиллическая атмосфера — твой соломенный пояс и бутоны плюща.

Они все еще причиняли друг другу боль.

Он чувствовал себя неловко перед нею. Ее непринужденная уверенная речь, ее холодность были незнакомы ему. Он снова восхитился ее темными и шелковистыми бровями и ресницами. Их глаза встретились. Он увидел в ее прекрасных серых глазах слезы и странный свет и за всем этим — спокойное одобрение своего поведения и торжество над ним.

Он почувствовал, что отступает, и старался вести себя, как обычно, иронично и чуть насмешливо.

Она отослала его в гостиную и помыла посуду. Длинная комната с невысоким потолком была обставлена мебелью с распродажи Эбби, там были стулья, обитые репсом бордового цвета, очень старые, и овальный стол из полированного орехового дерева, и другое пианино, прекрасное, но тоже старомодное. Несмотря на то, что комната стала совсем другой, непривычной, ему здесь понравилось. Открыв высокий шкаф, который стоял в нише стены, он обнаружил, что тот заполнен его книгами, его старыми учебниками и поэтическими томами, которые он посылал ей, на английском и немецком языках. Нарциссы, стоявшие на подоконнике, сияли через всю комнату, он почти чувствовал исходящие от них лучи. Прежнее волшебство снова снизошло на него. Его юношеские акварели на стене больше не вызвали у него усмешки; он вспомнил, как пылко он стремился писать для нее двенадцать лет назад.

Она вошла, вытирая тарелку, и он снова увидел ее белоснежные красивые руки.

— Здесь просто замечательно, — сказал он, и их глаза встретились.

— Тебе нравится здесь? — спросила она. Это был ее прежний низкий, хрипловатый, интимный голос. Он почувствовал, как заволновалась его кровь. Это была прежняя, утонченная сублимация, он точно таял, а его дух будто испарялся.

— Да, — кивнул он, улыбаясь ей, словно маленький мальчик. Она наклонила голову.

— Это было кресло графини, — произнесла она тихим голосом. — Я нашла ее ножницы под обивкой.

— Правда? Где они?

Развеселившись, она быстро достала свою рабочую корзинку, и вместе они рассмотрели старые ножницы.

— Настоящая баллада об умершей леди! — сказал он, смеясь и просовывая свои пальцы в кольца ножниц графини.

— Я знала, что ты сможешь пользоваться ими, — сказала она с уверенностью. Он посмотрел на свои пальцы и на ножницы. Она имела в виду то, что его изящные пальцы подходят для ножниц с маленькими кольцами.

— Да, это можно сказать обо мне, — засмеялся он, откладывая ножницы в сторону. Она повернулась к окну. Он заметил прекрасный светлый пушок на ее щеке и верхней губе и ее мягкую, белую, как зев цветка крапивы, шею, ее предплечье, яркое, как только что очищенное зерно. Он смотрел на нее новыми глазами, и она казалась ему совсем другим человеком. Он теперь не мог оценить ее объективно.

— Ты не хочешь погулять? — предложила она.

— Да, — ответил он. Но чувством, которое больше всего беспокоило его мятущееся сердце, был страх, страх, вызванный тем, что он видел. У нее были прежние манеры, прежние интонации, но она была совсем иной, чем когда-то. Он прекрасно знал, чем она была для него. И теперь постепенно начинал осознавать, что на самом деле она была чем-то совсем другим и всегда была такой.

Она ничего не надела на свою голову, только сняла фартук, заявив:

— Мы пойдем под лиственницами.

В то время как они проходили по старому фруктовому саду, она позвала его, чтобы показать гнезда лазоревок на одной из яблонь и в живой ограде. Его несколько удивляли ее уверенность, заметная твердость и даже появившееся в ней высокомерие, спрятанное под маской смирения.

— Посмотри на бутоны цветов яблонь, — сказала она, и тогда он различил множество маленьких розовых бутонов среди свисающих веток. Она взглянула ему в лицо, и глаза ее стали жестокими. Она увидела, что пелена спадает с его глаз, и он наконец увидит ее такой, какова она на самом деле. Этого она больше всего боялась в прошлом, и это сейчас необходимо для ее же собственного блага. Теперь он увидит ее настоящей. И она, такая, ему не понравится, и он поймет, что никогда не мог ее любить. Прежние иллюзии прошли, они — посторонние люди, абсолютно и бесповоротно. Он воздаст ей по заслугам. Она получит от него должное.

Она была блестяща, он никогда не знал ее такой. Она показала ему гнездо королька в густых кустах.

— Смотри, это королек! — воскликнула она.

Он был удивлен, что она использует местное название. Она аккуратно просунула руку сквозь шипы и коснулась круглого отверстия гнезда.

— Пять! — сказала она. — Пять маленьких птенчиков.

Она показала ему гнезда малиновок, зябликов, коноплянок, трясогузок около воды.

— И если мы спустимся ниже, к озеру, я покажу тебе гнезда зимородков... Среди молодых елей, — продолжала она, — есть гнезда певчих или черных дроздов почти на каждой ветке. В первый день, когда я их увидела, я почувствовала, что не должна ходить в лес. Он казался городом птиц; а утром, услышав их всех, я подумала о шумном раннем рынке. Я боялась войти в свой собственный лес.

Она пользовалась языком, который они когда-то вместе изобрели. Теперь он

принадлежал только ей. Он покончил с этим. Она не имела ничего против его молчания, но все время точно распоряжалась и руководила им, давая ему возможность увидеть ее лес.

Они шли по болотистой тропинке, где незабудки цвели богатым голубым ковром, когда она сказала:

— Мы знаем всех птиц, но здесь очень много цветов, названий которых мы не можем определить. — Это было осторожное обращение к нему, поскольку он-то как раз их знал.

Она посмотрела мечтательно на поля, которые дремали в солнечном свете.

— У меня есть любовник вдобавок, ты знаешь, — сказала она самоуверенно, однако тон ее снова стал почти доверительным.

Это разбудило в нем желание побороться с ней.

— Я думаю, что встретил его. Он очень симпатичный — и также обитатель счастливой Аркадии.

Не ответив, она свернула на темную тропинку, которая вела на верх холма, где кусты и деревья были особенно густыми.

— Люди прекрасно поступали, — сказала она наконец, — когда возводили разные алтари для различных богов в старые времена.

— О да! — согласился он. — И кому же новый?

— Никаких старых нет, — ответила она. — Я всегда искала только этот.

— И чей же он?

— Я не знаю, — сказала она и открыто посмотрела на него.

— Я очень рад, — сказал он, — что ты удовлетворена.

— А — но мужчина не имеет значения, — заявила она, выдержав паузу.

— Нет! — изумленно воскликнул он. Ему только теперь открывалась ее настоящая сущность.

— Имеет значение только сам человек, — сказала она. — Может ли он сохранить себя и служить своему собственному Богу.

Последовала пауза, во время которой он размышлял. На тропинке почти не было цветов, и здесь было мрачновато. Он шагнул в сторону, и его каблуки попали в мягкую тину.

— Я, — произнесла она очень медленно, — я вышла замуж в ту же ночь, когда ты женился.

Он посмотрел на нее.

— Ну, не официально, конечно, — усмехнулась она. — Но фактически.

— За лесника? — спросил он, не зная, что еще можно сказать.

Она повернулась к нему.

— Ты думал, что я не смогу? — Яркая краска залила ее щеки и шею, несмотря на всю ее самоуверенность.

Он не знал, что говорить.

— Понимаешь, — она сделала над собой усилие, чтобы попытаться что-то объяснить ему. — Мне тоже было нужно понять.

— И что оно означает, это понимание? — спросил он.

— Очень многое — а для тебя разве нет? — удивилась она. — Человек остается свободным...

— И ты не разочарована?

— Очень далека от этого! — Ее голос был глубок и искренен.

— Ты любишь его?

— Да, я люблю его.

— Прекрасно! — сказал он.

Она замолчала на некоторое время.

— Здесь, среди того, что близко ему, я люблю его, — произнесла она наконец.

Его самолюбие не позволило ему сохранить молчание.

— Для этого нужна соответствующая обстановка? — спросил он.

— Да, нужна, — закричала она. — Ты всегда заставлял меня быть совсем не тем, чем я была на самом деле.

Он коротко рассмеялся.

— Но дело разве в окружении? — спросил он. Он всегда считал ее человеком с сильным характером.

— Я как растение, — ответила она. — Я могу расти только в собственной почве.

Они достигли того места, где подлесок совершенно пропал, вокруг высились только красно-коричневые и пурпурные стволы сосен. Мрачную зелень старых деревьев оттеняли яркие, еще не развернувшиеся листья папоротника. Среди сосен стояла деревянная избушка лесника. Некоторые клетки для фазанов, расставленные вокруг, были заняты птицами, другие пусты.

Хильда прошла через двор, усыпанный сосновыми иголками, к сторожке, достала ключ откуда-то из-под крыши и открыла дверь. Это было простое помещение с плотничьим верстаком и полкой, на которой были разложены плотничьи инструменты, везде лежали ловушки и капканы, на стенах висели шкуры, все в полном порядке. Хильда закрыла дверь. Сайсон осмотрел растянутые для обработки меха диких животных. Она нажала на какую-то пружину в боковой стене и открыла дверь во вторую небольшую комнату.

— Как романтично! — сказал Сайсон.

— Да. Он очень любознателен — в нем есть ловкость дикого животного — в хорошем смысле слова — и он очень изобретателен и заботлив, он не лишен достоинств.

Она подняла темно-зеленую занавеску. Почти все помещение занимало огромное ложе из вереска и орляка, покрытое пышным ковром из кроличьих шкур. Пол устлали красные телячьи шкуры, в то время как на стенах висели другие меха. Хильда сняла со стены плащ из кроличьих шкурок с капюшоном, отделанным белым мехом, очевидно, горностаем. Она засмеялась, демонстрируя Сайсону эту накидку, и спросила:

— Что ты думаешь об этом?

— А! Я поздравляю тебя с таким мужчиной, — ответил он.

— Посмотри! — Она указала на небольшой кувшин, стоящий на полке. В нем было несколько веток первой жимолости, изящных и белых.

— Они будут наполнять благоуханием это место ночью, — сказала она.

Он огляделся вокруг с любопытством.

— Есть же у него какие-нибудь недостатки? — спросил он. Она пристально смотрела на него некоторое время. Затем отвернулась.

— Звезды светят совсем не так, когда я с ним, — произнесла она. — Ты мог заставить их вспыхивать и трепетать, а незабудки точно улыбаются мне, фосфоресцируя. Ты мог делать вещи чудесными. Я знаю — это правда. Но теперь я научилась сама добиваться этого.

Он засмеялся:

— В конце концов, звезды и незабудки — только роскошь, ты действительно сама должна создавать поэзию.

— Да, — согласилась она. — Но теперь у меня все это есть.

Снова он горько рассмеялся.

Она поспешно повернулась к нему. Он стоял, прислонившись к оконцу маленькой темной комнаты, и наблюдал за ней, смотрел, как она стоит в дверях, все еще одетая в свою накидку. Он снял головной убор, поэтому она очень отчетливо видела его лицо в темной комнате. Его темные прямые блестящие волосы были аккуратно зачесаны назад надо лбом. Его темные глаза следили за ней, а его чистое и бледное и совершенно спокойное лицо белело в полумраке комнаты.

— Мы очень разные, — сказала она горько.

Снова он засмеялся.

— Я понимаю, что ты осуждаешь меня, — произнес он.

— Мне не нравится, каким ты стал, — сказала она.

— Ты думаешь, что мы могли бы, — он окинул взглядом сторожку, — у нас могло быть что-нибудь подобное?

Она покачала головой.

— С тобой! Нет, никогда! Ты срываешь цветок и разглядываешь его до тех пор, пока не узнаешь о нем все, что хотел узнать, и затем ты выбрасываешь его совсем, — объяснила она.

— Неужели? — удивился он. — И твоя дорога никогда не могла бы стать моей дорогой? Полагаю, что нет.

— А с какой стати? — пожала она плечами. — Я самостоятельный человек.

— Но двое людей иногда идут одной дорогой, — мягко проговорил он.

— Ты уводил меня от самой себя, — возразила она.

Он знал, что ошибался в ней, что принял ее за кого-то, кем она никогда не была. Это была его вина, не ее.

— И ты всегда знала об этом? — спросил он.

— Нет, ты никогда не позволял мне узнать. Ты запугивал меня. Я ничего не могла поделать. Я была рада, когда ты бросил меня, правда.

— Я знаю, что ты была рада, — сказал он. Но лицо его еще больше побледнело, стало почти смертельно бледным. Однако, — продолжал он, — именно ты избавилась от меня. Ты отослала меня отсюда.

— Я! — воскликнула она с гордостью.

— Ты заставила меня получить стипендию средней школы, ты заставила меня лелеять пылкую привязанность ко мне бедного маленького Ботелли, пока он не мог обходиться без меня, — а все потому, что Ботелли был богатым и влиятельным. Ты торжествовала, когда торговец вином предложил отправить меня в Кембридж, чтобы сопровождать его единственного ребенка. Ты хотела, чтобы я поднялся выше по общественной лестнице. И каждый раз, когда ты отсылала меня подальше от себя, каждый новый мой успех все больше разобщал нас. Ты никогда не хотела поехать со мной: ты хотела только отослать меня, чтобы посмотреть, что из этого получится. Полагаю, ты даже хотела, чтобы я женился на леди. Ты хотела торжествовать над окружающими с моей помощью.

— Да, и я несу за это ответственность, — произнесла она с сарказмом.

— Я выделился, чтобы удовлетворить тебя, — ответил он.

— А, — закричала она, — ты всегда хотел перемен, перемен, как ребенок!

— Очень хорошо! И теперь я имею успех, и я знаю это, и у меня прекрасная работа. Но я думал, что ты другая. Какое право имеешь ты на мужчину?

— Что ты хочешь? — воскликнула она, глядя на него широко открытыми и полными страха глазами.

Он посмотрел на нее, и глаза его были нацелены на нее, словно оружие.

— С какой стати, ничего, — он коротко рассмеялся.

У входной двери загрохотало, и вошел хозяин дома. Женщина оглянулась, но осталась стоять у входа во внутреннюю комнату, не снимая своей меховой накидки. Сайсон не двигался.

Лесник вошел, посмотрел на них и отвернулся, ничего не сказав. Они также молчали.

Пилбим занялся своими шкурками.

— Я должен идти, — сказал Сайсон.

— Да, — ответила она.

— Тогда желаю тебе безбрежной и меняющейся жизни, — он поднял руку в приветствии.

— И тебе безбрежной и меняющейся жизни, — ответила она мрачно и очень холодным тоном.

— Артур! — позвала она.

Лесник притворился, что не слышит ее. Сайсон, внимательно наблюдавший, начал улыбаться. Женщина подобралась.

— Артур! — повторила она с удивительной интонацией, которая показала мужчинам, что ее душа трепещет на опасном уровне.

Лесник медленно отложил свой инструмент и подошел к ней.

— Да, — произнес он.

— Я хочу вас представить друг другу, — объявила она, дрожа.

— Я уже познакомился с ним, — возразил лесник.

— Правда? Это Эдди, мистер Сайсон, о котором ты знаешь, — это Артур, мистер Пилбим, — добавила она, повернувшись к Сайсону. Последний протянул руку леснику, и они молча пожали друг другу руки.

— Рад познакомиться с вами, — сказал Сайсон. — Мы больше не будем переписываться, Хильда?

— А почему бы и нет? — отозвалась она.

Мужчины стояли в растерянности.

— Нужна ли эта переписка? — с сомнением произнес Сайсон.

Она все еще молчала.

— Как хочешь, — пожала она плечами.

Они все вместе стали спускаться по мрачной тропинке.

— «Qu'il était bleu, le ciel et grand l'espoir»^[35] — процитировал Сайсон, не зная о чем говорить.

— Что ты имеешь в виду? — удивилась она. — Мы не можем шагать по нашему невозделанному овсу — мы никогда его не сеяли.

Сайсон посмотрел на нее. Он был поражен, увидев свою юношескую любовь, свою монахиню, ангела Боттичелли, такой развенчанной. Он был дураком. Он и она были больше разобщены, чем могли бы незнакомые люди. Она только хотела поддерживать переписку с ним — и он, конечно, хотел писать ей, как Данте Беатриче, той Беатриче, которая существовала только в его собственном воображении.

В конце тропинки она оставила их. Он пошел дальше с лесником к калитке, которая

закрывала проход к лесу. Мужчины шли почти как друзья. Они не обсуждали предмета, занимавшего их мысли.

Вместо того, чтобы идти прямо к калитке, Сайсон пошел вдоль края леса, где ручей стекал в небольшое болото и где под деревьями ольхи среди камышей сияли шапками крупные желтые бархатцы. Из болота просачивалась тонкой струйкой коричневая вода, в которой отражалось золото цветов. Неожиданно в воздухе голубой вспышкой промелькнул пегий зимородок.

Сайсон был чрезвычайно взволнован. Он взобрался по насыпи к кустам утесника, искры которого еще не превратились в пламя. Он лег на сухой коричневый торф и обнаружил побеги маленьких фиолетовых растений и розовые пятна молочая. Что за чудесный мир это был — великолепный и всегда новый. Он же чувствовал себя точно в аду, пустынном и безбрежном. В груди его поселилась боль, появилась рана. Он вспомнил стихотворение Уильяма Морриса про раненого рыцаря с копьем в груди, лежавшего в церкви, будто он мертвый. Однако на самом деле он никак не мог умереть, в то время как день за днем окрашенные солнечные лучи проникали через цветное окно в церковь и ускользали. Он теперь знал, что происходившее между ними никогда не было правдой, ни на мгновение. Правда все время была в стороне от них.

Сайсон перевернулся. Воздух наполняло пение жаворонков, и солнечные лучи лились с неба непрерывным потоком. Оттого воздух казался густым и вязким, голоса звучали тихо и отдаленно.

— Но если он женат и желает прекратить переписку, почему ты против этого? — сказал мужской голос.

— Я не хочу об этом говорить. Я хочу побыть одна.

Сайсон посмотрел через кусты. Хильда стояла в лесу около калитки. Мужчина медлил у живой изгороди, играя с пчелами, летающими над белыми цветами ежевики.

На некоторое время воцарилось молчание. Сайсон представил себе, что она испытывает, наблюдая за веселящимися жаворонками. Неожиданно лесник воскликнул «Аа!» и выругался. Он засучивал рукав своей куртки почти до плеча. Затем стянул ее, бросил на землю и сосредоточенно стал закатывать рукав своей рубахи.

— А! — сказал он мстительно, поймав пчелу и отшвырнув ее прочь. Он потряс красивой белой рукой, неловко поворачиваясь, чтобы посмотреть на свое плечо.

— Что там? — спросила Хильда.

— Пчела забралась ко мне в рукав, — ответил он.

— Иди ко мне, — сказала она.

Лесник пошел к ней с видом обиженного ребенка. Она взяла его руку в свои.

— Вот оно — и жало осталось — бедная пчела!

Она вытащила жало, прижалась губами к его руке и высосала каплю яда. Глядя на красные отметки оставленные ее зубами на его руке, она сказала, смеясь:

— Это самый красный след от поцелуя, который у тебя когда-либо будет.

Когда Сайсон снова посмотрел на них, он увидел в тени деревьев лесника, который целовал любимую в шею. Ее голова откинулась назад, а волосы рассыпались так, что одна густая прядь ее темно-каштановых волос упала на ее голую руку.

— Нет, — отвечала женщина. — Я расстроена потому, что он ушел. Ты не понимаешь...

Сайсон не мог расслышать, что сказал мужчина. Хильда говорила ясно и определенно.

— Ты знаешь, что я люблю тебя. Он совершенно ушел из моей жизни — не беспокойся о нем...

Он целовал ее, что-то шепча. Она неискренне смеялась.

— Да, — произнесла она милостиво. — Мы поженимся, мы обязательно поженимся. Но не сейчас.

Он говорил с нею снова. Некоторое время Сайсон ничего не слышал. Затем она сказала:

— Ты должен идти домой, дорогой — а то не выспишься.

Затем снова послышался шепот лесника, наполненный страхом и страстью.

— Но почему нужно сразу жениться? — спросила она. — Что больше ты будешь иметь, женившись? И разве может быть лучше, чем сейчас?

Наконец он натянул свою куртку, и они расстались. Она стояла у калитки, но наблюдала не за тем, как он шел, а смотрела на залитые солнцем зеленые просторы.

Когда она наконец удалилась, Сайсон тоже пошел. Он возвращался в город.

Обычно самые первые произведения знаменитых писателей вызывают у нас особый интерес. Редкий читатель обладает настолько скудным воображением, что совсем не задумывается о том времени, когда создавалось это произведение еще не известным никому автором, о надеждах и страхах, связанных с выходом книги в свет, о пережитом разочаровании, — ведь не всегда читающая публика сразу откликается на новое слово в литературе; не размышляет, почему книга была предана забвению, и лишь спустя годы, по мере того, как писатель, упорно преодолев все предрассудки и выказав полное безразличие к славе, завершил свой крестный путь, началось медленное воскрешение читательского интереса именно к этой вещи.

Д.Г. Лоуренс сделал свои первые наброски романа «Белый павлин», будучи ничем не примечательным молодым человеком. Это была осень 1906 года, когда он занимался на двухгодичных курсах Ноттингемского университета и готовился получить диплом преподавателя начальных классов. В университет он попал исключительно благодаря собственным стараниям, ведь отец его работал шахтером и, обремененный большой семьей, в которой росло пятеро детей, был не в состоянии содержать сына-студента. Уже в школе Д. Лоуренс слыл способным парнем, превосходя умом многих своих сверстников. Но когда он получил королевскую стипендию, оказавшись в числе первых среди студентов университета, друзья все-таки были удивлены. И не помешай ему тяжелая болезнь, Лоуренса, безусловно, ожидала бы блестящая карьера ученого.

Итак, роман «Белый павлин» создавался и переписывался три или четыре раза в течение трех лет: Д. Г. Лоуренс писал в часы досуга и во время каникул.

Количество страниц росло по мере того, как рос и жизненный опыт автора, накопленный в Мидлендс^[36]. С самого начала литературной карьеры Лоуренс проявил безразличие к существовавшей на тот момент литературной моде, согласно которой предпочтение отдавалось «форме», а содержание могло быть совершенно пустым, продемонстрировав оригинальность собственной творческой манеры. Создавая свой первый роман, молодой автор вовсе не стремился к изображению каких-то выдуманных героев, к показу лишь тех сторон жизни, которые способны развлекать и вызывать нездоровое возбуждение. Он не ставил целью сочинение занятных историй, называя все это «приключениями разума». Наоборот, ему хотелось показать жизнь такой, какая она есть на самом деле. Ибо Лоуренс питал отвращение к любым видам сочинительства «по формуле», и если что и можно поставить ему в вину, так это как раз страстную приверженность правде жизни, следование собственным ощущениям. Именно по этой причине финалы всех его произведений обычно спокойные, без излишней надрывности и драматизма, столь принятых в тогдашней литературе; по его собственному признанию, подобные яркие, эффектные концовки всегда казались ему фальшивыми, далекими от настоящей жизни.

Все это читатель должен иметь в виду, приступая к знакомству с «Белым павлином», романом отнюдь не фантазийным. Следует помнить, что здесь воссоздан кусочек юношеской поры, и хотя произведение не так автобиографично, как, например, «Сыновья и любовники», но на его страницах мы встретим описания реальных мест и людей, среди которых автор рос. Легко обнаруживаются в книге и серьезные просчеты, разного рода ошибки, причиной тому излишняя щепетильность писателя, застенчивость, недоверие к

себе. Именно личные качества заставили Д. Г. Лоуренса несколько приукрасить рабочую среду, придать ее представителям черты, скорее свойственные среднему классу. Лучшие же места в романе — это те, где начинающий автор забывает о своем «псевдоджентльменстве» и показывает нам жизнь на ферме Стрели-Милл или в гостинице «Баран» без прикрас, без попытки приравнять рабочий люд к благополучному среднему классу.

Что же все-таки пытался изобразить Лоуренс в своем произведении со столь заурядным названием, в котором на самом деле нет никаких павлинов, ни белых, ни сине-зеленых, зато идет речь о тружениках земли, об английских шахтерах, живших столетия назад^[37]? Д.Г. Лоуренс — слишком сложная, противоречивая личность. Своим характером он ничуть не напоминает политического или литературного карьериста, умеющего искусственно создавать «выгодный имидж». Писатель любил свой Дербишир («мой собственный Мидлендс» — как обычно с гордостью заявлял он). Боялся и избегал всего того, что называл «разлагающим духом» индустриализма, угрожавшим «нормальному» быту старой доброй Англии, отдававшим откровенной «механичностью», разором устоев, налаженной жизни, уже «провонявшей деньгами и удовольствиями». В «Белом павлине» описано время, когда автомобили еще только-только появились — и вообще борьба страстей в обществе лишь разгоралась. Эта книга о молодости, она полна любви и горьких сожалений о том, что молодость проходит.

Вот несколько фактов, показывающих, насколько жизнь самого Лоуренса соотносится с событиями, изображенными в романе. Сирил (какое неприятное имя!) — по сути ходульный, напыщенный, высокопарный образ, почти законченный портрет самого автора в пору его наивной юности. К тому же лишенный и некоторых забавных черт, и дурных качеств, отчего он обрел стертость, невыразительность. Леттис — так звали любимую сестру Дейвида Лоуренса. Бердсолл — девичья фамилия его матери. Всем было известно, как он любил мать и не любил отца. Примечательно, что в романе отец умирает от пьянства, а Сирил счастливо живет с матерью и сестрой. Действительно, в молодости Лоуренс мечтал иметь собственный дом и тридцать шиллингов в неделю, чтобы жить на них с матерью, занимаясь рисованием и помогая матери по хозяйству.

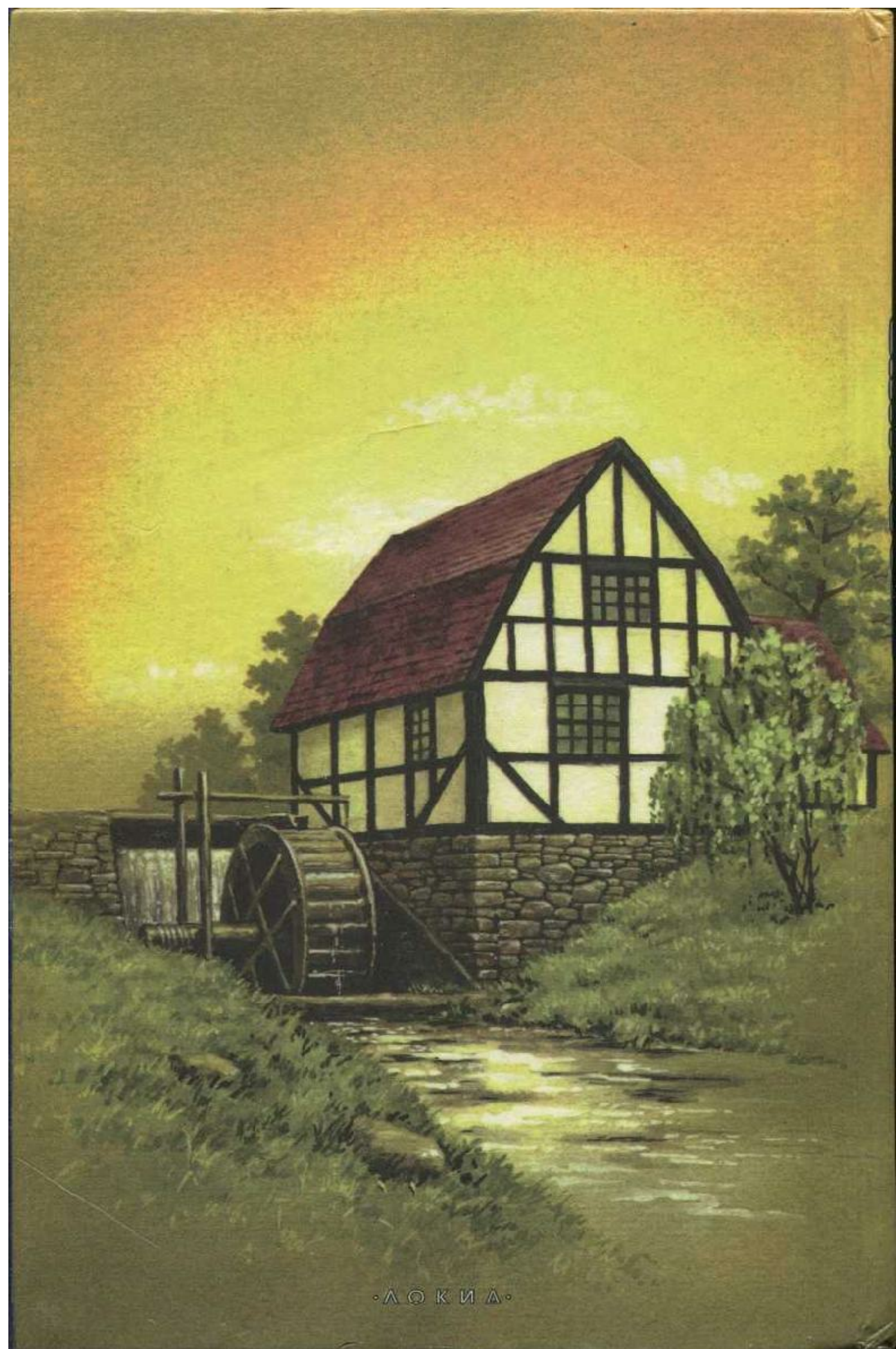
Пьянство! Наиболее ярким в книге является образ Джорджа, красивого, но необразованного молодого фермера, который любит Летти. Она же просто играет с ним, а сама увлечена Лесли. Джордж с досады женится на чувствительной Мег из «Барана» и затем спивается от разочарования. Мать Лоуренса была убежденной трезвенницей и вырастила детей достойными людьми, несмотря на то, что отец тратил семейные деньги в питейных заведениях, убивая тем самым и свое время. Молодой писатель рос, веря, что причина их бедности — пьянство отца. Поэтому он и изобразил в романе падение Джорджа. Этой книгой он явно рассчитывал снискать одобрение матери. Об этом можно судить и по выведенному в произведении образу Джорджа, и по тому, что Хайнеман — издатель романа — вручил единственный сигнальный экземпляр книги автору для передачи матери незадолго до ее смерти.

Поэтические отступления, которые мы обнаружим в книге, показывают, насколько мастерски Лоуренс умел описывать природу. Насколько хорошо знал жизнь шахтерского поселка, где прошли его детство и отрочество. Чувствовал родную природу, помнил названия цветов, растений, птиц. Знаком ему был и фермерский труд: ведь не раз приходилось там работать. Правда, этого не скажешь о его персонажах. Зато изображены они со всей достоверностью, писатель не стал скрывать и той легкомысленности, той

вульгарности, что, к сожалению, были присущи его героям.

Но славу Д.Г. Лоуренсу принесли другие его произведения. Однако когда в январе 1911 года впервые вышел в свет его роман «Белый павлин», это означало появление в английской литературе новой выдающейся личности, хотя книга была замечена лишь несколькими критиками и только один-другой оценил ее по достоинству.

Ричард Олдингтон

•ЛОКИД•

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.

notes

По-английски «салат-латук» и имя Летти звучат похоже. *(Здесь и далее примеч. пер.)*

В Англии многие дома имеют названия.

Шотландским.

Разновидность лам.

Прозвище герцога Веллингтона, разгромившего армию Наполеона при Ватерлоо.

Намек на слова древнеримского полководца Гая Юлия Цезаря, которыми он сообщил о своей победе: «Veni, vidi, vici» — «Пришел, увидел, победил».

Дренажная труба.

Гигантское индийское растение, представляющее собой множество сросшихся вместе деревьев и, конечно, имеющее бесчисленное количество ветвей.

Намек на Ветхий Завет, где говорится, что евреи, которых Моисей вывел из Египта в Синайскую пустыню и водил сорок лет, питались только перепелами и манной.

Попустительство (*фр.*).

В Англии принято пить чай в пять часов. Встречи за чаем так и называются «файвоклок», что переводится как «пять часов».

Букв.: «собачья телега» — двуколка, высокий двухколесный экипаж с поперечными сиденьями и местом для собак сзади.

Букв.: «Лови день» (*лат.*) — так говорил древнеримский поэт Гораций, который призывал не думать ни о прошлом, ни о будущем, а наслаждаться жизнью, т. е. сегодняшним днем.

Имеется в виду совершеннолетие, когда человек получает право сам распоряжаться своей судьбой.

Башмаки на деревянной подошве.

Тем лучше *(фр.)*.

На английском слово «блеять» означает также и «болтать».

Примерно 45 см.

Надежда.

Красавец-мужчина, не знающий пощады (*фр.*).

Нежнее (*ит.*).

Соответствует русской пословице «Дорога ложка к обеду».

То есть конюхом, это слово имеет также значение «жених».

Большой бокал без ножки.

Вечнозеленый кустарник.

Латинские стихи, кажется, Вергилия, в которых выражается скорбь по поводу злосчастной судьбы Трои, обреченной на поражение и разрушение.

Горе страдальцу (*лат.*).

Возможно, автор имеет в виду дикие ирисы, которые русские называют «касатиками».

Новая жизнь *(лат.)*.

Букв. «падубный».

«На углу Мраморной арки».

Женская шляпа без полей.

Река забвения в древнегреческой мифологии.

Австралийский страус.

Когда небеса синели, у нас были большие надежды (*фр.*).

Так именуются центральные графства Англии.

Предисловие написано Р. Олдингтоном к изданию 1950 г.